

Алекс Лекс

ХРАНИТЕЛЬ
ПЕРВАЯ ВОЙНА

Покинутый создателями мир, на пороге гибели, выдвигает на поле боя своих героев. Родные по крови брат и сестра выбирают разные стороны в этом бою и оказываются жестокими врагами. Кому суждено погибнуть, кому победить? Не только схватка будет решать, кому даровать смерть, а кому победу. Есть и третья сторона — Наблюдатели. Теперь судьбы мира и героев в их руках.

АлексЛекс

Хранитель: первая война

Предисловие

Замок тонул в густых облаках. Под их пеленой остались и старые, заметенные снегом горы, с забытыми дорогами. Давно сюда никто не хаживал. Теперь только ветер бродил по стылым ущельям, да сонный туман искал прибежища в оврагах. Звери с лесных равнин обходили темные хребты стороной, будто опасались нарушить их покой. Время тут остановилось далекие десять тысяч лет назад. С тех пор, солнце ни разу не коснулось замерзшей земли. Под коркой льда остались неприметные ступени, что вели с подножия к вершинам. На самом верху, ступеньки терялись под снежным покровом. Выше, в дымке облаков, начинались башни. За долгие века, что-то уже успело разрушиться. Рядом с каменной стеной лежали куски колонн и сколы статуй. За ними виднелись врата, на которых еще хранилась кровавая печать.

Серый полог скрывал нижние этажи замка, но до высоких шпилей он не доставал. Они парили над его пеленой, которая на этой высоте была отнюдь не серая. Днем солнце, а ночью луна и звезды серебрили это покрывало и камень башен. Сквозь цветные витражи, свет заглядывал и внутрь замка. Слои пыли делали лучи тусклыми, тем не менее, тронный зал, как и в былые времена, оставался светел и днем и ночью. На заре солнце играло золотыми переливами на мраморном полу, а ночью, луна ткала на нем тонкий узор. С ее восходом, на гладком камне проступали искусные линии. Их завитки складывались в огромного дракона, что простирал свои крылья на весь зал. Двери сюда запечатывал массивный замок, сделанный из камня и железа. Обычному смертному его было не одолеть ни мечом, ни иным оружием.

Годы не тронули ничего. Двенадцать тронов под гербом огненной птицы, золоченый купол и витые колонны, замерли в ожидании. Многие века пронеслись над замком, много тысяч полных лун сменилось над ним. Очередной молодой месяц наливался полным кругом в ночном небе. Витражи, деланные руками забытых мастеров, под его лучом, вспыхнули серебром. Медленно, белые нити легли на пол, и, дракон с тихим, никому не видимым величием, распластал свои крылья, в память о тех, кто, когда то восседал на каменных тронах.

Сквозняк вдруг потревожил пыль на древнем серебре. Легкие пылинки взлетели и закружились вихрем. Их танец резко оборвался, чье-то движение разметало пыль, расчистив узор. Воздух потяжелел. Время словно обрело вес и раздвинуло пространство. Из пустоты в зал шагнуло восемь фигур в серых плащах. От их тяжести загудели стены и купол. Тут же все стихло. Пространство сомкнулось, Наблюдатели встали кругом. Замок принял их тяжело и нехотя. Они были чужими здесь, но были по праву.

Сероплащники приходили в пустые миры, покинутые Создателями. Их звала сама пустота. Тяжелые серые плащи целиком скрывали Наблюдателей. Из смертных их видеть не мог никто, а бессмертные могли лишь их слышать. Восемь фигур ничем не различались между собой. По безмолвному заклинанию, у их ног открылась бездонная серая воронка. Ее ненасытный зев готовился поглотить мир, в котором не осталось надежды. Внутри выли холодные ветра, и лунный свет в зале померк. Восемь пар рук сомкнулось над страшной воронкой, и последнее заклятие повисло на кончиках ледяных пальцев.

— Пустая твердь, без Создавшего, да сгинет в небытие, — зашелестел голос.

Его слышали только Наблюдатели. Слова имели вес. Мир прогибался, гасли звезды, и

лишь его жители ни о чем не ведали. Монотонная речь текла неслышной рекой в бездонную круговерть.

— Едины ли мы во мнении и решении?

Вопрос замер на краю серой пропасти. Один из Наблюдателей вдруг убрал свои руки и отступил на шаг назад. Голодный зев воронки тотчас же сжался.

— Я разрываю круг, — произнес отошедший сероплащик.

Остальные семеро развернули черные провалы капюшонов к нему, и тот издал вздох, почти похожий на человеческий.

— Звезды уходят. Верно ли твое решение? — слова прозвучали едва слышным шепотом.

Время уходило, и Наблюдатели теряли свои права. Отступивший хранил не долгое молчание. Воздух сжимался вокруг его фигуры, тесня его из мира, пустого, но желавшего выжить. Рвались нити заклęcia. Пространство сгущалось. Молодой месяц, остановивший было свой ход, теперь уже стоял высоко. Мир рвался из тисков Наблюдателей.

— Мы не можем убить то, что имеет надежду, — сказал Наблюдатель. — У этого мира есть надежда.

— Он пуст, — отрывисто произнес один из семи. — В пустом мире зло быстро взрастит свои семена.

— Нет, брат. Посмотри на его пророчество. Создатели дали ему последнюю надежду, — отступивший коснулся того Наблюдателя, что стоял рядом.

В серой пустоте, которую представлял для них брошенный мир, мелькнуло нечто живое и еле уловимое. Двенадцать создателей-драконов видимо слишком любили свое дитя. Они даровали ему одно пророчество, маленькое и невесомое, которое еще не родилось, и теперь мир цеплялся за него изо всех сил, пытаясь избежать гибели.

— Его силы слабы, — проговорил один из семи.

— Нет создателей, нет у мира сердца, — изрек другой.

— Слабо и его пророчество. Оно умрет, когда зло и тьма рассеются по этим просторам. Тут нет того, кто даст пророчеству взраститься...

— Я использую свое право. Я войду в этот мир, и пусть это станет моим первым испытанием. Старшие братья, пусть скажут единое слово, — промолвил отступивший от круга.

В ответ раздалось молчание, слишком долгое для обреченного мира. Месяц, торопя временной цикл, скользил по небосводу. Только жители спали, не зная, что вершиться их судьба. Пустой мир, один из многих низших созданных, взывал к своим немым гостям.

— Право дается лишь единожды, — глухо стукнулись слова о стены. — В Высший Мир тебе дорога будет закрыта до исполнения пророчества. Не спасется этот мир, ты погибнешь вместе с ним. Верен ли твой выбор?

Семеро глядели на одного, отступившего Наблюдателя. Мир ждал. Тишина давила на хрупкие от времени башни. Древний камень давно не знал такой силы. Стихло все, и даже ночные звери на далеких равнинах, забыв об охоте, скрылись в своих логовах.

Наблюдатели молчали, а мир теснил их прочь. Теснил уже семерых. Восьмой уже знал свою судьбу. Тонкая нить из глубин времен потянулась к нему. Пророчество, как на ладони, лежало перед ним, такое живое и беззащитное. Сероплащик сделал выбор.

— Верно мое слово. Пусть мой путь пройдет по этому миру, — сказал он, и тогда один из семи положил свои руки на его плечи.

— Наше слово едино. Высший Мир будет ждать тебя. Мы принимаем твой выбор, —

сказал тот. — Отныне твоя жизнь в этом низшем мире зависит от пророчества. Твое время тут не бесконечно. Если зло наполнит мир, он будет уничтожен, если его выжжет свет, та же участь постигнет его. И черная тьма и слепящий огонь — одинаково губительны, помни это. Зерно тьмы, которую некогда приручили мы, здесь взрастет свободно из-за пустоты мира. Помни о времени!

— Моя память все так же светла, старшие! — Наблюдатель склонил голову в знак понимания и согласия.

— Рассвет не должен нас тут застать. Мир не уничтожен. Наши права здесь исчерпаны. Прощай, брат!

Сероплащники отступили от него. День готовился сменить свою сестрицу ночь, и рассвет, на ранних блеклых крыльях спешил прогнать звезды. Таяли узоры на полу. Просыпался мир. Наблюдатели исчезли из него еще до первых лучей. Их холодные фигуры растворились, и пространствохлопнуло за ними свои врата. Их брат остался один.

Мир принял его, как частицу себя, сорвав серый покров с его плеч. Острый взор, как меч, резанул незримую оболочку зари, впиваясь в самые истоки брошенного мира. Последнему предстояло стать его пристанищем, хоть и не слишком надежным. Мир был молод по меркам Наблюдателя. Создатели сделали его очень искусно, тонко, вложив в него недюжинную магию. Такое редко встречалось среди низших миров, а тут...

Зрение сероплащника позволяло многое. Стоя в замке, он видел все. Мир алел, как рубин, ярко и жарко, не как остальные. В нем текла жизнь многих рас, в том числе, и человеческой. Это она окрашивала мир в цвет крови.

Люди...

При этой мысли, никому не видная улыбка коснулась губ Наблюдателя. Да, этот мир должен выжить, жаль, что он слаб. Создатели покинули его в спешке. Их гнала скорбь, которая тут прорывалась черной паутиной. В этом мире висела огромная боль, в которой люди оставили свой след.

Мир перед Наблюдателем охотно раскрывался всеми своими тайнами. Теперь дорога назад была закрыта. Меняя облик, сероплащик взял себе имя, и шагнул на выбранный путь. Пока что, бестелесный, он устремился на восток, сквозь рассвет. Замок двенадцати создателей-драконов быстро остался у него за спиной. Низшие миры несравнимо малы рядом со своим высшим собратом. Когда-нибудь, пройдя все испытания, они станут его частью, отринув смерть и старость, малое время и малое пространство.

Дух Наблюдателя летел легко. Он знал, что искал. Магия вела его сама. Ее потоки несли его к алым вихрям, что вертелись в голубой дымке, на востоке. Вихри скручивались в тугие жгуты. Сила стремительно подхватила его дух и унесла вверх.

Снова перед ним вздымались горы. Высокая цепь из скал и льда. Вершины уходили за линию облаков, к самому небу. Земля осталась далеко внизу. Сила несла Наблюдателя вверх, все выше и выше, пока не принесла его к белым башням. Здесь магия его отпустила, и он остался парить в воздухе. Ни одна душа сейчас не знала о нем. Место было выбрано, и Наблюдатель медленно опустился на край уступа.

Город под ним ярко сверкал всеми красками, и темными, и светлыми. Магия струилась от него во все стороны, и Наблюдатель вошел в город. Его дух скитался по широким, мощеным улицам и садам до заката. Когда же солнце начало садиться, Наблюдатель нашел пристанище. Вскоре, перед воротами одной из башен появилась корзина с плачущим младенцем, накрытым чистой тряпицей. На его крик открылась маленькая дверь, из которой

вышел седобородый старец. Глянув по сторонам и увидав корзину, он подобрал ее. Прижав корзинку к груди, он оглянулся еще раз и поспешил скрыться в башне.

Стирая следы маленького волшебства, город магов тихонько накрыла ночь. Снова сияли звезды на черном небосводе, будто и не было тут Наблюдателей. Заснул мир, и только крохотное зернышко, чернее самого черного ворона, продолжило свой путь. На ночном небе, черная звездочка летела к своей цели. Пустота мира горела для нее верным маяком. Прочертив след, зерно упало далеко на севере, у других ворот и другой старик отворил их из жалости к младенцу. Из корзины на него смотрели бездонные черные глаза. Подняв младенца, обернутого в темный шелк, старик отнес его в тепло. Дверь Академии с легким скрипом затворилась за ним.

Черное зерно, часть огромной тьмы, играло по правилам. В каждом мире были свои правила, и каждый раз оно их соблюдало, оставляя выигрыш за собой. Ночь скрыла все. Ее крыло замело следы, оставив мир спать. Звезды будто бы потускнели, но этого уже никто не заметил. Разные земли, разные судьбы спали под одним небом и видели разные сны.

Глава первая

Буря налетела, как свирепый зверь. Ветер неистово метался по Раданару. Островные земли дрожали под его напором. Потемневшее море швыряло черные волны на крутые берега, словно хотело слизнуть острова в свою пучину. Тяжелые тучи нависли своим брюхом над Троегорьем, готовые пролиться дождем.

Такой бури тут давно не видели. А, началось все с вечера, когда привычный ласковый южный ветер сменился на своего северного собрата. Народ спешил спрятать коней в стойла, пока налетевшие вихри не разогнали их по полям. В домах, на толстые засовы закрывались двери, детей уводили в самые дальние комнаты, а кто-то предпочел спрятаться в подполе. Буря будто ждала чего то, прежде чем нанести свой главный удар. Молнии метались над низкими крышами домов.

Только один человек не боялся разгулявшейся стихии. Он стоял у порога своего дома и глядел на небо. Ветер бил его по лицу, трепал рыжие волосы, но он и не думал от него закрываться. Карие глаза мужчины с хмурой мольбой смотрели на тучи. У его ног, как на ладони, лежал весь Раданар. Крутобокие дома, напоминавшие бочки, рассыпались по низким холмам и равнине. Тут не было улиц и заборов. Вольный народ не признавал этого деления, ровно, как и правил, тут властвовало только слово вожака, и вожак этот сейчас мог его лишиться.

— Буря... буря... — шептал он.

Волна холодной влаги ударила, едва не сбив Хорана с ног. Гигантским валом она вмяла траву в раскисшую грязь, заставив дома стонать под ее напором. За спиной мужчины гудели его собственные стены. Дубовая дверь трещала, как жалкая щепка. Тучи вздулись и вслед за громом, по крышам забарабанил ливень. Темные потоки воды хлестали по телу Хорана. Эта буря не была частью природы, скорее служила ее бичом. Она пришла извне и жила сама по себе. Ливень бил со всей силы, а Хоран, подставив лицо под его удары, взывал к тем, кого уже давно в этом мире не существовало. В его доме горел всего один слабый огонек, а в сердце вожака тлела последняя надежда. Он ждал наследника долгие двадцать лет, ждал того, кому мог бы передать свой народ, как его отец, когда-то передал ему. И теперь в его доме вершилось таинство, при котором ему быть не положено. Старая ведунья позовет его в должное время, пока же ему оставалось только ждать.

В Раданаре не так встречали новорожденных. Каждое рождение отмечали праздником, на котором происходило наречение детей. Хоран сам много раз присутствовал на всех этих плясках.

Было и другое, то, о чем мало кто сказывал, и случалось это раз в сто лет, в такие вот грозные ночи. Рождались другие дети, не похожие ни на мать, ни на отца. По старому завету предков, их относили за горы, к морю, где вода вершила их судьбу. Делали это молча, и, послушаться, никто не смел. Черноволосые, как их называли, были давним проклятием раданарцев. Шло это издревле, от первого правителя. Дела давно минувших дней никто не любил ворошить. В роду Хорана черноволосых никогда не рождалось. Сейчас он повторял это про себя, как некое заклинание, глядя в самое сердце бури. Удары ливня и ветер только усилились ему в ответ. Время тянулось слишком медленно. Ожидание разрывало Хорана. Сквозь пелену воды, он увидел, как в одном из окон, мелькнуло лицо любопытного человека. Его люди видели, как он стоит один, у своего дома, даже советники оставили его одного и

винить их вожак не мог. Горе надлежало встретить ему самому.

Ливень хлестал его без пощады, он вымок до последней нитки. Вода текла по нему ручьем, ветер пронизывал, а Хоран этого и не замечал. Он обратился весь в слух, в ожидании заветных шагов за дверями.

Но прежде, он услышал первый крик младенца, и, чуть тот успел затихнуть, раздался второй. Весь грохот бури для него вмиг стал неслышен. Он рванул запертую дверь и за ней, наконец, зашаркали неспешные шаги.

— Обождать нельзя?! — заскрипел голос старухи.

Нарочито медленно, ее сухие руки подняли засов и отворили дверь. Внутри Хоран не попал. Старческие пальцы с не женской силой, уперлись ему в грудь, и он увидел глаза, которые сказали ему о многом. Ведунья долго прожигала его взглядом, словно душу хотела вынуть. Черные угольки так и сверкали, только блеск у них не возвещал о радости.

— Иди за мной и молчи! — бросила она вожаку.

Хоран, сдержав все свои порывы, кивнул. С ведуньей не спорили. Она знала гораздо больше, чем рассказывала, а имя свое всегда скрывала, как и возраст. Если говорила она, то молчал даже Хоран и его советники.

Оставляя мокрые следы, он, под стук собственного сердца, пошел за ней. В темноте, старуха больше напоминала ворону, чем человека. У двери комнаты она остановилась и оглянулась. Взгляд кольнул сильнее, чем острое железо. В комнату они вошли все так же, молча. Рядна, жена Хорана, мирно спала на деревянной кушетке. На полу, возле ее головы, курились в плошке горькие травы. Ведунья резко перехватила руку вожака, когда тот потянулся к ней. Потом она отошла к столу, взяла с него два свертка и подала новоиспеченному отцу. Младенцы, завернутые в чистые простыни, уставились на него широко распахнутыми зелеными глазами, яркими, как молодая трава. Их взгляд заморозил Хорана настолько, что черноту их волос он заметил не сразу, а когда увидел, то окаменел. Он не мог даже вдохнуть, а ноги упрямо не желали двигаться. Как прикованный, он глядел на детей, которых предстояло отдать морю. Сердце у него похолодело и сжалось в комок. Боль заполнила все без остатка и вдруг весь мир будто бы исчез. Хоран видел только глаза, огромные и глубокие. Его руки дрогнули и прижали младенцев к груди.

Старуха, все это время наблюдавшая за ним, развернулась к окну и плотнее задернула ткань на них. В той буре, что сейчас металась по Раданару, она видела гораздо больше, чем просто ветер и дождь.

— У тебя больше не будет детей, — тихо, но веско проговорила она, возвращая мысли Хорана в дом. — Ни у тебя, ни у жены. Думаю, я понятно говорю.

Тот молчал. В его ушах стоял шум моря и жуткий, смертоносный прибой на острых скалах.

— На твоём народе достаточно крови, — будто читая его мысли, сказала старая ведунья. — Задумаешь рыбам скормить, один пойдешь. Пеший. Кони туда не ходят, даже под плетью. Решай сейчас.

Ее глаза впились в вожака. Куда только подевалось его величие и стать. Широкие плечи согнулись, как у древнего старика, голова опустилась на грудь. Холодные капли с его лба, упали на младенцев, а те только улыбнулись, даже гроза по странному делу, стихла. Ливень и тот перестал бить по крышам и окнам. Снаружи сделалось тихо, только кони ржали, все еще напуганные бурей.

Хоран смотрел, и ничего не видел, кроме кровавого прибоя. Дурное видение было ему

чуждо, он уже знал, что не сможет этого сделать. Лучше уж самому кинуться в море. Его грудь шумно поднялась, и он заговорил осипшим голосом.

— Не отдам! — выдохнул он. — Мои дети и я им отец! А если кто против моего слова скажет...

— Не скажет, — оборвала его ведунья. — Сын у тебя и дочь. Крепенькие. Черноту их я скрыть могу. Не колдовством, конечно же. Травами. Жена твоя деток еще не видела, ей знать не нужно. Раз ты их оставить решил, скажу еще немного. Ты не отец им, а она не мать. У них родители другие были. Сказ о предке твоём, Харморге, правдив...

— Мои они! — гаркнул на нее Хоран, придя в себя. — И воспитаю я их... как родных, сына и дочь. А если и будет за то мечь моего предка, от слов своих все равно не откажусь.

— Смел ты, — ведунья улыбнулась ему пожелтевшими от времени зубами. — Детей мне на закате привезешь. Волосы им высветлю, не на всю жизнь конечно. В их крови сила, которой мир перевернуть можно. Чернота волос проглянется, но лет на двадцать хватит.

Пригладив свои седые волосы, она покинула дом главы Раданара. Многие глаза ее провожали. Ведунья видела их, тех, кто выглядывал в окошки. Людей мучило любопытство. За ней следили до самого ее дома. Старуха, не подавая вида, шлепала по лужам, подобрыв полы колоры, одеяния поверх рубашки и штанов.

Дом ведуньи стоял ближе остальных к лесу. Его покрывали многолетние мхи, а пышнолапые ели укрывали от ветра. Хоть ведунья сама хозяйство не держала, нужды она ни в чем не знала. Раданарцы жаловали ее, и она это знала.

Стоило ей захлопнуть дверь, как селение замерло. Свет не горел ни в одном окне. Хоран, тоже затушив свечу, оставил жену спать, а окна закрыл грубой кожей. Рядом он не выпускал из комнаты весь следующий день, а вечером, спеленав сытых младенцев, собрался к ведунье.

Дождавшись заката, он сел на коня. Детей Хоран укрыл своим плащом и отправился в объезд селения, подальше от любопытных глаз. Над Раданаром все еще висело молчание, будто ни у кого не было никаких дел. Никто не решался заговорить о произошедшем.

К дому знахарки он подъехал со стороны леса. Привязав коня, Хоран тихо спешился и постучался в заднюю дверь, которая оказалась вполовину меньше его роста.

— Не стучи попусту! Открыто, — донеслось изнутри.

Согнувшись, он вошел. В руках у него была корзина с малышами. Ведунья стояла у стола, к нему спиной, возясь со своими травами.

— Поставь корзину в углу, — велела она.

— Ты не больно-то колдуй. Дети мне дороги, — сказал Хоран и огляделся по сторонам.

Внутри дома он оказался впервые. С опаской озираясь и косясь на тугие веники трав, он поставил корзину на указанное место. По его широкой спине прошелся холодок. Ведунья чудным образом очутилась у него под носом и схватила его за ворот распахнутой колоры.

— Не колдунья я! Сколько повторять? Знать слово и нужную траву — вот мое дело, — огрызнулась она. — А ты молчи, чтобы ты тут не увидел!

— Самого хозяина леса призовешь что ли? — Хоран хоть и не был обделен силой, а от старухи отшатнулся.

Та же загадочно подмигнула и отпустила его.

— И его ведаю, — кивнула она белой головой и, сняв с пояса трубку, набила ее табаком. — Он много о чем может рассказать. И о делах твоих предков тоже.

— Что было, то было, — недовольно отвернулся вожак. — Я не Харморг...

— Но кровь на всем твоём роду лежит за его дела, — напомнила старуха. — Он был скор на расправу. Твоя дочь узнает об этом сама, когда вырастет. У твоих детей знания в крови, как и сила.

— Пусть! Давно это было! В седые века. Сколько уже лет минуло?

— Больше десяти тысячелетий, Хоран, — ответила она. — Но земля помнит.

— Берись за дело, знахарка, — отрывисто произнес Хоран, и сел у низкого очага.

— А ты, глава, не торопись. Дело долгое, — ведунья вынула детей из корзины. — Чую я, в двадцать лет пути ваши разойдутся. У них своя дорога.

Положив младенцев на стол с травами, она подкинула сухих веток в огонь и потушила свечи. Запах трав дурманил. Рыжеволосый Хоран оказался сильным, и поддался не сразу. Он боялся за детей и следил за руками ведуньи, пока в глазах не стало все двоиться. Медленно, но сон сморил его. Тяжелая голова опустилась на грудь, и до ушей старухи донеслось мужское сопение. Довольно растянув губы, она взялась за детей.

— Отведи чужие глаза от деток, — прошептала она тени, что ненавязчиво стояла у нее за спиной. — Знаю, лесной хозяин, что пришел.

Тень шевельнулась. Еловый аромат быстро заполнил весь дом. Тот, кого боялись и на кого надеялись все охотники, медленно выпрямился. Тут он был только тенью. Не злой и не добрый, он хранил покой лесов.

* * *

Далеко от Раданара, на высокой башне, стояла другая фигура, облаченная в простой с виду серый плащ.

— Закрыл... — послышался разочарованный вздох из-под глубокого капюшона.

Лесной дух легким веянием прервал все тонкие чары мага, и видение, которое тот наблюдал, быстро исчезло.

— С кем ты речи ведешь, Иллигеас? — голос женщины вдруг возник среди тишины, и окружил его, как туман.

Из пустоты, из мелких пылинок, на белый камень, шагнула тонкая женская фигура. Ее голос ласкал слух ложной лаской. Вопреки Белому Ордену, одежда на ней отливала темно-лиловыми тонами. Мягкая ткань стелилась по полу, а неслышные шаги выученицы магистрата, скрывали многое от незнающих.

— Я слушаю ветер, — ответил ей тот, кого она именовала Иллигеасом.

Маг не оборачивался. Этиль Арад, город на заоблачной выси Эадорийских Гор, погружался в багрянец заката. Самоцветные шпили башен играли лучами на розовеющих облаках. Земли отсюда видно не было, но Иллигеас и так знал, что там происходит. Он знал и лесного хозяина. Мог видеть его глазами и без его разрешения, однако никогда этого не делал. Когда тот вытеснил его из своего сознания, огромного, как весь мир, маг только мысленно ответил ему благодарностью и отступил. Тонкие грани, которыми пренебрегали другие, он чтит.

Эллардис с пренебрежительной улыбкой обошла мага и встала сбоку от него, скрестив изящные руки за спиной. Точеное лицо, обрамленное густыми, темными локонами, обратилось к не желавшему поворачиваться собеседнику.

— Ты говоришь, как лесной дикарь, — ее губы дрогнули, лишь на миг, выдав

раздражение. — Тебя не было на последнем совете. Архимаг это заметил.

— Ты опережаешь события, — глухо заметил тот. — Он еще не имеет должного сана.

— Разве не очевидно, что он Архимаг по праву? Завтра его наречение. Ты слишком долго держишь скорбь по Сарадориусу Светлому. Десять лет, по моим меркам, достаточный срок, — взгляд черных глаз, ловко, как у хищной кошки, скользнул по профилю Иллигеаса.

Тонкий укол, почти не ощутимый, коснулся его сознания. Эллардис не знала, чьи мысли она уже тысячу лет пытается посетить. Маг ничем не выдал, что эту попытку он заметил. Его лицо, как всегда, ничего не выражало. Ни один мускул не дрогнул. Его глаза, слишком не обычные для человека, смотрели вдаль. Взгляд, которым Эллардис гнула всех остальных, тут действия не возымел. Тем не менее, маг отлично видел ее, хоть и смотрел в совсем другом направлении. Пальцы молодой женщины, за спиной сжались от бессилия перед неподатливым камнем.

— Это не скорбь, Эллардис, — сказал Иллигеас тем голосом, от которого она, сама не замечая, вытянулась, как по струнке. — Я лишь храню память.

— Светлая ему память, — ее глаза широко раскрылись и впились в него. — И все-таки... Последние дни ты отдалился от всех. Я понимаю, что у нас разные Ордены, но есть и общие советы. Тебе, как помощнику главы, должно быть на них.

— Все Ордены равны, — напомнил он, болезненную для своей гостьи правду. — Я знаю все, о чем говорят на советах.

— Значит, я зря беспокоюсь о твоей неосведомленности, — она учтиво склонила голову.

— Я благодарю тебя за заботу, — Иллигеас поклонился ей в ответ.

Эллардис, понимая, что разговор закончен, медленно подняла острый подбородок на достойную высоту, готовясь уйти. Уже после первых дней обучения в магистрате, она перестала пользоваться обычными лестницами и дверьми. Многие не поощряли этого, но спорить с правой рукой Темного Ордена, никто не смел, никто кроме Иллигеаса. Он один не покорился никаким ее чарам, ни ласковым, ни жестким. С Белым Орденом, она мирилась только из-за него, Изумрудный же, не ставила даже во внимание.

Уже собираясь раствориться, Эллардис остановилась и обернулась вполоборота.

— Раз ты все знаешь... Этиль Арад ждет пополнения. Новый указ будущего Архимага. Кого же приведешь ты в ученики? — мелодичный голос содержал в себе яд, о котором Иллигеас знал. — Будущий Архимаг сам хочет увидеть учеников и их наставников. На игрищах.

— Не думал об этом, — прямо ответил тот.

Эллардис исчезла. Недовольство внешне она скрывала. Мысли ее Иллигеас читать мог. Не все, правда, но недовольство увидел. Другую часть сознания, та умело припрятала от всех чтений. Дождавшись ее ухода, он подошел к самому краю башни. Тут не было бортиков, или балконов, только колонны и купол. Внизу мягким ковром стелились облака. Каждый вечер хотелось ему слиться с ними, но человеческое тело, вот уже чуть больше тысячи лет, не позволяло этого сделать. Оставалось только наблюдать.

* * *

Сны, самые страшные, успели посетить Хорана, пока он дремал у жаркого очага.

Снились ему и города за морем, и былые создатели. Дремота отпустила его тяжело. Шея затекла, а голова болела так, что он еле встал на ноги.

— Одурманила, старуха! — он схватился за лоб и застонал.

Ведунья, сидевшая напротив него, криво ухмыльнувшись, пустила дым ноздрями и отложила трубку.

— Ты сам утомился, я лишь помогла тебе заснуть, чтоб не мешал, — сказала она. — Зазорного тут нет. Зато детки твои с золотыми головками теперь. На время, не забудь.

Отмахнувшись от едких клубов, Хоран склонился над корзинкой. Малыши сладко спали. Их черные волосы стали пшенично-золотистыми.

— К железу их не пускай. К оружию всякому, — прервала ведунья его любование.

Она много знала. Ее глаза хитро блестели. Хоран, будто чувствуя не доброе, уложил детей и накрыл корзину. Сквозь дым, он смотрел на лицо знахарки, которое покрывали глубокие морщины.

— Отец должен выучить сына, обучить всему, — с гордостью пробасил он, на что та мотнула головой.

— Все они сами знают. От рождения. В зеркала им глядеться не давай, — крепкие клубы совсем скрыли ее. — Железо им, что хлебный мякиш, а вот зеркало... оно им вернет истинное обличие. Если кто узнает, не посмотрит, что ты вожак и глава...

— Хватит! Сама держи язык за зубами. Никто не узнает, — Хоран подхватил корзину и покинул дом.

Ведунья только зубы оскалила. Зла она не держала. Закрыв дверь, она уселась в глубокое кресло, обтянутое грубой кожей, и задымила пуще прежнего.

* * *

На следующий вечер назначили наречение. Люди собирались с опаской. Колыбель Хоран не показывал до последнего момента. За широкими длинными столами, выставленными на поляне, сошелся весь народ, и старые и молодые. Разные домыслы витали в воздухе, пока глава не вынул детей из колыбели. Увидев их светлые головы, народ успокоился.

— Нарекаю сына своего Аргелором, наследника своего, а дочь — Тирой! — голос его звучал гордо, громко и как то чуждо, будто говорил не он.

После этого, празднество быстро набрало силу. Под песни и пляски закат сменился ночью. Зажглись костры, и веселье продлилось до самого утра.

* * *

С того вечера, время для Хорана понеслось, как птица. Дети росли, и не было им равных в Раданаре. Два его советника, имея своих отпрысков, завидовали Хорану белой завистью. Раньше остальных, его сын и дочь сели в седло и кони к ним шли сами, без понуканий. Все, чему их учил отец, они схватывали на лету, без долгих объяснений. Каждое его слово, они знали наперед.

Редна же, напротив, общий язык с ними не нашла. У других матерей, дочери скоро

осваивали домашнее хозяйство, перенимали мастерство шитья и выделки, тогда как в руках ее дочери, вся кухонная утварь ломалась и трескалась. Тира старалась учиться усердно, но дом будто выгонял ее прочь. За что бы она ни взялась, все обязательно ломалось, даже женские платья на ее плечах, превращались в лохмотья. Много раз Редна пыталась причесать и ее волосы. Тяжелые, как из стали, прямые локоны, не желали лежать в косе, а все попытки их заплести, оканчивались кровавыми порезами. Пальцы от них, как ножом резало.

— Не моя ты дочь! — в сердцах крикнула однажды мать, когда ее подол окропили красные капли.

Глубокие порезы горели огнем и долго не заживали, а взгляд Тире колот еще сильнее. Два зеленых омота молча глядели на нее. Редне казалось, что в них отражается весь мир разом.

Слова вылетели и затихли. Дочь, не по годам рослая, стояла напротив. Мгновение растянулось на целую вечность, а после она вышла из дома. Ее волосы не смел трогать даже ветер, только брат. Его ладоням не делалось ничего. Хоран же, не желал думать об этом. Дети были ему в радость, не смотря на все роптания жены и слухи, которыми полнился Раданар.

В десять лет отец впервые взял их с собой на охоту, на оленей. Это было сложное дело. Тот, кто хотел на утро проснуться живым, никогда не убивал просто так. После всех долгих ритуалов, Хоран взял с собой крепкий лук и несколько стрел. Он с детьми и еще двое охотников, долго шли по кривым тропам в самую гущу леса, до небольшого ручья, со звонкими перекатами. Там, найдя покрытую мхом колоду, Хоран ловко скользнул ножом по своей ладони. Охотники встали кругом, озираясь по сторонам, пока кровь капала на зеленый мох.

— Зачем ты это сделал, отец? — спросила Тира.

— Я беру у леса, взамен отдаю ему. Таков закон, дочка, — тихо шепнул тот. — Я приношу свою жертву хозяину лесов. Тут его владения. Он пошлет нам добычу, и прежде, чем стрела в нее попадет, хозяин заберет ее жизнь.

— У хозяина норы сложены, — буркнул бородатый Мевор. — Не бей зверя без его ведома, не то ночью хозяин тебя навестит. Горло разорвет нерадивому охотнику...

В его волосах, медно-рыжих, уже пробивалась седина, как и у Хорана. Он сжал охотничий нож и припал на одно колено, ища следы в траве.

— Хозяин леса добрый, — вдруг проговорила Тира. — Вон он...

Ее рука указала в темную чащу, где высилась неясная фигура. Охотники дрогнули. Сам Хоран отступил на шаг назад, а дети его и бровью не повели. Сколько не пугал их лесной дух, меняя свои образы, Тира видела его истинную душу. Не испугалась она, и когда он подошел к ним. Не человек и не зверь, дух лесной, с ветвистыми рогами, как у оленя и горящими зелеными глазами. Его пальцы, с черными звериными когтями, коснулись волос Тире. Отец ее замер, как каменный. Никто еще не видел хозяина леса так близко. От его вида у всех охотников кровь застыла в жилах.

— Уходи! — сумел выдавить из себя Хоран, нацелив на него лук. — Не тронь, и мы уйдем...

Хозяин вскинул рогатую голову. Его лицо не искажала ни ярость, ни злые мысли. Опустив когтистую лапищу, он в упор уставился на Хорана.

— Ты велик душою, человек. Не своих детей в дом принял. Будет вам добыча. Ступайте

назад, — его голос шелестел, словно ветер в листе.

Хозяин растворился в чаще, а дрожащие руки Хорана, едва не вырвали лук. Оба охотника молча, уставились на него.

— Назад, — коротко бросил он им и повел детей за собой.

С тех пор покоя им не стало. Весть разлетелась быстро, а Радна со своими порезами только добавила масла в огонь, который и без того разгорался буйным пламенем. Люди сторонились дома Хорана, но в открытую, говорить боялись. Даже верные советники перестали ходить к нему.

— Плохой глаз у твоих детей... Особенно, у твоего сына! — отговаривались они. — Да и не похожи они на наш род.

* * *

В этот раз, разговор о родстве зашел уже в серьез. Близилась ярмарка, которая случалась не часто, всего раз в пять лет и собирались на нее не только люди. Другие народы съезжались со своих земель в портовый город.

Мужчины, почти со всего Раданара собрались у огромного костра, чтобы обсудить поездку, а речь ушла совсем в другую сторону. Двадцать лет минуло с того времени, когда над островами бушевала гроза. Дети выросли, обогнав в росте самого Хорана на целую голову. Их ровесники успели обзавестись семьями, а отец с матерью — разменять шестой десяток. Жизнь людей была слишком скоротечна. Седовласый вожак уже должен был бы смениться своим приемником, только вот Аргелора, как и его сестру, не жаловали.

— Чужие они тут, или сам не видишь? — говорил Мевор. — Я помню слова хозяина... На девку свою посмотри! Ей только топором махать, а не тесто месить! Где это видано?

— Верно, он говорит, — подержали его.

— Не о том вы разговоры ведете! — Хоран встал и взялся за свой широкий пояс, на котором висел нож. — Не вам моих детей обсуждать! О ярмарке думайте! Коней поведем. Нечего тут языки распускать попусту!

Его рука невольно легла на нож и тут же скользнула с него вниз. Далекое событие прошлых веков миг пронеслось у него перед глазами.

— О чем тут спор? — раздался сухой трескучий голос.

Ведунья вошла в круг мужчин, и как ни в чем не бывало, уселась подле Хорана. Ее век казался длиннее остальных. За двадцать лет на ее лице только немного морщинок прибавилось, да коса седая спустилась ниже пояса. Мужчины притихли, и только Мевор не потерял смелость.

— Беду на нас Хоран накликают хочет! — сказал он.

— Беду? — вздернула брови старуха. — Тебе ли, Мевор, не ведомо, что создателей нет в этом мире? Есть ли большая беда, или тебе Хармороба напомнить? Его деяния? Руки в крови по самый локоть у нашего рода и беды большей нет!

— Если это драконьи отпрыски, мы все в огне погибнем, как тот самый Харморог и завещал! Мевор разошелся не на шутку, да быстро осел, увидев взгляд ведуньи.

— Своим языком ты скорее беду накличешь. Злые мысли у тебя, — прошипела она.

Пыхнув трубкой, она ушла. Оставшиеся кинули на Мевора хмурые взгляды. Он сам был не рад своим словам, но они выплеснулись сами. Хоран, считавший его другом, теперь

укоризненно смотрел на него из-под бровей. Его грудь вздымалась, как у зверя перед броском.

— Отец? — из темноты появилась Тира.

Огонь бросал блики на ее правильное лицо и высокую фигуру, в мужской, светло-коричневой колоре. Взгляд, острый и колкий, прошелся по кругу, заставляя мужчин пригнуть головы, а дойдя до Хорана, он смягчился.

— Женщине не место здесь, — тихо выговорил тот.

— Прости, отец, — она кротко склонила голову. — Я слышала, что вы спорите.

— Знахарка уже старая. Память ее часто мысли путает, — Хоран плохо скрывал свое волнение под взглядом дочери.

— Ты согласишься нам с братом ехать на ярмарку?

— Там тебе не место... Дорога долгая... И потом, женщин туда не берут.

— Я не сниму плаща. А кони с нами пойдут спокойнее и легче, — голос звучал убедительно и отец, будто против воли кивнул.

На том их совет и завершился.

Глава вторая

Весна на островах отцвела быстро. Прошли дожди, земля, наполненная новой силой, выбросила пышный ковер трав, а там уже и солнце на лето переметнулось. Дни стали теплыми, ночи короткими и звездными. Дороги так и манили шагнуть на их бесконечную ленту. Крутые берега Раданара и Нимладора связывал каменный мост, под которым бились воды моря.

Ярмарка начиналась в первый день лета, и Хоран спешил снарядить подводы. Кроме коней, люди больше ничем торговлю не вели. Андра славилась этим товаром. Лошади, возвращенные на вольных землях, вспоенные горными реками, всегда были желанны на ярмарке. Покупали их за дорогие самоцветы и золото, а в свою очередь на них, Хоран выкупал то, в чем нуждалось селение. Труднее приходилось с металлом. Им торговали только подгорные народы. За самоцветы их железо было не купить, а в конях они не нуждались. По такому случаю Хоран вез мед. Эта сладость гномами ценилась, и они охотно менялись. Все эти тонкости, отец старательно втолковывал Тире и Аргелору, которые внимали его словам и послушно выполняли все приказания. Многие оказались против их поездки, но слова вожака побоялись ослушаться. Дорога занимала почти семь дней до торгового города, путь не близкий. С собой брали запасы еды и оружие. Только брату с сестрой никакого оружия не досталось. Помня наказ ведуньи, Хоран и близко их не пускал к металлу и зеркалам.

— Охраны у нас хватает, а вы за конями смотрите, и плащи не снимайте! — наказывал он.

Еще до рассвета, подводы и два десятка отличных коней двинулись в путь. Впервые в жизни, Тира и Аргелор покидали родные края. Нимладор встретил их густыми лесами. Дорога утопала в чащобе, пока, спустя два дня, не присоединилась к наезженному тракту. Это была южная оконечность большого континента, что раскинулся в море широким, рваным пятном. Все островные земли Раданара помещались в его бухте, похожей на крюк, а сам Нимладор делился на старый, южный, и новый северный.

От открывшихся просторов у брата с сестрой захватило дух. Перед ними стелились равнины с широкими реками, на берегу которых ютились не большие селения людей, таких же черноглазых и рыжеволосых. Дальше тракт вновь нырял в лес. Тут он уже оживился. На ярмарку стекалось много народа, кто за покупками, кто за приключениями, а кто-то и свой товар предлагать. Хоран со всеми здоровался. Многих купцов он знал, знали и они его.

На шестой день, под вечер, подводы подъехали к последней ночевке перед портовым городом Ладьей. Раданарцы оказались тут не единственными. Широкою поляну занимали и другие повозки. Многие успели разбить походные шатры. В легком вечернем тумане, в низине горело множество огоньков. Обычно тут слышались песни и звон кружек мирных купцов, сейчас же Хоран настороженно слушал тишину. Обратил он внимание и на то, как костры стоят, совсем рядом друг с другом, не более чем в десяти-двадцати шагах.

Отдав указания своим людям, глава пошел разузнать, в чем дело. Купцы говорили не охотно, при этом, под их плащами позвякивало оружие, а то и кольчуги. Иногда купцы привозили сюда своих сыновей, чтобы показать большой портовый город, сейчас же Хорана окружали одни взрослые мужчины. Прежде чем заговорить, или ответить, они долго оглядывались по сторонам. Глава Раданара, бродя по лагерю, наконец, наткнулся на тех

людей, с которыми простоял бок о бок, не одну ярмарку.

Несколько крепких мужчин сидели у костра тесным кругом, искры летели на их плащи и сапоги, но темнота за спинами похоже страшила их больше, чем шанс вспыхнуть факелом.

— Доброго вечера вам... — поздоровался Хоран.

Купцы, чуть обернувшись, молча кивнули, и придвинулись к огню еще ближе, рискуя подпалить бороды.

— Своих признавать, что ли, не хотите? — он так и остался стоять за спиной у них.

— Сейчас не поймешь и не проверишь, кто свой, а кто таковым только кажется, — угрюмо бросили ему.

— Что за речи такие странные? — Хоран наклонился и развернул к себе самого коренастого из них.

Южанин с кучерявой бородой темно-русого цвета, неуклюже подвинулся и стянул Хорана за полу плаща на бревно.

— Не слышал ничего? — процедил он. — Или до твоих островов весть не дошла?

— Не слышал...

— Страшные вести с севера сюда ползут. Архимаг новый, везде своих псов колдовских понаставил. Говорят, он ищет молодых магов среди людей. Черноволосых! — глаза купца сделались круглыми от страха, такими, что Хоран сам невольно отшатнулся от него. — Где видано, чтобы среди нашего рода такие были?

— Чушь это! Я вот слышал, что народы разделяться! — встрял другой. — Гномы в свое подгорье уходят! Эльфы в леса! Это последняя ярмарка! Тут везде бродят соглядатаи в черных одеждах. Безликие такие. Не то призраки, не то люди...

— Нам то, до магов дела нет, а они тут воду мутят, — третий купец спрятал показавшийся край кольчуги под плащ. — Народы разделяться. Великий союз мастеров распадется. А в одиночку выжить тяжело...

— Мастера не могут разойтись, — теперь уже сам Хоран свел хмурые брови. — Союз мастеров с начала времен стоит! Кто чем славен, тот тем и торгует! Где нам брать железо, а гномам хлеб?

— Архимагу дела нет до этих бед. Подгорные народы что-то учуяли. Только и слышно от них о шепоте земли, — сказал южанин. — А началось все это, из-за какого-то черноволосого! Якобы маг великий... Так теперь по селениям рыщут. А нет среди нас таких! Нет!

— Не поминай к ночи, — ткнул его в бок рыжеволосый. — А то я много чего знаю от твоей бабки о проклятии Хармороба. Не твой ли родственник, Хоран?

— Чего? — вспыхнул тот. — Легенды это. Сказки глупые. Был такой. Так сгинул давно. А черни нет среди людей, и никогда не было. Светлые все у нас.

— Верно, светлые... — отрешенно кивнул южанин.

— Ладно, пора и нам шатры ставить, — Хоран встал и сердце у него не хорошо защемило.

— Остерегайся безликих, — бросили ему в след.

До своей стоянки он шел без памяти. Ноги его едва ли слушались, и шестой десяток лет всем грузом упал на его плечи. Смутные предчувствия терзали его душу. Издали, он глянул на своих детей. Два силуэта, равных по росту, в сизой дымке, ловко орудовали длинными шестами и веревками, и ни о чем не подозревали. Хоран сжал громадные кулаки. Отцовские чувства застелили ему глаза и мысли. Нет, ни какая судьба не отберет у него детей! Плевать

на пророчества далеких дней, плевать на проклятия! Он ждал двадцать лет и столько же их растил. Никто не поднимет на них руку! От тяжелых раздумий, его отвлек голос дочери.

— Что случилось, отец?

В задумчивости, он едва не столкнулся с ней. Да и сама Тира двигалась бесшумно, будто кошка. Ее лицо просто вынырнуло перед отцом, в миг, обрубив все его раздумья.

— О чем ты? — встрепнулся он.

— Ты встревожен, — тихо сказала она. — От нас с братом ты не скроешься. Говори, в чем дело?

— Ни в чем, дочка. Слухи и домыслы о чужаках. Ставьте шатры, — он спрятал взгляд, хоть и знал, что это бесполезно.

— Зачем ты о них беспокоишься, отец? Что они нам?

— Ничего. Пусть шастают себе на здоровье. Завтра в город войдем. На порт поглядите, только плащи не снимайте! — сказал он.

— Хорошо, отец, — Тира надвинула капюшон на самые глаза, скрыв половину лица.

— И... Замуж тебе пора. Вот что. Вернемся домой, решим этот вопрос, — чути замявшись, добавил он и почувствовал, как воздух вмиг накалился.

— Отец! Нет мне по сердцу никого там! — Тира вспыхнула, хлестнув Хорана словами.

Тут же за ее плечом возник брат. Говорить он не любил, но и без слов все было ясно. В селении его боялись абсолютно все. Не дюжая сила и стать воина светились в нем даже сквозь плащ. Тяжелые мышцы выиграли на могучих руках, и Аргелор сложил их на широкой груди.

— Нет нам там пары, — его голос звучал басом, и хоть говорил он тихо, люди Хорана оставили свою работу и прислушались. — Ни мне, ни моей сестре, там никого не найти... Да и дела эти не про меня. Я хочу мир посмотреть.

— Не перечь слову вожака... — процедил отец сквозь зубы, видя косые взгляды со стороны.

— Прости нас, отец, — Аргелор тут же склонил голову, признавая его превосходство, и потянул сестру за рукав.

В их сторону люди еще долго шептались, а сказать в глаза не решались. За поздним ужином, Тира с братом сели отдельно от других. Хоран, казалось, не замечал этого, пока шепот людей не стал слишком громким.

— Довольно рассказней! — гаркнул он, и народ притих. — Спать всем. Завтра выезжаем до рассвета.

* * *

Шатер вожака стоял особняком. В нем же ночевали и брат с сестрой. Лишь когда все люди легли спать, Тира твердой рукой сдернула плащ со своих плеч и подняла лицо к звездам. Теплый ветер игриво ласкал кожу, путаясь в длинных прядях светлых волос. Он нес чужие запахи и звуки ночи, шорох птичьих крыльев, призывный крик ночного зверя, Тира читала их и видела тех, будь те совсем рядом. Ее слух по остроте превосходил эльфийский, как и зоркость глаз, за что люди быстро окрестили ее ведьмой. Обидное слово она слышала часто, правда вида не подавала. Ей и брату вслед скрипели зубами. Злоба и зависть сочились из уст молодых девиц, когда они видели Тиру. Ни одна из них не была равна ей по стати.

Парни кидали жадные взгляды, пока их не одергивали, но свататься не рисковали. По силе они уступали ей, не говоря уж об Аргелоре, да и лошади слушались ее, как замороженные. Казалось, Хорану только радоваться надо, а свои же люди душили его домыслами и злыми языками.

— Не место нам тут, братец, — шепнула Тира, когда тот вышел к ней из шатра.

Плаща на нем не было. Открытая грудь играла плитами мышц. Аргелор упрямо отказывался носить рубаху и колору, лишь широкие штаны и кожаный пояс. Даже зимой, в мороз, одежда стесняла его. Лицо брата обрамляли две тяжелые косы, которые спускались ниже плеч. Их соломенный цвет совсем не вязался с его смуглой кожей и зелеными глазами.

Тира ощутила его горячее дыхание рядом с собой.

— Не место, — согласился он. — Отца жаль... Он стар, и мать уже не молода, а народ нас не чтит. Не могу я занять место вожака.

— Чужие мы, — Тира вздохнула, и непонятная грусть навалилась на нее. — Раданар тесен для нас. Будто он и не дом родной.

— У меня тоже чувство, — его рука коснулась волос сестры, скользнула по плечу и мягко обняла ее.

— Ты помнишь, как в детстве, мы смотрели на небо? Вот где простор... Над облаками, — голос сестры слился с потоками ветра, и что-то сжалось внутри Аргелора.

— Простор. Коснуться бы его, — сказал он.

— Наверное, это подвластно магам... Отец рассказывал о них, — вспомнила она. — Думаю, в городе мы увидим их.

— Если и увидим... Кто знает, что они не отнесутся к нам так же? — вопрос брата замер в воздухе.

Зашуршала ткань и наружу, из шатра, выглянул отец.

— Спать! Живо! — оборвал он их.

Хоть слова и были строги, взгляд выдавал совсем иное. Он светился любовью, но Хоран не давал волю своим чувствам. Тира и Аргелор послушно скрылись вслед за ним в теплом шатре.

* * *

Ночь изменилась. Иллигеас ощущал это всем телом и духом. Тонкие изменения, навеянные искусной рукой, были не заметны для обычных людей, но маг чуял их очень хорошо. Мягкое крыло темноты с запада, все так же накрывало землю, только в его оперении появились стальные перья. Их твердость резанула открытое сознание чужака, и Иллигеас поспешно закрыл свои мысли. В просторных покоях ему вдруг стало тесно. Сердце колотилось, как у мальчишки-первокурсника, а не опытного мага, ноздри дрожали, втягивая ночной прохладный воздух. Все же он заставил свое волнение уняться и отошел вглубь комнаты. Прозрачные занавеси сомкнулись за ним и тут же разошлись вновь. Холодок, слишком скользкий для ветра, прошелся по щеке Иллигеаса, и тот замер, не дойдя до витого кресла, в которое был небрежно брошен дорожный плащ. Лицо мага затвердело. Поворачиваться он не стал, лишь слегка наклонил голову для лучшего слуха.

Прогулки по воздуху не давались легко, но Эллардис иные пути не признавала. Узкая босая ножка бесшумно опустилась на холодную мраморную мозаику, следом зашуршали

шелковые ночные одежды. Их дымчатую ткань богато украшала вышивка бриллиантовой нитью, отчего та вся светилась и сверкала. Темные локоны, даже сейчас уложенные в затейливый цветок дополняли одеяния.

— Ты не спишь в такой поздний час? — голос потек, как мед, приправленный ядом.

— А если бы спал... Ты что же, осмелилась бы нарушить мой покой? — Иллигеас ответил сухо, не явив ни одной эмоции. — Есть некие правила, Эллардис, которые все же стоит соблюдать. У тебя какие-то важные вести?

Ему не нужно было смотреть на нее, он и так почувствовал, как зазвенел воздух вокруг ее фигуры.

— Ну что ты, — натянутая улыбка исказила тонкое лицо. — Правила для тех, кому еще и первой сотни лет не минуло. У нас с тобой другой счет. Разве двери твои закрыты для меня?

— Я не помню, чтобы ты в них стучалась, — Иллигеас, наконец, развернулся, резко и грубо, заставив женщину вздрогнуть.

Черные агаты возрились на него с диким блеском.

— У тебя ведь нет ученика...да и сана высшего мага, ты еще не достиг. Или тебе не мило мое присутствие в твоих покоях? — мед ее голоса сделался горьким и ядовитым.

Эллардис сложила руки на высокой груди. Звезды сверкали на легких одеяниях, перекликаясь с блеском ее глаз. Любой смертный, и даже маг, уже пал бы к ее ногам, сраженный красотой. Только Иллигеас стоял, ровно глядя на нее, как на пустую стену.

— А разве у тебя есть ученик? — спросил он в ответ.

Мысли Эллардис вспыхнули, как открытая книга. Он даже читать их не стал. За тысячу лет он уже успел изучить людей. Пусть Эллардис и маг, но суть и тело у нее остались человеческими, со всеми желаниями и слабостями.

— Завтра ярмарка в одном из городов Нимладора, — она, собрав все свое недовольство в кулак, с усилием отвела взгляд от Иллигеаса и отвернулась к балкону. — Маги ее часто посещают. Возможно, я отправлюсь туда. В наш Орден не каждого пришедшего можно принять. Тьма...

— Тьма? Я думал, вы чтите ночь, — заметил Иллигеас, на что губы его собеседницы нервно дернулись. — Что же тебя заставило искать ученика так далеко?

— Это мое дело. Прости, но в это я не могу тебя посвятить, — сказала она, и следующие слова вылетели против ее воли. — Я ищу особенного ученика...

Эллардис замолчала. Резко оборвавшись, слова повисли, и маг прикусила губу до самой крови. Лицо Иллигеаса осталось каменным.

— Я желаю тебе удачных поисков, — сказал он. — Мне, в самом деле, пора спать...

— Хороших тебе снов, — Эллардис уже не лила слова медом.

Подобрав длинный подол, она исчезла. Потoki воздуха засвидетельствовали это, и Иллигеас шагнул к креслу. Легким движением, накинув плащ, он покинул Этиль Арад так, что ни одна душа не узнала об этом. Ему уже было известно, что это сделал не он один, но времени оставалось только на дело. О преследованиях он будет думать потом, а сейчас, под шепот ночи, он скрылся на дальней дороге, за много миль от гор.

Мир раскрывался его заклинаниям почти без труда и сопротивления, оттого, что Иллигеас действовал осторожно. В низших мирах был всего один слой, слишком тонкий для истинной магии. О былых заклинаниях пришлось забыть, а все имевшиеся в Этиль Араде, он выучил в первый же месяц своего обучения. Богатые библиотеки вмещали сотни тысяч

фолиантов, свитков и дневников. Маги, со времен познания первичной магии, собирали их. Были книги и того периода, когда в этом мире еще жили создатели-драконы. Сохранились и тяжелые хроники подгорных народов. Только об истории людей Иллигеас не нашел ничего. В Этиль Араде магов обязывали учить обе стороны, и темную, что брала за основу магию сумерек и ночи, и светлую. Кроме этого, магистры требовали знания истории всех народов, что населяли Халдрагар, знание леса, лесных духов и языков. Последние, ученики выбирали по своему желанию. Иллигеас в совершенстве знал их все и даже магию ночи. Языки ему дались более чем легко. Пять сотен лет отводилось ученикам на обучение магии, еще две сотни, они по правилам, посвящали странствиям. Жизнь мага текла не так, как у простых смертных. Она измерялась веками, как у эльфийского народа. Не была скоротечна жизнь и у других рас, кроме людской. Люди жили слишком коротко. Один век, если только человек не являлся магом.

Иллигеас тяжело вздохнул. На людях лежала тяжелая печать. Так было всегда. Идя в маги, люди тянулись к тьме и часто коверкали знания. Многих отчисляли, отнимая всю магию из их крови. За время учебы, он повидал и такое. Почему то, эти воспоминания потревожили память Иллигеаса, пока он шел по дороге. Магистрат долго сомневался по поводу его самого. Уж слишком не обычна была его внешность. Пять лет подряд выясняли его происхождение, но все было покрыто серым туманом. Сам Иллигеас тут поделаться ничего не мог. Его природа не могла поддаться целиком. От магии его волосы стали белы уже к трем годам, а глаза имели лиловый цвет. Сейчас луна серебрила его густую волну волос, что падали на высокий лоб. Скрыв голову под глубоким капюшоном, Иллигеас устремился к городу.

* * *

Предрассветный туман белыми клочьями стелился по долине. Хоран с некоторой жесткостью будил своих людей. Тира с братом, к тому времени уже запрягли коней. Все торопились, и, прежде чем рассвет тронул темное небо, обозы отправились в путь.

К полудню они выехали на мощеную дорогу, вдоль которой в честь ярмарки, весели белые с золотым флаги. Лента дороги тянулась прямиком до города, чьи башни уже виднелись издали. От огромного порта тянуло соленым морским воздухом. Дорога постепенно заполнилось толпой. На ярмарку стекались разные народы, с разными товарами. Впервые Тира увидела гномов. Приземистый, подгорный народ ехал в низких повозках, запряженных не то козлами, не то мохнатыми волами. Среди толпы мелькали и белые, величавые кони магов. Они ехали стороной, спрятавшись под светлыми плащами. В город торопились и те, кто жил в сумерках, а солнцу предпочитали луну. Серые эльфы, ехали верхом на диковинных зверях.

— Это гидралы, — шепнул Хоран своим детям. — Близко лучше не подходить, больно шустро они зубами клацают. Серые не торгуют, в основном покупают, впрочем, как и те воины, что поодаль от всех едут. Эти только смотрят. Лучшие наши покупатели, это маги всякие. Для странствий коней покупают.

— А те, что ростом низки? — спросил Аргелор.

— Тихо! Гномы не любят, когда их рост поминают. Они народ почетный. Железом торг ведут, разным. Продают и каменья всяческие, — ответил отец. — С ними у нас связи

хорошие.

— А остальные? — любопытствовала Тира.

— С остальными лучше не заговаривать, — бросил тот.

Толпа все прибавлялась. Вскоре обозы Хорана оказались у высоких распахнутых ворот. Стража тут стояла двойная, все в блестящих доспехах и белых накидках. На проходящих они смотрели сквозь забрала своих шлемов. В ярмарочные дни, стража не имела права никого останавливать. Пускали всех. Однако от Хорана не укрылись скользкие силуэты в черных плащах. Один такой проехал совсем рядом, причем так, что многие его не заметили, а Тира увидела.

— Отец, это не человек, — тут же сказала она.

— Кроме людей, есть и другие народы, дочка, — не уверенным голосом напомнил ей он.

— Нет, — мотнула она головой. — Этот не живой, будто призрак.

Тира видела истину. Плащи не укрывали от нее суть. Силуэт всадника был темен, и за ним оставался темный след. Конь под ним тоже выглядел не обычно, словно под его личиной скрывался зверь, страшный и неведомый. Его кожу покрывала чешуя, которую видела только Тира.

— Кто они? — спросила она у отца, но тот и сам не знал.

— Я не видел их раньше, — сказал он. — Чужаки. Не смотри на них.

Город поглотил толпу. В большом потоке, в шуме, в песнях, что распевали скоморохи, Тира быстро забыла об увиденном. Ладья захватила ее дух. Портовый город славился своей красотой. Здания тут были высокими. Улицы вились затейливой паутиной, перекликаясь с тонкими арками и площадями с фонтанами. Все это украшали флаги, ленты и фонари. Был тут и воздушный порт. От города к нему вела отдельная лестница. Ее белые ступени восходили к серой скале, которая изгибалась тонким полумесяцем. К этому причалу подходили самые большие корабли, с самыми высокими мачтами и расшитыми парусами. Над ними реяли диковинные флаги, и с них сходил другой народ. Люди, но с других, совсем далеких земель. И они приехали сюда не с пустыми руками. На плечах носильщиков плыли вереницы сундуков и ящиков.

Весь народ стекался на главную площадь, где уже были заготовлены лавки и белые шатры для торговли. Несмотря на немалую толпу, никто не толкался. Народ шел чинно, приветствуя друг друга. Приветствиями сыпал и Хоран. На сегодняшней ярмарке соперников ему не было. Коней привел он один. Раданарская статья его товара сразу привлекла к себе внимание. Дивные скакуны, высокие, горячие, не послушно гнули шеи и били копытами, вырывая поводья из рук брата и сестры. Цены за них предлагали сходу, а Хоран отнекивался и упрямо шел к своему месту. Другие купцы уважительно кивали ему, хоть глаза у них и светились завистью.

Постепенно шатры наполнились дорогими и диковинными товарами. С дальних земель привезли расписные самоцветные ткани и нити, золотые ковры, рядом благоухали разные пряности и травы со снадобьями, выставлялись редкие книги. Отдельной стороной стояли гномы. Их шатры сверкали от драгоценных камней, оружия и украшений. Подгорные мастера свое дело знали. В их руках камни и металл обретали настоящую форму. На свои прилавки они выкладывали невиданные богатства. От их сияния рябило в глазах, а толпа сама тянулась к кольцам, в которых сплетались целые картины. Тира слышала, как вздыхал народ, видя эти украшения, она же видела обычный металл. Гномы же, как-то странно

посматривали на нее и на брата. Поглаживая длинные, кудрявые бороды, они сверкали черными глазами и тихо перешептывались.

— Будет у нас еще время взглянуть на их работу, — сказал Хоран и поспешил увести Тиру и Аргелора от гномов.

К тому времени за ними тянулась уже не малая толпа. Все восхищались конями и едва дождались, пока Хоран занял свое место.

— Ну, народ, назначай свою цену! — гаркнул он во всеуслышание. — Кому попало, коней своих не продам! Подходи тот, кто в седле сидеть умелец!

Хорана и его лошадей окружило плотное кольцо. Предложения сыпались со всех сторон. Перед глазами его людей замелькали сундуки с тканями, кошельки с золотом и даже меха редких зверей. Молодые маги предлагали колдовские самоцветы, которые даже у гномов не встречались. Торговались наперебой. В этой толпе Хоран увидел и черноплащника, безликого и холодного. Люди нехотя посторонились, уступая ему дорогу, а Тира едва удержала коней в узде, которые встали на дыбы.

— Чего надо? — отец заслони́л своих детей и быстро положил руку на короткий меч. — Черным колдунам я коней не продаю!

Народ притих. Тиру и Аргелора окатило холодом. Черный всадник смотрел на них в упор, сквозь их отца. Смотрел он долго и неприятно, пока толпа не стала возмущаться.

— Какой он страшный! От него смертью веет! — проговорил Мевор.

Тира смотрела на всадника без страха, не обращая внимания на боль, что сковала ее руки. Черноплащник словно испытывал ее. Его лица видно не было, но его взгляд так и норовил забраться Тире в душу.

— Ну?! — крикнул на него Хоран.

— Не покупаешь, так другим вести торги не мешай! — поддержали его крик из толпы.

Чужак ушел, забрав с собой холод, но темный след от него остался.

— Не добрый он, отец! — шепнула Тира.

— Не сказал бы я, что он страшный, — сказал Аргелор. — Черен, так что с того?

— Хватит о глупостях, — успокоил их Хоран, скрывая от них зябь в руках. — Сейчас коней продадим и по ярмарке погуляем!

Спустя всего час, его подводы наполнились сундуками, а карманы золотом и рубинами. За коней в этот раз он выручил много. Свой товар он продал в добрые руки.

— Никогда не отдавай коня тому, к кому у тебя сердце не лежит! — наставлял он своих детей. — В глаза всегда смотрите! В глазах душу видно. А к своему хозяину конь сам пойдет.

— Хорошо, отец, — кивнули брат с сестрой.

— А теперь пора и на другие товары взглянуть, — сказал он.

Оставив себе одну пустую повозку, Хоран с Тирой и Аргелором отправились гулять по ярмарке, а после и к гномам заглянули, а его люди направились на постоянный двор.

Среди подгорного народа, Хоран знал Бередора. Коренастый гном, заросший по самые глаза черной курчавой бородой, едва завидев знакомого, доброжелательно ему кивнул. Он и вся его братия за прилавками бряцала кольчугами и топорами. Ни с тем, ни с другим гномы не расставались никогда. Несмотря на оружие, настроены они были дружелюбно. Судя по народу у их шатров, на торговлю они не жаловались. Бередор весело подмигнул Хорану, указав ему на заднюю часть шатра, где не было толпы.

— Что привез? — спросил он после расспросов о делах и торговле.

— Мед. Как ты в прошлый раз и желал, — ответил тот и кивнул на бочонки. — Мне

много не надо. Всего полсотни слитков железа.

— Смотрю, ты смену себе готовишь? — Бередор глянул глазами-угольками на Тиру и Аргелора.

— Да! Это мои дети, дочь и сын, как видишь, — с гордостью ответил Хоран. — Где там твое обещанное железо?

— Дай хоть на лица взглянуть! — воскликнул гном. — Или прячешь свои сокровища? Так они не младенцы же! Глаз у меня добрый!

Хоран не хотел этого. Он замялся, но с гномами спорить не стал. Тира и Аргелор сняли капюшоны, и Бередор невольно охнул, а после замер с открытым ртом, глядя на две пары зеленых глаз.

— Гм... — Хоран переступил с ноги на ногу, но Бередор так и остался стоять. — Стемнеет уже скоро. Нам бы товар забрать...

— Э...да...товар... — гном крикнул, а затем подозвал своих помощников и те, бросая многозначительные взгляды, быстро сгрузили с повозки Хорана мед.

Последняя заполнилась ящиками с серыми слитками железа, а Бередор все продолжал смотреть на брата и сестру. Тира, чувствуя себя не уютно, чуть отступила к отцу и глянула на погруженное железо.

— Отец, гномы тебя обманывают, — прошептала она так, чтобы Бередор не услышал, однако тот уже переменялся в лице.

Его и без того широкий нос, раздулся еще больше и покраснел. Борода встопорщилась так, что казалось, из нее вот-вот полетят искры. Гном вскипел, как чайник на жарком огне.

— Что?! — протянул он. — Слово моего народа крепко, как сам камень!

— Твой металл не настоящий, не истинный. Это жалкая подделка! — смело заявила Тира, не смотря на оторопевшего гнома и его помощников, которые уже похватались за свои топоры.

Хоран откашлялся. Его глаза метались между дочерью и Бередором. Гном, чье лицо налилось кровью, выхватил пухлой рукой железный слиток из ящика.

— Этот металл прошел через мою кузню! Провалиться мне тут, если я в чем-то обманываю! — прогорланил он, забыв о толпе.

— Лжешь! Он не истинный! — Тира выхватила слиток у него из руки, и железо в ее пальцах вмиг покрылось трещинами, будто старая сухая глина.

Слиток раскрошился на мелкие кусочки и упал к ногам Бередора, глаза которого округлились. Шатер гномов погрузился в молчание. Подгорный народ во все глаза смотрел на Тиру, а сердце Хорана оборвалось.

— Истина! — нараспев вдруг протянул Бередор. — Ты, видишь истину?

Руки гномов сошли с рукоятей топоров, и они склонили головы в коротком почтительном поклоне, тем самым приведя Хорана в еще большее замешательство.

— О чем ты говоришь?! — спохватился он, но толпа любопытных уже сунула свои головы в шатер, чтобы поглазеть на происходящее.

— Твоя дочь видит истину! — воскликнул Бередор. — Это...великий дар дра...

— Чушь! — Хоран толкнул Тиру за свою спину. — Видать среди твоих слитков брак попался, не более! Забирай мед и нам пора отсюда. Ну?! Чего рты разинули?!

Он прикрикнул на собравшихся зевак и торопливо развернул повозку.

— Отец? — вопрошающе уставился на него Аргелор, только тот уже никого не слушал.

Как можно скорее, он торопился увести детей с площади и попасть на более узкие

улучки. Тира ни с того, ни с его, получила от него первую в своей жизни, звонкую пощечину. Рука отца скользнула по ее щеке со всего размаху, а боли будто и не было, зато пальцы Хорана как огнем обожгло. Не обращая на это внимания, он погнал повозку к постоялому двору.

Воздух словно сгустился вокруг них, народ торопился расступиться, но была другая сила, которая сдерживала коня. Хорану пришлось сбавить темп, и повозка медленно загремела по мостовой.

— Отец, там чужак! Черноплащик за нами едет! — неожиданно проговорила Тира, и Хоран обернулся, бросив быстрый взгляд через плечо.

Безликий, в самом деле, ехал следом. Его конь шагал размеренно, и все же охватывал большее расстояние, чем тому было положено.

— Но! — прикрикнул Хоран на своего коня.

Они выехали на другую площадь, не такую большую, с маленьким фонтаном. Народ и тут толпился. Вокруг фонтана выстроились лавки тех, кто промышлял разными эликсирами, иногда и не законными. Повозка поехала совсем медленно и глаза Тиры успели выхватить из шумного народа, странную фигуру в плаще. Незнакомец выделялся своим ростом и тем, что стоял просто, ничем не интересуясь. Он не походил на мага, так как те представлялись Тире глубокими старцами, не походил он и на безликого чужака. Темнота капюшона надежно скрывала его лицо, оставив только острый подбородок, кожа на котором была не естественно белой.

Эта фигура притягивала к себе взгляд и одновременно отталкивала. Когда Тира указала своему брату на странного незнакомца, тот успел бесследно исчезнуть.

Глава третья

Иллигеас поднял голову. Ладыя шумела. Сотни парней и девушек, разодетых в яркие одежды, гуляли по улицам, их хоровод мелькал перед глазами пестротой. Другой, на месте мага, давно растерялся бы. Найти ученика в такой толпе, все равно, что искать иголку. Пути могут и не сойтись, если судьбе будет неуютно и тут не имеет значения, какой у тебя сан. Жизнь не только Иллигеаса зависела сейчас от этих самых путей, однако спешить было нельзя.

Он не носил посоха или жезла, как другие маги. Его сила наполняла тело, как и положено его расе. Стоя на площади, он целиком обратился к этой силе, и закрыл глаза. Шум медленно отступил на задний план. Его внутреннему зрению открылся весь город разом. Если бы люди знали, что город это живой организм, они относились бы к нему по-другому. К сожалению, такие знания давались только магам. На сером фоне замелькали малые и большие точки, постепенно переросшие в силуэты.

Маги, в зависимости от выбранной ими стороны, светились разными цветами, от темно-серого, до малахитового. Среди них ярко горел багрово-фиолетовый силуэт женщины, очерченный черными линиями. Эллардис. Она тоже была здесь. Иллигеас сжал сознание, обходя ее стороной. Как темная охотница, не скрываясь, та ходила по городу. Лиловые одежды и такой же тонкий посох с кровавым навершием, выделяли ее из толпы. Купцы склоняли перед ней головы, маги приветствовали. Искать ученика на ярмарке зазорным не считалось, да только поиски Эллардис больше походили на охоту с выслеживанием. Она именно охотилась, и Иллигеас знал за кем.

Плотно завернувшись в плащ, маг усилил зрение. Он пролистывал горожан и гостей, как книгу. Видел и безликих, новых гончих Архимага, которые якобы поддерживали порядок. Они тоже что-то выискивали. И тут Иллигеаса ослепило. Свет ударил в самое сознание, ударил больно и горячо, заставив открыть глаза. Тогда он увидел повозку с людьми, проезжавшую мимо него. Свет продолжал жечь его, и маг поддался ему. Это случилось с ним впервые. Связь установилась в один миг, связь ученика и наставника. Тонкая нить связала его и фигуру на повозке очень крепко. Тело, в которое Иллигеас облек себя в этом мире, едва выдержало это. Но другого тела маг себе позволить не мог. Задыхаясь, он все же выстоял и высмотрел, куда направилась повозка, а после ему пришлось скрыться. Эллардис уже учуяла его. Как зверь на добычу, она устремилась на малую площадь, только никого там не застала.

* * *

Постоялый двор быстро заполнялся гостями. Приезжие купцы и прочий люд, и не только, стремились занять места до заката. «Морской змей» охотно принимал в свой зев всех желающих. К вечеру с моря потянуло прохладой, и горячий ужин с мягкой постелью служил хорошей приманкой. Люди Хорана заняли место у огромного камина, обвитого золотым змеем. Хозяин этим камином гордился. Витая решетка, кованная гномами и каменный змей с позолотой, того стоили. Огонь согревал весь зал. Жар поднимался к высокому потолку. Над камином висело оружие, подарок тех же гномов, а вдоль стен горели

масляные фонарики, похожие на корабельные, украшенные сиренами, существами с телом женщины и хвостом змеи.

Люд здесь изрядно шумел и гудел. Хозяин не скупился на крепкие заморские вина. В дни ярмарки, он выставлял все самое лучшее и поднимал из погреба запечатанные бочки и бутылки. Мальчишки, его сыновья, носились по залу с большими подносами, полными еды. С такой грудой на руках они успевали ловко лавировать между резными дубовыми столами. Сегодня вино лилось рекой в честь открытия ярмарки. Больше всех пили гномы, пили и не пьянели. Под стук кружек они распевали свои песни о подгорном богатстве. Люди, хоть и, не зная слов, подхватывали их напевы и стучали кружками.

Вечер только начинался. Хоран, быстро разгрузив коня и поставив его в стойло, загнал своих детей внутрь «Морского змея». Его люди к тому времени, тоже успели выпить. Трезвым остался только Мевор.

— Купил железо? — спросил он, хмуря брови и уставившись куда-то за спину Хорана.

— Купил, — кивнул тот и своей тяжелой рукой усадил Тиру с братом за стол. — На что ты так глаза пялишь?

— Да, вон колдовские штуки выделывают, — указал ему Мевор.

Хоран обернулся. Зал был очень широк и поделен колоннами. У одной из них вытанцовывал скоморох, заодно показывая всякие фокусы с монетами и огнем. Махнув на это зрелище рукой, Хоран и сам сел за стол. Голод дал о себе знать.

— Вижу, уже набрались, — сказал он, глядя на своих помощников.

— Повод, то есть, — выгородил их Мевор. — За коней немало взяли.

Его взгляд невольно скользнул поверх кружки и остановился на Тире.

— Слышал, там, на площади шум был. Слухи сюда долетели, — бросил он. — Гномы о какой-то ведьме рассказывают...

— Не знаю такого. Что сказывают? — нахмурился Хоран.

— Ведьма... — слова Мевора потонули в громких возгласах.

Скоморох, внезапно перевоплотившись в шутовского чародея в аляпистых одеяниях, вскочил на ближайший стол и чинно раскланялся.

— Народ добрый, не скупись на монеты звонкие! Мелкие и крупные! За малую плату явлю вам чудо из-за дальних морей! — выкрикнул он. — Покажу вам то, чего вы не видали!

Народ в знак согласия, застучал кружками по столу, и скоморох, яркой птицей слетев на пол, подскочил к одной из колонн. Снова раскланявшись народу, он вынул из недр своих рукавов широкий платок в заплатках и принялся им размахивать. Пыль полетела в разные стороны, и те, кто сидел рядом, недовольно закашляли. Хоран, внимательно следя за руками скомороха, заподозрил не доброе. После долгих пассов, тот бросил свой платок, и он завис прямо в воздухе, приняв форму прямоугольника.

— Чудо чудное, да явит вам истину! — воскликнул скоморох и дернул платок.

Когда серые клубы пыли улеглись, взгляду Хорана представилось большое зеркало в тяжелой оправе. Едва он успел шевельнуться, как скоморох вытянул из-за стола первого попавшегося гнома и толкнул его к зеркалу. Отражение подернулось легкой рябью, а после прояснилось, показав гнома в золотых одеждах. Пока тот довольно охал, Хоран схватил за руки Тиру и Аргелора.

— Идем отсюда! — горячо проговорил он и вытянул их из-за стола.

Зал был слишком полон. Хоран, вихрем метнувшийся к выходу, налетел на мальчишку-разносчика и выбил у него тяжелый поднос. Вино разлилось по полу, мальчишка упал и

потянул за собой Хорана, ухватившись за подол его одеяния. Аргелор рывком сумел удержать отца, но все трое уже оказались напротив зеркала. Оторопелый скоморох тут же спрятался за колонну. Мальчишка с разбитым носом и губой, зашелся слезами, а потом замер, уставившись на Тиру и ее брата.

— Ведьма! — вдруг истошно завопил он, тыча в них окровавленным пальцем.

— Плащ! — закричал Хоран и опоздал.

Капюшоны упали с Тиры и с Аргелора. Их волосы, пшеничного цвета, принялись чернеть у всех на глазах.

— Проклятые! Проклятье Хармороба! — раздались крики людей, едва черные пряди упали на плечи Тиры.

Хоран уже ничего не мог сделать. Все глаза устремились к нему и к его детям, а те стояли в растерянности. Зеркало, было, помутившись, вспыхнуло чистым светом, явив всем отражение девушки, с огромным белым драконом за спиной, а рядом с ней мелькнул такой же черный. Народ отшатнулся от троицы и все, кроме гномов, выхватили оружие.

— Ведьма! — крик пронесся по залу. — Голову ей с плеч!

— Хармороб покарает за черноволосых! — подхватили с другой стороны.

Удар в спину заставил Тиру пригнуться. К ногам упал чей-то меч с треснутым лезвием.

— Жги ее! Железо не берет! — под этот крик, озверевшие люди сорвали со стен фонари с маслом с явным намерением швырнуть их в сестру с братом.

— Стой! — голос отца перекрыл остальной шум, но ненадолго.

Хоран вдруг захрипел и стал оседать на колени. Его руки все еще пытались заслонить детей, только жизнь быстро покидала его тело. Как в тумане, Тира увидела брата, подхватившего отца, и охотничий нож, что торчал у того из груди. Алые капли медленно стекали на пол и запах крови врезался в нос болезненной горечью. Такой же нож полетел в Тиру. Острое лезвие ударило ее, чуть ниже горла, не причинив вреда. Металл рассыпался по коже, как сухой песок.

— Отец! — неистово закричал Аргелор. — Отец!

— Мои дети... мои... — слабый последний хрип, наполовину с кровью, покинул губы Хорана, и голова его бессильно упала на плечо Аргелору.

Все последующее потонуло в огне. Разбился кем-то брошенный фонарь, и горящее масло жадно поползло по полу, перекинувшись и на одежду озверевшей толпы. В лицо Тире пахло жаром. Народ, забыв уже про «ведьму», бежал на улицу, и только люди, в своей злобе не чуя смерти, продолжали метать свое оружие. Пламя быстро сожрало их. Пожар огненным вихрем вертелся вокруг брата и сестры, слизывая все богатое убранство, только языки его ничуть не жгли их самих. Огонь не чинил им боли, но тогда они этого не заметили. Другая боль заполнила сознание. На их руках умер отец. Запах его крови навсегда отпечатался в душе Тиры. Вдыхая его вместе с пеклом, она чувствовала, как нечто другое подбирается к горлу. Неведомая сила рвалась наружу.

Огонь плясал вокруг, раздуваясь все сильнее. Из красного, пламя превратилось почти в белое, и тогда крик брата вернул Тиру на место.

— Бежим! Нас задавит! Балки рушатся! — орал он сквозь рев огня.

— Отец...

— Сестра! — его пальцы впились в ее плечо, и он потащил ее прочь.

После первых шагов, часть кровли с грохотом рухнула, и огонь взвился еще выше, к самому небу. Небывалый гул оглушил их. Пламя лизало лицо и одежду, однако вреда не

причинило. Сквозь полыхающую стену, Аргелор и Тира рвались к выходу и огонь, будто расступился им навстречу. Они выбежали и оказались в черном дыму. Где то в стороне ржали лошади, которых выпускали из конюшни, кричали люди и гномы, слышался свист. Едкие клубы стелились по самой земле вперемешку с искрами. От них слезы брызнули из глаз, и дышать стало нечем. Видно ничего не было. Брат с сестрой бежали, а выбраться из дома не могли. Он походил на лабиринт и крики их лишь путали. Постоялый двор превратился во что-то бесконечное, а воздух кончался. Они задыхались. Последние глотки дались болью. Гарь раздирала горло и грудь. С кашлем, Аргелор повалился на колени, да и Тира хватал дым ртом, пытаясь выжать из него хоть каплю воздуха.

Дым дыхнул в нее всей своей чернотой и вдруг сквозь его черноту, протянулась рука, не естественно белая, с цепкими длинными пальцами.

— Сюда! — ясный голос, которым можно было резать лед, прозвучал в самой голове Тиры

Глоток воздуха, необычно свежего, разлился в ее груди. Едва не захлебнувшись им, она потянула за собой брата, и рука незнакомца выхватила их из дыма в какой-то липкий туман. Показалась не ясная фигура. За ее спиной маячили три, еще более странных зверя.

— Садитесь! Нет времени ни на вопросы, ни на ответы! Либо жизнь, либо смерть! — резанул голос.

С не человеческой силой, незнакомец усадил их на спины зверей. Кто он, разбираться было некогда. Слезы душили, но внутри Тиры что-то щелкнуло. Этот чужак в сером плаще, стал непонятно близок, словно она знала его раньше. Некая связь ниточкой пробилась к ее сердцу.

— Скорее! — торопил голос.

Огромные звери одним прыжком вынесли троицу из дымного плена. Перед глазами стоял отец, а слезы исчезли. Осталась только боль. Из души вырвали одно и взамен дали другое. Хотелось кричать, вместо этого из горла вырвался жалкий хрип. Весь мир будто свелся к единой точке и кроме нее ничего не существовало. В реальность Тиру вернул удар, хлесткий и жгучий, содравший до крови кожу со щеки. Тира даже не вскрикнула, только заморгала и широко распахнула глаза.

Зверь, весь черный, уносил ее прочь. Ладья осталась, где то позади. Тира не помнила, как они преодолели ворота и стражу. Руки сами держались за жесткое седло, а зверь, когда она отклонилась не в ту сторону, беспощадно хлестнул ее своим шипастым хвостом. Боль привела ее в себя, и оттого стало еще хуже. Зверь прыгнул, оставляя за собой овраг, и Тира вылетела из седла, ударившись всем телом о землю. В глазах поплыл туман, и что-то горячее потекло по подбородку.

— Сестра! — как во сне, она услышала отчаянный крик брата.

— Хватит шуметь! Гидрал не конь тебе! Вставай! — прежде чем Аргелор успел спешиться, чужак схватил Тиру за одежду и заставил сесть в седло. — Забудь о прошлом! За нами гонятся!

Утирая кровь, Тира схватилась за ремень, заменявший луку и узду. На гидрале было только седло, за которое и приходилось держаться. Отбросив все мысли, она ухватилась изо всех сил, и зверь пустился громадными прыжками вперед. Они неслись по лесу, по бездорожью, вслед за незнакомцем. Когда за спиной раздался леденящий кровь вой, все стало ясно. Погони уже не миновать. Звери притихли и ускорили бег, пригибаясь очень низко к земле. Всего раз обернувшись, Тира увидела черноплащников, только не таких,

каких она видела в городе. Тут они приобрели свой истинный вид. Их кони превратились в хищников, которых она никогда прежде не знала. Из их оскаленной пасти капала слюна, а тьма летела над ними черным крылом. Под их когтями земля превращалась в пыль, и страх, исходящий от них, сковывал разум. Ледяные клещи сжали голову, и Тира попыталась вывернуться из них. Страх отступил.

Гидрал под ней ускорился. Привстав в седле, она целиком доверилась ему, как доверялась верному коню. Слившись в единое тело с ним, Тира обошла незнакомца. Зверем не нужно было править и понукать, он летел сам, сам знал дорогу и чуял погоню. Гидрал перестал бить своего седока хвостом и весь вытянулся в тугую струну. Чужак, однако, легко поравнялся с Тирой и будто бы одобрительно кивнул. Может ей и показалось, только на душе отчего-то стало теплее.

Так прошла ночь, до серого рассвета, когда гидралы начали уставать и незнакомец разрешил остановиться. Погоня исчезла, может и временно, Тира этого не знала, но черноплащников не было видно. Троица остановилась у лесной реки, где журчали невысокие перекаты, и рос мох. Тело ныло и у брата и у сестры. Ныло так, что сводило зубы, и раны, оставленные хвостами гидралов, разболелись еще сильнее. Оба были в крови, с иссеченными щеками и спинами. Вдобавок у Тиры болели ребра от падения. Она скользнула с седла во влажный мох и припала губами к холодной воде.

— Кто ты? — раздался вопрос Аргелора. — Почему мы бежали?

— После! — коротко бросил вместо ответа чужак.

— От кого ты нас спасал? — прохрипела Тира разбитыми губами. — Я видела этих... хищников...

— Я чту память вашего отца, — произнес тот странным голосом, так, словно речь шла не о Хоране.

— Нам нужно вернуться домой. Там матушка... — начала, было, она.

— Ваш дом отныне не там, — ответил незнакомец. — Я не могу вести беседы тут. Погоня нас так просто не оставит. Я дам вам немного еды, чтобы поесть, а после мы покинем это место.

— Кто ты, чтобы указывать, где наш дом?! — Аргелор задышал тяжело и надвинулся на него.

Память об отце была слишком свежа, и этот чужак посмел на нее покуситься. Но было и еще что-то. Свет от этого чужака стал неприятен Аргелору. В миг забыв о боли, он подошел к нему и почувствовал, как от того веет холодом. Чужак стоял спокойно, не показывая лица и не двигаясь.

— Никто и ничто. Я мог бы обрести двоих, но вижу только одного, — смутно произнес он. — Я не могу держать вас. Если вы выберете гибель, идите к людям. Вас убьют быстро... когда найдут способ. Металл и огонь вам ведь не страшны.

— О чем ты? — Тира встала с колен и тоже приблизилась к чужаку, пытаясь заглянуть под темноту его капюшона.

Внутри что-то кольнуло. Внезапная тоска по отцу сдавила сердце, и чужак склонил голову. Будто почувствовал ее боль.

— Я буду говорить с вами, но не здесь, — он вынул из-под плаща маленький сверток и развернул его. — Ешьте и побыстрее. Гидралы сильны, но вам придется делиться с ними силами. Забирать их усталость. Это не сложно. Конечно, если хотите уйти от погони.

Он дал брату с сестрой по одному черствому сухарю. Аргелор взял его без особой охоты.

Заставил голод. На вкус сухарь оказался приятным. Он пах пряностями и мятой. Есть все равно хотелось, только усталость чуть прошла. Сам незнакомец довольствовался лишь маленьким кусочком этого провианта и глотком воды.

Звери за это короткое время, видно успели поохотиться. От них пахло кровью, и выглядели они сытыми.

— Едем! — приказал чужак.

— Стой, сестра! — шепнул Аргелор. — Я не верю ему...

— Я верю. Мне сердце подсказывает, — ответила Тира. — Люди...ты слышал, что они кричали там...

— Скорее! — уже потребовал их спаситель.

Пришлось запрыгнуть в седла. Гидралы захрапели, высовывая длинные красные языки. При свете звери выглядели страшно и хищно, но было не до разглядываний. С места они махнули размашистыми прыжками, только успевай держаться. Чужак же не жалел ни Тиру, ни Аргелора. Про отдых пришлось забыть и мысли на время вылетели из их головы. Превозмогая боль, приходилось приноравливаться к быстрому бегу. В полдень они впервые поделились силой с гидралами. Мысль о дележе, контролируемая чужаком, коснулась тела зверей и тяжелая усталость навалилась на седоков непосильным грузом. Жуткая слабость заполнила Тиру и в глазах потемнело. Она едва удержалась в седле. Усталость больших зверей стала настоящим испытанием, а чужак словно бы усмехнулся, глядя на сгорбившиеся фигуры наездников. Тира под его взглядом невольно выпрямилась, а Аргелор лишь недовольно поджал губы.

Снова по бездорожью, по глухому лесу, часто меняя направление, они бежали на северо-восток, с короткими остановками, вслед за таинственным чужаком. Последний, казалось, не ощущал ни усталости, ни голода.

Так прошел не один день, пока однажды, к вечерней заре, гидралы не вынесли их на возвышенность. С нее виднелся небольшой городок. Незнакомец развернулся и из-под капюшона взглянул на брата с сестрой. Вид у них был не самый лучший. Одежда в грязи и копоти, изможденные лица и разбитая губа Тиры. Он покачал головой.

— Придется зайти в город, — изрек он. — Я веду вас в город магов, но такими вас там не примут.

— Мы не колдуны и о таких делах не ведаем, — отрезал Аргелор. — Ты пустое затеял.

— Мне знать лучше, — сказал тот. — Конного пути туда двадцать дней, на гидралах меньше двух недель. Только времени у нас такого нет на дорогу. Придется избрать другой путь. Вперед!

К ночи они уже стояли у городских стен. Чужак расседлал гидралов и отпустил их. Тени, чернее самой ночи, крались следом за троицей и те торопились попасть в город. У ворот стража невнятно поинтересовалась целью позднего визита, и чужаку пришлось заплатить. Все из-под того же, безликого плаща, он вынул серый кошелек и отсыпал горсть золотых монет, после чего стражник отворил небольшую дверь в воротах и впустил их в город.

— Не советовал бы вам, на улицах задерживаться, — буркнул он из-под шлема. — Тут иная стража бродит...

Чужак, молча, кивнул, и они ступили на слабоосвещенную улицу. Дома тут не были такими высокими, как в Ладье, зато здешние каменщики не поскупились на разные украшения, в том числе, и на кованые фонари. Было очень тихо. Жители уже спали. Троица

шагала быстро, словно кто-то гнался следом, и этого кого-то, Тира увидела. Черный, призрачный всадник, ничуть не скрываясь, возник прямо перед ними, в узком переулке, куда они свернули накануне. Чужак остановился и резко вскинул руку.

— Уйди! — почти прошипел он.

Всадник зашипел в ответ. С места он не двинулся.

— Приказ Архимага, ловить тех, кто вне закона! Назовись! — его голос отдавал льдом и страхом, который стремился пробраться под кожу. — Назови имя! И покажи, кто за твоей спиной!

— Иллигеас, маг средней ступени Белого Ордена, — представился чужак и распахнул плащ.

Под серым покровом скрывались одежды цвета серебра с гербом Ордена и белой птицей под ним, отметиной Этиль Арада. Увидев это, всадник немного отступил и его конь, вернее зверь под личиной коня, зло захрапел.

— Как маг, имею право отчитываться только перед Верховным Советом, — веско сказал Иллигеас. — Назад, или я применю магию!

Он шагнул вперед и будто вырос. Одежда его засветилась. Капюшон сам собой упал ему на плечи, явив серебряные волосы, которые тоже вспыхнули ярким белым огнем. Всаднику пришлось отступить. Голодной темной тварью, он уполз в сумерки, а тьма все еще клубилась по мощеному переулку. Ее щупальца тянулись к Тире и Аргелору. Иллигеас топнул на них ногой и развернулся к брату с сестрой. Последние отшатнулись от него, увидев его глаза, темно-лиловые, с ясным взором, проникавшим в сознание. Маг несколько спешным движением накинул капюшон.

— Идем! — сказал он, быстро взглянув на Аргелора.

— Ты... — Тира хотела задать вопрос, но тот махнул рукой, давая понять, что говорить он не будет.

Переулок вывел троицу к небольшому дому, зажатому между башней и округлым зданием. Иллигеас постучал в низкую дверь, которую освещал маленький огарок свечи за мутным стеклом, подвешенный сбоку от нее. На стук ответили не сразу. Пришлось стучать дважды, и только потом, за дверью, послушались шаги и голос.

— Ну, кого там несет в такой час?! Лавка закрыта! — недовольно гаркнули из-за двери.

— Открой! — тихо, но требовательно произнес маг.

Не смотря на тишину голоса, его услышали. Загремели замки и многочисленные цепочки, дверь, наконец, приоткрылась, и из-за нее выглянул полный мужчина, не молодых лет, в ночной рубашке. Его черные глаза, глянув по сторонам, метнулись на незваного гостя.

— Что ты тут делаешь?! Тебе положение нынешнее не знакомо? — горячо прошептал он. — Кто это у тебя за спиной?

— Впусти нас! Ненадолго! — сказал Иллигеас так, словно это была не просьба, а приказ, только сказанный мягким голосом.

— Мм...меня головы могут лишить! — замялся тот.

— За нами погоня, друг, — еще более тяжелым голосом сказал он. — Ты хочешь увидеть то, о чем мне сам говорил?

Последнее на мужчину возымело действие. Он распахнул дверь и впустил поздних гостей, а после закрыл ее на все замки.

— Я просто лекарь, Иллигеас! А они на это не посмотрят! — проговорил он скороговоркой. — Думаешь...эти псы просто так везде разгуливают?

— Я не могу влиять на Архимага, — вздохнул тот. — В Академию теперь не всех пускают. Ты это знаешь.

Лекарь кивнул. Он был похож на раданарца, если не считать низкого роста. Кудрявые рыжеватые волосы, борода и черные глаза, почти ничем не отличали его от других людей. Он с любопытством разглядывал своих гостей, а потом его любопытство вдруг сменилось страхом. Он увидел черные локоны Тиры и косы Аргелора. Глянув на них, он сделал шаг назад и уперся в стену.

— После! — тут же дернул его Иллигеас. — Открой зал и умывальню, принеси немного еды. Я заплачу золотом.

— Не надо... Ты ведь мне друг. Я все сделаю, — торопливо отмахнулся тот.

Стороной, обойдя гостей, он зажег еще одну свечу, кроме той, что уже коптила его каморку, и отправился за прилавок, где стояли на продажу различные снадобья. Там он скрылся за шторой, затем заскрипел ключ в замке и он вернулся, жестом предлагая гостям пройти. Сам он тут же потушил свечу и лишний раз проверил замки на входной двери.

Комната, запрятанная в глубинах дома, была не слишком просторной, сплошь заставленной старой мебелью и книгами под толстым слоем пыли. Тут стоял запрелый запах. Комнату отпирали крайне редко и ценили за потайной выход. Была здесь и маленькая умывальня, в которую хозяин торопился налить теплую воду. Пока Тира с братом отмывали сажу с лиц, Иллигеас расчистил пол от ковров и книг.

— Ты снова берешься за эти штуки? — недовольно подметил лекарь, когда это увидел. — Призраки могут учуять. Хоть я и делал тут отворотный круг...но кто знает?

— Ты веришь в мою умелость? — не отрываясь от своей работы, спросил маг.

— Да, конечно... — протянул тот. — Только черноволосых ты зря привел. Я из людского рода и о проклятии знаю. Тот, у кого они родились...

— Их отец по рождению, погиб в огне, — перебил его маг.

— Вот как... — тот тяжело вздохнул и будто бы весь подобрался. — Ты слишком смел, уж не десять ли жизней тебе даровано? И не рассказывай мне о том, что это особая магия изменила твое тело. Не человек ты, Иллигеас, не человек. Только кто же тогда?

— Тебе должно быть известно. Или это не ты читал запрещенные трактаты? — Иллигеас скрыл улыбку, повернувшись спиной к нему.

Пальцы мага вычерчивали круг на свободном куске пола. Он чертил без всякой краски и заклинаний. Из кончиков его ногтей струилась тонкая серебристая ниточка. Лекарь за его спиной прищелкнул языком.

— А ты, значит, знал? Знал, и не сдал меня Архимагу?

— Архимагу о трактатах не известно. Я их сжег, — ответил Иллигеас.

Лекарь, припомнив подвальную библиотеку Этиль Арада, нахмурил брови. Обучение на мага он не проходил, однако много экспериментировал. Меняя тело, он частенько, в тайне, посещал те места, в которых ему быть не следовало.

— Я знаю о Высшем Мире. Так ты... — он замялся.

Из умывальни появились Тира и Аргелор, умытые, но одетые все в те же прожженные одежды. Закончив свою работу, Иллигеас встал с колен, и внимательно их осмотрел, затем подошел и легонько коснулся пальцами жженой ткани. По телу пронеслась прохладная волна покалывания и Тира увидела на себе совсем новую колору серых тонов и белую рубашку под ней с расшитым воротом. Такое же одеяние, только чуть более темное оказалось и на ее брате. Расшиты были и рукава колоры, а так же тонкий пояс, что

перехватывал одежду на поясе. Преобразилась и обувь в мягкие сапоги. Аргелор неуютно поежился. Колора теснила его широкие плечи, а Иллигеас остался доволен своей работой.

— Это одежда учеников магического Ордена, — сказал он.

— Эмм...я пока вас покину, — спешно произнес лекарь, и быстро вышел.

— И все-таки, кто ты? — вдруг спросила Тира Иллигеаса. — Я не видела людей с таким волосом и такими глазами...

— А с черным цветом волос видела? — ответил вопросом тот. — Или с зелеными глазами?

— Наверное, у тебя есть на это ответ? — спросил Аргелор.

— Есть, но для этого тут не место. Слишком много ушей в это время нас окружает, — сказал тот. — Ужинайте. В Этиль Арад надо успеть к рассвету. Но прежде, вам стоит усвоить некоторые вещи...

Пока они ели нехитрые блюда, Иллигеас за ними внимательно наблюдал. Его магический взгляд позволял видеть многое. Брат с сестрой ему не доверяли. Мысли об отце слишком тяготили их. Скорбь реяла над ними темным пятном, и магу это не нравилось, но избавиться от нее их он не мог. Было и еще что-то, странное, чего Иллигеас пока не мог разьяснить.

— Что за место такое, Этиль? — поинтересовалась Тира, хоть и не очень хотела разговаривать с Иллигеасом.

— Ты разве не видела карт земноморья? Халдрагара? — поднял тонкую бровь маг.

— Нет, в Раданаре были только малые карты ближних земель, — ответила она и отодвинула от себя тарелку.

Есть не хотелось. Думы, в самом деле, мучили ее, и рвали сердце на части. Одна половина рвалась на родину, вторая же твердила обратное.

Иллигеас встал из-за стола и откинул с пола пыльный ковер. На старых досках слабо светился рунный круг.

— Этиль Арад это обитель магов, — сказал он. — Есть маги ночи, света и изумрудного Ордена. Смертным, не владеющим хоть самой малой магией, вход в город воспрещен. Этиль Арад последний оплот магии, созданный Первыми, теми, кто получил свой дар очень давно, еще от создателей, двенадцати драконов. Надеюсь, последние вам известны?

— Они покинули нас давным-давно, — хмуро бросил Аргелор. — Отец... когда был жив, рассказывал предания тех лет.

— Он рассказывал, почему этот мир брошен? — Иллигеас открыл круг на полу полностью и теперь смотрел на брата с сестрой.

— Это имеет значение? — взгляд Аргелора снова стал холодным.

— Они ушли из-за людей, — ответила Тира. — Много веков назад.

— В Этиль Араде вам придется выучить истинную историю, и другие науки, — сказал маг. — Теперь пора идти. Этот круг перенесет нас далеко отсюда, на ступени города. Все, что нужно, это сосредоточие. Остальное портал сработает сам. В городе ни с кем не разговаривать без моего знака не будете, так же, как и говорить о своем роде. Никто не должен знать, что вы из Раданара. Это вам ясно?

— Чем плох наш род? — Аргелор не желал с этим мириться, но под взглядом сестры немного смягчился.

Тира лишь молча, кивнула. Иллигеас долго и пристально глядел ей в глаза, словно удостовераясь в ее вере, а после взял обоих за руки.

— Чем больше будете молчать, тем будет лучше, — сказал он напоследок.

Сила тихой волной ударила о стены дома и тут же вернулась назад, в порталный круг. Иллигеасу стоило немалых усилий вобрать этот откат так, чтобы безликие ничего не учуяли. Он был не один, и это утроило удар. Сознания Тиры внезапно коснулась отдаленная чужая боль, а Иллигеас сжался от нее так, словно его тело было чуждо ему самому. Потом мир вокруг заполнился белым светом, ослепительным и шипящим, как пенные волны, и рунный круг на полу комнаты бесследно исчез.

Глава четвертая

На всем Нимладоре, первыми рассвет встречали Этиль Арадские башни, реющие над облаками. Выше них не было ничего, и ранние, не смелые лучи позолотили тонкие шпили, возвестив о начале дня и начале церемонии. Этот день был последним, когда маги могли привести учеников в стены Этиль Арада. Такое случалось раз в год, и тем, кто не успевал, приходилось ждать следующего лета. Маги торопились. Кто достиг средней ступени, стремился обзавестись учеником, в которого он мог бы вложить свои знания. Конечно, в дни поисков маги рассыпались по всему миру, искали редкие таланты и самых одаренных, как когда то, в древние века, это делали Первые. Кому то везло, кому то нет. Чьи то ученики становились лекарями, а некоторые, и таких были единицы, пробивались в маги.

Сегодня, не смотря на ранний час, Этиль Арад кишел народом, и не только людьми. Проглядывались здесь и другие расы, преимущественно в зеленых одеждах. Этот цвет принадлежал Изумрудному Ордену. Однако в потоке спешащих, все чаще виделись лиловые, черные и дымчатые одежды. Постепенно их стало большинство. Цвета Темного Ордена заполнили почти всю лестницу, которая вела в Срединный Зал. Это огромное здание, абсолютно круглое, располагалось в центре города. От башен к нему подводились мосты, перекинутые широкими изгибами, сам же Зал был ниже башен на несколько уровней. Его купол медленно наливался багрянцем, и народ врывался в его распахнутые двери. Разноликая толпа походила на длинную ленту и хорошо просматривалась с балконов, на одном из которых стояли три главы, трех Орденов, каждый в своем цвете, с посохами в руках. Старцы смотрели на эту толпу хмуро, без особого энтузиазма. Конечно, ученики пополняли их ряды, но было и другое.

— Много же тех, кто нашел в себе темную сторону, — с нотой презрения в голосе, сказал Эдориус Серебрянный, глава Белого Ордена. — Пришло время твоего пиршества. Кеордиум... Радуйся же.

Тот, к кому он обратился, стоял молча и ровно, укрывшись под темным капюшоном широкого одеяния. Его суховатые пальцы сжимали темно-лиловый посох с черными витиеватыми узорами. Этот маг был не по своим старческим годам широкоплеч, как молодой воин, хотя века его были давно бессчетны. Вполоборота, он глянул на Эдориуса.

— Мой друг, ты скверно мыслишь о моих делах. Я храню баланс, но есть и те, кто тянется за иными знаниями, скрытно от меня. Это они сейчас ползут по лестнице, алчут силы и славы Архимага, истинные знания им, что ветер в поле, — сухо проговорил он.

— Знаю я, кто тебя из главы подвинуть хочет, — прошептал Хардарра, глава Изумрудных магов. — Да только ты сам привилегии дал...

— Не в моих силах теперь их отнять, — признался Кеордиум. — Архимагу дел нет до баланса, а ученики эти...

— Академия для них сейчас желаннее самого высокого ранга здесь, — закончил за него Хардарра.

— Ничего! Должен быть и тот...тот... — Эдориус замялся. — Ладно, пора спускаться на церемонию.

В Срединной Зале хватало места всем. Каждому Ордену была отведена своя часть, особое положение занимали так же маги, которые сумели найти учеников, и теперь привели их в Этиль Арад. Ученики носили неброские убранством одежды, удобные для занятий. На

церемонии они не имели права отлучаться от своего учителя и заговаривать с другими магами. За нарушение, ученика жестоко наказывали. Это правило касалось и тех, кто сегодня только прибыл в город, поэтому в гомоне толпы можно было слышать, как маги торопливо дают наставления новым ученикам.

Зал заполнился хоть и быстро, но никто не толкался. Ровный поток шел через двери и привратник терпеливо ждал, когда зайдет последний из идущих, чтобы протрубить в рог. После этого сигнала в Зал войдут главы Орденов и верховный маг города. С приходом последнего начиналась сама церемония, на которой ученики принимались в Орден.

Наконец, зал поглотил всех желающих. Не торопливо, они занимали свои места под высоким куполом, оставляя центр свободным. Зал наполнился не только магами, но и светом. Солнце хлынуло сюда сквозь открытые окна, позолотив тонкую мозаику на стенах и колоннах. Его лучи заиграли на четырех тронах, пробежав по самоцветным камням, и те тот час же приняли свой истинный вид. Трон верховного мага, самый высокий, засветился серебром, и над его изголовьем распростерлась белая птица, чуть ниже стояли троны трех глав. Белый Орден засверкал позолотой и огнем, трон Изумрудного Ордена оплели травы и цветы, а трон, принадлежавший темным, окутала сизая дымка. Каждый из них отражал свою суть и суть того, кто на них сидел.

Протяжной песней над долиной запел рог привратника, и три главы, опираясь на посохи, вошли в зал. Их приветствовали поклонами, достаточно низкими, чтобы выразить свое почтение. Старцы прошли к тронам и остались стоять, ожидая верховного мага. Тот появился следом. По правилам он носил белую одежду и был подпоясан темно-серым поясом. И то и другое, украшала тонкая, едва заметная глазу вышивка. Эодар, так звали мага, шагал мимо собравшихся неспешно, присматриваясь ко всем ученикам. Последние склонились еще ниже, так, что он мог видеть только их спины. Взгляд беловолосого старца, словно что-то искал среди них, но так и не нашел. Шелестя одеждой, он поднялся на свой трон и тихо сел. Двери зала закрылись.

— Пусть этот день будет светел! — громко объявил верховный маг. — Последний день в этом году, предназначенный для приема пытливых умов и умелых рук в наши стены. Путь мага всегда труден, но вступивший на него, не может свернуть. Забудьте свою прежнюю жизнь. Судьба тут у всех иная и разная. Сегодня вы предстанете перед всеми магами, и как ученики, должны будете показать свой талант. Церемонию прошу считать открытой!

Его голос звучал громко, и его речь слышали все. Ученики, кто из новых, с волнением топтались на месте, поглядывая на своих наставников. Те ничего не говорили и никак их не успокаивали, взгляд же трех глав действовал на учеников не лучшим образом, пугая их еще больше. Старцы глядели жестко, каждый своим особым взглядом и только взгляд Эодара не был ни жесток, ни мягок. Опытный маг смог бы прочесть в его глазах разочарование. Их темный цвет словно бы потускнел, а Кеордиум сразу учуял его печаль. Относящийся талантом к ночи, он почувствовал его сердце, как свое собственное, и сам тяжело вздохнул. Мысленно они могли переговариваться, но Эодар оказался тверд, как скала и скрыл свои мысли. Эдориус и Хардарра тоже не многословили. Их печаль так же тянулась тонкой струйкой.

Вопреки расхожему мнению, главе Темного Ордена, свет был не чужд. Он знал, чего они ждали и не дождались, и печаль охватила его самого. Эдориус сделал ему неоднозначный жест рукой от правого плеча, и взяв, таким образом, право слова, Кеордиум заговорил.

Когда он встал с трона, его одеяния заколыхались, как туман, а посох стал слегка светиться.

— Ну что же, — тихо начал он. — Вижу я, что велико пополнение в наших рядах. Пусть новых учеников не пугает цвет ночи. Магия звезд и темноты своеобразна. Владеть ею — тонкое искусство и большая честь... У вас у всех разные таланты, разным будет и ваше обучение. Кто смел, пусть первым покажет, на что способен.

Кеордиум опустил на трон и обвел толпу ищущим взором. Его Орден сильно разделился. Среди магов было много тех, кто не носил никаких отличий и готовился к отъезду в Академию. Их возглавляла молодая женщина в лиловом. Лучшая ученица самого Кеордиума, только слишком сильная и жадная до знаний и запретных книг. Сегодня она стояла без ученика, как всегда горделиво вздернув подбородок. На новых магов будущего поколения, Эллардис смотрела с пренебрежением. Зеленые и не опытные, те вряд ли могли показать что-то стоящее.

Не смело из толпы вышел юноша с медными волосами. Говорить он не имел права, собственно Кеордиум уже и так прочел его мысли и знал о нем все. Неловко поклонившись, он встал в позу, будто собирался поднять с пола нечто тяжелое. Его пальцы худые и длинные, быстро забегали по невидимым струнам воздуха. К ним от его ног протянулась тончайшая паутина, сотканная из дымчатых сумерек, в узоре которой, пели и плясали лесные дриады. Однако заклинание неожиданно сорвалось, а на лбу парня выступил крупными каплями пот. Действия дались ему тяжело, но Кеордиум одобрительно кивнул.

— Ткачи сумерек ныне редко встречаются, — сказал он. — Я ценю твой дар. Следующий...

Губы Эллардис дернулись в презрении. Силой тут и не пахло, лишь слабыми иллюзиями. Кеордиум строго глянул на нее. Его черные глаза могли причинить боль и очень сильную, и эта боль сжала горло мага. Эллардис даже виду не подала, только чуть отступила назад.

Ее поиски не увенчались успехом. Она осталась без ученика, а подбирать жалкие крохи было не в ее правилах. Сейчас любой маг был выше нее, даже с таким неопытным юнцом. В их глазах, она теряла статус, и это ее злило больше всего. За одну ночь она потратила уйму сил, обойдя все земли. Один раз нечто мелькнуло перед ее носом, мелькнуло быстро и исчезло. Ценное зерно прошло мимо, и Эллардис сжала свои пальцы в кулаки, впившись ногтями в ладони. Кеордиум не доверял ей, оборвав связь ученика и наставника, усомнившись в истинности ее намерений. От этого Эллардис озлобилась еще больше и затаила дыхание.

В центр мозаичного пола выходили все новые и новые ученики и делали свои попытки. Кеордиум кивал. Близился главный вопрос, который задавали уже очень давно всем ученикам. Когда последний ученик Темного Ордена показал свои способности, Кеордиум встал с трона.

— Есть ли среди вас тот, кто обладает иным даром? Тут многие волнуются и не раскрывают до конца своего таланта, — начал он. — Так есть такие? Если да, пусть выйдут сюда.

Ученики, молча переглядываясь, остались стоять. Кеордиум выждал некоторое время, а затем передал слово Хардарре. Будто не хотя, тот встал и тяжело оперся о посох из темного дерева, с изумрудным навершием. Камень светился матовым ровным светом, говоря о том, что особых талантов в его Ордене сегодня не предвидеться. Хардарра раздул широкие ноздри

и шумно вздохнул. Он не был человеком. Его раса принадлежала к древнейшим, и уступала только Высшим эльфам. Арты славились своей природной магией и знанием трав, знали они и слово леса, отчего сам лесной хозяин привечал их в своих владениях. Хардарра был высок и широкоплеч, как и полагалось арту. Его кожа имела бледно-лиловый оттенок, который иногда светлел до серого. Его волосы уже тронула седина, и из черных, они давно превратились в белые. Сквозь их копну проглядывали уши, переходившие на висках в роговые пластины, откуда они срастались в надбровные дуги.

Вид арта, когда он скинул капюшон, многих новичков привел в ужас, а попав под его хмурый взгляд, они притихли еще больше. Темно-синие глаза и впрямь смотрели строго. Фигура Хардарры будто нависла над всем залом. Ученики его Ордена невольно склонили головы, явно жалея, что вступили в него.

— Нет тут магов, одни лекари только, — шепнул арт Эдориусу. — Пусть начнут...

Он вяло взмахнул рукой. От новоприбывших ожидать было нечего. Новое поколение словно бы истощилось. Ученики показывали свои скудные умения, на том их смотр и закончился. Эодар после этого стал темен, как грозовая туча. Этот день его не радовал. Он глядел сквозь всю толпу на закрытые двери. Ученики Белого Ордена не показали ничего нового, игру со светом, вызов маленького пламени на ладони, это все, что они могли. Эдориус одобрительно кивал, поглядывая на навершие своего посоха, но тот едва светился. Камень горел ровно и глава Ордена с разочарованием опустил на свое место. Церемония близилась к концу. В зал внесли большую плоскую чашу. Каждый должен был пройти через нее, чтобы показать свою суть и истинное лицо. Первым в чашу глядел Эодар. Золотая чаша стояла на подножии в виде дракона с разинутой пастью. В лучах солнца, она ярко сверкала, натертая до зеркального блеска, и многие от этого блеска заслонились. Эодар, подобрав свои одеяния, медленно подошел к спокойной глади и провел над ней рукой.

— Смотрите, юные ученики, и запоминайте! — проговорил он. — Первое видение...

Его голос умолк, так внезапно, что Кеордиум и Хардарра напряженно вытянули шеи, пытаясь разглядеть, что так заняло верховного мага. Руки Эодара будто приклеились к чаше. Вода в ней еще никогда так не выглядела. Она превратилась в чистейшее стекло, которое резало пространство ножом. Одна его половина была прозрачной, вторая же, затуманенной. Взгляд верховного мага наткнулся на это, как на стену. Он не видел ничего, кроме зеркала, в котором отражалось нечто. Маги, видя, как каменеет Эодар, стали тихо перешептываться, но подойти никто не решался, только Эллардис сделала шаг, желая заглянуть в чашу и увидеть видение верховного мага. В этот миг Эодар отшатнулся и повернулся в сторону дверей.

* * *

Холод, жгучий до боли, впился в тело Тиры беспощадными иглами. Мир словно выбросил их из себя. Вокруг изменилось все. Множество образов мелькнуло перед ней и ее братом, пока они не слились во что-то одно. Из пустоты выросли башни, десятки белых стрел, устремленных в небо, и все они горели на солнце, которое только успело взойти.

Холод схлынул, и стало тепло. Они стояли на круглой площадке, перед широкой лестницей. Рунный круг исчез, и мир обрел ясность, пожалуй, слишком резкую, привычную глазу мага, но не смертному.

Дух захватывало, и вздох замер в груди. Тира в растерянности стояла на месте, не слыша

голоса Иллигеаса. Высокие башни чужого города на мгновение показались родными, и тут же маг резко дернул ее за плечо.

— Ты слышишь мои слова? — нахмурился он. — Вам обоим надлежит молчать и только молчать. Ни слова, ни взгляда!

Брат и сестра кивнули, и Иллигеас повел их к круглому зданию в полной тишине. Сердце мага билось, так по-человечески, что он сам невольно улыбнулся. Он не знал, ждут его там или нет. Он не просил разрешения и не брал совета у главы Ордена, он ушел, ничего никому не сказав, и верховный маг имеет полное право изгнать его из города на самые дальние земли. Но ноги шагали по ступеням, приближая его к заветным дверям, уже закрытым. Он опоздал на церемонию и все же надеялся успеть. Серый плащ развевался на ветру, как будто стремясь задержать его, а рука мага уже легла на дверное кольцо.

* * *

Что-то изменилось, и Эодар это ощутил. Чаша вздрогнула под его рукой. Воцарилась тишина, даже шепот стих, и закрытые двери Зала вдруг распахнулись. В них появились три фигуры, которые разрушили все давние традиции и запреты. Никто не смел входить в Срединный Зал после начала церемонии, даже старшие маги. Это было неслыханно, и толпа застыла, не зная роптать ей, или молчать. Со своих тронов встали главы Орден. Замерли и они, сжимая свои посохи, наверхия которых засветились ярче, чем когда либо.

В тишине, шаги троих звучали громко и дерзко. Толпа спешно прижималась к стенам и колоннам, уступая дорогу. Эти трое не кланялись и не просили прощения, а Эодар, как показалось Эллардис, и не спешил их карать.

Привратник, забывшийся от такого, внезапно закрыл двери и сам испугался их хлопка. Троица остановилась перед верховным магом. Иллигеас откинул капюшон, посмотрел ему в глаза и склонил голову. Следом за ним поклонились и двое пришедших с ним.

— Иллигеас... — одними губами прошептал Эодар.

— Это же нарушение! — тут же возмутилась Эллардис.

Ее взгляд подневолью упал на девушку и молодого воина, как поначалу показалось ей. Ученики магов никогда не имели такого сильного телосложения. Однако веяло от него необычной силой, как и от девушки. Эллардис жадно вдохнула, и глаза ее загорелись.

— Прощение, — тихо сказал Эодар. — Если находка твоя ценна, я дарую тебе прощение, Иллигеас... Если же нет, ты покинешь город навсегда, со всеми лишениями. Кроме того...

— Он нарушил правила дважды! Разве позволено иметь двоих учеников? — воскликнула Эллардис, перебив верховного мага.

Кеордиум тут же наказал ее болью, но она в запале не обратила на это внимания. То, что стояло перед ней, было превыше всякой боли, и хватка главы Темного Ордена ослабла.

— Покажите, что можете и умеете, — обратился Эодар к брату с сестрой.

— Нам нечего показать, — спокойно сказала девушка, ничуть не смутившись взгляда верховного мага.

Впервые голос ученика звучал в этих стенах. На этот раз, зароптали главы Орден. Эодар, чья сила не вызывала ни у кого сомнений, пристально глянул в зеленые глаза ученицы. Его взгляд был тяжел, даже Иллигеас ощутил его всем телом, как тупой удар,

способный вдавить в пол. Тира же не шелохнулась. Она спокойно смотрела в глаза седовласого мага, ни разу не моргнув, а Эодар наткнулся на твердый кристалл ее сознания. Его сила отразилась и врезалась в него самого.

— Тебе ведомо, что ученики не имеют права голоса здесь? Заслушивание будет наказан и ученик и его наставник, не вразумивший ему это, — с трудом выговорил он.

— Я знаю о молчании. Решение заговорить, было моим. Я не маг, и вашим правилам не подчиняюсь, но как у старца, за свои слова, я прошу прощения у тебя, — Тира склонила свою черноволосую голову в низком поклоне, как было принято в Раданаре.

Аргелор кланяться не стал. Эодар устремил взгляд на молчавшего Иллигеаса.

— Значит, ты не маг? Стало быть, человек? Смертный? — обратился он к Тире, не спуская глаз с Иллигеаса. — В таком случае, коснись нашей чаши. Если нет у тебя силы, вода останется чистой, если же в твоих жилах течет магия, чаша явит твою суть нам. Коснись ее.

— А если твоя чаша, нам смерть принесет? — недоверчиво спросил Аргелор.

— Разве она похожа на оружие? — Эодар даже улыбнулся себе в бороду, уже забавляясь этим разговором. — Иллигеас, подай пример своим ученикам.

— Эодар Светлый, к чаше может прикоснуться только один из них, — ответил тот. — Второй не избрал меня учителем.

— Вот как? Хорошо, пусть коснется один, — согласился верховный маг, и Иллигеас взял Тиру за локоть.

— Коснись чаши, — шепнул он ей.

— Не могу, металл не истинный, — ответила она так же шепотом.

— Тогда коснись воды, — Иллигеас легонько подтолкнул ее.

Встав у золотой чаши, Тира осторожно опустила кончики пальцев в холодную воду. Одного прикосновения было достаточно, чтобы сила могучим потоком содрогнула и пол и чашу. Она мелко завибрировала, запела, и вода вспыхнула белым огнем. Он взметнулся под самый купол длинными белыми языками, рождая в себе облик дракона. В тот же момент затрепетали те, кто носил черные одежды, и сама Эллардис сжала зубы. Она пристально глядела на черноволосую девушку, не обращая внимания на тонкую струйку крови, что сочилась из ее собственных губ. Сила, неведомая в этих стенах, давила ее, как каменные тиски. Эта мощь лилась в мир, как из бездонного колодца. Вдруг поток прервался, иссяк и переметнулся на черноволосого юношу. Он не касался чаши, но Эллардис учуяла его мощь, еще более кипящую чем, у девушки. Его тело наполнял могучий дух и воина и мага.

— Достаточно! — громко скомандовал Эодар и отстранил Тиру от чаши. — Я видел многое и могу сказать, что магия течет в крови и у тебя и у этого парня, течет с рождения и по праву.

— Не видано, чтобы маг обучал двоих учеников сразу! — воскликнула Эллардис. — Тем более, что один из них даже не избрал его своим учителем! Есть свод правил, написанный рукой первого Архимага. Каждому магу полагается иметь только одного ученика...

— Тихо, Эллардис! — вступил в разговор Кеордиум. — Решать будет верховный маг, Эодар Светлый! И вы все — тихо! Нечего толпиться у чаши, будет ваше время — коснетесь! А сейчас, все на десять шагов назад!

Ученики и маги отступили, только Эллардис осталась стоять на своем месте, словно слова звучали не для нее, и Иллигеас почувствовал очередной укол в свою сторону. Ее заклинание он легко отвел, отчего его соперница еще сильнее сжала зубы. Эодар, склонив

голову набок, хитро посматривал на них обоих, а после тронул Иллигеаса за плечо.

— Двоих учеников и вправду иметь не положено, ты это знаешь, так же, как и я, Иллигеас. Одного ты должен отдать, того, кто не избрал тебя, — спокойно сказал он. — Юноша, кажется, свободен от уз ученика...

— Мне не нужен учитель, я не нуждаюсь в поучении! — вдруг вскипел Аргелор.

— Нужен! — как змея, прошипела Эллардис, и подошла к нему, окатив его горячей волной магии. — Без наставника, твоя сила испепелит тебя! Твоя сестра избрала свой путь. Избери и ты свой!

Нить в один миг протянулась от нее к нему, и маг, пошатнувшись, едва не упав на пол. Связь проткнула ее, сжав тело болью на краткое мгновение. Эллардис выдержала это испытание с достоинством, хотя сам Кеордиум неожиданно осел на трон, не вынеся долгой волны магии. Эодар только нахмурился.

— Выбор сделан, — объявил он. — Что же, Эллардис, твоя добыча хороша, одобрит ли твой выбор, глава Темного Ордена? Кеордиум, что скажешь?

Темный маг сидел, тяжело опираясь на подлокотник трона, и затуманенным взором глядел на Аргелора и длинную тень от него, черную, чернее ночи.

— Мне нечего сказать... Связь я оборвать не могу, если она направит в нужное русло его силу... — начал он.

— Направлю! — хрипло ответила Эллардис. — Мой ученик будет самым сильным из всех, кого, когда-либо видел Этиль Арад! Не умел тот мастер, что не может огранить камень, попавший ему в руки...

— Не спеши, Эллардис, — остановил ее Эодар. — Твои слова громкие, но не обожгись о свой выбор.

Он довольно резко глянул в ее и Аргелора сторону. Под его взглядом, юноша опустил свои глаза. Эллардис тут же окрасила его одежды в темный цвет и потянула за собой, но тот не двинулся с места.

Тира стояла рядом, и все происходившее казалось ей сном. В один миг ее и брата, словно стена разделила, а еще толпа магов и их глав, что разглядывали ее, как диковинный товар на рынке. Кроме того, что-то сильно давило ей виски, и это что-то исходило от Иллигеаса. Тот находился за ее спиной и испускал непонятный холод. Ее мысли метнулись к брату. Он был на расстоянии вытянутой руки и все же казался далеким. Она смотрела на него, как сквозь туман и видела темную нить, тянущуюся от Аргелора к женщине-магу.

— Брат... — шепнула она, скорее мысленно, чем вслух.

Вместо брата откликнулся Иллигеас. Его жесткие пальцы сжали ее локоть.

— Отпусти... — проговорил он. — Выбор делается один раз...

Боль, такая же сильная, как от гибели отца, вломилась в ее сердце. Другой человек на ее месте выразил бы свои чувства слезами. Тира же вся сжалась, как перед прыжком. Огонь жег ее изнутри, а после золотая чаша снова запела, и все маги повернулись к ней. Звон, тонкий и лучистый, распространился по всему залу. Эхо от него начало усиливаться и вдруг оборвалось.

— Хватит! — прошептал Иллигеас на ухо Тире. — Я не могу сдерживать твою силу! Прекрати и молчи...

Будто услышав их разговор, Эодар развернулся к ним. Иллигеас многое успел прочесть на его лице и в глазах, прежде чем тот, так же резко обратил свое внимание и на Эллардис.

— Видно твой ученик и впрямь владеет не малой силой, раз чаша вновь поет свою

песню, — выговорил он, едва не запнувшись. — Кеордиум...тебе тоже стоит вложить свои знания в этого юношу...

Глава Темного Ордена кашлянул и вздернул бровь.

— Нет! — громко возразила Эллардис, и тут же, понизив голос, продолжила. — Дозвольте мне самой заняться им...

Это было прошение и одновременно отречение. Эллардис должна была отречься от своего учителя, чтобы единовластно владеть своим учеником. Кеордиум, сидевший до этого, как статуя, шевельнулся. Его связь, как учителя, и так уже была прервана, но отречение значило иное и это ему не понравилось. Будто за ответом, он повернул голову к Эодару, а тот сделал вид, что выбор ему безразличен, и тогда Кеордиум ответил коротким кивком.

— Дозволю, — сказал он. — Теперь Эллардис, ты будешь держать ответ перед самим Архимагом. Так же, ты и твой ученик должны будете принять участие в игрищах. Без поддержки моего Ордена.

Последнее он проговорил медленно и веско, заставив вздрогнуть магов в черных одеждах. Об игрищах, большом кровавом испытании, все были хорошо наслышаны, и добровольно еще никто не изъявил желаний в них участвовать. Однако и это не напугало ее. Эллардис горела от жадности обладания. Ее руки тряслись, как у вора перед несметными сокровищами, глаза блестели, и ничто не могло ее остановить. На Иллигеаса она глядела, как на проигравшего. Девушки редко достигали успехов в магии, слишком редко, и знания давались им гораздо тяжелее. Она знала это по себе, став ценным исключением. Иллигеасу, по ее мнению, досталась обычная пустышка, пусть и с необычной, для человека внешностью. Зато ее собственные руки горели от того дара, что стоял рядом с ней.

— Благодарю, Кеордиум! — сказала Эллардис. — Игрища страшны лишь для слабых, для сильных же это слава, и путь в Академию. В Этиль Араде слишком давно не было тех, кто мог бы занять одно место рядом с Архимагом! Разве ты не желаешь прославить свой Орден, Кеордиум?

— Или опозорить... — заметил Хардарра.

— Довольно пустых слов! — остановил их Эодар. — Тут много учеников и каждый маг в праве, заявить, что его ученик будет лучшим. Но сейчас это все слова и только. Предстоит обучение. Главам Орденов я хочу напомнить, что все три Ордена равносильны друг друга. И потом, не стоит забывать о Тритрагдоре. Академия и Этиль Арад не единственные места, где обучают магов. Скидарит — земля, рождающая не только слухи, но и таланты. При обучении своих учеников вам стоит учесть это.

И вновь на губах Эллардис вышло презрение. Кому нужны эти отшельники с забытой земли? В слова верховного мага вслушивались все, только не она, вцепившаяся в своего ученика мертвой хваткой. Остальные слушали внимательно, даже главы Орденов. Внимал его словам и Иллигеас. Ему сейчас пришлось слишком тяжело. Его ученицу терзала боль, сильная и неумемная. Брат, избравший иной путь, оборвал родственные узы, сам того не зная. Эта боль могла разрушить связь Иллигеаса с Тирой. Тонкая нить между ними звенела от натуги, и он висел на ней, как над пропастью. Как назло, от Темного Ордена вышел еще один маг, носивший черные одежды и не имевший никаких отличий.

— Если верховному магу было угодно упомянуть Скидарит, стоит вспомнить и Дальние Земли? — вступил он в разговор. — Может нам вспомнить и давно ушедших драконов? Забытую бль? Они ушли. Ушли одни властелины, придут другие. Нам же стоит думать о самих себе, а не о слухах и сказаниях...

— Что за речи?! — в мгновение вскипел Хардарра. — Забыть драконов?! Легенды и быль — наше прошлое! Наши корни!

Встал и Кеордиум. Его гнев туманом метнулся к дерзкому темному магу и сжал его горло.

— Как ты смеешь?! — прошипел он.

Его пальцы сжались сильнее, и туманная удавка выдавила хрип из мага. Жилы на его горле вздулись. Он силился разорвать ее, но ничего не получилось. На его лысой голове выступил пот, и лишь рука Эдориуса остановила заклинание Кеордиума.

— Хватит! — крикнул Эодар.

Что-то вспыхнуло. Жар окатил Иллигеаса прежде, чем тот успел отреагировать. Свет полыхнул ярче солнца. Боль согнула мага напополам, так, что он, и вскрикнуть не смог. Связь почти оборвалась, а Тира ничего не чувствовала. Сила выплеснулась волной, застелив ей глаза. Магия, дикая и первобытная полилась по Этиль Араду, грозя нарушить и без того хрупкий баланс. Сделав невероятное усилие, Иллигеас сжал эту неумемную силу, и все стихло, только ослепленные светом маги, не могли понять, что произошло.

— Я же говорил! Тихо! — прохрипел он, схватив Тиру за руку с нечеловеческой силой.

Магия быстро рассеялась, достаточно быстро, чтобы Эллардис и другие не увидели, от кого она исходила. Иллигеасу это стоило не малых усилий. Его лицо сделалось бледным, а руки похолодели. Он смотрел на Эодара уже с немой просьбой и верховный маг одним движением пальцев прервал все разговоры и вопросы.

— Церемония закончена! — оборвал он шум толпы. — Наставники, заберите своих учеников и покажите им их крыло. С этого дня, каждый наставник несет полную ответственность за своего ученика. Наказание так же будет выполнять наставник. За каждое ослушание — десять огненных плетей. Думаю, эти правила понятны. Город покидать не разрешается, так же, как и посещать нижние этажи города. Ношение оружия запрещено. Посещать крыло боевых магов запрещено всем ученикам, не вхожим в Боевой Орден. На этом все!

Эодар сверкнул глазами, как ястреб и все притихли. Ученики испуганно прижались к учителям, и только Тира и Аргелор никак не показали своих чувств. Расспросы о вспышке силы угасли тут же на корню. Эодар дал понять, что этого поощрять не будет. Зал понемногу стал пустеть. Не уходили лишь главы Орден, поглядывая на Тиру. Не спешила и Эллардис, пожирая глазами Иллигеаса, пока верховный маг не напомнил ей о крыле учеников.

— Правила одинаковы для всех, — проговорил он. — Я не люблю повторять.

— Мы уже уходим, — неохотно сказала Эллардис. — Идем...

Аргелор стоял, как вкопанный, не отрывая взгляда от сестры. Он молчал, и Тира молчала, чувствуя твердую стену между ними. Слова бы ничего не изменили. Это было его решение, странное, жестокое, но его. Связь выбрала ему в учителя Эллардис, и даже Эодар не мог и не имел права ее разорвать. Их пути разошлись. Тира поняла это. Терпя боль разлуки, она отпустила брата.

— Твоя воля... — прошептала она ему напоследок.

Этиль Арад заполнился учениками, как улей пчелами. Тут не было общих занятий. Каждый наставник сам знал, что нужно его подопечному. Многие пропадали в большой библиотеке, изучая разные писания. Темный Орден начинал свое обучение с приходом первых сумерек. Его ученики корпели над многочисленными трактатами и делали слабые попытки управлять туманом и зыбкой ночной темнотой.

Отдельно от них ходили те, чьи одежды были куда чернее ночи. Их наставники своих учений не разглашали. Негласно ими управляла Эллардис, которая своего ученика не показывала никому. За недолгое время она сама сильно осунулась и побледнела. Обучение отнимало много сил, хоть она и скрывала это.

— У тебя нет баланса с учеником, — как то заметил Кеордиум, остановив ее в одном из многочисленных коридоров. — Ты себя погубишь и ему знаний не дашь!

— Что ты можешь знать о нем? — ее глаза нездорово блеснули. — Его будет рад видеть сам Архимаг!

Кеордиум лишь качал головой. Он слишком хорошо знал, чем может закончиться такое обучение при неравных силах.

Главы Орденов, а так же, сам Эодар, имели право посещать территории других Орденов, и вести наблюдение за обучением. Каждый Орден занимал свое крыло, тогда как библиотека оставалась общей. Были и те, кто не носил никаких обозначений. На их одеждах не вышивались знаки Орденов и города, свои лица они не показывали, и ни с кем не разговаривали. В руках они носили странные посохи, больше похожие на корявые палки. Их безликое крыло находилось обособлено от всех, и там стояла охрана — духи в темных доспехах. Собственная рука могла легко пройти сквозь них, а вот их руки и оружие могли запросто лишить жизни любопытного. Некоторые из учеников за свое любопытство поплатились кровавыми рубцами на спинах.

В Этиль Араде многое находилось под запретом и это стоило усвоить. Территория дозволенного обозначилась в первые же дни, только Тире это было не интересно. Город не будил в ней любопытства. Все мысли сводились к гибели отца и брату, которого она теперь не видела. Наставник ее не тревожил, и она провела первые дни в своих покоях. Вид отсюда открывался на весь город и плывущие внизу облака. Когда-то надо будет отсюда выйти, несмотря на тоску, которая сжимала сердце Тиры.

Каждое утро за ее дверями шумели ученики и их учителя. Они много говорили, слишком много и неосторожно. Острый слух, позволял Тире схватывать все на лету. В Раданаре не болтали так громко и открыто. Тира узнавала весьма любопытные вещи о разных событиях и себе самой. Цвет ее волос и необычные способности ее брата не сходили с уст учеников.

— Проклятые они, говорю тебе... — доносились голоса из-за двери.

— Они маги, вот цвет и изменили. Разве сложно?

— Чушь! Этот парень здоров, как лесной медведь! Его железо не берет!

— Сам-то видел? Или слухи собираешь?

— А его сестра, не сильна, видно ничем. Вот брат ее...

В какой-то момент голоса стали омерзительными. В Раданаре мужчины занимались делом, а не обсуждали старушечьи слухи.

Тира быстро оделась. Легкая, удобная одежда даже не измялась за эти дни. Затянув

тонкий пояс, она решительно распахнула двери. Раннее утро окатило прохладой сквозь открытые широкие окна. Ученики, которые собирались разойтись на занятия, вдруг замерли, увидев ту, которую они обсуждали. Выше их всех на целую голову, Тира пригнулась и глянула на них так, как когда то глядел ее отец на не согласных с ним. Тяжелый взгляд заставил юношей расступиться без всяких слов. Кто-то даже выронил свои книги. Не смотря на сквозняк и легкий ветерок, длинные черные волосы Тире не колыхались и лежали ровно. Их чернота могла соперничать с крылом ворона и самой ночью. К их цвету она успела привыкнуть. Он казался намного роднее прежнего, русого, и это объяснить она не могла. Молча оглядев тех, кто ее обсуждал, Тира прошла мимо них к лестнице, и никто не посмел даже слова вымолвить. Они просто смотрели ей в след и жгли ей спину своими взглядами. Так, под молчание, она спустилась вниз, в общий зал.

* * *

Кабинет Иллигеаса пустовал. Он был просторен и располагался в башне, на последнем этаже. Из мебели тут стоял круглый стол, несколько стульев, узкий шкаф с книгами и высокий подсвечник. Все ждало ученика, но тот не шел. Иллигеас ждал день, два, пока Эодар не позвал его к себе.

Зал верховного мага был скрыт в самой глубине одного из зданий. Толстые стены тут хранили многие разговоры, и за пределы они не выходили. По своему желанию, Эодар делал зал светлым или темным. Тут могли царить ослепительное утро или звездная ночь. Зал каждый раз удивлял даже глав Орденов.

Тихо отворив дверь, Иллигеас попал на дальнюю родину артов, в лес, наполненный тайнами, шепчущий свои песни под белыми звездами. Трое магов восседали в креслах, сплетенных из гибких веток. Эодар стоял посреди иллюзии пруда и мшистых камней. Казалось, полы его длинного одеяния вот-вот намокнут в прозрачной воде, но нет.

— Заходи, Иллигеас, — произнес он.

— Собрание совета? — спросил тот, ступая на мягкую траву.

— Не совсем, — сказал Эодар. — Надо поговорить о твоей ученице.

Иллигеас сел в предложенное кресло. Эодар остался стоять. В его лице что-то изменилось, оно словно бы постарело, а волосы стали еще белее. Аккуратно причесанные, они веером лежали на широких плечах, сливаясь с бородой, которая спускалась на грудь. Как всегда, живой взгляд, изучающе пробежался по фигуре Иллигеаса.

— Я еще не начал обучение, — сказал тот. — Ученица должна прийти добровольно, а моя связь с ней пока слаба. Я еще не успел ее укрепить.

— Добровольно, да...я это знаю, — верховный маг вздохнул тяжело и прерывисто. — Хотя...я все же не особо верю во все это. Слишком много веков минуло. Никого уже не осталось, кто бы помнил ушедших властителей, а их слов и пророчеств тем более.

— Помнят Высшие эльфы. Их правители знают об этом, — тихо произнес Иллигеас. — Мне нечем доказать, кто я, но я смогу доказать, кто моя ученица, если она пожелает учиться.

— Да... — осторожно вмешался в разговор Хардарра. — Мы уже наслышаны о ее брате. К сожалению, Эллардис не показывает его. Но слухи доносят многое. Если оно, правда, как ты мог его отдать? Ведь это...

— Я тут не властен, — ответил Иллигеас. — Над ними никто не властен, только их

собственная воля. Мои слова может подтвердить сила. На церемонии она излилась и была истинной. Каждый из вас может это подтвердить.

— Выходец из Высшего Мира, — неожиданно обратился к нему Эодар. — Я знаю, что такое истинная сила. Только могли ли ушедшие драконы оставить потомков? Что если, ты ошибся?

— Если я ошибся, я уйду вместе с этим миром, — сказал Иллигеас. — Но я не ошибся. Я ждал, ждали и вы. Только учеников теперь двое, и они по разные стороны.

— Ты знаешь, что Эллардис подала прошение о разрешении посещать крыло Боевых магов? Хочет устроить своего ученика в их Орден, — сказал Эодар, несколько устало садясь в свое кресло.

Глаза Иллигеаса будто бы потускнели. Их лиловый цвет поугас. Он сплел пальцы и только тут заметил едва видный стол под иллюзией корней и веток. На нем лежала бумага, исписанная тонким женским подчерком. Рядом стояла золотая чернильница с белым пером. Эодар смотрел на Иллигеаса с вопросом. Он еще не ставил свою подпись и печать, выжидая ответа.

— Я против, — высказался Хардарра. — Прости, Кеордиум. Я знаю, это честь для твоего Ордена...

— Не стоит, — остановил его тот. — Я сам не одобряю это. Но есть еще Архимаг. Его власть решает, а не только наша.

— Подпиши прошение, — сказал Иллигеас. — Если мой ученик придет ко мне, я тоже обращусь за бумагой. Они хоть и брат с сестрой, но способности у них разные. Я это чую.

— Среди боевых магов никогда не было женщин, — засомневался Эодар. — даже Эллардис не прошла туда. Там требуется сила и выносливость. Нужно знать оружие, владеть им...и еще участие в играх, для боевых магов считается обязательным. Тут не стоит рассчитывать на удачу. Архимаг ужесточил правила, да и сами игры теперь не те...что, когда-то были...

— Он слишком во многое вмешивается! — наконец, заговорил Эдориус. — Его всадники, его люди! Он везде сует нос! В его Академии за последние годы сгинуло слишком молодых магов! Без вести! Он рыщет, как голодный зверь! И до сих пор, никто о нем, ничего не знает!

— Его личина темна, — Иллигеас сделал успокаивающий жест. — Вы должны знать, что приходит в пустующий мир. Я уже говорил об этом.

— Тогда надо дать бой! — вспыхнул Хардарра, ударив огромным кулаком по подлокотнику своего кресла. — Свергнуть Архимага, раз она сама тьма!

— Рано, — спокойно сказал Иллигеас. — И на него найдется свой враг. Архимаг — это иная магия, иные силы и законы. Иное зло. Создатели хранят свои миры от него, хранят, если и мир, хранит их.

— Ты же сам из высших, не уж то тебе не под силу? — не успокаивался арт.

— Нет! — Иллигеас вскочил с кресла. В его памяти пронеслись многие картины, которые он не мог объяснить здесь. — Моя раса не имеет такой силы. Я могу только помочь. Не более. Зло, что просачивается в брошенные миры, это иная грань даже для Высшего Мира. Оно изначально и истинно, как и Высший Мир. Оно было до него. А для борьбы с ним нужен другой воин.

— Я знаю это предание об истинном свете и тьме, — перебил его Эодар. — Это было до Начала Времен и это записано в трактатах. Они хранятся здесь, и каждый из глав читал

их. Значит, ты полагаешься на свою ученицу?

— Да, — кивнул Иллигеас. — На свою ученицу. Разное может случиться. Я еще не до конца разобрался в ее брате... Но свою ученицу я выбрал и буду учить ее.

— Пусть твое первое впечатление не окажется обманом, — сказал Эодар. — Я подпишу бумагу Эллардис. Надеюсь, Иллигеас, скоро и твоя последует?

— Последует, — ответил он.

— Что ж, — вздохнул Хардарра. — Наши посохи светились на церемонии. Если это верный знак, что твоя ученица сильный маг. Возможно, она познает всю нашу магию, а может, если это правда что ты говорил, о белых и темных драконах, может она покажет нам иную магию. Если она дракон.

— Для начала, она должна прийти на занятие, — сказал Иллигеас. — Мне пора идти.

— Иди, — отпустил его Эодар.

Когда закрылась дверь, встали и главы Орденов.

— И нам пора, — сказал Хардарра. — Оправдались бы ожидания и не оказались бы они пустым звоном...

Эодар остался один, и сменил иллюзию на привычный кабинет. Его чутье нащупало нечто тревожное, далеко отсюда. Безликие черноплащники с недавнего времени кружили на всех землях, и Этиль Арад становился им все более интересен. В город их не пускала стража, но она могла сдерживать их только на время. Рано или поздно, их придется пустить, и Эодар понимал это. Изменился сам мир, будто отравили его, и эта капля яда ползла, забирая все новые территории. Знал это и Иллигеас.

Войдя в свой пустой кабинет, он бросил плащ на стул и широко распахнул окна. Ворвавшийся ветер зашелестел тонкими шторами, и Иллигеас вдохнул его прохладный поток. Вдруг, дверь в его кабинет отворилась. Эти шаги он не услышал заранее и даже не почувствовал. На пороге стояла Тира. Закрыв за собой дверь, она встала, скрестив на груди руки.

— Ты говорил, у меня есть способности. Я хочу, чтобы ты учил меня, — сказала она. — Если ты, конечно, не отказываешься от своих прежних слов...

Ее осанка скорее выдавала воина, нежели будущего мага. Не было в ней и женской мягкости. Иллигеас увидел твердость. Таким же твердым оказалось ее сознание. Настоящий кристалл, способный резать мысли. Тира не прятал свой взор, но проникнуть за него, Иллигеас не смог.

— Я не отказываюсь от своих слов, — сказал он. — Только обучение не будет легким. Ты готова к этому?

— Да, — тут же ответила Тира. — Я хочу знать, кто я и кто мой брат, если уж тут, так много о нас все говорят.

Кабинет изменился в раз. Исчезли окна, сменилась мебель. Воздух стал немного душным, под ногами расстелились мягкие ковры, а посреди всего этого возник огромный низкий стол из камня, заваленный различными картами. С этого началось обучение.

Иллигеас не спешил с магией, начав с истоков. Картография стала важным предметом, потому что ее наставник смотрел далеко вперед, гораздо дальше пределов этого мира. Картой являлся и сам стол, а Иллигеас оказался хорошим рассказчиком. Карты появлялись прямо в воздухе. Он складывал их из пылинок, в точности повторяя все мелкие детали и подробности чужого ландшафта. Мир оказался намного больше, чем Тира могла себе представить. Ей открывались другие континенты, и даже другие миры. К своему удивлению,

она быстро выучила их наизусть. Так, за картами прошли дни, пока первые не закончились.

— Ты не все мне показал, — укорила Тира своего наставника. — Я ведь вижу истину, и тут не все карты.

— Ты читаешь мысли? — спросил тот, приблизив свое лицо к ней.

Пламя свечей отражалось в его лиловых глазах, играя их цветом. Тира мотнула головой.

— Нет, я не умею этого делать. Я просто знаю, что это не все карты, — сказала она.

— Хорошо... И что же подсказывает тебе твое чутье? — Иллигеас встал из-за стола, и заложив руки за спину, стал прогуливаться по кабинету.

Звук его шагов тонул в ворсе ковра. Тира их почти не слышала, обратившись внутрь себя.

— Чувствую, что есть другие земли и, что твоя родина не здесь, — чуть погодя, ответила она.

— Верно, — кивнул Иллигеас. — Это называется памятью крови. Твоя кровь помнит все, что знали твои предки, твои родители и твой род...

— Разве? Ты ошибаешься. Наш...отец... — Тира запнулась, но продолжила. — Наш отец не был путешественником.

— Отец по рождению — да, он не был путешественником, — снова кивнул тот, кладя ей руку на плечо. — Но ты ведь не человек, Тира. Хоран, светлая ему память, отец тебе не по крови, а по рождению, как сказали бы на моей родине...

Его силы едва хватило, чтобы заставить ее усидеть на стуле, и то только потому, что та сама, в глубине души, желала знать правду.

— Я не знаю другого отца, — тяжело выговорила она.

— Твой отец один из двенадцати драконов-создателей, — сказал Иллигеас. — Когда Харморог, первый вождь людей, убил названную деву двенадцатого дракона, тот перед своей смертью оставил миру пророчество. Его, не рожденным детям, было предрешено родиться у людского рода. Но Харморог проклял их еще до рождения. Той семье, которая решилась бы оставить черноволосых детей, было суждено погибнуть в огне. Много веков, таких младенцев предавали воде. Хоран первый, кто осмелился вырастить таких детей. Он заплатил за это своей жизнью, и я чту его память, не меньше твоего. Ты и твой брат, драконы, Тира. Драконы по роду и крови.

— Ты лжешь! — Тира вывернулась из-под его руки.

— Нет, и ты это знаешь. Ты видишь истину. Это видят только драконы, — сказал Иллигеас. — В тебе сейчас говорит человек, потому что ты родилась среди людского рода. Твой брат, кстати говоря, уже знает кто он. Но он знает иную историю, не правдивую. Такова его наставница. Я в этом не могу повлиять на него, это его желание.

— Вот как... Если я и он — драконы, почему же выглядим, как люди? — ее голос отдавал недоверием и не желанием верить.

— Облик дракона дается не сразу. То, что ты дракон, не сделает твое обучение легче, наоборот, усложнит. Здешние знания тебе покажутся спутанными и не нужными, не понятными, — сказал Иллигеас, глядя ей в глаза. — Мне еще многое надо тебе рассказать. Для всего будет свое время.

— И все же, в твои слова тяжело верить, — произнесла Тира.

— Возможно, — согласился он. — Ты согласишься, но сначала обучение.

Дни летели незаметно. Занятия начинались рано, заканчивались с закатом, и все это время Иллигеас рассказывал о дальних землях и разных народах.

— Маг должен знать все, — повторял он. — В первую очередь, ты должна уважать чужие обычаи и нравы, не забывая и о своих, конечно же. Халдрагар, этот мир, населяют разные народы.

Они и в самом деле были очень разные. Одни, тэлларийцы, населяли пустыни и жаркие желтые степи, другие, арты и серые эльфы предпочитали тенистые леса и темные берега внутренних морей, Высшие эльфы жили совсем уж далеко. Их земли, можно сказать, лежали в неизвестном направлении, и Иллигеас не спешил рассказывать о них слишком многое.

— Тебе рано еще знать о них, — отговаривался он. — Их магия сильна и своеобразна...

— Но ведь о гномах ты рассказал, — настаивала Тира. — А они живут дольше эльфов в этом мире.

— Верно, — кивнул он. — Но гномы ближе к земле. Их силы первородны и магия проста. Они знают слово.

— Только металл их не истинен, — сказала она.

Перед ней лежала сплошь исписанная карта, с обозначениями подземного города этого народа. Иллигеас, откинувшись на спинку стула, хитро улыбнулся.

— Истинный металл есть, но ты еще не достойна его носить, — сказал он. — Гномы так просто его не дадут тебе. Его надо заработать потом и кровью.

— Ты говоришь об оружии? — Тира нахмурилась. — Оружие всегда просит крови. Так говорил наш отец.

— Нет, — возразил наставник. — Оружие не жаждет крови. Да и у дракона нет этой жажды. Но и о защите не стоит забывать. В особенности перед лицом врага.

По его мановению руки, возник образ безликого всадника. Он выступил из воздуха в кабинет и надвинулся на Тиру вплотную. Его холод обжег лицо, и поддельный страх стал вкрадываться в ее сердце. Однако она не дрогнула, и образ медленно растаял.

С этого дня, к картографии прибавился новый урок.

В коридорах и на улицах Этиль Арада, ученики в обеденное время, частенько забавлялись иллюзиями. У кого-то они и в самом деле получались красивыми. Над белым камнем нависали то чудные замки, то дивные заморские птицы. Ученики Темного Ордена, любили показывать иллюзии из туманов. Наставники не возбраняли это, наоборот, давали дельные советы, в особенности Кеордиум. Иногда иллюзии выплывали и из-под его сухих пальцев. Эллардис же смеялась над этим. Когда она появлялась, ученики спешно расступались перед ней. Небрежной рукой, она сбивала их труды.

— Скучные забавы, — бросала она через плечо. — И твои силы, Кеордиум, видно оскудели. Разве кто-то из этих слабаков способен призвать зверя, что скачет быстрее ветра?

— Помниться, тебе он так и не дался, — напомнил ей тот.

С тех пор она молчала и появлялась все реже. Ее ученика и вовсе никто не видел с

самой церемонии.

Ти́ра скучала по брату, и Иллигеас знал это. Он чуял тоску по родной крови, и потому уводил ее все дальше. Занятия стали занимать все время, кроме ночи. В свою комнату Ти́ра возвращалась усталой, и сразу засыпала, без снов и видений, проваливаясь в пустоту, а с рассветом уже спешила к наставнику. О ее магических способностях Иллигеас по-прежнему молчал.

Однажды утром, он встретил ее у дверей своего кабинета. Вид у него был странный, глаза блестели. При нем Ти́ра не увидела книг и манускриптов, что сразу ее насторожило.

— Сегодня мы не будем изучать карты, — сказал он вместо приветствия. — Эодар, верховный маг Этиль Арада, оказал нам большую честь и доверие. Он позволил посетить крыло Боевых магов.

Слухи, конечно же, долетали до ее ушей. Она слышала о них и о том, как многие ученики жаждали попасть в их число, другие же, наоборот, рассказывали о жестоких испытаниях. Чужие языки доносили кровавые издевательства и пытки огненными кнутами. Мысленно Ти́ра отрицала это, и Иллигеас не увидел на ее лице ни ужаса, ни радости.

— Посетить? Такие же смотрины будут, как и на церемонии? — недовольно спросила она.

— Нет, я не буду говорить об этом здесь, — сказал Иллигеас. — Боевая магия — искусство тонкое. У тебя есть к нему способности.

— Это потому, что ты толкуешь, будто я дракон? — в глазах Ти́ры снова мелькнуло недоверие.

— Не только. Я не буду тебе рассказывать, пока ты сама не поверишь в это, — строго сказал он. — А сейчас, пора идти. Мне надо познакомить тебя с ректором Боевого Крыла.

— Я слышала, что мой брат занимается там, — осторожно напомнила она, пристально следя за реакцией наставника.

— Ты правильно слышала, но вы не увидите друг друга, — они уже шли по галереи к выходу.

Иллигеас хоть и не смотрел на нее, знал, что она чувствует. Однако, все чувства остались внутри. Ти́ра ничего не показала на своем лице.

— У ректора достаточно жесткие методы обучения, — тихо начал он, проходя мимо других учеников. — За все оплошности будут наказывать. В Этиль Араде наказания распространены. Каждый в свое время прошел через них.

— И ты? — спросила Ти́ра.

— И я, — честно кивнул он.

Они шли через весь город быстрыми шагами. Чем ближе они подходили к запретному крылу, тем чаще им смотрели в спину и провожали взглядами. Двери этого крыла открывались не часто. Тех учеников, что попадали туда, ненавидели и одновременно высоко уважали, даже главы Орденов. Самого ректора Боевого Ордена видели редко, зато слухи о его жестокости поражали даже самих наставников. Ти́ра же пустила их мимо ушей. Уже у дверей крыла, перед призрачной охраной, Иллигеас остановился и глянул на свою ученицу. Ее зеленые глаза оставались спокойными, словно все это было для нее обычным делом.

Каменные двери перед ними изменились. На их холодной глади проступил узор, и появились массивные кольца из черного металла. Маг слегка коснулся их пальцами, и тяжелые створки сами мягко раскрылись. За ними оказался не зал, и не здание, а лестница в долину. В Этиль Араде будто появился другой мир.

— Это Боевое Крыло, — сказал Иллигеас. — Ректор не приемлет обучения в каменных стенах.

Тира кивнула. Долина, которая открылась ее взору, пестрела разнообразием лесов, камней, мелких озер и невысоких гор.

— Тут легко затеряться... — тихо проговорила она.

— Только на первый взгляд, — ответил наставник. — Если присмотреться, тут все разделено на определенные зоны, и каждая из них свой собственный мир. Такова задумка ректора. Это самая искусная иллюзия.

— Иллюзия? — Тира всмотрелась получше.

Воздух тут пах цветами и елью, только слишком резко. Едва ее нога ступила на первую ступень, вся долина исказилась, смешалась, и на ее месте возник громадный зал из серого и красного камня. Вместо стен тут были толстые колонны, державшие на себе тяжелый купол с барельефами драконов.

Иллигеас и его ученица, оказались высоко над землей, в башне, откуда обозревался весь город и скалистые выступы с клочьями тумана. Тут бродил ветер. В его распоряжении была пустота. Его потокам не чинила препятствия ни мебель, ни шторы, и гостям тут не предложили сесть. Пространство здесь Тире показалось резким и натянутым, словно его полотно растянули на мечях, и не зря. Резкость исходила от ректора, который материализовался прямо перед гостями. Его метод возникать из неоткуда, отличался от метода Эллардис. Натянутость чувствовали только Тира со своим наставником и больше никто, даже Эодар не ощутил бы ее. Одежда ректора не шелестела, шаги не издавали звуков, не слышалось и его дыхания. Он мог бы соревноваться с самой тишиной, однако нарушил ее речью.

— У меня мало времени, — сказал голос, настолько тихий и тяжелый, что Тира ощутила холодок в груди.

Его звук проникал в самое сердце, как кинжал. Лицо Иллигеаса изменилось. Усилием воли, она подавила и свой холодок. Теперь вместо него появился интерес. Не пряча взгляд, Тира смотрела на фигуру в сером, абсолютно не напоминающим балахоне. Ректор был высок, вровень с ней ростом. Из широких рукавов виднелись сильные пальцы в шрамах, затем эти пальцы откинули с головы капюшон.

Лицо ректора выдавало его немалый опыт в бою и магии. Его так же пересекал рваный белый шрам. Он шел ото лба до подбородка. Шрамы потоньше украшали его лысую голову и шею. Рассечена была и правая бровь. Глаза ректора оказались такими же неприятными, как и его голос. Их цвет давно съело палящее солнце долгих дорог и пыль. Бесцветно-серые, они вбуравились в Тиру с презрительным интересом.

— Я привел свою ученицу. Эодар дал добро. Теперь я жду твоего слова, — начал разговор Иллигеас.

— Слышал. Из женского тела воина не слепишь, да и у меня хватает учеников. Ты понапрасну тратишь мое время, пользуясь тем, что я прозябаю в этих стенах, — прошипел ректор.

— Прошу, взгляни лучше, — попросил его маг.

— Мне не нужны слабаки, — тот полуприкрыл глаза, глядя на Тиру.

Внутри нее от этих слов уже поднимался огонь. Снова в памяти всплыл образ отца. Никто не смел называть его детей слабаками. Грудь Тиры поднялась от глубокого вздоха, глаза вспыхнули. Не отрываясь, она смотрела в глаза ректору, и ее пальцы сжались в кулак,

жаждая сдавить его горло, но она сдержалась. Неимоверным усилием, Тира заставила свою силу утихнуть. Это далось нелегко. Тело налилось тяжестью, почти что каменным весом и гранит закрипел под ее ногами. Многотонная плита на полу едва держала ее. Воля уняла и это. Взгляд сделался холодным и непроницаемым. Тира осталась стоять на месте, глядя на ректора, а тот вдруг криво усмехнулся.

— Дай мне свою руку, — сказал он и протянул свою. — Сожми мои пальцы.

В молчании, Тира сделала, что он просил. Вопреки ее ожиданиям, ректор не стал сжимать ее руку и перетирать кости, он лишь сопротивлялся ее давлению. Его пальцы на ощупь напоминали стальные прутья. Тира сжала их ровно на столько, сколько мог выдержать человек. Ни больше, не меньше. Несмотря на свои чувства и оскорбление, она не стала причинять ректору боль и он это почувствовал.

— Я беру твою ученицу, — бросил ректор Иллигеасу, убирая свою руку. — Занятия начнутся завтра.

Его лицо за весь скупой разговор ни разу не изменилось. Сделав короткий поклон, ректор исчез, а вместе с ним испарилась и башня. Тира и Иллигеас оказались перед дверями Боевого крыла.

— Хороши же его испытания... Где обещанная жестокость? — усмехнулась Тира.

— Конечно, хороши, — кивнул ее наставник.

— Только они слишком легкие, — она повела плечом, будто прогоняя остатки ярости. — Наверное, будь на моем месте истинный маг...

— Для каждого предназначено свое испытание, — заметил Иллигеас. — Пожалуй, на сегодня, я освобожу тебя от обучения. Прогуляйся по городу, разумеется, по разрешенным местам. Тебе надо общаться. Только...

— Не искать встречи с братом? — зеленые глаза неприятно кольнули наставника.

— Да, — кивнул он.

На этом они попрощались, и Тира осталась одна посреди города.

Глава шестая

Этиль Арад влек и отталкивал одновременно. Переплетения улиц и улочек сплетались в одну сплошную паутину, башни сверкали золотом и серебром, ослепляя красотой и тут же, среди белых стен, на Тиру навалилась тоска. Кусочек сердца рвался домой, куда дорога была заказана, другая же его часть вдруг взвыла. Чужие стены о чем-то напоминали, о чем-то давно забытом. Эта память всплывала из крови, из глубин сознания.

В этом забвении, Тира, незаметно для себя, побрела по улице, по пологим ступеням. Ее глаза смотрели куда-то вглубь себя, не видя перед собой ничего. Препятствие возникло внезапно. Ее нога встала на что-то твердое, что вывернулось из-под нее с шипением, едва не опрокинув Тиру на цветную брусчатку. Вынырнув из своих мыслей, она увидела перед собой арта.

Шипя от боли, он потирал хвост. В ту же минуту, перед Тирой выросла могучая фигура, в полголовы выше нее.

— Видно, твое зрение дальше носа не простирается, черноволосая? — с презрением выплюнул слова арт.

— Бой! Вызови ее на бой! — выкрикнул неизвестно откуда взявшийся низкорослый парень.

— Нет! Она же проклятая... — тихо проговорили со стороны.

Парень, говоривший о бое, едва доставал Тире до плеча. Его черный балахон говорил о принадлежности к Темному Ордену. Размахивая тонкими руками, он так и запрыгал вокруг арта и девушки.

— Бой! Бой за оскорбление!

— Чего это там, друг? — из-за спины арта вынырнул еще один парень.

Этот был коренастый и рыжий, будто солнцем поцелованный. Встав рядом с артом, он с вызовом глянул на Тиру и только тут она поняла, во что ввязалась. На лестнице сидело много учеников из разных Орденов, кто-то просто болтал с друзьями, а кто-то занимался чтением. Услышав слово «бой», все они разом побросали свои занятия, и уставились на Тиру.

— Поединок, так поединок! Чего медлить?! — снова воскликнул парень в черном балахоне. — За поруганную честь хвоста арта!

Толпа разразилась смехом. Однако встретив взгляд самого арта, все приутихли. Хотя нашлись и другие.

— Она же девушка!

— Вот именно... Черноволосая! Ведьма!

— Проклятая и хвостатый сейчас сойдутся! Вот бой то будет! — прыснули рядом.

Едва Тира успела опомниться, как ее и арта уже заключили в круг толпы.

— Поединок! — потребовали все в один голос.

— Так как? — рыжий обошел Тиру вокруг и остановился рядом со своим другом. — Я...

— Замолкни! — процедил арт сквозь зубы.

Казалось, он был не рад тому, что развернулось вокруг, но кулаки сжал. Тира же стояла спокойно, словно статуя, глядя на сборище жадных и ненавистных глаз.

— За поединок накажут огненным хлыстом! — прошептал арт.

— Хвостатый видно и чести не знает... биться не торопиться то...

Эти слова из толпы подхлестнули его. Нехотя, он занял стойку напротив Тиры.

— До первой крови! — прошипел он. — Ты меня оскорбила, и тут ты маг, а не девушка...

С кончиков его пальцев сорвался зеленоватый огонек. Едва долетев до Тиры, он угас. Толпа тотчас же залилась смехом.

— Это все? — холодно спросила Тира.

— Что за магия у тебя?! — глаза арта расширились от удивления.

Он повторил сложный пасс руками и снова заклинание угасло. Его соперница молча наблюдала за ним.

— Слабак! — слышалось из толпы. — А еще в боевые маги записывался!

— Да она верно ведьма...

— Хватит! — голос рыжего парня оборвал мерзостный шепоток. — Так не пойдет! Тебя обучают скрытой магии!

— Нет, — так же спокойно отозвалась Тира. — Я не маг. И даже иллюзии строить не имею.

— Что?! — толпа зашипела с новой силой. — Ведьма она!

— Черноволосая... — прошипел арт. — Ведьма...

— Я не ведьма! Если ты хочешь сражения, то дерись как воин! — в конце концов, разозлилась Тира. — Я не желала тебя оскорблять и могу принести тебе извинения...

— Нет! — вместо арта выкрикнул его рыжий друг.

— Бой! — взревела толпа, совсем позабыв о возможном наказании.

Арт бросил не добрый взгляд на своего друга. Фыркнув, он пригнулся и вскинул руку, а после оказался в железном плену, спиной к своему врагу, с вывернутым запястьем. Несмотря на свою природную силу, освободиться он не сумел.

— До крови! — выкрикнул кто-то, но Тира отшвырнула арта, оставив его невредимым.

— Я не буду драться! Если кто тут желает увидеть кровь, то увидит только свою собственную! Довольно на этом! — громко проговорила Тира.

Ее взгляд сделался невероятно тяжелым, от рук пошел сильный жар, который она сама не чувствовала, зато толпа бросилась врассыпную. Камень же под ее ногами сделался мягким как мох.

— Да ты... — рыжий парень шарахнулся от нее к своему другу, пытаясь его поднять, но тот вжался в ступени, словно заговоренный, глядя на плавающий воздух вокруг силуэта Тиры.

— Ты же... — он задохнулся от собственных слов.

Не дав ему договорить, Тира шагнула к нему, уняв свой жар.

— Если я тебя оскорбила, то прошу прощения, — сказала она. — Я слишком погрузилась в свои мысли и не заметила тебя.

Не обратив внимания на протянутую ему руку, арт медленно поднялся и отступил назад.

— Тебе не место здесь! — выговорил он, отталкивая друга за свою широкую спину. — Тебе и твоему брату. Твоего народа нет на этой земле...

Он развернулся и быстрыми шагами ушел прочь, бесцеремонно таща за собой рыжего парня, который бросал недоуменный взгляд то на арта, то на Тиру.

Прогулка на этом закончилась. Продолжать ее Тире расхотелось, и она вернулась в свое крыло. О поединке видимо никто не рассказал. В здании было тихо. Дверь в кабинет Иллигеаса оказалась закрытой, но Тира все же дернула массивную ручку и увидела своего

наставника, стоящего над столом. Перед ним лежала карта, каких она еще не видела. Большой толстый лист отливал янтарем и слегка светился. Линии на карте двигались, вместе с ними перемещались и символы. Завидев Тиру, Иллигеас не спешил прятать карту.

— Подойди, — сказал он.

Приблизившись, Тира прищурила глаза. Карта светилась гораздо ярче, чем казалось издали. На одном листе уместился весь мир, и Иллигеас, играя пальцами, мог перемещать на карте линии по своему желанию.

— Видишь этот континент? — по его мановению, всю карту заполнил один огромный кусок земли.

На Тиру пахло суровыми ветрами, несшими запах моря и льда. Карта вздулась темными буграми, на которых поднялись леса. С севера надвинулись льдины, необычные, с зелеными прожилками. Такие же, окружали и сам континент. Берега невиданной земли показались слишком неприветливыми. Их острые скалы походили на звериные клыки, под коркой наледи. Над ними плыли серые тучи, сквозь которые почти не проглядывало солнце.

— Что это за земля такая, безрадостная? — взглядываясь в серую пелену, спросила Тира.

— Северный предел, если карта не ошибается, — ответил наставник, и его пальцы умело разогнали тучи над континентом. — Эта земля самая закрытая, тут стоит Академия.

— Ты мне этого не показывал, — Тира обошла стол с другой стороны. — Почему она такая темная?

— Она хранит много тайн. Люди долго просили угрюмых гномов о разрешении основать там Академию. Раньше, эта земля цвела, но это было давно, — тон Иллигеаса стал грустным, а взгляд нахмурился. — С тех пор многое изменилось

— С приходом нового Архимага? Я слышала о нем. Кроме Темного Ордена, остальные им не довольны, — заметила Тира.

— Тебе пока что рано в это вмешиваться, — наставник торопливо убрал карту, уменьшив ее до размеров лоскута. — Завтра важный день. Тебе следует выспаться, а после целиком углубиться в изучение боевой магии. И...не следует дракону затевать поединки.

— Я прошу прощения, — Тира ничего не сказала об арте и его дружке.

— В твоей комнате тебе приготовлена другая одежда. Я же по-прежнему останусь твоим наставником, — сказал Иллигеас. — А теперь иди спать.

Откланявшись, Тира удалилась в свои покои. Иллигеас же, со вздохом, вновь достал карту и разложил ее на столе. После легкого прикосновения, карта засветилась. Множество ярких огоньков вспыхнуло на ее полотне. Маг положил ладонь на Северный Предел и зашептал заклинание. Он уже чувствовал действие магии и приготовился к переносу через пространство, как вдруг занавеси на окнах странно колыхнулись. Рука соскользнула с карты, оставив неясный след, и Иллигеас успел накрыть ее своим плащом.

Эллардис появилась внезапно и не так мягко, как прежде. Ее магия с треском пронзила воздух, и она с тяжелым вздохом вошла в кабинет. По ее дрожи, Иллигеас легко понял, что сил у нее осталось совсем мало.

— Я, кажется... — он закрыл собой стол, развернувшись к гостье лицом.

— Брось эти правила, — отмахнулась Эллардис.

Ее руки дрожали, а лицо осунулось, и выглядело бледным. Только глаза блестели холодно и хищно.

— Зачем ты пришла? — спросил Иллигеас. — Мы ведь...

— По разные стороны, — договорила та. — Ты все так же упрям. Думаешь, твоя

ученица способна пройти Боевое Крыло?

— Возможно, — ответил он.

— Откажись от нее, — Эллардис подошла к нему слишком близко.

Ее глаза горели так, словно хотели пронзить Иллигеаса взглядом. Ее чары были коварны. Она все еще хотела прочесть его мысли, но попытка оказалась намного слабее. Пошатнувшись, Эллардис все же устояла на ногах.

— Зачем же? — сухо спросил маг.

— В моего ученика надо вложить знания. Он силен. Если ты присоединишься... — ее шепот стал сиплым и глухим.

— Нет, — Иллигеас отстранил ее от себя. — Я не играю в твои игры. От своей ученицы я не откажусь.

— Ты знаешь, в Боевом Крыле многое происходит, — ее глаза снова блеснули. — Хотя, вместо этого, ты мог бы отправить девчонку домой, до брата ей все равно далеко...

— Думаешь, ты сможешь ее убить? — открыто спросил Иллигеас, складывая руки на груди.

— Ты слишком смел! — выкрикнула она. — Подумай над предложением. Архимаг слабых не терпит... Твоя ученица слабая, вместе с ней становишься слабым и ты.

— Слабой становишься ты, а не я. Посмотри на себя, — спокойно сказал Иллигеас. — Твой ученик забирает все твои силы. Ты отхватила кусок не по своим зубам.

— Архимаг... Впрочем, тебе не нужно знать об этом! — Эллардис зашипела, как змея, а Иллигеас легонько коснулся ее мыслей.

В сознании мага клубился туман, черный, вперемешку с болью. Она отдавала слишком много, почти все силы. У нее были свои планы, сплетенные из коварства, мести и самолюбия. На миг, Иллигеас увидел и Аргелора, увидел и невольно отшатнулся. Кривая ухмылка исказила лицо Эллардис, и она исчезла.

Человеческое сердце мага затрепетало. Иллигеас нашел силы справиться с этим и вновь отвернулся к карте. Огоньки под его пальцами ожили, но он словно не видел их. Перед его взглядом мелькала другая картина, страшная и неприветливая, втиснутая в этот мир. Со вздохом, он склонил серебряную голову. Поход откладывался. Огоньки на карте двигались медленно, стекаясь к окраинам Северного Предела. В бессилии, Иллигеас сжал кулак и закрыл карту. Реальность превзошла его опасения во много раз, только доказательствами он не владел. То, что видел он, другие увидеть еще не могли. Оставалось только ждать, когда окрепнет его ученица, тогда ему поверят.

Мысленно, он все же обратился к ушедшим из этого мира, драконам-создателям, и боль пронзила его с макушки до пят. Брошенный мир отличался еще и глухотой. Иллигеас не мог отсюда дотянуться до сознания Высших. Боль сжала его, подогнув ему колени и он рухнул на пол. Алые капли крови тяжело закапали на камень. Маг ощутил ее запах в своем носу и зажал его ладонью. В этом мире для его магии его телу не хватало крепости. Встать на ноги он не мог, слабость придавила его к полу, а в коридоре меж тем, слышались чьи-то шаги и довольно быстрые. Иллигеас предпринял еще одну попытку, чем окончательно лишил себя сил. Чья-то рука осторожно приоткрыла дверь, и в темном проеме возник Хардарра. Глава Изумрудного Ордена быстро очутился рядом с магом, одной рукой подняв его на ноги и усадив в кресло. Нос арта брезгливо дернулся.

— Не люблю запах крови, — проговорил он, касаясь ладонью его головы.

Сила арта была целительна. Он не использовал заклинания, только дар, данный его

народу в далекие времена. Боль отступила быстро. По телу пробежал холодок и Иллигеас со вздохом облегчения выпрямился в кресле. Арт смотрел на него с некоторым сожалением.

— Ты знаешь, что мой дар, позволяет мне читать мысли? — тихо спросил он.

Маг шевельнулся. Его сознание было закрыто, и в этом он был уверен. Его лиловые глаза с сомнением глянули на Хардарру.

— Кровь хранит твои мысли, — сказал тот. — Ты видел темный огонь в чужом сознании, а теперь его увидел и я. Только зря ты молишь драконов. До них не достучаться...

— Ты читаешь мысли по крови? — изумился Иллигеас. — Да...не все тайны мне этот мир показал.

— Твоя магия сильна, но и тут есть сила, — арт, убедившись, что маг чувствует себя лучше, отвернулся к окну и глянул в даль. — Читать по крови легко, образы ярче. Темный огонь, вот значит что...

— Это большая редкость, Хардарра, — проговорил Иллигеас. — Брат и сестра, а такие разные. Я ошибся, когда думал, что в Аргелоре нет магии. Видно, Эллардис ее разбудила.

— Эодар...

— Нет, он не поверит. Это зерно еще слишком глубоко. Эллардис еще сама не поняла, до чего добралась, она не знает о темном огне, только видит его силу, — Иллигеас снова вздохнул.

Арт повернулся к нему. Синие глаза блеснули болью. Маг уже знал, что тот хочет сказать, и мотнул головой.

— Почему же? — спросил Хардарра в ответ на его возражение.

— Убить дракона может только другой дракон, — тихо произнес тот. — Сейчас это уже не возможно. Если бы он был младенцем, тогда да... Сейчас уже поздно.

— Как драконы могли породить такое? А если и твоя ученица станет... — слова арта оборвались на горьком слове.

— Нет, — возразил Иллигеас. — Она сильна, но в ней нет темного огня. И драконы-создатели не виноваты. Пойми, это редкость. Редкость даже в Высшем Мире. Многие эпохи... Темное пламя такая же редкость, как и белое, и никому его не разглядеть, даже мне. Я видел лишь то, что они драконы.

— Скверно это, — тяжело вздохнул арт.

Его седые волосы упали на грудь от шумного вдоха. Ноздри затрепетали. Мысли Хардарры вновь и вновь возвращались к памяти Иллигеаса, а капли, что атели на полу, не давали ему забыть увиденное. Запах заполнил все пространство, и не выдержав, арт испарил их заклинанием. Его тонкий нюх не привечал резких запахов, а воспоминания застилали его голову туманом тревоги. Он поднял взгляд на мага.

— Твоя ученица еще не проявила никаких способностей. Ее брат же, — он покачал головой. — Эллардис его уже многому научила. В Боевом крыле они могут ведь и встретиться. Что умеет Тира?

— У нее есть способности, — ответил Иллигеас.

— Через год состоятся игрища, если не раньше. Там от Архимага уже не скрыться, — сказал глава Ордена.

— Я знаю, — Иллигеас снова развернул карту, которую показывал Тире. — Северный Предел уже не спокоен. Значит, магия Архимага набирает силу.

— До игрищ он из Академии не выйдет, — сказал Хардарра. — У тебя еще есть время, а потом...

— Не торопись, карта еще не потемнела, — сказал Иллигеас. — Время еще есть, надеюсь. А тебе, спасибо за исцеление.

— Не стоит благодарить. Твоя магия очень сильная, интересно, какое же тело у тебя было в Высшем Мире? — арт смерил его взглядом.

— Не по виду оно отличается, — с некоторой тоской ответил маг. — Тира и Аргелор, ведь, похожи на людей, а суть у них, другая.

— Гм... — ноздри арта раздулись, словно он задумался о чем то. — Какая же у тебя там магия, если сюда тебя послали, как ученика на задание?

— Обычная для Высшего Мира, — сказал он.

— Гм... — Хардарра вздохнул. — Пора мне, а тебе следует быть осторожнее. Тут ведь не Высший Мир.

Иллигеас неопределенно кивнул, а когда глава Ордена вышел из кабинета, снова растянул карту. Набросив на плечи плащ, он легонько провел пальцами по пергаменту, смешивая краски. Вокруг него закружились пылинки. Их вихрь поглотил Иллигеаса полностью. Кабинет осветила не яркая серая вспышка, и маг перенесся на много миль от Этиль Арада.

* * *

Холодный сон окутал мысли Тиры. Ей снились другие земли, по которым гуляли ветра. В лицо, будто по-настоящему ударил колючий дождь со снегом, и стало совсем холодно. Места были не приветливые. Бурые холмы с елями и запах болот. Себя Тира не видела, только чью-то высокую фигуру в сером плаще.

Кто-то шел, сопротивляясь ветрам, шел по лысому холму к лесу. Дождь его не страшил. Скользя по грязи, он проворно двигался к цели, и скоро скрылся из виду. В ушах зашумело. Теперь ветер явственно бил Тиру по лицу.

Иллигеас в это время шагал по землям Северного Предела. Путешествие далось не легко. Маг чувствовал слабость и чужую силу, чувствовал он и страх, который витал в воздухе. Многое тут изменилось со времени его прошлого визита. Исчезли камни. Напрасно маг искал их во мху и в лесу. Только грязь под его ногами мерзко хлюпала. Иллигеас уходил все глубже в чащу, ища заветный бугорок с рунами. Холод пробирал его до самых костей. Маг кутался в мокрый плащ. В конце концов, он опустился на колени, на опушке леса, на холме, и запустил пальцы в мох. Это было последнее место. Его рука наткнулась на пустоту.

Страхнув грязь, он обратил лицо к небу, к серым тучам, подставив его под дождь и снег. Вдруг, где-то далеко хрустнула ветка под чьей-то тяжелой поступью, и маг тут же поднялся на ноги.

Тира в это время, лежа в постели, вздрогнула. Ее тело напряглось, как перед броском, руки сжались в кулаки. Она чувствовала опасность. Тот лес, что ей снился, полнился странными тенями, которые сгущались вокруг фигуры Иллигеаса. Они обступали мага со всех сторон, а тот смотрел и не видел их. Тиру охватил жар. Она была с ним во сне, но только как наблюдатель, и сделать ничего не могла. Ее крика об опасности, Иллигеас не слушал. Он стоял еще некоторое время на опушке, а затем побежал. Он не испытывал страха перед смертью. Тира чувствовала нечто другое. Иллигеас не мог умереть, как обычный человек, и не мог потерять свое тело. Он жил для кого-то. Тонкая связь кольнула Тиру в

самое сердце. Эта связь была не простой, не такой, как у наставника и ученика. Для Иллигеаса она имела важное значение, слишком важное, чтобы исчезнуть из этого мира.

Ти́ра напряглась. Ее сознание сделалось чистым и острым, как кристалл. Оно резало пространство, резало тот туманный холод, что царил на чужой земле, и Ти́ра ворвалась к Иллигеасу.

Мага окружило сияние, яркое и тонкое. Воздух зазвенел вокруг, задрожал, и липкая темнота, в которой прятался враг, стала отступать. Тени с шипением отползли в лес, и Иллигеас, остановив бег, с размаху упал в колючие заросли. Острые шипы разорвали его рукав, полоснув по коже. Горячая кровь хлынула по его пальцам на землю, и маг невольно охнул от резкой боли. Его колени ударились обо что-то твердое и шершавое. Забыв тут же о боли, Иллигеас принялся соскребать мокрые комочки мха с бугорка. Из-под них показался серый камень с древними письменами, стертыми временем. Маг, не обращая ни на что внимания, очистил камень целиком, и спешно приложил к нему окровавленную руку. Алые капли тут же впитались в камень без следа. Иллигеас надавил на глубокие царапины, выдавив тонкую струйку крови. Письмена пили ее, а потом вспыхнули желтым светом, который сменился ровным свечением. Где-то в глубине земли, на этот зов откликнулась древняя магия, и понесла свою весть на другие земли. Иллигеас прислушался к ней. Мир принял его послание. Дело сделано и теперь следовало убираться отсюда.

Маг оглянулся. Его спасли, но лишь на время. Тени подбирались к нему, и запах крови вызвал из леса кого-то еще. Этим зверей маг не знал, только слышал их утробный низкий рык и голодное урчание.

Зажав раны на руке, Иллигеас собрался с силами. Уйти с этих земель будет намного труднее, чем он думал. Воля Архимага подавляла его силу, и он снова скорчился от боли. Магия Иллигеаса рвалась наружу, а его тело сопротивлялось. Архимаг быстро это учуял, маг почти ощутил, как шевельнулась его громадная тень, и боль сдавила Иллигеаса, сжимая его горло.

Немой крик пробудил Ти́ру. Ее руки горели огнем, и этот огонь достиг Иллигеаса, освобождая немалую мощь. Земля под ногами мага колыхнулась, жар окатил его волной, и, воспользовавшись этим, он шепнул заклинание. Вихрь перемещения подхватил его, и вынес в Этиль Арад, в его кабинет, ударив о каменный пол всем телом.

Все смешалось. Иллигеас смутно видел, что было вокруг, разглядев только луну, что светила в окно. Он лежал на холодных каменных плитах, и боль медленно покидала его тело. Тяжелые вздохи постепенно обретали ритм обычного дыхания. Наконец, маг поднялся с пола и сделал несколько шагов, чтобы упасть в кресло. Руки дрожали, раны саднили, но Иллигеас довольно улыбнулся. Он сделал то, что хотел. Его услышат. Пусть псы Архимага и уничтожили заветные камни, один он все-таки нашел. Переведя дыхание, Иллигеас подумал о спасшей его магии. Недовольство Архимага он ощущал до сих пор. Добычу вырвали из его лап, и теперь он знал, кто это сделал. Иллигеас шепнул охранное заклинание. На сердце стало холодно. Где-то далеко шевелилась черная тень. Она рыскала, ища след, а некая сила, будто щит, отразила ее магию. Но Иллигеаса это не обрадовало.

Устало вздохнув, он встал и заклинанием высушил свою одежду. Перевязав раны, маг вышел из кабинета и направился к покоям учеников. Там было тихо. Изредка, из-за дверей доносилось мерное посапывание, а некоторые спальни, в силу ночных занятий, были пусты. Иллигеас остановился у двери своей ученицы. От нее исходил жар, странный, который не разжигал огня, однако хорошо ощущался. Чуть приоткрыв дверь, он едва не обжегся. Таковую

магию он на себе еще не испытывал.

Закрыв дверь, он метнулся в свои покои и достаточно вовремя. Едва он уселся за рабочий стол, попутно сменив дорожный плащ, к нему явилась незваная гостья.

Воздух задрожал мелко и зябко. Чернила выплеснулись на бумаги сами и тут же заледенели. Раздался треск разрываемого пространства, болью вошедший в Иллигеаса, и в комнату ворвалась Эллардис.

Ее кожа светилась синевой, глаза горели недобрым огнем, а одежды стали абсолютно черными. Тонкие пальцы сжались в острые кулаки, и она нависла над Иллигеасом.

— Ты... — ее голос зашипел, и пальцы схватили мага за ворот одежды. — Ты...

Вместо слов, за ее спиной мелькнула черная тень, тут же вобравшаяся в подол ее платья.

— Раздвоила свою суть? — невозмутимо произнес Иллигеас.

— Твоя суть еще мутнее моей! — прошипела Эллардис, и ее пальцы впились в ткань с такой силой, что почти проткнули ее собственную кожу. — Говори, кого ты привел в Этиль Арад?! Отвечай! Кто твоя девчонка?!

Ее рука замахнулась для удара, но в последний момент наткнулась на защиту. Охранный щит обжег Эллардис и та невольно отшатнулась. Иллигеас остался сидеть за столом. Бледное сияние вокруг него тут же погасло.

— Я привел брата и сестру, Эллардис. Аргелор стал твоим учеником, его сестра — моей ученицей, — ответил он. — Не больше, не меньше.

— Ты... что за магия тебя охраняет?! — ее шипение сделалось ледяным. — Что ты замышляешь?!

— Эллардис, твой разум помутился от долгих занятий. Ты слишком предалась тьме, это пагубно для твоего тела, — сказал маг.

— Я предана своему Ордену и Архимагу. А что касается тебя... — она подошла ближе и тень выросла за ее спиной.

Холодные пальцы, преодолевая боль, впились в горло Иллигеасу.

— У тебя не выйдет то, что ты задумала! — прохрипел тот.

— Открой мне разум! — потребовала она и надавила на него, вжимая в кресло. — Из какого мира ты выходец?!

Резкая боль заставила Иллигеаса захрипеть. Сила Эллардис выросла, будто кто-то помогал ей. Маг сопротивлялся, но не мог освободиться. Боль сковала его, и он жадно хватал воздух окровавленным ртом. Его магия, сила Высшего Мира, словно попала под колпак. Силась вырваться, маг дернулся, и к нему метнулась черная тень. Холод сжал его голову. Тень впилась в него своими когтями, и бездонные глаза нацелились на него, как два кинжала. Его сознание пытались сломать. Оно трещало, и холод медленно вползал в него, добираясь до мыслей. Собрав свою волю, Иллигеас все же применил магию. Его пальцы слегка коснулись груди Эллардис, и ее жизнь тут же покинула ее тело. Зеленый ручеек ее сил стек по руке мага и исчез. Эллардис осела на пол, но тень не отступила. Ее когти полоснули Иллигеаса, и проткнули его плечо. С рук мага сорвался белый огонь. Шар полыхнул на всю комнату, и тень с омерзительным визгом исчезла, оставив на полу след из серого пепла.

Иллигеас зашатался. Кровь хлестала из раны на его плече. От боли стало мутно в голове. С последним усилием, он шагнул к двери, распахнул ее настежь и прохрипел имя верховного мага. Его зов был слаб, силы таяли, и он медленно сполз на порог.

— Эодар... — сорвалось с его губ.

Коридор осветился. Ярко вспыхнула звезда, и перед Иллигеасом появился верховный маг вместе с Хардаррой и Кеордиумом.

— Жив! — на ходу крикнул Эодар.

— Он жив! — донеслось до Иллигеаса, и рука арта сжала его рану.

— Это Эллардис...суть раздвоила... — шептал маг, но его не слушали.

Глава Изумрудного Ордена быстро лечил глубокое ранение, стараясь унять кровь, а Эодар с Кеордиумом прошли в кабинет.

— В мое крыло! — скомандовал верховный маг. — Живо!

По мановению его руки весь беспорядок и следы борьбы исчезли из кабинета Иллигеаса, так же, как и тело Эллардис. Эодар превратил его в пепел и испарил. Что произошло, он уже и так знал.

Едва они очутились в его крыле, туда же перенесся и Эдориус.

— Его нет! — просипел он, пытаясь отдышаться. — Он исчез! Аргелор исчез!

— Моя вина! — Кеордиум сжал свой посох и ударил им об пол.

Темные искры рассыпались во все стороны

— Нет, — спокойно сказал Эодар. — Аргелор теперь принадлежит Архимагу. Твоей вины нет. Хардарра, друг, вылечишь?

— Уже, — арт мягко уложил Иллигеаса на кушетку и его сила разлилась по телу мага. — Тут была задействована черная магия, но...нашего мага охраняли...

— Архимаг пожалует сюда, — вдруг спохватился Кеордиум.

Его пальцы дрогнули и сжались. Свои мысли от Эодара он не таил, и тот отчетливо почувствовал, как ворошились тени и сумерки, еще не попорченные чернью, торопясь спрятаться в лесах.

— Нет...ему нельзя... — хрип дался Иллигеасу с болью, и рука Хардарры торопливо прижала его к кушетке.

— Тебе нельзя разговаривать! — арт, без предупреждения, прожег его рану целительным огнем, и маг затих, но лишь на время.

— Нельзя...она...сестра его, еще не окрепла... — прошептал он. — Это она...она меня защищала. Ее магия сильнее моей.

— Что? — Кеордиум опустился на кушетку рядом с ним, и тут же встал, поймав взгляд Хардарры.

— Прости, но магия сумерек может помешать исцелению, — сказал он, и укрыл Иллигеаса своим плащом.

— Что же это за сила такая? — Кеордиум кивнул арту, и обратился к Эодару. — Что за сила, которая уберегла его от смерти?

— Брат Тиры обратился к тьме, — сказал Эдориус. — Я боюсь за саму Тиру. Если она...

— Нет... — губы Иллигеаса дрожали от боли. — Ее сила другая...

— Лежи тихо! — Хардарра снова надавил ему на плечи.

— Кеордиум, как скоро прибудет Архимаг? — спросил Эодар. — Я не могу его чувствовать.

— Я не знаю, Эодар, правда не знаю! — почти воскликнул тот, и бессильно сел в кресло. — Что-то творится на севере. Не могу сказать. Только...Иллигеас отправил зов...

Эодар глянул на него, а после положил руку на лоб мага. Иллигеас не сопротивлялся. Верховный маг читал его мысли с его негласного позволения, и узнавал многие вещи, о которых ни один тайный трактат не рассказал бы. Эодар окунулся в них на миг, а знания

получил вековые.

— Так вот оно что, — содрогнулся он, и все остальное поблекло перед его глазами.

Темные запретные скрижали Высшего Мира о темном огне, которые когда-то читал Иллигеас, пронеслись перед Эодаром неясным пятном, так же мелькнули и белые. Верховный маг видел драконов, настоящих, в своем облике, под чьими крыльями неслись миры. Познал он и темную сторону. Древнее зло, древнее Высшего Мира витало в тех краях, оно сейчас и сочилось в мир Халдрагара.

— Я умру с вашим миром, если моя ученица не справится, — прошептал Иллигеас.

— Она дракон? — тихо спросил Эодар.

— Да, — маг попытался кивнуть. — Я сообщил народам. Они должны знать и бороться.

Пусть знают о драконе.

— Эодар, ему нужен отдых, — проговорил Хардарра.

— Пусть спит, — кивнул тот. — Надеюсь, у нас есть немного времени.

— Архимаг чтит правила, — проговорил Кеордиум. — Все же есть надежда...

— Что не будет войны? — договорил за него Эодар.

Он посмотрел на заснувшего Иллигеаса и нахмурился. Его мысли неслись так же быстро, как молнии, и так же беспорядочно, не желая собираться воедино. Конечно, войны были, но маги в них никогда не участвовали, да и войны больше походили на стычки с дичальными с дальних болот. Много было Орденов, много учений, и собрать всех воедино на одну войну никогда не получится. Эодар вздохнул.

— Глупая надежда, Кеордиум. Ты, хоть и темный маг, а веришь в чудеса, — глянул он на него.

— Ночь, это не тьма, а я — не чернокнижник. Другие истины знаю, — сказал тот. — Ты что же, хочешь первым развязать войну?

— Нет, мы будем ждать, и наблюдать, — сказал он. — У нас нет единства, а без этого у нас нет и сил.

Он в последний раз бросил взгляд на Иллигеаса, и растворился.

Глава седьмая

Ректор Боевого крыла еще задолго до рассвета, поднялся на смотровую площадку, и оглядел свои владения. Тут царствовала его магия, весьма понятная и простая, а так же, и опасная. Много лет путешествий и сражений наделили его разными качествами. В меткости он не знал себе равных, так же, как и в знании леса. Он ведал язык его хозяина и чтил его законы. Ректор верил в силу леса и ненавидел каменные башни городов. Не прельщало его и их золото с многочисленными свитками и книгами. Не носил он и положенную ректору мантию, только серо-зеленую одежду с тонким поясом, и хоть на его занятиях дозволялось носить оружие, он его никогда не брал.

Ректор закрыл глаза. Утро выдалось холодным, как он любил. Его ученики должны были к этому привыкнуть. Жалоб на холод и голод он не терпел, и жестоко за это наказывал. Первые лучи, еще робкие и тонкие, брызнули из-за гряды невысоких гор. Эти уголки Боевого Крыла многим оставались неведомы. Этиль Арад вмещал в себя гораздо большие территории, чем могло показаться на первый взгляд даже магам.

Вмешательство в этот мир, ректор ощутил сразу же. Еще не умелые ученики, ввалились через врата-портал, как неуклюжие медведи. Ректор приподнял веки и его жесткий взор впился в топчущуюся на месте кучку новоявленных. Он уже знал, кто из них отсеется после первого же дня. Без особой магии, он видел нутро каждого из них, и тут его мысленный щуп наткнулся на препятствие. Среди учеников стояла высокая фигура, которую ректор заметил не сразу из-за арта, который своей широченной спиной загородил сразу нескольких юных магов. Черноволосая девушка спокойно встретила взгляд ректора. Ее глаза не блестели жаждой познать тайные знания, они просто смотрели вглубь, в самое сознание, будто уже все давно знали.

— Память крови, — шепнул про себя ректор.

Он знал, кто она, почти знал, но не верил, и, в конце концов, перевел взгляд на арта, махнув ему рукой. Тот сделал первый шаг, и ученики, поборов страх, спустились на площадку к учителю. Они были почти одинаково одеты, в зеленые одежды, схваченные поясом. Выдали им и наручи, правда не все их одели. Арту они оказались чуть маловаты, собственно, как и рубашка, ворот которой не сошелся на его шее. Уставившись в пол, арт смущенно поклонился, остальные сделали то же самое.

— Кто из вас владеет оружием? — без особых церемоний спросил ректор.

— Я лучший лучник в своем селении, — подал голос парень с каштановыми прядями жестких волос, что выбивались из-под кожаного ободка.

Его глаза были черные, как положено людскому роду. На молодом, чуть обветренном лице пробивалась первая поросль, которую тот из гордости не брил. Ректор, оценив его кратким взглядом, кивнул.

— Я тоже лучница! — вдруг раздался женский голос из-под капюшона.

— Покажись! — приказал ректор, не скрыв своего недовольства от того, что у него в Боевом Крыле, будет еще одна девушка.

Длинные пальцы сбросили ткань с головы и все остальные ученики, кроме одной, постепенно отошли в стороны. Перед ректором стояла тэларийка, дочь жарких пустынь и знойных ветров. Ее кожа отливала чайным цветом и матово блестела в лучах восходящего солнца. Длинные кучерявые волосы, перехватывал на затылке сложный узел из жесткой

кожи. Некоторым прядям удалось выбиться, и они струились по ровной спине до самого пояса. Глаза у тэларийки были темно-желтыми и большими на фоне тонкого носа и вздернутого точеного подбородка. Лоб девушки украшали тончайшие рисунки с точками и непонятными письменами. С вызовом глянув на ректора, она тут же потупила взгляд, вспомнив, перед кем стоит.

— Кто твой наставник? — спросил ректор.

— Глава Изумрудного Ордена. Он отослал меня к вам. Я не проявила способностей к магии его Ордена, — быстро ответила та, не поднимая глаз.

— Гм... — процедил ректор, и взглядом приказал ученикам сравнять строй. — Маг огня, значит... Продолжим. Кто еще?

— Я владею топорами, — сказал рыжеволосый парень рядом с артом, который уже был знаком Тире.

— Ну а ты? — обратился ректор к последней, оглядывая ее необычайно высокую и тонкую фигуру. — Чем владеешь?

— Отец многому обучил меня и моего брата, — ответила Тира, будто не желая произносить последние слова. — Я владею луком, посохом, мечем, если только оружие из подходящего металла.

— Хорошо, — ректор прервал ее, пропустив слова о железе мимо ушей. — Наше оружие тут, это магия, которая заменит вам в том числе, и ратные доспехи. Только магия, ловкость рук и тела. Теперь лес будет вам домом, а я — наставником.

— Много же мы тут навоюем, — тихо хмыкнул рыжеволосый, но тут же умолк.

— Вам придется соперничать с более старшими учениками, среди которых будут и другие маги огня и лесные эльфы, — продолжил ректор. — Они тоже отличные ученики, только вместо стрел у них магия. Будете прилагать усилия к учению, и тоже сможете так стрелять.

— Вот еще... — обронил рыжеволосый.

— Про комнаты и уют можете забыть, — невозмутимо сказал ректор. — Спать вы будете здесь, искать себе пропитание тоже. Охотиться запрещено. Наши занятия будут проходить в разных местах, на холод, зной, боль и голод я жалоб не терплю. Для боевой магии нужны боевые условия, и они у вас будут.

Ректор никогда не жалел своих учеников. Сейчас он смотрел на них с жестоким любопытством. Боевая магия не терпела слабых ни духом, ни телом. Первый же урок отсеял несколько самонадеянных учеников, остальные же почерпнули для себя кровавые ссадины и разбитые губы. Это была другая магия, которая больно била, стоило лишь на миг зазеваться. Из пальцев ректора то сыпались искры, то летели огни. Под его взглядом, обычные корни превращались в ядовитых змей, и при этом он не шептал никаких заклинаний. Для тех, кто мешкал слишком долго, в воздухе свистел огненный кнут. На спине арта он уже успел оставить кровавый след.

Под вечер, когда ученики едва стояли на ногах, ректор покинул их.

— Он зверь и приемы у него грязные! — негодовал рыжеволосый Тоар, потирая шею и руки.

Удушающие приемы были самыми излюбленными у ректора, и эту проверку прошли все.

— Я думаю, без магии он слаб, — горделиво заявил черноглазый лучник.

Его звали Артар. Из-за пазухи он извлек тонкий, короткий нож с маленькой рукоятью.

— Где ты успел его взять? — удивился Тоар.

— Ректор же сам говорил, о ловкости рук. Я хочу поохотиться вон в том лесу, — сказал тот, указывая на темнеющую стену высоких деревьев. — Не думаю, что здесь есть хозяин леса.

— Ты глуп! — неожиданно бросила тэларийка. — Здесь полно еды, видно тебе своя жизнь не дорога.

— У тебя ли мне разрешение спрашивать? — высокомерно глянул он на нее. — Есть ли тут мужчины, которые хотят мяса на ужин, а не сухих корней?

— Я пойду, — вызвался Тоар. — Я в следах разбираюсь.

Бросив полный отвращения взгляд на тэларийку, Артар зашагал к лесу в сопровождении Тоара. Кеанра, так звали дочь пустынь, зашипела им в след, как разъяренная кошка, и Тира, молча наблюдавшая за этим, вовремя схватила ее за руку, чуть повыше локтя. Своими пальцами она почувствовала железную твердость ее мышц.

— Оставь, — сказала она. — Надо найти ночлег, не заметный для чужих глаз.

— Я могу помочь, — арт, с которым Тира прежде столкнулась в городе, посмотрел в спину Тоару и повернулся к ней, поморщившись от боли.

Спину от удара кнутом жгло, но он не жаловался и терпел. Слегка прихрамывая, Хэорд стал подниматься к холмам. За день занятий, они успели потерять чувство направления. Ректор не давал им опомниться и сориентироваться. Они оказались в холмистой долине, с ручьями и оврагами. От усталости подгибались колени, и хотелось есть. Хэорд для ночлега заметил большое дерево и не глубокую пещеру, и не прогадал. Тут густо рос мох, а ветки земляного ползуна спускались до самых корней. За такой завесой был не страшен холодный ветер.

Добравшись до дерева, все трое без сил упали в мягкий плен мха, правда арт тут же вскочил и стиснул зубы. Спина заныла пуще прежнего.

— Ночь будет долгой, — прошептал он, и соскреб немного мха себе в ладонь.

Под его сильными пальцами, тот превратился в кашицу. Хэорд хотел завести руку за спину, но боль не позволила ему этого сделать.

— Позволь, я помогу, — сказала Тира.

— Ты...хорошо, буду благодарен, — он вздохнул и нехотя протянул ей ладонь.

Его взгляд выражал недоверие, однако Тира действовала осторожно, и все равно, ее прикосновения были пыточным огнем. Уж слишком горячи оказались ее пальцы. Арт зашипел и отодвинулся, поджав под себя колени и глядя в сторону леса.

Постепенно, ночные звуки заполнили собой все пространство. На небе замерцали звезды, холодным далеким светом. Заухали совы. Ночь окутала природу, погружая в сон одних, и пробуждая других. Тира слышала переключь ночных охотников и не только. В это время просыпались лесные духи, и властвовал хозяин леса. В темноте зажглись чьи-то глаза, и послышался рык, тихий, приглушенный. Звук быстро уносился в сторону леса, и арт настороженно встал.

— Они до сих пор не вернулись, — проговорил он. — Лесной хозяин вышел на охоту.

— Ну и пусть! — прошипела Кеанра. — Таков закон. Что в лесу, что в пустыне, он одинаков. В моем племени, за это убивают. Нельзя охотиться без крайней нужды!

Рев, перед которым умолкли остальные звери, содрогнул воздух. Он шел из леса, и эхо от него разнеслось далеко вокруг. Кеанра на это лишь оскалила белые зубы. Тира же услышала намного больше. Возможно, это была память крови, но она поняла рассерженный

рык хозяина. В нем слышались предупреждение и угроза.

— Их выгонят из Боевого Крыла, — сказала Тира, поднимаясь с колен. — Если я успею...

Не дожидаясь, что скажут ей в ответ, она сорвалась с места и исчезла в темноте. Не смотря на усталость, ноги легко несли ее по мягкому мху. Ночной воздух обдувал ее холодом, и ветер донес до ее слуха повторившийся рык, на этот раз более злобный и грозный. Тира ускорила бег, и бесшумно влетела в темный лес. Тут она остановилась и прислушалась. Не так далеко послышалось чье-то хлюпанье. Воздух запах кровью и Тира понеслась дальше. В несколько прыжков преодолев расстояние до ручья, она увидела хозяина леса в его самом страшном облике. Черный зверь, изогнув шипастую спину, медленно надвигался на Тоара и Артара. Из его пасти свешивался ядовитый красный язык, а зеленые глаза сверкали жаждой крови. Хозяин начинал свой ритуал. Ни один охотник, пожелавший без его ведома охотиться, не оставался в живых. Тира помнила все заветы отца, и сейчас, первым делом, бросила взгляд на нож Артара. Тот оказался чист, и тогда, она быстрой тенью встала между хозяином леса и его добычей. Впервые его морда оказалась так близко. Горячее дыхание обдало ее, и зверь от неожиданности замер, впившись когтями в землю.

— Уходите! — шепнула Тира через плечо.

— Я... — начал было Артар, но та обернулась и одной рукой сжала его запястье.

Нож выпал из его похолодевших пальцев. Они побелели и онемели, словно попали в тиски.

— Уходи! — процедила сквозь зубы Тира. — И своего друга забери!

Ее глаза холодно блестели. Разжав свою хватку, она толкнула его в плечо от себя. Зверь за ее спиной хрипло зарычал, и его темная фигура будто выросла и стала больше. Широко распахнутые глаза Артара остекленели. На негнущихся ногах, он и Тоар, начали отступать назад. Когда Тира повернулась к лесному духу, они дали деру. Она осталась один на один с разъяренным зверем. Недовольно фыркая и шипя, он стал обходить вокруг нее, низко пригибая морду к земле.

— Они не успели поохотиться! Отпусти их! — проговорила Тира.

Зверь мог ее убить, мог просто разорвать на части. Пусть ее кожу не брало обычное железо, только сейчас она чувствовала магическую силу. В лесу он повелевал и жизнью и смертью. Хозяин сделал круг и вдруг остановился. Тира стояла смирно, слыша стук собственного сердца. Неожиданно, в воздухе что-то изменилось, будто лес стал другим, и на плечо Тира опустилась тяжелая рука.

— Не бойшься, — прошелестел голос.

Обернувшись, она увидела лесного хозяина в его истинном облике, каким показался он ей в далеком детстве. Этот облик тоже был страшен, в особенности глаза с зеленым огнем. Хозяин смотрел в самую душу, но и Тира глаз не отвела.

— Я только знаю законы леса, — сказала она. — Они не убили, значит и платы с них не будет.

— Верно, но и толку от них не будет, — он высоко поднял голову, увенчанную короной ветвистых рогов, и шумно вдохнул ночной воздух.

— Пусть уходят, — Тира не отступила от своего.

Узоры на его теле вспыхнули и засветились изнутри. Протянув руку, он коснулся пальцами груди Тира.

— У тебя мягкое сердце и твердая кожа, — прошелестел его голос. — Не лучший выбор для этого мира. У твоего брата совсем другая суть, — хозяин нахмурился и вдруг отстранился. — Моя сила будет с тобой. Сила леса.

С этими словами он исчез, и лес принял прежний вид. Только сейчас Тира заметила, что накрапывает дождь, и поспешила назад.

* * *

Как и следовало ожидать, Артара с Тоаром тут же прогнали из Боевого крыла. Ректор стал еще строже и оставшимся особым поглажкам не дал. С каждым днем его занятия становились жестче. Вид ректора делался все суровее. Что происходило за стенами Боевого Крыла, никто не знал, а выходить ученикам не позволялось. Так прошел месяц, затем другой, пока в один прекрасный день, лес вокруг не сменился высокими красными скалами и пустыней с редкой белой колючкой.

Ректор в то утро появился особенно злым и пинком поднял не успевшего проснуться арта. Солнце, которое поднималось из-за горизонта, ударило его по глазам.

— Вы не на перинах лежите, в своих спальнях, а среди врагов! — гаркнул он. — Пора готовиться к игрищам! Вам говорили о них. Архимаг желает начать их раньше... Встать!

Силой, он поднял арта на ноги. Глаза того не были приспособлены к такому яркому солнцу и он заслонился от него рукой.

— Где это мы? — спросила Тира.

— Теперь занятия будут проходить здесь! — сказал он, и тонкая плеть в его руке прошлась по плечам Кеанры, которая зазевалась, оставив кровавый след. — Иллюзия это или же реальность, решать вам.

— Вам не под силу обмануть того, кто родился в пустыне, — прошипела та, нисколько не обращая внимания на боль.

— Да? — ректор хитро прищурился и сделал широкий жест рукой. — Оглянись!

Под его взглядом, Кеанра обернулась. Далеко на горизонте, в поднимающемся мареве, виднелись горы, необычайно острые, как иглы. Блестели беспорядочно разбросанные пятна, походившие на отполированное стекло. Эти пятна курились белым паром. Кеанра прищурилась, а затем ее глаза расширились.

— Это же... — начала было она.

— Это Долина Мудрецов, — сказал ректор. — Тут можно познать ту магию, что пригодиться вам на игрищах, хотя бы для того, чтобы выжить.

— Разве на игрищах убивают? — не смело выговорил арт.

— Правила игрищ изменились, так пожелал Архимаг, — ректор глянул на Тиру. — У него есть ученик. Теперь есть. Сегодня из Академии пришло послание. На игрищах маги будут ставить на кон свои владения. Таковы новые правила. Кто проиграет — объединиться с Академией, а ученик проигравшего, погибнет.

— Это же... — Тира смолкла.

Нахмурилась и Кеанра. Ректор внезапно наткнулся на стеклянную стену, которую не смог осилить. Одно он знал точно, Тира прочла его недосказанные слова. Поймав себя на этой мысли, он превратился в камень, отбросив все чувства.

— Я вас оставляю, вам же следует за этот день найти ночлег, — сказал он. — На

следующее утро, я вернусь, если ничего не изменится.

Вмиг, ректор исчез, оставив после себя только пыльное облачко. Из душной жары, он перенесся в прохладу кабинета Эодара.

* * *

Верховный маг был хмур. Из-под белых бровей, он бросил на ректора недобрый взгляд.

— Какие новости поведаешь? — спросил он.

— Не те, что ты хочешь услышать, — сказал тот, садясь в кресло, напротив Эодара.

Между ними стоял каменный стол-чаша, доверху наполненный водой. Сейчас его поверхность блестела сталью. Ректор предпочел не смотреть в его глубины, и вместо этого, столкнулся с другой глубиной. Глаза Эодара горели как никогда.

— Дракон. Я слишком часто слышу это от Иллигеаса. Только на деле он себя никак не являет, — Эодар встал. — Ее брат...

— Я знаю, — ректор тяжело вздохнул. — Он оказался способнее. У его сестры есть талант не пускать к себе чужие мысли. Но это очень слабо для мага, а боевых способностей я пока не видел. Разве что, лесного хозяина не боится. Конечно, есть некоторые задатки...

— Мало, — мотнул головой Эодар. — Архимаг что-то задумал. Через мысли Иллигеаса я увидел многое, но есть еще кое-что. Он больше не рыщет. Архимаг успокоился, будто обрел что-то долгожданное. Видно, Аргелор свою силу явил, потому и Академия стала походить на крепость.

Он легонько коснулся чаши пальцами. Над водой, в воздух взмыла иллюзия северных полей, мили безжизненной тундры, по которой бродили монолиты. Эти колоссы, восставшие из недр земли, ворочали огромные глыбы. Ректор дернулся, вспоминая старые раны, и отвернулся.

— Я послал их в Долину Мудрецов, — продолжил он. — Их всего трое. Две девицы и арт. Это последнее, что я могу сделать перед игрищами. Если она дракон, то проявит себя.

— А если нет, я обращусь за помощью к Высшем эльфам. Мне придется преклониться перед ними, перед теми, кто считает людей не достойными, — сказал Эодар и словно отмахнулся от чего то невидимого. — В Долине Мудрецов есть и другие маги. Тритрагдор часто посылает туда своих учеников.

— Пусть. Если они погибнут в схватке там, то не будут мучиться на игрищах, — сказал ректор. — Мне надо идти, Эодар. Есть и другие ученики, которые подают надежды.

Эодар будто не слышал его.

— Крылья, дракон должен их раскрыть, — бормотал он, и ректор неслышно покинул его кабинет.

* * *

А между тем, пустыня нещадно жгла троицу своим солнцем. Небо тут казалось слишком синим, без единого облачка. Ветер был сухим и горячим, без капли влаги. Пустыня словно испытывала попавших к ней неожиданных гостей, и только арт чувствовал это в полной мере. Кеанру жара ничуть не беспокоила. Она даже не щурила глаза на палящие лучи. Едва исчез

ректор, она рывком порвала на себе ученическую одежду. Под ней оказалась другая одежда, из тонкой матовой материи, похожей на кожу. Она обтягивала все изгибы тела и маскировала их узорами. Они продолжались на обнаженной спине Кеанры и плечах. Белозубо улыбнувшись, она вынула из потайного кармана маленький изогнутый нож.

— У тех скал есть вода, — сказала она, указав на горизонт.

— Я ее не чую. В таком мареве вообще ничего нельзя учуять, — возмутился арт. — Тут везде сплошь одна сушь...

— А ты думал, тебя тут холодные реки ждут? — усмехнулась Кеанра.

Хэорд поджал губы и прикрыл глаза ладонью. Солнце уже успело обжечь его кожу. Пустыня не была его стихией. Тэларийку же это только забавляло. От обуви она тоже успела избавиться. Кожа на ее ступнях оказалась блестящей, с мелкими чешуйками. Поймав взгляд Тиры, Кеанра вздернула тонкую черную бровь.

— Мой народ един с пустыней. В сапогах песок не почувешь, — сказала она. — Идем, к вечеру надо дойти до скал. Ночью выйдут на охоту песочники.

— Я не дойду, — сказал Хэорд. — Тут воздух подобен огню, я долго такой жар не выдержу.

— Тогда ты умрешь, — небрежно бросила та. — Пустыня слабых не любит. Оружие есть только у меня, так что, либо я тебя убью, либо умирать будешь сам на солнце.

— Нет, — Тира отстранила ее и смерила взглядом расстояние до скал. — Никто умирать не будет. Идем.

— Если он потеряет силы, ты будешь тащить его на себе? — глаза Кеанры презрительно блеснули, и она произнесла несколько слов на своем родном языке.

— Ты жестока, — сказал Хэорд, натягивая капюшон на голову.

— Мой народ такой. Хочешь жить, тогда шевелись, — фыркнула она и двинулась вперед по раскаленному песку.

Воздух вокруг плавился от жары и походил на горячий кисель. К своему удивлению, Тира почти не ощущала этого пекла. Солнце, такое беспощадное к другим, будто бы давало ей сил, а синее небо манило своей глубиной. Тут оно казалось особенным, без конца и края. Эта синева почудилась родной, но Кеанра быстро одернула Тиру.

— Смотри под ноги, тут есть змеи, — бросила она через плечо.

— Я их услышу, — ответила Тира. — Тут небо такое... бездонное что ли...

— Бездонное! — усмехнулась тэларийка.

— У неба нет предела, — вдруг заговорил Хэорд. — Там есть другие миры и знающий, найдет к ним дорогу по велению сердца. А в Высшем Мире живут драконы...

— Нет тут драконов! — Кеанра почти выкрикнула эти слова с горьким сожалением. — Может в Высшем Мире они и есть, а тут нет! У тебя под ногами земля, а не небо, и летать никто из нас не умеет! Вы как глупцы! Нюха нет?

— Вообще то, я видел...

— Что ты чуешь? — Тира незаметно дернула арта за рукав, чтобы тот замолк.

— Чую чужаков! — ответила Кеанра.

Она с шумом втянула горячий воздух. Тира же почувяла других и без запаха. Ее тело напряглось, внутри будто сила проснулась и она сжала кулаки.

— Другие маги, — прошептала она и оглянулась по сторонам.

Спрятаться тут было негде, зато чужаки умело маскировались. Их выдавало только движение густого, нагретого солнцем воздуха.

— От них огнем пахнет, — невольно поморщился Хэорд.

— Быстро! Спина к спине! — скомандовала Кеанра.

— Нет! Они поймут наш страх, — остановила ее Тира. — Будем идти так же, как шли.

Кеанра на это лишь недовольно зашипела. Пряча за спиной нож, она неохотно зашагала вперед.

— Это тритрагдорцы, — тихо проговорил арт. — Мне рассказывали о них. Их сила как ураган и остра, как бритва.

— Не острее моего ножа, — процедила Кеанра.

— Тихо! — осадила ее Тира.

Незнакомое до этого чувство подсказало ей, что чужаки близко. Остановившись, она вперила взгляд в кажущуюся пустоту. Воздух дрогнул и расплылся. Он был раскален от чьей-то силы. Наконец, незваные гости явили себя. Пространство растворило иллюзию, и несколько фигур в кроваво-черных одеждах шагнули навстречу троице. Их лица скрывали глубокие капюшоны, а руки стягивали перчатки. Несмотря на плотную ткань, жара их не мучила. Чужаки тоже встали на месте, никак не обозначив приветствие, только пустыня, прежде такая огромная, вмиг сделалась тесной. Она превратилась в узкую тропу, на которой было не разойтись, и эту тесноту ощущали обе стороны.

Хэорд неуклюже переминался с ноги на ногу, отчаянно пытаясь скрыть свое волнение. Его хвост трепетал, а дыхание сделалось шумным и прерывистым. Чужаки, наоборот, стояли молча и без движения. Сила от них шла немалая. Тира чужаки даже запах их горячего, темного огня. Подумав, она сделала шаг вперед, и тут же услышала предупредительное шипение.

— Ты! — палец в перчатке пренебрежительно указал в ее сторону. — Забери свой сброд, и уходи! Долина Мудрецов уже отдала нам свои знания. Вам тут делать нечего.

— А ты нам не указ! — подскочив вперед, сорвалась Кеанра.

Тира спокойно положила ей руку на плечо. Под кожей тэларийки играли твердые мышцы, но она сумела ее сдержать, и даже заставила отступить на шаг назад. Рука тритрагдорского мага угрожающе вскинулась вверх. Пальцы вспыхнули огнем, и пламенная плеть, без предупреждения, полоснула Тиру, задев и ее спутников. Боль оказалась невероятно жгучей. Рядом зарычал арт. Запах его крови словно пробудил Тиру. Тонкая плеть рассекла его кожу, и алые капли окропили иссушенный песок.

Рука взметнулась сама, Тира даже не заметила этого. Белый, ослепительный огонь, сорвавшись с ее ладони, отбросил мага далеко назад, и воздух натянулся, как струна. Вокруг все задрожало и остальные бросились в атаку. Тира успела запомнить лишь черный дым их огня, удушливый, как тогда, в таверне, в Ладье, когда погиб ее отец. В густых клубах проворно сновала Кеанра. Ее нож сверкал, нанося точные, но не смертельные для магов, удары. Она шипела и извивалась, а Хэорд в нескольких шагах от нее, задыхался под огненной плетью, что оплела его шею.

Тира пыталась вспомнить магию ректора, только сознание твердило другое. Внезапная боль в спине, породила новый залп белого огня и могучий рык содрогнул пустыню. Из пальцев брызнула другая магия, необузданная, разметающая магов в стороны. Мир вокруг сделался маленьким и мягким, и Тира прорезала его невидимым светом насквозь. Чувство боли своих спутников лишь усилило ее мощь. Песок сплавился под ее ногами, и последние белые брызги растворились в небесной синеве.

Когда магия иссякла, Тира увидела под ногами блестящее стекло, и тритрагдорских магов, в ужасе бегущих прочь. Хэорд и Кеанра тяжело дышали. Их кожу покрывали тонкие

глубокие порезы и ссадины. Колени арта заметно дрожали.

— Что ты сделала?! — первой пришла в себя тэларийка.

— Оставь ее, — вдруг сказал арт. — Она...ты сама видела.

— Я не верю! — воскликнула та. — Нет.

— Ты видела крылья, — отдышавшись, произнес Хэорд. — Она потомок великих драконов.

— Верь во что хочешь, я же знаю, что тут просто есть особые потоки. Долина Мудрецов помогает обрести силы, но не более. Как бы там ни было, пора двигаться к скалам, если хотим заночевать в безопасном месте, — оборвала его Кеанра. — А эти маги...впрочем, все равно.

— Однако ты свою магию не проявила, равно как и я, — подметил арт и усмехнулся своим словам. — Долина Мудрецов тут ни причем.

Кеанра на это хмыкнула, и грубо отпихнув его, пошла вперед, не оборачиваясь. Бой словно бы и не вымотал ее. Тира слышала только ее не довольное бормотание. Впереди было самое тяжелое. Солнце стояло высоко, и полуденная жара накалила пустыню добела. В мареве танцевали миражи, дразня озерами с чистой голубой гладью. Арт едва сдерживал порывы помчаться им навстречу.

— Глупец! — усмехнулась Кеанра, поймав его жадный, мутный от жары взгляд. — В Долине Мудрецов это пустые миражи. Магия играет с нами и за миражами ничего не стоит. Обычно это не так, но здесь место особое. Вода тут есть только в камнях.

— Глупец? Ты сама глупа! Какая вода может быть в камне? — арт схватил ее одной рукой за плечо и с силой тряхнул.

Мышцы вздулись на его плечах, а глаза превратились в узкие щелки. Хэорд мог раздавить Кеанру своей не дюжей силой, только злоба его, возникшая от жажды, быстро утихла, и пальцы разжались сами. С тяжелым вздохом, он сел на песок и содрал с себя рубашку, отбросив ее подальше. Его широкая грудь вздымалась от шумного дыхания, а на шее проступили толстые жилы.

— Это ты глуп! Вода тут есть только в каменных плодах песчаной розы! — бросила сквозь зубы Кеанра. — Ты хоть и велик своим телом, а слабак!

— Пустыня не мое место! — Хэорд едва прохрипел слова. — Идите вперед, я догоню потом...

— Нет, вставай, — потребовала Тира, хватая его за руку.

— Пусть остается, если хочет, песочники будут рады добыче, — сказала Кеанра.

Солнцекпек на ней самой никак не сказывался, однако помогать Тире она не собиралась.

— Мы его тут не оставим, — сказала Тира.

— Мы не подбираем слабых, — стояла на своем Кеанра. — Если хочешь, тащи его сама.

— Не нужно! Я пойду сам, — пошатываясь, арт все-таки поднялся на ноги.

Его хвост безвольно повис, как и руки. Фиолетовая кожа сделалась бледной. Хоть Тира и не страдала от жары, глядеть на страдания Хэорда она не могла, и поддержала его за локоть.

Глава восьмая

За весь день Кеанра дала им поесть только несколько сухих горьких кореньев, которые выкопала из песка. Ей самой еда не требовалась. Она бодро шагала до самой темноты, пока черные силуэты скал не выросли перед троицей.

— Остановимся тут, — сказала она. — Место не совсем подходящее конечно, но нам сойдет.

— Воды... — арт упал на нагретые камни и больше не скрывал своей слабости.

Жара отобрала последние силы, а теперь, когда кровавый диск солнца укатился за горизонт, к ним подбирался холод. Кеанра, присев на корточки недалеко от Хэорда, осторожно выкопала из песка большой белый булыжник округлой формы. Недолго думая, она вонзила в него нож, и тот с громким хрустом треснул напополам, явив ярко-красные кристаллы.

— Вот! — Кеанра протянула кусок Хэорду. — Ешь осторожно и жди, пока кристалл растает во рту. Это наш ужин. Не торопись!

Она больно ударила его по руке, когда тот хотел отломить кусок побольше. Едва он положил кусочек в рот, тот стал таять, растекаясь блаженной влагой. От ее обилия, арт чуть не подавился. Каменная пища еще и быстро насыщала. Вскоре Хэорд уже забыл о жажде и голоде. Теперь новая напасть заняла его мысли, и это был пустынный холод. Кеанра справилась и с этим. Накидав в кучку мелких темных камней, она подожгла их одним щелчком пальцев и подсела к огню.

— Какой магией ты владеешь? — обратилась она к Тире, когда та села рядом.

Тири лишь пожала плечами, хоть и знала ответ. Это знала ее кровь, но она сама не желала принимать это. Память об отце не давала ей этого сделать.

— Я не знаю, — ответила она. — Мои знания такие же, как у вас. Не больше.

— Против тебя не выстояли тритрагдорские маги, — напомнил арт.

С приходом ночи, он преобразился. Его взгляд обрел былую ясность, а дыхание сделалось ровным и глубоким.

— Если ты и вправду дракон, то всякий металл, что скован без гномьего слова, обратиться в твоих руках в пыль, — подметила Кеанра и протянула ей свой нож. — Возьми.

— Нет, — отказалась Тири. — Я вижу, что он не истинный.

— Возьми! Я словам не верю, — она всунула нож в ее горячую ладонь и осталась без оружия.

В один миг, металл, обратившись в пыль, смешался с песком. Ахнув, Кеанра вскочила на ноги.

— Дракон! — она ткнула в Тиру пальцем и отступила назад. — Значит, это правда? Ведь дети дракона в людском племени проклинаятся. Твой отец...

— Мой отец погиб! — внезапная ярость охватила Тиру, и не большой костер взметнулся к темному небу белым пламенем.

— Так это твой брат стал учеником ведьмы Эллардис? — изумился Хэорд. — Ведь он на темной стороне.

— Я не он, — боль и тоска пронзили ее сердце, кольнув его где-то в самой глубине, и Тири, резко развернувшись, ушла к скалам.

— Значит, на игрищах мы победим! — Кеанра совсем не обратила внимания на ее уход,

и только арт хмуρο глянул в сторону тэларийки.

— Как ты можешь? — он сжал огромные кулаки, но сдержался и тоже покинул ее.

— Архимаг никого жалеть не будет, Хэорд! — бросила она ему в след.

Арт не обернулся. Вдали от огня его глаза видели лучше. Скалы приобрели причудливые очертания. Среди них он быстро углядел возможную тропу и стал взбираться вверх, к высоким плоским утесам.

Тира его шаги слышала и ушла дальше, почти к самой вершине. Там весь мир разделился на блестящий песок и черный небосвод, усыпанный огромными яркими звездами. Усевшись на самый край, она подняла глаза к небу. Слишком много всего произошло за эти дни. Сила так и рвалась из нее наружу. За такую мощь многие маги выложили бы не малое, только Тиру сила не радовала. Она отделила ее от отца, от того, которого она знала и любила. Разговоры Иллигеаса о драконах бередили душу и разум, будили что-то не ясное, и все же казались какими-то далекими небылицами. Мысли о втором отце-драконе, всколыхнули не понятную волну. Так, задумавшись, Тира раскрыла ладонь, и на ее середине вспыхнул белоснежный огонек, маленький и совсем не горячий. Его комочек трепетал и горел не ровно. Тира держала его осторожно, пока снова не слышала тяжелую поступь арта.

Из-за уступа вышел Хэорд. В свете звезд его фигура выглядела устрашающе. Любо́й воин позавидовал бы ширине его плеч и сильным рукам. Остановившись в нескольких шагах, он шумно вздохнул.

— У тебя есть сила, Тира, — тихо произнес он. — А значит, тебе уготован путь великого мага и воительницы. Прими это.

— Ты ведь не провидец, — обернулась она, и зеленые глаза блеснули грустью. — Мой отец мне ничего не рассказывал.

— Люди редко видят далеко, они не слушают того, что рядом, — сказал Хэорд, и сел рядом.

От его веса с утеса посыпался песок, и хвост арта толстым кольцом обвил камень за его спиной.

— Прости, что тогда наступила на тебя, — Тира улыбнулась немного натянуто, и с тоской поглядела на небо.

Арт кивнул.

— Я уже давно простил, — сказал он. — И ты прости своего отца за несказанное, и прими свой путь. Сейчас наступают другие времена. Моему народу это сказал хозяин леса. Наши наставники это скрывают. Это все Архимаг. Он пожиратель миров! Только никто не говорит об этом! Он...

В этот момент ярко-красная стрела просвистела прямо перед лицом арта, и растворилась в темноте. Снизу раздался радостный крик Кеанры, и еще одна стрела вспорола воздух рядом с ухом Тире.

— Эй! — окликнула ее та. — Осторожнее!

— Спускайтесь! Не у одной тебя теперь сила есть! — крикнула Кеанра.

В ее руках нечетко сиял большой лук, сотканный из неумелой магии. Стрелы у нее получались тоже не ясные и кривые, только лучницу это ничуть не огорчало.

— Я так не умею, — вздохнул арт.

— Учись! — Кеанра гордо улыбнулась и запустила не ровную стрелу куда-то в ночь. — Теперь песочники не страшны.

— Хватит! — остудила ее пыл Тира. — Неизвестно, кто еще может быть в Долине Мудрецов.

— С таким оружием не страшно. Тем более, ты дракон. Чего тебе бояться? — Кеанра вскинула лук на плечо. — На игрищах, я не посрамлю свой народ. Раз игрища будут в пустыне, мы победим всех! Ведь не зря ректор нас сюда привел.

— Не торопи события, — проговорил Хэорд, и вдруг затих. — Смотрите!

В ночной тьме, не далеко от костра, возникли фигуры, чернее самой темноты. Тира таких же видела на ярмарке, и знала, что они служат Архимагу. Казалось, застыл сам воздух и нападения не избежать.

Внезапно, костер взорвался столбом искр, ярко осветив округу, и из этого столба появился Иллигеас. Языки пламени выпустили его на охладевший песок, и он высоко вскинул руку, заслоняя собой всю троицу.

— Рано еще! — остановил он Кеанру, когда та натянула свой лук. — Этот противник вам не по зубам!

Его магия была невидима, но тени отступили, растворившись в ночи. Тогда маг повернулся к Тире.

— Ты слишком наследила тут! А ты, Кеанра, привлекла к себе лишнее внимание! Верховный маг отменяет ваше обучение в Боевом Крыле! — он грубо тряхнул Тиру за плечо и принялся чертить на песке широкий круг. — Вы возвращаетесь в город.

— Нет! — Кеанра наступила на линию и стерла ее. — Это трусость! Я пришла в Боевое Крыло не для этого! Нас слишком малому научили! Я не пойду!

Песок от ее пинка попал в лицо Иллигеасу, и маг резко выпрямился, но зла на его лице не было. Он спокойно взял ее за локоть и развернул лицом к пустыне.

— Если ты хочешь остаться, тогда иди. Только за твою смерть Этиль Арад отвечать не будет, — сказал он и принялся рисовать круг заново. — Хочешь огорчить своего отца нелепой смертью?

— Нет. Что же, игрищ не будет? — глухо осведомилась Кеанра, нахмутив брови.

— Будут и очень скоро, — ответил маг.

Когда круг был закончен, он взял учеников, и они перенеслись в крыло Верховного мага. Почти сразу же, Тира почувствовала слабость Иллигеаса. Он с трудом держался на ногах, но помощь отверг.

Кабинет Эодара оказался темен. Окна были плотно занавешаны, а на столе стояла всего одна тусклая свеча.

— Игрища будут через три дня, — с ходу заявил Эодар. — Ваши учения прерваны из-за псов Архимага. Они проникли на нашу территорию и несколько магов уже исчезли. Мы окружены.

— Это война?! — воскликнула Кеанра и хищно блеснула глазами. — Я пойду сражаться!

— Нет! Война не объявлена, а окружение наше названо охраной. Сейчас наше положение не самое лучшее, на игрища будут провожать под конвоем, — сказал Эодар. — Этиль Арад выпустит три десятка учеников. По столько же будет от других Орденов. А сейчас, Кеанра, Хэорд, идите отдыхать.

Бросив взгляд на Тиру, Кеанра с недовольным видом вышла, толкнув арта в бок. Иллигеас же остался и задержал свою ученицу. Эодар смотрел на нее очень внимательно и пристально, а потом вдруг погасил свечу. В полной темноте раздался только его голос.

— Я так и думал, — тихо заговорил он. — Только вот сомнения мешали моим мыслям. Ты долго не проявляла себя. А сегодня это узнали не только мы. Архимаг знает о тебе, о том, что есть второй дракон.

Глаза Тиры слегка светились в темноте, так же, как и у Иллигеаса. Противиться своей сути дальше было глупо. Тира тяжело вздохнула, вновь вспомнив своего отца и брата. Последняя мысль отдалась болью. Связь с ним была потеряна.

— Может быть, я и в самом деле дракон, — прошептала она так тихо, что сама едва себя расслышала.

Свеча вспыхнула. Эодар озарился улыбкой и, протянув руку, пожал не смелую ладонь Тиры.

— Дракон, но не такой, как твой брат. Твоя сила — наша надежда, — сказал он. — Игрища будут не простой забавой, как это было раньше. Архимаг уничтожит всех, кто не присоединиться к нему. Тритрагдор уже сделал свой выбор, он теперь среди его псов. Этиль Арад останется верен свету и своей магии. Мы светлые маги, такими и останемся. Даже Кеордиум. На игрищах тебе придется бежать. К битве ты еще не готова, а Архимаг ждать не будет.

— Что даст мой побег с поля боя? — неохотно спросила Тира.

— Этиль Арад не сдастся врагу, — сказал он. — Но и поддержать никого не сможет. Наш город не крепость. Это оплот магии и его надо укрыть.

— Если я дракон, я могу воевать, и Кеанра...

— Нет, Тира. Ты побежишь, — Эодар развернул в воздухе большую карту. — Пойдешь через горы. С игрищ можно выбраться, если следовать за солнцем.

— А что дальше? Что мне делать, когда я сбегу? — Тира сжала губы, вспоминая совет отца никогда не бежать перед лицом опасности.

— Дальше... — Верховный маг поводил пальцем по карте и замер.

Ответа он и сам не знал. Сейчас он даже не знал, к кому обратиться и просто сел в кресло, а Иллигеас вдруг явил над картой полную луну.

— Я думаю, знаю, к кому можно обратиться, — сказал он. — Хоть об этом народе и забыли, но они о нас помнят.

Он чему-то улыбнулся. Карта развернулась тем берегом, который до этого оставался невидимым. Эодару и Тире открылись густые леса, с пологими холмами и крутыми скалами. Места эти выглядели заповедно и тихо, будто и не тронутые вовсе. По земле в изобилии текли быстрые ручьи и полноводные реки. Их берега покрывал мох, что рос на серых камнях. Эта часть карты была отделена заснеженными горами, и Тире показалась необитаемой. Вдруг Иллигеас показал жилое место, где в долине стояли дома и сверкали чаши озер. Маг тут же скрыл его и посмотрел на Эодара с Тирой, хитро прищурился. Не бывая там, он хорошо знал эти места. Знания проснулись и у Тиры.

— Это серые эльфы, — сказала она. — Потерянные земли, открывающиеся лишь ищущему. Разумно ли тратить время на их поиски? Я их видела всего раз, на ярмарке, в Ладье.

— Разумно, если желаешь качнуть чашу этого мира к свету, — ответил он. — Серые эльфы мудрый народ, умеющий слушать ветер, а ветер несет к ним тайны на хранение со всего мира.

— Как и гномы, только те слушают землю, — кивнул Эодар. — Правда золото и самоцветы частенько занимают их мысли целиком.

— Высшие эльфы тоже знают не мало, только их магия пока не совсем то, что нам нужно, — сказал Иллигеас.

— Серые эльфы почти не владеют магией, — мотнула головой Тира. — Ты сам говорил, что у них лишь хорошо отточенные навыки и знание природы.

— Серые эльфы, дадут тебе то, что тебе принадлежит по праву, — сказал Иллигеас. — Ты пойдешь туда.

Его глаза вспыхнули, а голос стал холодным и жестким. Тира в этот момент ощутила себя вещью, которой распоряжаются каждый по своему разумению.

— Ты решаешь за меня? — сухо спросила Тира.

— Если Архимаг поймает тебя... — Иллигеас тяжело вздохнул, и Эодар прервал его.

— Иллигеас, отведи ее к Скалам Скорби, — сказал он. — Там вся история.

— Отведу. Это дом двенадцати драконов, — кивнул тот головой в знак согласия. — Возможно, ты тогда все поймешь.

* * *

В заброшенный замок они попали ночью. Иллигеас использовал магию, хоть та и болезненно откликнулась в его теле. Место было особенным, Тира это почувствовала сквозь кожу. Оно показалось ей знакомым. Память крови выхватила пыльные стены замка и оживила их. Тира будто перенеслась в старые времена, когда все двенадцать драконов восседали на тронах и хранили порядок. Потом картина исчезла, и Тира провалилась в пустоту. Там в темноте с ней рядом был Иллигеас.

— Где мы? — спросила Тира.

— У истоков, — ответил он. — У истоков миров, когда белый огонь был не отделим от темного. Тогда творился Высший Мир, создавались первородные расы великими магами. Тогда и разгорелся спор...

Видения, яркие и явные вспыхивали перед Тирой. Только они были не четкими, и видела она их размытыми. Громадные образы первых магов и драконов витали в пустоте. Она видела драконов белых и черных. Они работали слаженно, пока не появилась тень со стороны, которая внесла раздор. Тень питалась страхом, она была не заметна и не показывалась, пока драконы не разделились. Тира наблюдала, как белые драконы убивали черных, а те их. После страшной битвы и тех и других осталось совсем мало. Поле их боя залила кровь, и тень поглотила их мир, сожрала целиком и не насытилась. Затем целая цепь кровавых побоищ пронеслась перед глазами Тиры. Их было много, и бились все, бились и проигрывали, и тень пожирала их миры. Она подбиралась и к Высшему Миру. Боль Иллигеаса вдруг кольнула Тиру. Он тоже владел памятью крови, и его кровь помнила все, что видели его предки. Он помнил ужас угрозы и помнил пожирателя. Тень нависла над огромным миром, готовясь его поглотить, и тогда появилась армия, которую соткали сотни сил объединившихся магов. Видение взорвалось золотыми брызгами и тысячи воинов на белых конях хлынули из пустоты на тень. Маги после этого обессилили и стали простыми людьми, а тень заточили в глухой склеп в горе.

Века пронесли мимо Тиры, и тень та медленно просочилась сквозь камень. Ей нужны были силы, только теперь она стала играть по своим правилам. Она стала пожирать лишь пустые миры, без создателей, куда не успевали добраться Наблюдатели. Так случилось и с

миром, в котором родились Тира и ее брат. Мир не уничтожили, и тень теперь была тут. Архимаг был ею, и он медленно забирал власть над миром у светлых магов.

Видения пропали, и Тира снова очутилась в пыльном замке, среди пустого тронного зала. Иллигеас стоял напротив, и глаза смотрели на нее.

— Теперь ты знаешь все, — сказал он. — Так получилось, что твой брат стал темным драконом. Я поздно это разглядел. Он находка для Архимаса, его оружие, если дело дальше не пойдет.

— А я ваше оружие? — прямо спросила Тира.

— Если ты хочешь так считать, — невозмутимо ответил Иллигеас. — Ты пока не желаешь
принять свой путь.

— Допустим. Но ведь борьба не закончится, даже если мы победим, — сказала Тира.

— Ты права, не закончится. Но мы сможем отстоять этот мир, а это уже не мало, — ответил Иллигеас. — Ты, конечно, можешь отказаться, но тогда ты откажешься от самой себя и своего отца.

— Мой отец никогда бы не позволили отступить, — хмуро сказала она.

— Твой второй отец сказал бы то же самое, — Иллигеас кивнул на двенадцатый трон.

— Хорошо, я согласна. Но я не владею магией, я не умею ей управлять. Ты должен научить меня, раз так, — Тира обвела взглядом весь тронный зал и глянула на Иллигеаса.

— Я уже не смогу заняться твоим обучением, что-то покажу, а остальное познаешь сама. Времени мало, — жестко бросил он. — Сейчас тебе надо добраться до серых эльфов. Они хранят последнюю слезу дракона. Это даст тебе оружие. Пожалуй, это все, чем я могу помочь.

— Слишком скоро все, — усомнилась Тира. — Я ведь не маг, не говоря уже о боевой магии. В том мире вам помогли магические войска. Я не смогу такие вызвать.

— Этот мир их и не выдержит, — он отвернулся.

— А тот дракон, которого ты зовешь моим отцом, покажи мне его, — сказала она, не отводя глаз от тронов.

— Я покажу тебе всех двенадцать драконов, — Иллигеас силой магии и воли призвал их образы, и на мгновение они заняли положенные места.

Тира словно увидела Аргелора до прибытия в Этиль Арад. Драконы были черноволосы и велики ростом, а их глаза излучали мягкий зеленый свет, в котором отражались мириады разных миров. Одного из них, Тира узнала. Память крови всколыхнула ее чувства, указав на двенадцатого дракона. Его лицо источало любовь. Оно не казалось суровым или величавым. Дракон не возвышался над миром, а сливался с ним в своем человеческом облике. Самый старший из братьев драконов, смотрел с бесконечной мудростью, и перед тем, как исчезнуть, будто бы кивнул Тире. Миг и драконы исчезли, оставив в сердце Тире необъяснимую пустоту. Иллигеас, мягко тронув ее за плечо, перенес их в Этиль Арад.

— Я понимаю твою грусть, — сказал он. — Но сердце дракона не должно превращаться в лед, иначе его душа застынет. Помни это. Сердце — твоя суть и жизнь. Пока оно бьется, никакие раны тебе не страшны. На поле боя всегда храни свое сердце. Броня у тебя еще слабая будет. Ты узнаешь это, когда начнешь превращаться в свой истинный облик.

— Трудно понимать, что у меня два отца, и оба погибли, а брат... — Тира смолкла и резко повернулась к открытому окну, когда они очутились в кабинете Иллигеаса. — Расскажи мне об играх.

Иллигеас, внимательно глянув на ее затылок, кивнул сам себе. Он знал, какие чувства ее тревожат, но ощущал и силу воли, которой та владела. Сейчас громадным усилием воли, она заставила себя забыть о боли потери и брате. Ее мысли стали мыслями воина, которому предстояла битва.

— Я не имею карты игрищ, — сказал он. — Но на гидрале можно будет убежать от всадников Архимага.

— Я может и уйду от погони, а что будет с остальными? — Тира повернулась к нему, и взгляд ее выражал беспокойство. — Кеанра, Хэорд? Зачем им гибнуть?

— Они не будут участвовать в игрищах. Хэорд отправится созывать свой народ с письмом верховного мага. Кеанра тоже, — сказал Иллигеас. — С ней поговорит Эодар. Ее народ тоже нужен нам. А тебе главное найти дорогу к серым эльфам. Только стражей Архимага за собой не приведи, иначе эльфы тебе своих земель не откроют. Их леса слишком потаенные.

— Карты к ним тоже нет? Кроме той иллюзии? — спросила Тира.

— Нет, — ответил тот. — Даже у меня нет карты с дорогой к ним. Она открывается сама. Помни еще одно, на игрищах не смотри в глаза Архимагу, ни в коем случае не поднимай к нему головы. Я уверен, что он и так знает о тебе, но видеть тебя ему не зачем. Постарайся скрыть свою силу.

— Я ею даже управлять не умею, а ты говоришь скрыть, — она усмехнулась и скрестила на груди руки.

— Идем, — Иллигеас неожиданно потянул ее к двери.

Магию он использовать не стал, они просто спустились в город и пошли по узкой улочке, которая затем перешла в тропу. Каменистая дорожка увела их далеко, хоть времени прошло и не много. По ее поворотам они пришли к уступу, под которым простирались туманные леса и горы.

Иллигеас усадил ее на камень и сам сел напротив.

— Тебя учить очень сложно, и я, пусть и из Высшего Мира, никогда не учил магии дракона, — сказал он. — Все знания есть у тебя в крови. Все, что знали твои предки, знаешь и ты. Обратись к этим знаниям.

Иллигеас взял ее руку в свою и раскрыл ее ладонь. У Тире были сильные руки, в жилах которых тек огонь. Магия бурлила в ней, как в котле, только вот наружу должным образом проявиться не хотела. А все потому, что Тира желала помнить лишь одного отца. Однако медленно в ее памяти всплывали навыки. Наконец, на ее ладони вновь вспыхнул белый огонек.

— Вот! — глаза Иллигеаса просияли.

Огонек горел не ровно. Юной воительнице было трудно его удержать. Сила то рвалась, то затухала, но Тира держала его. По своему желанию она и погасила его.

— Это все? — спросила она.

— Нет, — глаза мага странно сверкнули, и он подвел ее к самому краю уступа. — Посмотри на простор. У Архимага много сил, только у него есть пределы. Выше облаков его приспешники не поднимаются.

— А мой брат? — спросила Тира, глядя на белесую пелену.

— Он может, — ответил тот. — А потому тебе стоит его опасаться. Никогда не открывай ему своего сердца. Если он его вырвет, ты погибнешь.

— Вырвет сердце? — Тира взглянула на него с сомнением.

— Мои убеждения будут пустыми. Ты потом сама все поймешь, — сказал он. — Но сердце беречь стоит. Дракон живет им. А теперь смотри туда...

Иллигеас упрямо показывал ей на горизонт. С уступа открывалось все ночное небо, разделенное пеленой, и горы внизу. Тира смотрела и вдыхала холодный ночной воздух. Мысли о брате тревожили ее, но небо будоражило больше. Там была свобода, хотелось взмыть и улететь, только крыльев она сейчас не имела, а Иллигеас подводил ее к краю все ближе и ближе, пока земля под ногами не закончилась.

— Если упадешь ты, упаду и я, — сказал он.

— Что? — Тира едва успела осмыслить его слова, как маг подтолкнул ее в пустоту.

Не было ни падения, ни боли, просто мир вокруг сжался и изменился. Тира увидела его далеко внизу. Свое собственное тело она вдруг ощутила по-другому. За спиной развернулись огромные крылья, а дыхание сделалось глубоким и шумным. Под ней мелькали облака и горы, а над головой простерлось бездонное небо, и Тира ощутила пустоту. Она летела, и тело сменилось на облик дракона. Осознав это, она тут же разучилась им управлять, и хвост с острыми шипами полоснул ее по собственному боку. Все перевернулось. Крылья спутались, и первый полет сменился стремительным падением.

— Забудь о высоте! — пробился к ней голос Иллигеаса сквозь свист ветра.

Он звучал совсем рядом, и Тира едва различила его призрачную фигуру по боку от себя. Она хотела ответить, только вместо слов из пасти вырвался оглушительный рев.

— Я не могу тобой управлять! Лети, или Архимаг увидит тебя! Лети! — приказал он.

Его голос словно пощечина, ударил ее в самое сознание, но тело не слушалось. Крылья отказывались выпрямиться, а когти отчаянно рвали ледяной воздух. Зато Тира смогла разглядеть то, что ждало ее под облаками. Мир и впрямь разделился. Внизу текло море настоящих теней и тьмы. Там все кричало о настоящей опасности и смерти, к которой они стремительно приближались. Иллигеас падал вместе с ней. Его магия тут была бессильна. Он истратил немало сил, чтобы сделать свое тело невесомым и едва уворачивался от смертоносных шипов и когтей. Один удар смог бы убить его и выбить из этого мира. Только молодая драконица рядом с ним, никак не желала принять себя в новом облике.

— Лети, или смерть нам обоим! — крикнул он в отчаянии.

Крылья, наконец, развернулись, едва не хлопнув его, и драконица резко взмыла вверх, оставляя за собой серебристый след, видный лишь Иллигеасу. Ее цвет тоже видел только он один. Проявиться дракону не в Высшем Мире было трудно. Пока Тира не спустилась ниже облаков, ее силуэт оставался призрачным. Драконица балансировала на своих еще не окрепших крыльях, стараясь удержаться на одной высоте. Однако ветер швырнул ее вниз, и Тира снова услышала крик мага. Она тянула его за собой, и в последний момент тот сумел смягчить падение.

Они приземлились на тот же уступ. Тира вновь обрела человеческий облик, а маг рухнул на камни без сил. Его трясло, и он прерывисто дышал. Забыв о пережитом полете, Тира метнулась к нему, чувствуя всю его слабость. С ее помощью Иллигеас смог сесть.

— Ты истратил слишком много сил, — сказала она.

Маг был бледен и все же улыбнулся.

— Ты смогла полететь, это главное, — проговорил он, и сжал ее руку. — Впереди игрища...

— Ты слаб, — Тира без труда помогла ему подняться. — Ты мог умереть.

— Это не такая большая плата за спасение этого мира, — опираясь на ее плечо, сказал

он.

Ему было тяжело идти. Тело болело. Магия Высшего Мира едва его не убила, как и молодая драконица. Зато теперь он знал, кто рядом с ним. Это лишь подтвердило его выбор остаться в этом мире. Пусть полет оказался не долгим, но Тира осознала, кто она и какие имеет силы. Иллигеас радовался этому, пока не приметил серый силуэт у камней. Тира его не видела, и даже не чувствовала. Силуэт, отделившись от скалы, незаметно поплыл рядом с ними. Глубокий капюшон скрывал его лицо, как и серые одеяния скрывали фигуру.

— У тебя осталось мало времени, Иллигеас, — прошептал силуэт. — Ты помнишь уговор?

Сознание мага отозвалось. Призрак из его родного мира придал ему сил и тут же отобрал их. Там, в Высшем Мире, не было поблажек. Срок договора истекал, и Иллигеас с хрипом втянул воздух. Снова выбор. Он сжал плечо Тиры. Драконица, еще не опытная, по-прежнему ничего не замечала. Нить, что связывала его с ученицей, дрожала, будто ожидая решения, и Наблюдатель решил.

— Я остаюсь и отрекаюсь от братства, — сказал маг мысленно.

Серый силуэт замер. Он являлся лишь иллюзией настоящего Наблюдателя в Высшем Мире. Там, стоя у чаши, Орден Наблюдателей погрузился в молчание. Они не могли препятствовать. Они могли только принять. Призрак возле Иллигеаса растаял. Связь мага со всем Орденом оборвалась. В этом мире он остался один, только связанный со своей ученицей, а та и не подозревала об этом. Иллигеас остановился и посмотрел ей в глаза.

Странное чувство охватило Тиру, и все же она поняла. Жизнь Иллигеаса была связана с ней. Нить между ними натянулась.

— Ты...

— Это очень маленькая плата, — опередил ее маг и приобнял за плечи. — Думай об игрищах, Тира.

— Жизнь это слишком большая плата за что либо! — она вздрогнула, и натолкнулась на абсолютное спокойствие своего наставника.

— Если ты победишь, мы вернемся в Высший Мир, — сказал он.

Наблюдатели уже не слышали его слова. Слышал только погибающий мир и его жители. Его услышали серые эльфы, и ночь скрыла мага и драконицу от Архимага.

Глава девятая

День начинался по-особому. Еще до рассвета, Этиль Арад огласился звуком горна. По этому сигналу наставники заперли всех учеников, тех, что не участвовали в игрищах. Остальные собрались в центре города.

Мимоходом, Тира увидела, как сам Эодар закоулками уводит Кеанру и Хэорда куда-то за город. Для игрищ отобрали ровно тридцать учеников. До этого Тира их видела лишь изредка в Боевом Крыле. Все высокие, как на подбор, и без оружия. Даже лиц не видно под капюшонами зеленых плащей. Одна Тира оделась в серое, походное одеяние, простое, удобное и не заметное. Сверху Иллигеас набросил на нее такой же плащ, как и у остальных.

Издали Тира слышала крики Кеанры.

— Вы обещали, что я буду участвовать! — шипела она, пытаясь вывернуться из цепких рук верховного мага.

— Глупая! — тот одернул ее так, что у юной воительницы цокнули зубы. — Ты дочь вожака великого народа пустынь, уйдешь отсюда и соберешь племена на войну, если они захотят биться, а нет — уведешь их от гибели! На игрищах тебя убьют в первую же минуту! И пользы от тебя не будет никакой!

— Можно я останусь? — остановился Хэорд. — Там же...

— Нет! Без возражений!

Эодар вместе с ними скрылся из виду, и Тира, как никогда ощутила полное одиночество. Боевые маги о чем-то договаривались между собой. Эти разговоры она пустила мимо ушей. Внутри, в груди, зрела тревога. Как и все, она была безоружна. Это правило пришлось соблюсти, только вот создавать себе оружие она так и не научилась.

Вокруг площади суетились наставники. На игрища попадали через магический круг и сейчас его усердно чертили вместе с Кеордиумом, а Хардарра в этот момент помогал незаметно улизнуть беглецам Эодара. Иллигеаса Тира тоже тут не заметила. Когда приготовления закончились, к площади явились всадники в черном, на таких же черных лжеконях, зверях, под обликом скакунов. Старший среди них, ехал впереди. Тира быстро разглядела его суть, а потому отступила вглубь толпы боевых магов, чтобы ее не увидели. Конь всадника фыркнул, почуяв ее. Только Тира видела их истинный вид. Хищные звери стояли посреди города, а маги будто и не замечали их. Из их пастей капала слюна и всадников они едва слушались. Остановить их маги однако не смогли, потому то они беспрепятственно попали в город. Они воспользовались тем, что солнце еще не взошло и небо только подернулось серой пеленой. Гостями они себя не чувствовали, скорее хозяевами. Подъехав к площади, они осмотрели город, и один из них обратился к наставникам.

— Где ваш верховный маг? — потребовал он глухим голосом.

— Здесь я, — появился из неоткуда Эодар.

Перед всадником он держался прямо и свободно, ничем не выдавая своего волнения. Безликий протянул ему свиток, вынутый из-под плаща.

— Архимаг ждет печати, — сказал он.

Эодар развернул соглашение. Перед ним, на желтом пергаменте растянулись витиеватые буквы. Письмо было хитро составлено. В случае проигрыша на игрищах, он терял все.

— Мы долго ждать не будем, старец, — напомнил ему безликий.

Спорить Эодар не стал, только взглянул на того, взглянул так, что тот невольно отступил. Тут, в окруженном городе, Верховный маг все же имел силу. Вынув из рукава печать, Эодар поставил ее на пергаменте. Ослепительно белая, она ярко заблестела, и безликий посланник поторопился спрятать письмо. Эодар просто давал своим ученикам время.

Перед тем, как покинуть Этиль Арад, всадники еще раз оглядели тех, кто готовился отправиться на игрища. Они явно кого-то искали, и Тира, как могла, глубже запрятала все свои чувства и мысли. Вспыхнувший магический круг спас ее от острых взглядов. Холод колючими иглами пронесся по ее телу, пространство будто заглохло всю толпу боевых магов, а затем выбросило их на круглую арену. Это произошло так неожиданно, что они на краткий миг растерялись. Прохладное утро вмиг сменилось полуденной жарой. Солнце стояло высоко, и спрятаться от него тут было негде. Белый песок на арене служил огромным зеркалом. Тира сразу поняла ее хитрое устройство. Игроки не могли видеть наблюдавших из-за яркого свечения, бывшего им в глаза, а тесидели в тени и тем временем, разглядывали первых в свое удовольствие.

Пришлось забыть про зной, и плотнее закутаться в плащ. Тира не поднимала глаз, но знала, что Архимаг еще не занял своего места. На арену между тем прибывали и другие игроки, среди которых оказались и тритрагдорские маги. От них пахло огнем и пылью, несмотря на их красивые одеяния. Между собой они не разговаривали, и предпочли встать в стороне от других.

* * *

Тем временем, в Этиль Араде кипели приготовления. Город готовился к осаде, и Эодар заранее знал исход. Он делал, что мог.

— У нас слишком много неопытных учеников! — в отчаянии заявил Хардарра.

Арт негодовал и теребил мощными пальцами посох, который скрипел от его силы.

— Знаю! — бросил Верховный маг.

— Ты хочешь их крови?! — арт бесцеремонно прервал его хождения по кабинету. — Эти юнцы слягут в первой же атаке, и реки крови зальют город!

— А ты хочешь лишить мир последней Обители?! Пока город стоит, у мира есть светлый маяк! — почти выкрикнул Эодар.

— Он станет кровавым маяком! — Хардарра, отринув все приличия, сжал его плечо и посмотрел ему в глаза. — Я знаю, как тебе тяжело, но мы должны были выиграть время! Вытяни своих учеников с игрищ, и спрячем город под скалами!

— Архимаг все поймет! Я поставил печать на его письмо! Он убьет Тиру, как только исчезнем мы! — Эодар уже не скрывал волнения, однако время шло. — Правила... — он вздохнул и вдруг выхватил у арта его посох. — Городу нужно время, чтобы целиком скрыться. Придется долго будить скалы! Ты знаешь, что делать, я же сделаю все, что...

Он не договорил. Когда в кабинет вошел Кеордиум, он тоже стремительно лишился своего посоха.

— Что ты задумал?! — воскликнул тот.

— Я, как верховный маг не имею права бежать из города, — сказал Эодар. — Сила всех

Орден и моя, помогут сдержать безликих прихвостней.

— Нет! Город останется без верховного мага! — Кеордиум потянулся было за своим посохом, но Эодар был тверд.

— Я все сказал. Вы укроете город, без обсуждений, — сказал он, и главам Орден пришлось с этим смириться.

Этиль Арад прежде никогда не знал войны. Эодар чувствовал этот город своим телом, и ощущал, как тот сейчас сжимался, от той тьмы, что окружила его. Он метнулся к дверям. Даже Иллигеас не сумел остановить Верховного мага.

— Ты уже знаешь мое решение! — сказал он ему. — И свое дело ты тоже знаешь. Там, на арене, Тиру будет ждать брат. Убереги ее. Когда город скроется, света на этой земле больше не останется.

— Когда-то и я принял свое решение, Эодар, поэтому знаю, о чем ты говоришь, — Иллигеас склонил перед ним голову. — А как маг, ты знаешь, что путь этой жизнью не кончается.

— Знаю, — ответил Эодар. — Иди к Тире. Я сделаю все, чтобы сдержать безликих.

С этими словами, он ушел собирать недостающие посохи других глав Орден. Время не ждало, а сделать предстояло многое, ведь они собирались обмануть самого Архимага и не дать ему лакомый кусок. Этиль Арад надо было сохранить. Иллигеас не стал задерживать его, хоть и знал, что тот идет на верную гибель. Ему самому было пора уходить, что он и сделал.

* * *

На арене постепенно нарастало волнение. Все ждали Архимага, а солнце над их головами палило немилосердно. Тира краем глаза следила за шумными трибунами даже сквозь палящие лучи, и за другими игроками. Толпа заметно делилась на тех, кто разделял власть Архимага, а кто нет. Последние шумели меньше и вели себя сдержанно. Среди толпы вдруг мелькнула знакомая фигура Иллигеаса. Кутаясь в серый плащ, он занял место не самое заметное, и на Тиру не смотрел.

Наконец, прозвучали серебряные трубы и толпа затихла. Тира спряталась среди боевых магов. Ее сердце забилося слишком часто, словно она кого-то ждала, и подавить это чувство она не смогла.

Архимаг появился внезапно. Он просто возник в толпе, принес с собой нечто тяжелое, что заполнило весь воздух. Нестерпимая жара стала еще невыносимее, и арена раскалилась добела. Участники на ней были как на ладони. Взгляд Архимага искал среди них всего одну фигуру, но вместо этого наткнулся на пустоту, на серое пространство, которое оттолкнуло его обратно. Черная фигура не подала виду. Архимаг приветствовал всех коротким кивком и незаметно двинул рукой в перчатке из черного железа. За его спиной возник трон и двое безликих встали от него по обе стороны. Архимаг не торопился садиться. На удивление Тиры, он откинул капюшон, который растекся темной тенью по высоким наплечникам. Лицо Архимага выглядело серым и усталым. Бесцветные провалы глаз смотрели на всех ровно, без презрения, но каждый под этим взглядом понимал, что он ничтожно малая частица рядом с Архимагом. Даже его одеяния казались большим, чем просто материя. Они были чернотой, но Тира углядела в них странную серую пыль, будто искусную иллюзию.

Широко их распахнув, Архимаг сел на трон, как полноправный хозяин мира. Тут он себя таковым и чувствовал, пусть и в человеческом облики. Как и Иллигеасу, тело человека мало подходило для его магии. Но он принял правила этого мира и принял такое рождение. Тот металл, что он носил, хоть как то помогал мирить тело с его магией. Оттого Архимаг завидовал своему новому ученику. Последний вышел из тени его трона и встал рядом.

Взгляды всех присутствующих магов тут же устремились на него, даже Архимаг на его фоне стал выглядеть жалким стариком. Подле трона стоял истинный маг и воин. Он держался с той статью, с которой, когда-то сидели на своих тронах драконы-создатели, и казалось, что сила принадлежит ему по праву.

В нем Тира едва узнала своего брата. От бывшего в нем ничего не осталось, и смотрел он уже по-другому. Свою сестру он не видел, и только внимал тихим словам Архимага. Сложив руки на широкой обнаженной груди, Аргелор слегка наклонил голову к своему новому наставнику. Из одежды на нем были черные штаны, с широким поясом, который украшали темные камни. Откинув волосы с плеч, он вдруг выпрямился и посмотрел на арену. По взмаху руки Архимага, он стал спускаться по узким ступеням к песочному кругу.

Тира стояла не шевелясь, но сердце билось. Ей стало больно, хотелось броситься к брату, а неведомая сила ее сдержала. Архимаг долго смотрел вслед своему ученику, словно наслаждаясь своей работой. Только его заслуги тут не было, и это он знал. Впервые за все свои странствия его охватило чувство, очень близкое к огорчению. Ни в одном мире он не встречал никого, подобного Аргелору. Этот мир принес ему много нового, даже его правила, он еще осознал не до конца. Мир будто обманул его. Привлек пустотой, а оказался полон неожиданностей. Больше тысячи лет, он древний, не имеющий имен, изучал его, а понять не смог. Эта жизнь состарила его очень скоро. Мир будто пил из него, а не наоборот, и ученик, его гордость, в тоже время вызывал в нем и большие сомнения. Он отнимал силы, много сил и требовал знаний. Архимаг знал, что настанет момент, когда этот ученик его перерастет, только остановить он это не мог.

Отгнав эти мысли, Архимаг наткнулся на еще одно препятствие. Иллигеас в этот момент применил все силы, чтобы скрыть себя и Тиру. Он с опаской смотрел на Аргелора, который вошел на арену, и смог передохнуть только тогда, когда объявили о начале игрищ. Это сделал глава тритрагдорских магов.

— Пусть игрища начнутся! Орденам стоит помнить о правилах! Проигравшему ученику — смерть, Орден же перейдет во владения Архимага! — громко заявил он.

И все же, драконы увидели друг друга. Через толпу, Аргелора обожгло взглядом и болью. Стоя отдельно от всех, он развернулся и увидел высокую фигуру в зеленом плаще. Это был краткий миг, прежде чем арена ушла из-под ног Тиры, но этого хватило. Боль драконицы канула в пустоту, и она это осознала. Лицо брата даже не дрогнуло, а ее трясло от озноба боли.

* * *

Далеко от них, Эодар, собрав все посохи и соединив их в один, поднялся на самую высокую башню Этиль Арада, чтобы посмотреть еще раз на рассвет. Тут время текло своим чередом. На высоте оно почти не осознавалось. В городе, маги его Орденов, уже заменили боевых магов на арене, на пустые иллюзии, и теперь готовили город к погружению. Горы

дали согласие принять его обратно, в свои глубины. Эодар уже ощущал легкую земную дрожь и шепот скал. Камень раздвигался медленно и верховному магу надлежало сдержать атаку безликих, чтобы они не ринулись в Этиль Арад.

Подняв над головой посохи, он обратился к светлым потокам силы. Это было тяжело, все равно, что войти в водоворот. Эодар едва устоял на ногах. Вихрь стремительно закручивался вокруг него. Верховный маг собирался с силами для одного единственного удара. Безликие уже заметили его. Их магия стала подбираться к городу, и всадники открыли свой истинный вид. Они были призраками пустоты и хаоса, без лица, без тела, сотканые из ничего, и оружие их было такое же, несущее только разрушение и пустоту. Этиль Арад достойно встретил их первую атаку. Эодар успел создать защитный купол, и безликие ударились об него. Из посохов верховного мага брызнул белый столб света, который растекся по городу.

— Никто не пройдет! — выкрикнул Эодар, отдавая в поток последние силы, а потом произошло слияние.

Каждый маг может достичь этого всего один раз, и заплатить за это жизнью. Постепенно поток поглощал Эодара, а взамен высвобождал немалую силу. От верховного мага в разные стороны побежали белые реки. Купол засиял так пронзительно, что безликие не выдержали его напора. Серые тени растаяли, не оставив следа. Их магию оттолкнули, и этот удар почувствовал Архимаг, а затем и Иллигеас. Их словно накрыло ледяной волной. Впервые, после своего заключения в Высшем Мире, Архимаг ощутил настоящую боль.

Эодар не отступал. Поток принимал его в себя и все расширялся, а город погружался в недра скал. Оставалось немного, совсем чуть-чуть, прежде чем Верховный маг исчез. Его тело и силы отдались потоку, чтобы сохранить город. Этиль Арад поглотили горы без следа. Исчезли величавые шпили, на их месте остались лишь ледяные шапки, и огромный столб света брызнул мириадами осколков. Они разлетелись, а их отголоски коснулись самой далекой земли, где жили Высшие эльфы.

Дух Эодара еще мог наблюдать этот мир, и он видел, как всколыхнулись слои магии, только эльфы не ответили на их зов. Тогда зрение верховного мага обратилось к дальним берегам. Другие ответили на призыв, и его дух спокойно покинул этот мир, улетев вместе с белыми потоками света.

* * *

Взрыв и в самом деле был силен. Тело Архимага будто иглами пронзили. Он еще не ведал такой силы прежде. Даже армия света, что когда-то заключила его в тюрьму из камня, казалась сейчас стайкой слабаков. Этот мир и в самом деле скрывал тайны, не виданные им. Успокоившись, Архимаг глянул на своего ученика. Волна магии его даже не задела. Он остался тверд и тот позавидовал его силе.

А Иллигеас наоборот, лишь сдвинул брови и вытер капельки крови с губ. Удар магии не прошел для него даром. Без поддержки Высшего Мира, в теле человека, ему оказалось трудно. Однако забыв про свою боль, он отдался тому, что происходило вокруг. Архимаг уже все узнал и без своих доносчиков. Это было негласным началом войны. А еще он увидел Тиру. Иллигеас не смог скрывать ее бесконечно. Завеса спала, и Архимаг уставился на то, что от него спрятали. Посреди всего мира, этот свет сиял ярче всего. Эта магия не уступала

Аргелору, но являлась иной.

Одно мановение руки, и несколько безликих, невидимые для всех, скользнули на арену. Слепящий песок исчез, и в лицо Тире ударили холодные брызги воды. Удар невидимой руки вдавил ее в упругую толщу, и только когда магия кончилась, Тира вынырнула за глотком воздуха. Вокруг нее бурлила река, настоящий горный поток, со смертоносными перекатами. Борясь с течением, она выбралась на острые камни, и оказалась у чьих-то ног. Ее глаза, скользнув вверх, встретились с глазами брата. Он смотрел на нее сверху вниз.

— Аргелор! — забыв о холоде, Тира встала рядом с ним, и ей стало еще холоднее.

Тот смотрел молча, и связи с ним она не чувствовала. Драконье чутье внутри нее обострилось, словно почуяв чужака. Прежде, она не знала такого, но теперь дракон в ней просто трубил об опасности. Тело напряглось само. Крылья рвались наружу, только Аргелор оказался быстрее. Его рука вмиг опрокинула Тиру спиной на камни, а вторая уперлась в грудь.

— Ты сделала неверный выбор, — спокойно сказал он. — Мы по разные стороны теперь!

— Аргелор! Мы же родные по крови! — Тира дернулась.

— Ты не сестра мне, — сказал тот. — Выбор делается один раз, и я свой уже сделал.

— Мы же дети одного отца! Аргелор!

— Одного отца? — кривая ухмылка исказила его лицо, и рука надавила сильнее, чувствуя под собой биение горячего сердца другого дракона. — Один был человеком, а второй слабым драконом. Для меня ни один из них не отец. Архимаг открыл мне знания, о которых ты даже не ведаешь.

— Он открыл тебе ложь! Как ты можешь?! Хоран был нам отцом! — дракон в Тире рвался спасти ее, только она сама не верила в опасность.

Перед ней был не брат, а черный дракон. Память крови тут же полыхнула былыми битвами, и Аргелор увидел перед собой кровного соперника, которому надлежало вырвать сердце.

— Тира! — в сознание ударила магия Иллигеаса.

Он был далеко, но Тира почувствовала его, как сильную пощечину, а после появился и сам маг. Белокрылой птицей он ударился об Аргелора, когтями расцарапав ему лицо. Магии хватило ненадолго. Обмякшее, уже человеческое тело, неуклюже приземлилось возле черного дракона. Иллигеас сильно рисковал и поплатился за это, хоть и успел ослабить смертельную хватку Аргелора.

— Беги! — закричал он Тире.

Его силы были на исходе, и их едва хватило, чтобы на краткое время ослепить Аргелора. Иллигеас толкнул Тиру к скалам, туда, где поток обрывался в пустоту.

— Беги! — повторил он.

Удар Аргелора сбил его с ног. Маг рухнул на камни, и Тира увидела его кровь. Ее брат оказался слишком сильным, и на этом не остановился. Вторым ударом он сбросил Иллигеаса в пропасть. На камнях остались только следы его крови, ярко-алые, а Тира стояла, как каменная, не в силах пошевелиться. Где-то далеко внизу раздался всплеск. Боль и отчаяние вмиг вернулись к ней и заволокли ее густым туманом. Перед собой она видела уже не брата, а холодного и далекого чужака. Развернувшись, она прыгнула вниз, в пенящиеся струи водопада, и ледяная вода смешалась с ее слезами. Теперь у нее не было брата, и остатки надежды на его возвращение разбились на острые осколки. Остались лишь два дракона и их

Воды озера выбросили Тиру на берег. Тут, внизу, рос густой темный лес, и вой безликих быстро привел ее в себя. Оглянувшись, она увидела большого оленя с ветвистыми рогами, который, не мигая, глядел на нее и будто звал за собой в чащу.

Тира оглянулась. Водопад ревел, и над озером стояла водяная пыль. Иллигеаса видно нигде не было, сколько бы она не вглядывалась в чужие берега. На этой земле царил холод. Иллюзия или быль, но ветер пронизывал мокрую одежду. Вдобавок, над скалами снова пронесся вой. В последний раз, глянув на озеро и водопад, Тира хотела повернуть в лес, только падение ее наставника все еще жгло память. Она вновь ступила в воду, зайдя в озеро по колено. Тотчас же она ощутила на себе пронзительный взгляд. На нее смотрел уже не олень, а хозяин леса, и взгляд его предостерегал об опасности. Рядом с ним мелькнула знакомая тень гидрала. Зверь бесшумно рванул в чащу, и хозяин леса указал на его след.

— Иди, иначе твой маг напрасно тратил силы! — вдруг заговорил хозяин. — У меня нет прав вмешиваться сейчас, но лес тебе поможет. Торопись!

Дух леса исчез, растаяв среди деревьев. Тире пришлось последовать его совету. Вой безликих слышался уже совсем близко, да и об Аргелоре не стоило забывать. Постояв немного, Тира коснулась своего сердца, а затем воды. Так она выражала скорбь по Иллигеасу. После она пустилась бежать в самую глубь чащи, что раскинулась у подножия высоких скал. Вера в помощь доброго духа лишь ускорила ее бег, а лес, будто сам убирал все препятствия на ее пути, оставляя их другим.

Далеко за иллюзорными землями, Архимаг и виду не подал, что все пошло не по его задумке. Тритрагдорские маги обеспокоились. Их ученики уже рыскали в поисках Тиры, только их пути оказались ложными. Лес заманил их в болото, в самую топь, откуда они едва смогли выбраться. Безликим повезло больше. Они сразу взяли след, да и Аргелор не отставал.

Бежать Тире пришлось долго. Земли игрищ были запутанными и обширными. Грань между ними и реальным лесом едва виделась, и Тира все же ее заметила. Бег в иллюзии отнимал много сил, последний прыжок дался с трудом, и она оказалась в другом лесу. Даже помня карты, она не сразу узнала лесных исполинов.

Тиру выбросило в пограничье. Эти земли никому не принадлежали. Тут не существовало дорог и троп, только узловатые корни, травы и высокая крона, сквозь которую солнце еле проглядывало. Переведя дыхание, Тира припала к ледяному ручью. Сделав всего несколько глотков, она ощутила рядом с собой чужое присутствие. Серая тень безликого стояла возле нее с мечом наголо только бить отчего-то не решалась. Тира отпрянула. До ее ноздрей донесся запах истинного металла, и этот металл ковала тьма. Занесенный меч дрожал в холодном воздухе. Тень словно не имела тут силы. Но длилось это не долго. Призрак безликого стал плотнее, меч поднялся выше, сверкнув на солнце и стремительно опустился.

Вдруг совсем рядом просвистела чья-то стрела. Она пронзила тень насквозь и воткнулась в дерево за ней. Уже другая тень мелькнула за ручьем и исчезла. И снова Тира побежала, хоть ее руки и горели огнем магии. Ее сила могла остановить безликого, только

неуверенность не дала ей этого сделать. Злая сама на себя, она бежала, а безликий догонял ее на своем звере. Его магия будто разрывала пространство. Его теснил сам лес. Тира это чувствовала, и вдруг с ее руки сорвался белоснежный шар. Этот свет ударил в безликого, вмиг лишив его седла. Раздался вой, и меч полоснул по Тире, разодрав зеленый плащ. Бежать дальше было нельзя. Безликий бы нашел ее след, а гидрал, обещанный Иллигеасом, ждал далеко впереди.

Тень встала и вновь занесла меч, а магия Тиры, как назло отказалась слушаться. В руках не хватало нужного оружия. Тут негодились и навыки ректора Боевого Крыла. Оставалось лишь вспоминать уроки отца, и тогда Тира напала первой. Меч скользнул мимо, а руки сжали горло безликого. Едва коснувшись его, Тира закричала от боли. В руку будто иглы впились, и Тира отшатнулась назад. Тень пронзила вторая стрела. На этот раз она прошла тяжело, и коснувшись земли, рассыпалась в пепел. Безликий замер. Его силуэт затрепетал и исчез, однако на смену ему спешили другие.

Тира едва разглядела силуэт лучника за деревьями. Он мелькнул и пропал. Лес вокруг опять изменился, и Тира поняла его язык. Он приглашал ее следовать за лучником в его чащу. Лес уводил ее от стаи безликих и Аргелора. Оставалось прислушаться и бежать, пока те ее не нагнали.

Неизвестный лучник немного отвлек ее от мыслей об Иллигеасе. Тира гналась за его тенью, не замечая пройденного пути. Лишь к сумеркам усталость заставила ее остановиться. Вой безликих еще слышался, но очень далеко, и Тира наконец-то упала на прохладный мох. Она вжалась в его сырость, стараясь остыть от бега. Тело горело, и только сейчас она заметила свой голод и жажду. Она не ела с прошлого вечера, и к усталости прибавилась слабость.

Глава десятая

Тем временем, сумерки сменились ночью. В лесу стало темно. Одни звери вышли на охоту, другие уснули в своих норах. Тира слышала их урчание, но не боялась. Не трогай зверя, и он не тронет тебя, этот закон она помнила. Отдышавшись, она спустилась к заболоченной заводи, чтобы умыться. Тут лес и впрямь выглядел другим, необычным. Тира и раньше видела большие деревья, но эти исполины не шли с ними ни в какое сравнение. Толстые темные колонны подпирали зеленый свод высоко над головой. На грубой коре виднелись лиловые вкрапления, похожие на кристаллы. Ими оказалась засохшая смола. Внизу и вверху леса кипела жизнь, а под ногами стелились мхи и витиеватые корни.

У заводи деревья поднимали свои корни, как гигантские арки, с которых свисали колючие вьюнки. Застоялую воду Тира пить не стала, а другой тут не было, как не было и еды. Устало опустившись на замшелое бревно, она стала думать о том, как быть дальше.

За ее спиной стояла неслышная и невидимая тень. Чужак перед ней, вызывал смешанные чувства. Чуткий нюх улавливал запах человека, к которому примешивалось еще что-то, не совсем понятное. Чуть шевельнувшись, тень натянула лук. Таково было правило, убивать всех чужаков, кто бы, не являлся в эти земли, хоть последние и относились к пограничью. Тетива натянулась до предела, а после умелые пальцы отпустили стрелу.

Сильный удар в спину сбил Тиру с бревна, и она упала лицом в воду. От сбившегося дыхания она едва не захлебнулась. Болотная вода залилась в нос, и громко кашляя, Тира сумела все-таки быстро выбраться на берег. Откинув мокрые волосы назад, она огляделась. Боль в спине к этому моменту как раз достигла своего пика. Стрела не проткнула и даже не поцарапала ее кожу, только оставила кровоподтек и неприятную боль. Спина горела от этого удара, и первые мгновения Тира дышала через раз. Когда боль медленно разлилась по всему телу и начала утихать, она осторожно наклонилась и подняла длинную стрелу с земли. Ей она показалась знакомой. Точно такая же стрела пронзила безликого. Тира крутила стрелу в руках и ничего не могла понять, пока из-за дерева не вышел сам лучник, а вернее лучница.

Близко она подходить не стала, оставив расстояние в десяток шагов. Такой народ Тира видела в Ладье, но только мельком. Лучница не походила ни на одно описание Высших эльфов, лишь немного на серых эльфов. Издали ее можно было принять за человека, если бы не глаза и высокий рост. Глаза лучницы слегка светились, и их яркий серый цвет, оттеняли угольно-черные волосы, такие же, как у самой Тире. Они смотрели, не мигая, и вдруг лучница тихо заухала, как сова. На ее зов появились еще две тени, два ездовых зверя.

— Зачем ты в меня стреляла? — спросила Тира, косясь на гидралов.

Знания крови подсказывали ей, кто стоит перед ней, но прочитав столько книг о сером народе, она все же не верила. Серые эльфы были самым скрытым народом, и все же одна из них стояла рядом. Ее молчаливый взгляд изучал чужака. Лучница будто бы решала, что ей делать, да и гидралы настороженно ждали команды.

Тира рискнула сделать шаг вперед. Звери тут же предупредительно зарычали.

— Мне было сказано тебя встретить, — с едва заметным акцентом сказала лучница.

— Ты ведь могла убить...

— Да, если бы ты была человеком. Мы убиваем всех, кто приходит в эти земли. Это завет, — она подошла к Тире и забрала у нее стрелу. — Поедешь со мной.

Эльфийка указала ей на одного из гидралов и позвала зверя. На нем было легкое седло,

такое же, как в тот раз, когда Иллигеас спасал ее и брата из Ладьи. Сбоку виднелась мягкая фляжка с водой и мешочек, в котором Тира позже нашла сушеные фрукты. Серая лучница смотрела на нее с подозрением. Она наблюдала за каждым движением своей новой спутницы.

— Как твое имя? — утолив жажду, спросила Тиру.

— Ты чужак, хоть и дракон, — эльфийка фыркнула. — Мы не говорим чужакам своих имен. А твое мне и так известно.

Она вскочила в седло, и погладила гидрала по мощной шее. Кожа лучницы была как у артов, с легким лиловым отсветом. Острые уши оказались совсем не большими и не заметными, спрятанными под густой копной волос. Серые эльфы носили удобную одежду, без излишеств, и мягкую обувь. Проводница Тиры держалась прямо и гордо, но не как Высшие эльфы. Она будто сливалась с лесом в единое целое. Из вооружения, Тира увидела только длинный лук и короткие кинжалы с косым лезвием, хотя глаза эльфийки действовали страшнее любого оружия. Тира увидела в них тот первый дух, что несли с собой предки серых эльфов. Временем этого народа была ночь, а покровителем сам хозяин лесов. Его вездесущие глаза успевали повсюду, и лучница имела с ним прямую связь, как и весь ее народ.

— Хозяин знает тебя, — вдруг сказала она, повернувшись к Тире.

— Я видела его, — ответила та.

— Ты плохо слушаешь свое сердце, — эльфийка тряхнула головой. — Нам нужно ехать. Но сначала дай слово, что дорогу к нам, ты никому не покажешь, даже кровному другу.

— Не покажу, — Тира кивнула. — Мне нечем порезать себе ладонь, чтобы дать тебе клятву...

— Я знаю. Слова дракона достаточно, — она развернула своего гидрала.

Эльфийка что-то прошептала на своем родном языке, и лес явил невидимую до этого тропу. Тира удобнее устроилась в седле. Гидрал под ней урчал и разминал лапы. Его тело готовилось к бегу, а Тира с опаской глянула на его хвост. Она помнила его хлесткие удары. Но теперь она умела держаться на его спине. Когда гидрал рванулся вперед огромным прыжком, она припала к его холке и просто слилась с его движением, как и эльфийка. Гидрал хорошо чувствовал своего седока и его бег зависел от него. Сильные лапы несли его сквозь лес, под и над корнями. Гибкое тело позволяло на ходу менять направление, и Тира быстро потеряла ориентиры. Кругом мелькали лесные исполины, мхи, да причудливые камни, и впереди, как на крыльях, летела эльфийка.

Гидрал уносил Тиру все дальше, а воспоминания ее все возвращались к тому водопаду и Иллигеасу.

* * *

Лесной хозяин тогда вовремя увел ее от гибели, и она много не увидела. Там, на скале, она оставила чужака, а не своего брата. Он и вправду стал другим, приняв свои истины. Сердце черного дракона отрицало все чувства и привязанности. Это было связано со многими событиями, о которых не знал Аргелор. Эти истории ведали не многие, и даже драконы не все помнили их, но из-за них, черные драконы когда-то отреклись от всех чувств. Аргелор более не чувствовал родственной связи и жалости. Он упустил своего врага,

которого некогда называл сестрой, и сейчас его мысли занимала лишь погоня. Не знал он и страха, потому тогда и прыгнул, не раздумывая, в бурный поток. Только вода его задержала. Волны словно не давали ему выбраться, а когда он всплыл, Тиры и след простыл. На берег озера выбросило только тело Иллигеаса, к которому и подошел Аргелор. Окровавленный маг лежал у его ног и не дышал. Черному дракону он был безразличен. Толкнув его носком сапога в плечо, он подозвал безликих, и скоро скрылся вместе с ними.

На его место пришел другой всадник. Конь под ним недовольно всхрапывал, чуя кровь. Незнакомец приближался к озеру весьма неспешно и осторожно, прячась в тени деревьев. Он был тут случайным гостем, заехавшим в эти земли из праздного любопытства. Магия чужака с черным сердцем едва ли вызывала в нем интерес.

— Дракон-малолетка... — брезгливо прошептал он про себя и неохотно спешил. Его снежногривый конь ударил о землю копытом и дернул уздцы из его руки. — Тише, тише...

Хозяин успокоил его. Подобрав полы белого, расшитого золотом плаща, он подошел к кромке воды, побагровевшей от крови. Рядом с ним лежал раненный маг, но не человек. Нюх Высшего эльфа это сразу распознал. Зашептав охранные слова, эльф опустил на колено и коснулся лба раненного чужеземца. Его чуткая рука уловила тлеющую жизнь, и всадник, сдернув с себя плащ, завернул в него мага. Действовал он аккуратно, но сторонний наблюдатель углядел бы его брезгливость и высокомерие. Стараясь не испачкаться, эльф перекинул Иллигеаса через седло своего коня, и бесследно исчез в лесу.

Его приход не почувствовал никто, даже Архимаг. Только хозяин леса видел все, и потому принялся неслышно сопровождать всадника, пока тот вдруг не остановился.

— Лесной дух, тебе не стоит тратить частичку себя на мое преследование, — вымолвил он. — Если магу суждено выжить, то так и будет, а если нет, то и ты тут не властен.

Хозяин ничего не ответил. Высшие жили там, где правили другие духи, к которым он не имел отношения. Высший род знал свою магию, и после ухода драконов-создателей, отделился от этого мира. Рухни завтра последний, их земли остались бы целыми. Только сердца у этого народа заглодели и теперь остальные судьбы их едва ли волновали. Однако пройти и не помочь, эльф не смог. Это вызвало в сердце хозяина леса то, что человек бы назвал радостью.

А Высший эльф, меж тем, направился к своим землям. С хозяином он попрощался, нехотя склонив золотоволосую голову, и поехал дальше. В данном случае он больше думал о своем коне, нежели о грузе на нем. Не волновала его и серая эльфийка, что мчалась со своей спутницей к другим землям своего народа. Высшие считали остальные народы дикарями, и ценили лишь себя.

* * *

Серые эльфы дружбы с Высшими не водили. Проводница Тиры хоть и держалась гордо, но лес считал ее частью себя, а Высшего эльфа будто отталкивал. Они слишком выделялись в этом мире. Тира, глядя на статную охотницу, как раз думала и о других народах. Словно перехватив ее мысли, та резко ее осадил.

— Думай тише! — прошипела она, совсем как Кеанра, только в ее глазах не было дикости.

Глядя в них, Тира увидела нечто другое. В них отражалось спокойствие самого леса.

— Ты чувствуешь мои мысли? — спросила Тира.

— Нет, их читает лес, а я знаю его мысли, — ответила та.

— А я чувствую, что брат близко... — Тира коснулась своей груди.

— Мои земли в двух днях пути отсюда, — эльфийка оглянулась. — Если не успеем, то примем бой.

— Твои стрелы не смогли повредить безликим, — сказала она.

— Если бы я применила магию, наш бы след быстрее нашли! Едем! — она слегка качнулась в седле, и гидрал снова помчался вперед.

Тира сумела многому научиться и даже обходиться без сна долгое время. Драконова суть в ней проявлялась понемногу. Прибавлялось сил, мысли текли по-другому, и мир вокруг она ощущала иначе.

Когда днем они остановились на отдых, Тира, как и эльфийка, отпустила своего гидрала на охоту. Ее спутница выглядела несколько усталой. Солнце было ей в тягость. Охотница спряталась от него в тени и целиком слилась с ней.

— Я знаю, что твое время это ночь, — сказала Тира.

— Я не буду спать, — отрезала та.

При свете ее кожа сделалась бледно-серой. Устроившись у дерева, она глядела вглубь леса, туда, где деревья терялись в солнечных лучах. Эта земля была не спокойной. Украдкой, эльфийка глядела и на свою спутницу. Старейшины ее народа описывали дракона именно так, почти не отличимого от человека. В ней текла сила, в которую она сама не верила. Глаза охотницы следили за ровными, четкими движениями Тиры. Откинувшись на замшелый корень, она будто наслаждалась ее видом.

— Ты много чужаков повидала. Почему так смотришь на меня? — спросила Тира, поймав ее взгляд.

— Всех, кого я видела тут, я убила, — ответила та. — Люди часто пытались найти к нам дорогу. Все они несли зло.

— Почему ты так уверена? — слова кольнули ее воспоминания об отце, но эльфийка сердито сузила глаза.

— Они убивали на своем пути, убивали и мы, — она вздохнула с горечью. — От тех людей пахло огнем и смертью...

— Тритрагдорские маги? — вздернула брови Тира.

— Мне не ведомо, как они зовутся. Они носят черно-красные балахоны, — сказала она.

— Зачем они ходят к вам?

— Затем же, зачем и ты, — сказала она. — Гидралы вернулись. Пора уходить.

Тира тоже слышала возвращение зверей. Оседлав их, они помчались дальше. Лес становился все выше, все больше сплетался корнями, и хоть до земель серых эльфов было еще далеко, воительница чувствовала их дух. На ум приходили легенды о Высшем Мире, рассказанные Иллигеасом.

Тут стояли другие запахи и звуки, и Тира будто бы знала их из своей памяти крови. Только безликие быстро все омрачили. Их заунывный вой всадницы слышали к концу дня, и ход пришлось прибавить. Звери мчались на пике своей мощи, но Тира помнила, что рано или поздно с ними придется поделиться своей энергией и принять их усталость.

Далеко-далеко от этих земель, мчался другой всадник, с перекинутой через седло ношей. Его конь усталости не знал никогда. Со своим седоком он имел особую связь. Этот наездник чувствовал своего коня и давал ему свои силы. Тот был оплотом магии. Им не нужно было останавливаться на привалы и ночлеги, и потому уследить за ними мог только лесной хозяин. Но помня наказ, он не стал этого делать. Эльфийский всадник быстро преодолевал пограничные земли. На слабые стоны своей ноши, он мало обращал внимания. Маг почти не подавал признаков жизни. Из его рта капала кровь, а в голове медленно и беспорядочно вертелись мысли.

Только когда Иллигеас застонал сильнее, эльф остановил коня. Прежде чем снять мага с седла, он осмотрелся. Пограничье встречало его насторожено. Тут высились холодные горы, текли ледяные реки, и расстилалось темно-синее небо, без единого облачка.

Стянув Иллигеаса на землю, эльф грубо похлопал его по щекам.

— Мертвеца я в земли моего народа не повезу! — он подтащил его к реке, на берегу которой застыл тонкий ледок.

Без особых церемоний, он окунул голову мага в воду и дождался, пока тот не начнет вырываться из его рук.

— Так-то лучше, — довольно сказал он, и повернул его лицо к себе.

Иллигеас не смотрел на него. Его глаза блуждали, но всадник остался доволен. Отвернув крышку у своей расписной фляжки, он влил в рот магу розовую жидкость, и внимательно посмотрел ему в глаза. Из лиловых, те превратились в блеклые и не ясные. Мага слишком сильно ударили, и более того, из него будто выпили всю магию. Эльфу пришлось вернуть ношу в седло. Иллигеас едва держался, и когда сел всадник, он просто привалился к нему спиной.

Чувствуя своего седока, конь с места пустился галопом, и они вновь исчезли из виду.

* * *

Совсем другое ожидало Тиру. Когда день перешел в ночь, серая эльфийка вдруг прыгнула со своего гидрала, и знаком показала своей спутнице сделать тоже самое. Их окружал лес и снова пограничье. Расстояние тут чувствовалось совсем по-другому, а близость потаенных земель давала странные силы.

— Зачем мы остановились? — спросила Тира.

— Хочешь привести за собой хвост к моему народу? — эльфийка дернула плечом, глядя на неопытность Тиры, а потом хмыкнула. — Я забыла, что тебя люди растили. Они ведь утратили все свои природные навыки, как и ты. Псы Архимага нагоняют нас. От них надо избавиться.

Она подняла голову и посмотрела наверх. Там за листвой прорывался свет далеких звезд. Через мгновение она уже оказалась наверху. Устроившись на толстой ветке, охотница приготовила лук. Она затаилась так, что ее видно не было. Тира этого делать не стала. Она не имела никакого оружия, кроме магии и своих рук, и кроме того, она не слишком верила в свои силы. От безликих веяло смертью и металлом, настоящим, только черным. Своими мечами они могли прорубить ее кожу.

Тира укрылась за корнями, хоть и услышала неодобрительное цоканье эльфийки.

Впервые она решила положиться на то, что говорила ее кровь. Смутно, но в далеких

воспоминаниях ее предков, всплывали эти безликие тени. Когда-то, кто-то из драконов уже видел их и бился с ними. Сейчас стоило подумать о другом. Невидимость была присуща серым эльфам, только не драконам.

Лучница над ее головой зашипела от негодования.

— Укройся! — она швырнула в нее сухой веткой.

Вглядываясь в лесную темноту, Тира осталась стоять. Оттуда должны были появиться безликие и не только. Сердце драконицы затрепетало. Вместе с безликими приближался и Аргелор.

Наверху заскрипела тетива. Эльфийка натянула лук, в этот раз по-особенному. Наконечник стрелы легонько светился от магии. Охотница не обучалась в Этиль Араде, однако в ее крови тоже текли все знания предков. Как владеть магией, она знала с детства, и сейчас на кончике ее стрелы плясало смертельное заклинание.

Тира же закрыла глаза и внезапно для себя увидела своего настоящего отца, дракона. Он смотрел на нее с уверенностью, будто знал ее силы.

Видение исчезло, вместо него из леса хлынули тени во главе с Аргелором. Над головой Тире одна за другой засвистели стрелы. Они прошивали безликих насквозь и сжигали их, оставляя только бестелесным призраков.

Не думая ни о чем, Тира сложила руки так, словно в них были зажаты клинки и эти клинки появились. Белые, из слепящего света, ножи вспороли первого же безликого, что прыгнул на нее. Клинки разорвали его черную плоть. Сила просто вскипела в Тире, напоминая ей о том, кто она на самом деле. Клинки мелькали с бешеной скоростью. За их свистом Тира не слышала даже воя безликих. Каждый раз ее окатывал смертельный холод от их близости и их металла. Один меч безликого все же достал до нее, болезненно полоснув по предплечью. Горячая кровь тут же залила ей руку.

— Бей сильнее! — раздался крик рядом с Тирой.

С дерева спрыгнула охотница. Ее кинжалы тоже пустились в бой. Она будто высасывала жизнь из безликих, пока не столкнулась с Аргелором. Дракон отшвырнул ее одним ударом куда-то в чашу, и Тира слышала только ее глухой вскрик. Перед лицом бывшего брата, драконица не остановилась. Ее клинок полоснул по его груди и тут же разлетелся на мелкие осколки. Ответный удар заставил Тире припасть на колено.

— Убей ее! — зашипел безликий Аргелору. — Вырви сердце!

Его голос был очень противен, будто исходил из-под земли. Аргелор, как и тогда, схватил Тире за горло, только теперь его хватка стала сильнее. Сколько она не сопротивлялась, черный дракон опрокинул ее на спину, и безликий из-за его спины ткнул мечом в грудь Тире.

— Вырви сердце! — завыл он.

Просвистевшая стрела испепелила его, а следующая за ней бесполезно ударилась в плечо Аргелора. Дернувшись, он вытянул руку и пустил с пальцев темный сгусток, который окутал эльфийку. Воздух вокруг нее моментально исчез, и она, задыхаясь, вновь рухнула на землю.

— Прекрати! — озверела Тира, и неожиданно для себя самой сбросила Аргелора.

Ее удар был силен, но рука, будто на скалу наткнулась. Тело брата, когда-то родного, обрело твердость, и боль отдалась Тире. Замешкав всего на миг, она получила ответный удар, еще сильнее предыдущего. По подбородку побежала кровь. Она чувствовала ее горячий ручеек, а после Аргелор снова придавил ее к земле. Он был силен и полон неведомой мощи,

настоящий дракон, нависший над ней. Он стремился вырвать ее сердце, только его когти не могли достать до него. За его спиной мелькали тени. Они не спешили нападать на Тиру, и озирались по сторонам. Один из безликих подплыл к Аргелору.

— Бей или уходи! — зашипел он. — Хозяин леса близко!

— Убирайся, тварь! — вдруг захрипела эльфийка, поднимаясь с земли.

Ее стойкости оставалось только завидовать. Бледная, обессиленная, она метнула в Аргелора кинжал, и магия серого народа слегка пробила его броню, царапнув кожу. Издав боевой клич, охотница и сама прыгнула на черного дракона. Вцепившись в его волосы, она вывернула ему шею так, что ему пришлось оторвать руки от Тиры. Эльфийка пережала его горло своим локтем. Прикосновения к черному дракону вытянули из нее последние силы, но она не выпустила его. Под ее объятиями, горло Аргелора захрустело. Сильные руки душили его. В конце концов, он оттолкнул ногой Тиру, и с легкостью сбросил с себя охотницу.

— Отдай меч! — выхватив у безликого оружие, он ринулся к Тире.

— Хозяин леса! — взвыл тот.

Тени рассеялись. Лес раздвинулся, пропуская своего покровителя. Лесной дух был быстрее черного дракона. Одним ударом он выбил и раскрошил меч Аргелора. Его руки ветвями обвили вокруг него и сжали плечи. Даривший жизнь умел и отнимать ее, но не у дракона. Даже он, хозяин леса, чувствовал чужую магию. Его обжигало ею, только хватку он не ослабил.

— Ты всего лишь дух! — Аргелор рванулся из его хватки.

Хозяин держал его крепко. Его глаза, полные зеленого огня, сверкали от гнева.

— Беги! — прорычал он Тире так, что та живо вскочила.

Поднялась и эльфийка, вмиг забыв о боли. Тем временем борьба между черным драконом и лесным духом развернулась не на шутку.

— Он долго его не удержит! — прохрипела охотница.

Из ее разбитой губы и щеки текла кровь. Сплюнув, она быстро подозвала к себе гидралов. Тира заметила, как дрожали ее руки и ноги. Ей самой было не легче. Борьба всего в нескольких шагах от нее, слилась в неясный клубок. Хозяин леса пытался сдержать Аргелора. Он давал жизнь всем лесам, только тут его сил не хватало. Черный дракон. Наносил удар за ударом. В последний момент, лесной дух все же подмял его под себя. Он тяжело дышал и его руны на теле ярко горели, высвобождая силу леса. Сквозь растрепанные пряди волос, он глянул на Тиру, когда та наклонилась за оброненным мечом безликого. Темное железо заинтересовало ее, отчасти тем, что являлось настоящим. Если оно ранило ее, то и кожа Аргелора могла не устоять перед ним. Сомкнув пальцы на черном эфесе, она не смогла поднять его. Меч рассыпался в пыль.

— Мы встретимся в честном бою! — сказала тогда она Аргелору.

Тот вздернул плечом под тяжестью хозяина леса и остался лежать. Лесной дух долго смотрел на Тиру. В его памяти свежим шрамом лежала картина ее детства с братом, тогда еще родным и любящим.

— Едем! — поторопила ее эльфийка.

Голос ее сильно хрипел, да и Тира дышала через раз. На груди виднелись кровавые полосы, тело болело. Сжав зубы, она села на своего гидрала, который недовольно храпел, чуя иную магию.

Не оглядываясь назад, они умчались, а хозяин леса выпустил из своей хватки Аргелора. Они встали друг напротив друга. Ни тот, ни другой, не мог убить своего врага.

— Я знаю твою слабую сторону, — вдруг сказал дракон.

Огонь в глазах хозяина леса распалился сильнее. Аргелор не врал. Он сумел вынюхать это. Черный дракон исчез, оставив хозяина одного. Его соперник, еще без окрепших крыльев, вскормленный людьми, слишком быстро учился. Он заглянул в сердце хозяина и многое увидел.

Лесной дух еще долго стоял под кронами своих детей, прежде чем раствориться в просторах мира, и только серая эльфийка знала, о чем он думает.

* * *

На рассвете, охотница отпустила гидралов. Звери устали, устали и их наездницы. Слегка шатаясь, эльфийка подошла к заводи у лесного ручья. Ее трясло от долгой скачки и усталости, кожа приобрела серый оттенок. При свете еще бледного неба, Тира увидела, что вся одежда ее проводницы пестрела пятнами крови, впрочем, как и ее собственная.

— Нельзя явиться так к старейшинам, — с усталым вздохом сказала та. — Не хорошо нести на себе кровь.

С пренебрежением, она скинула с себя одежду и медленно, почти бесшумно вошла в холодную, подернутую туманом воду. На ее точеной спине Тира увидела ссадины и кровавые шрамы от недавней битвы. Вода обжигала ее холодом, но эльфийка, сжав кулаки, стерпела это, и окунулась с головой. Вода приняла ее, смывая следы борьбы с ее тела. Это был дар, который помнили все народы, и Тира знала это от своего отца. Вода умела лечить.

Раздевшись, она последовала за эльфийкой. Холод быстро заглушил всю ее боль. Кровь смылась, и Тира позволила себе раствориться в этой неге. Исчезла и струйка с ее подбородка. Эльфийка вынырнула рядом с ней. Ее кожа вернула себе первоначальный цвет и ее глаза блеснули. Тряхнув мокрыми волнами волос, охотница устремила свой взгляд на лес.

— Ты заняла место в сердце хозяина леса, — тихо произнесла она, и скосила глаза на Тиру.

По ее лицу стекали холодные капли, сквозь которые ее взгляд сделался глубоким и загадочным.

— Место? — переспросила Тира.

— Да, по легендам его сердце, это сердце всех миров, живых и ныне существующих. Оно еще никогда не было занято, — ответила она. — Он берет в жены только раз...как и дракон.

— Эти дела меня не касаются, — Тира резко исчезла под водой, а после вышла на берег.

— Рано или поздно тебе придется связать свое сердце с тем, кто пойдет с тобой одной дорогой, — строго бросила ей в след эльфийка. — Эта истина даже не драконами писана! Это истина всех миров!

Тира лишь повела плечом и нахмурилась, вспоминая о своем брате и Иллигеасе.

— Лучше думай о дороге, — сказала она, и принялась одеваться.

— О дороге подумают гидралы, — эльфийка вышла из воды, ничуть не смущаясь своей наготы.

Выжав с длинных волос влагу, она вдруг к чему прислушалась. Ее тело целиком обратилось в слух, уши подрагивали, ловя неслышные звуки.

— Что ты слышишь? — поинтересовалась Тира, с неохотой влезая в пыльную одежду.

— Земля говорит, что тайные тропы проснулись, — тряхнув мокрой копной волос, охотница тоже стала одеваться.

— Что за тропы такие?

— По ним ходит подгорный народ, — сказала та. — Гномы. Кто-то собрал их...

— Я знаю, кто, — Тира тяжело вздохнула. — Мой наставник. Он был магом.

— Старейшины говорили о беловолосом чужаке. Значит это он? — эльфийка недоверчиво взглянула на свою спутницу. — Это он нашел камень сбора?

— Да, — кивнула она. — Я видела это во сне.

— Силен...

— Был... — поправила ее Тира и сама позвала гидралов.

Звук не повторял того, каким их звала охотница, но звери явились к ним. После этого, эльфийка взглянула на нее по иному, как на равную, а не как на неумелое, человеческое дитя.

Остаток пути до земель серых эльфов пролетел быстро. По мере приближения к нему, усталость уходила, и тело наливалось свежими силами. Теперь Тира понимала, почему эльфы почти не спали. Им это не требовалось. Земля и лес давали им все необходимое, кроме дорог. Ни троп, ни дорог тут не было. Гидралы проскакали последнюю милю по непроходимым дебрям, и к закату принесли своих всадниц к широкой темной реке. Вода в ней текла медленно и выглядела не обычно.

— Не бойся, — сказала эльфийка. — Если тебе суждено пройти, то лес тебя примет, а если нет, смерть будет быстрой. Эти воды наша граница.

Она пошла первой. Ее гидрал без опаски вошел в реку и направился к другому берегу. Вода доходила ему чуть выше брюха и не издавала никакого плеска.

— Ну что же...вперед, — тихо проговорила Тира своему зверю, и тот спустился к воде.

Воздух здесь оказался намного холоднее, чем на берегу, а лес впереди сделался совсем далеким и туманным. Тиру со всех сторон окружила река. Она была серая и очень холодная. Нагоняя страх, вода будто сжалась вокруг, не пуская гидрала. Зверь зарычал.

— Это просто река, — прошептала она ему.

Видя, что тот не слушается, Тира спрыгнула в воду и потянула его за собой. Охотница, обернувшись к ней, удивленно расширила глаза.

— Ты и впрямь любимица лесного духа... — проговорила она. — Истинный дракон. Пешим реку может перейти только серый эльф, а остальных она убьет, всех, кроме дракона.

— Эта река живая, — пожала плечами Тира. — Я просто нашла с ней общий язык.

Она двинулась дальше, и берег неожиданно приблизился, явив лес серых эльфов во всей дивной красе. Никакая карта не могла передать его истинный вид.

— Обернись, — кивнула ей эльфийка.

Повернув голову, Тира увидела за собой высокие горы, те, о которых говорил Иллигеас. Неведомым образом они оставили их позади, как и многие другие препятствия. Тут не обошлось без помощи лесного духа и его магии. Пограничные земли, которые сжимали пространство, подчинялись ему.

Хозяин леса остался доволен. Он сократил путь драконицы с месяца, до нескольких дней, и своего наблюдения за ней не оставил. Он имел много глаз и многое знал. Но одно оставалось вне его ведения...

Глава одиннадцатая

В черных стенах Академии было светло, правда, совсем с недавнего времени. В открытые окна вливался серый свет и настоящий, северный холод. Архимага это смущало, но его ученик этого требовал.

— От кого ты скрываешься? — он резко вырвал штору из рук своего наставника.

— Есть правила, Аргелор, даже для темной стороны, — сказал тот, и все же приглушил в зале свет с помощью магии. — Ты ведь знаешь их. Я тебе рассказывал. Ты вот упустил свою сестру. Лучше обратить свои мысли в эту сторону...

— У меня иной план. Вся эта суета мне его сама подсказала, — черный дракон развернулся к нему.

Глядя на его природную статью, Архимаг невольно опустил плечи и сел в кресло. Сложив кончики пальцев вместе, он принялся изучать его, и поражался все больше.

— Ты знаешь, что время даже меня не щадит, — мягко напомнил он. — А я не могу занять этот мир, пока у него есть хоть одна надежда...

— Сожрать, вот что ты хочешь, а не занять, — сказал Аргелор, глядя на него из-под высокого лба. — В твоей сути ошиблись все, кроме меня. Ты забыл, я ведь вижу истину и гораздо глубже, чем ты себе можешь представить. Ты слаб! Тебя мнят сильным, а на самом деле...

Он подошел и схватил его за ворот. Архимаг успел вывернуться, очутившись уже на другом стуле, и движением руки остановил Аргелора.

— Ты стал дерзким! — повысил он голос, и в зале стало еще темнее.

— Боишься, что и остальные узнают? Они ведь думают, что ты сама тьма, а на самом деле, ты... — Аргелор отмахнулся от его магической защиты.

— Молчи! — Архимаг отшвырнул его к стене, и тяжело задышал. — Молчи! Слишком много ушей, даже тут!

— Ну и что? — Аргелор встал на ноги, как ни в чем не бывало. — Ты...

— Если ты не замолчишь, я окуну тебя в небытие! Сил у меня хватит! — сказал Архимаг.

— Не хватит! — черный дракон вмиг возвысился над ним. — Никто не знал, даже в вашем Высшем Мире, что ты всего лишь серый дракон! Пустота, без силы, без магии, которая питается чужими мирами! Ты ведь изгнанный из всего драконьего рода в самом начале времен! Только сумел очень хорошо скрыть свою суть! Напустил черноты для отвода глаз, и все маги поверили тебе! Как видишь, моя память крови смотрит гораздо дальше ближних веков и эпох!

Он одной рукой сжал Архимага так, что на миг тот явил свое истинное лицо. Он превратился в серую, блеклую тень. В зале распахнулись все окна, и холодный свет врезался в Архимага, сделав его призрачным. С такой силой он не бился никогда. Это уже не был его ученик, это был полноправный дракон, такой, какими он помнил первейших из драконов. Аргелор швырнул его на пол, и тьма в самом деле спала с него. Он обезличил его. Перед ним оказался тенеподобный старик, с серой кожей, серыми волосами. Серая тень. С поспешностью, он закутался в свои черные доспехи и принял свой прежний вид.

— Ты зашел слишком далеко! — прошипел он. — Да, я серый дракон! Но тебе меня не убить! В былые времена...

— В былые времена правили драконы, и я верну это право! — сказал Аргелор. — Я верну это право себе!

— Ты нарушишь баланс! Драконы несли иное правление, они поддерживали порядок в мирах и магии! Следили за потоками! Даже такие черные драконы как ты... — второй удар заставил Архимага замолчать.

Аргелор гордо вздернул подбородок и посмотрел на тень у своих ног. Она показалась ему жалкой, но ему нужны были знания о своей магии, и тень могла ему их дать.

— Поднимайся! — сказал он. — Ты будешь меня учить. Всему.

— Ты знаешь достаточно, — Архимаг поднялся и тяжело оперся о черный стол.

— Нет, — возразил Аргелор. — Ты покажешь мне все запретные книги.

— У меня их нет. Я черпаю знания в себе, — сказал тот.

Пытаясь вернуть себе хоть какое-то достоинство, он сел в кресло, и попытался унять дрожь в пальцах. Он впервые столкнулся с такой силой, и мысль о возвращении в тюрьму в Высшем Мире показались ему спасением, но его мысли быстро пресек Аргелор.

— Даже не думай! Ты соблюдал свои правила и питался отбросами, когда из пустых миров можно было создать империю! — он глянул из окна на пустые земли. — Создать другой Высший Мир...

— Твои идеи нарушат равновесие! — возмущенно зашипел Архимаг. — Нарушат всю магию! Война разрушит то, что ты захочешь занять! Играй по правилам, и тогда трон сам станет твоим! Просто следуй правилам созданных миров...

— Мне не нужны твои советы. Мне нужны твои знания, поэтому ты перенесешь их на пергамент, — сказал он.

— Это не возможно, — сказал Архимаг.

— Возможно, если ты хочешь жить, — Аргелор взял его руку и сжал запястье так, что металл доспехов жалобно заскрипел. — Ты напишешь все знания.

— Ты...не сможешь убить меня, черный дракон, — он дрогнул, но боль стерпел. — Ты ведь знаешь, что для этого надо, а у меня этого нет, и ты это не найдешь.

— Да? Я разгадал, кто ты, и оказался одним из первых, кто это сделал. Ведь даже в Высшем Мире никто не узнал этой тайны. Для них ты страшная тьма, а для меня серый старый дракон, потрепанный временем, — Аргелор заговорил медленно, без страха глядя в глаза Архимага, в глаза, которые были способны сожрать пустой мир и высосать силы из простого мага. — Я знаю, где ты спрятал свое сердце, дракон пустоты. К своему несчастью, ты наткнулся на другой мир, не тот, который ты ожидал встретить.

Глаза Архимага перед ним закрылись. Он отвел их. Темнота в них сжалась под взглядом Аргелора. Только сейчас он осознал, с кем столкнулся. Всех его сил и знаний не хватило бы, чтобы уничтожить его.

— Ты думал сделать меня своим оружием, — продолжил черный дракон. — Ты ошибся.

Архимаг не шелохнулся. Он просто смотрел на него, на страшного воина, который взял его в плен. Никто даже не догадывался о его тайне, а этот узнал ее без всяких подсказок. Ему оставалось только молчаливо согласиться, к тому же Аргелор мог читать его мысли. Архимаг сумел единственное, что позволили ему силы, это скрыть часть своих дум от него.

— Мне нужен город, — сказал Аргелор. — Рудники черного металла и рабы, которые будут его добывать. Каменные монолиты хорошие работники...

— Я врал тебе насчет отца, — вдруг сказал Архимаг. — Он был славным драконом.

— Я знаю, но меня это не интересует, — ответил Аргелор. — Он был низшим драконом

по сравнению с первыми драконами. Не пытайся избежать своей работы. Отныне твое место будет в башне.

Он глянул на него так, что Архимаг без лишних слов поднялся и ушел. Он отправился в самую высокую башню Академии. Черный дракон не стал его запирасть. Он и так знал, что Архимаг никуда не уйдет, ведь он знал, где найти его сердце.

* * *

На противоположной стороне мира, эльфийский всадник вез свой груз на далекую землю. Маг был очень слаб. Время от времени он стонал, и эльф вливал в него спасительную жидкость. Когда пограничье закончилось, они подъехали к белому мосту. Как и земли серых эльфов, Высшие эльфы отделили свои земли водой. Мост простирался над бурным потоком. Он был узок и не имел ограждений. Эльфийский конь с легкостью его преодолел, и спустился в золотой лес. Мост исчез. Земли расширились, явив холмы и горы, которые золотились под ярким солнцем. Тут тоже текли реки, полные, прозрачные и невероятно медленные. Деревья, казалось, замерли в одном времени, но так виделось только смертным. Времена года тут сменялись, только не так быстро. Сейчас на этих землях царствовало лето, и листва цвела золотом на белых и красных деревьях. Здесь тропы не прятались, они вели к эльфийскому царству над двенадцатью водопадами. В этих местах пропадала хворь и боль, уходила печаль, и ее место занимала мудрость, потому-то Иллигеас и пришел в себя.

— Тихо! — предостерег его эльф. — Ты слишком слаб.

Маг шевельнулся, но никаких сил не почувствовал. Он был пуст, как сосуд, и эльфийские земли только начинали наполнять его силой. Всадник поддерживал его в седле, и только благодаря ему он не падал. Сквозь пелену на глазах, Иллигеас смотрел на благодатные леса, и едва понимал, где он находится. Такие леса он видел в Высшем Мире. Его сознание не верило, что он увидел их тут. Эту землю сюда словно перенесли, с иными потоками магии, да и сами Высшие эльфы казались чуждыми в мире Халдрагара.

— Куда ты везешь меня? — слабым голосом спросил он.

— В Белый Город, — ответил эльф. — Только не пытайся вспомнить прошлые события. Тут воспоминания не более чем туман.

К своему удивлению, маг с трудом вспомнил, что с ним произошло. Мысли плыли медленно, и почти никаких чувств не вызывали. Все, кроме мыслей о Тире. Иллигеас спохватился, дернулся из рук эльфа и упал на землю. Подняться он смог с помощью всадника.

— Мне надо вернуться... Туда...

— Не сейчас. Ты погибнешь, едва покинув наши земли, — сказал он и посадил его в седло. — Нам нет дела до смертных, но тебе я решил помочь. Когда твои силы вернуться к тебе, ты уедешь. Лучше выпей воды.

Он принес ему чистой воды из реки и напоил его. Это заменило ему и пищу. Иллигеас утолил жажду и голод, и они поехали дальше.

Тут быстро все забывалось, и даже мысли о Тире сделались не такими резкими. К вечеру он уже сам мог сидеть в седле. Когда на небе высветились яркие звезды, они стали подъезжать к слиянию двух рек. Отсюда уже виднелся Белый Город и горы.

— Остановимся тут, — эльф помог Иллигеасу спуститься. — Когда луна взойдет, мы

снова поедем.

— Как твое имя? — спросил маг.

— Лаэрнар, — ответил тот и уселся рядом с ним на траву. — Лунный ветер. Я первый сын королевского рода.

— Меня зовут Иллигеас...

— Я знаю, — прервал его тот. — Не трудись с объяснениями. Но и помощи у нас не проси. Тот мир нам не интересен, чтобы в нем не происходило.

— Я не буду просить помощи, — сказал маг. — Я знаю, что ваш народ не вмешается.

— Ты должен нас понимать, — Лаэрнар тяжело вздохнул. — Ты ведь старше меня. Мне минуло одиннадцать тысяч лет, а тебе, как я чувствую, не первая сотня.

— Да, — кивнул он. — Я не стану задерживаться у вас, только на тот срок, чтобы восстановить силы.

— Едем, луна взошла, — сказал тот.

Под ее льющимся серебром, они тронулись в город. Иллигеас не скрывал своего удивления. Он глядел по сторонам и усердно ловил живительные потоки эльфийской магии.

Дорога возникла сама собой, из гладкого камня. При луне она светилась и сияла. Это небесное светило будило эти земли от дневного тепла и дремы. Высшие эльфы звали его ночным солнцем. При нем расцветал и сам Белый Город с его арками и беседками. Он поднялся над водой как цветок. Под ним шумели водопады и ручьи, блестели чаши мелких и глубоких озер.

При виде города, Иллигеас и вовсе забыл обо всем. Мысли растворились. Остались только серебряные арки. Белый Город не окружали крепостные стены или сторожевые башни. Высшие эльфы не нуждались в них.

Когда конь въехал под арку главных ворот, на изогнутый мост, Иллигеас уже не помнил о Тире, даже Архимаг превратился в неясного призрака в его мыслях. Но сила города несла и другое. Маг исцелился, и боль его прошла. Спутник его на это лишь хитро прищурился.

— Не думай ни о чем, — сказал он. — Когда решишь уезжать, сам все вспомнишь.

На улицах города, Иллигеас не увидел суеты и стражи. Сын короля провез его по главной площади, которая сама собой выплыла из светлой рощи. Тут журчала вода в арыках, и били струи фонтанов. Площадь сменилась тихим садом, а затем под копытами коня оказалась узкая тропинка. Она привела к большому дворцу, часть которого больше походила на открытую беседку. Иллигеас не увидел тут дверей, только тончайшие каменные арки, плетенные как кружево.

Здесь магу пришлось спешиться, и Лаэрнар повел его во дворец. Но прежде ему удалось увидеть серебряное дерево, то, что давало Высшим эльфам их непобедимое оружие. Оно же давало им силу, частичку которой они носили в себе. Дерево росло из круглого пруда и кроме эльфийских мастеров и короля, к нему никто не смел подойти.

В глубине дворца мелькнул чей-то силуэт и Лаэрнар слегка улыбнулся.

— Это моя сестра, Элариор, — сказал он.

Ее тонкий стан Иллигеас увидел рядом с королем Высших эльфов. Его волосы были белы, как снег, а длинные одежды украшали плетеные узоры из серебра. На чужака рядом со своим сыном, он смотрел ровно, без брезгливости и высокомерия. Но маг все равно ощущал себя гораздо ниже него статусом.

— Приветствую тебя, — неожиданно произнес король.

Иллигеас учтиво поклонился. Он не знал, что говорить. Все его знания и языки разных

народов стали такими мелкими и ненужными. В Высшем Мире он встречал эльфов, но не таких. Этот мир наложил свой отпечаток. Король будто смотрел ему в душу, а затем и его дочь обратила на него внимание.

Одежды на ней были скромные, белые, без расписных узоров и золота. Тонкий материал лежал мягкими складками, ниспадая до пола. В эти складки вливались волны ее волос, цвета спелой пшеницы. Они спускались ниже талии, почти до колен и служили лучшим украшением. Глаза эльфийки были серые и чистые. Они смотрели ясно, и, глядя в них, Иллигеас увидел рассвет на далеких берегах, куда вход был заказан всякому, кто не принадлежал к эльфийской крови. Элариор не стала кланяться магу. Отвернувшись, она чуть отступила за спину отца, прямо в лунный свет, который окрасил ее волосы серебром.

— Приветствую и я вас, — наконец проговорил Иллигеас непослушным языком. — Я чужак и надолго не задержусь здесь. Мое присутствие не будет долго тяготить вас.

— У этого мира много голосов. Я слышал песнь ветра о твоей дороге, Иллигеас, — сказал Иллигеас. — Отдыхай здесь столько, сколько потребуется.

— Благодарю тебя, — Иллигеас снова поклонился.

— Для благодарности рано произносить слова, — осек его король.

Он знаком показал Лаэрнару проводить гостя на отдых и более не выказывал к нему никакого интереса. Дела внешнего мира за окраиной его земель, его не волновали. Только его дочь посмотрела вслед магу, а после повернулась к отцу.

— На него забвение долго не будет действовать. Какую плату ты попросишь у него? — спросила она.

— Он узнает это позже, дочь моя, — ответил он. — Ты правильно думаешь о нем. Только у него есть спутница. Белая драконица, чье сердце самый ценный магический артефакт. У нас свои законы, у них свои. Помни это.

Сказав так, король отвернулся. Его дочь, коротко кивнув, ушла в сад, а оттуда в золотой лес. Ее мысли Иллигеас не смог бы прочесть при всем желании и умении мага. Тайны эльфов никогда не покидали их земель, и лес хранил их в своей листве. Маг, тем временем, едва опустившись на мягкую постель, тут же погрузился в сон. Эти тайны сейчас вряд ли тревожили его.

* * *

Та, о ком он успел позабыть, мчалась по зеленому лесу на гидрале, рядом с серой эльфийкой. Теперь она вместо Иллигеаса учила ее новым знаниям о просторах и скрытых тропах, о тех местах, что знал ее лесной народ.

Свое имя она по-прежнему не называла, но стала мягче. Тира же наоборот погрузилась. Что-то щемило ее сердце. Будто поняв ее мысли, эльфийка выбрала до города самый короткий путь. К вечеру лес распахнул перед ними свою тайну, и Тира замерла на его краю. Глазам открылись другие земли, нежели она видела на карте. Это был настоящий город, с домами на деревьях и каменными постройками на мшистых низинах, среди огромных корней.

Серые эльфы жили в полном согласии с лесным духом, и тут все отдавало его силой.

— Это мой дом, Эрдариар, — сказала она. — Совиное Крыло, если на общем языке Оставь свою печаль. Тут тебя примут, как воина.

— Я думаю о своем наставнике, — сказала Тира.

— Оставь. Каждому своя дорога, — охотница подъехала к ней и сжала ее руку чуть выше локтя. — Ты идешь за великой вещью, а думаешь о прошлом. Старейшины такого не одобряют.

Она внимательно поглядела на нее, словно хотела убедиться в чистоте ее помыслов. Тира кивнула ей и чуть улыбнулась. Они тронули зверей и въехали под арку сплетенных корней лесных исполинов.

В сумерках зажглись неяркие зеленые огоньки, освещая жилища и узкие тропки. Там внизу виднелись гибкие силуэты серых эльфов, и слышались их голоса, только Тира слышала и еще кое-что. Легкое дыхание, которое следовало за ней по пятам. Это хозяин леса невидимо следил за ней, правда, в мыслях драконицы он места не нашел. Она отбросила все, как и советовала ей ее спутница. Ее ждал город, которого прежде никто не видел.

Гидралы осторожно спустились в потаенную низину. Эльфы оглядывались на чужака, и только под взглядом охотницы начинали двигаться по своим делам. Среди них Тира видела и эльфов в легких доспехах, будто они ждали войны. Они сторонились гостью, и тут же исчезали среди высоких деревьев. Там, в густых кронах, были видны и зоркие лучники. Дракон в их городе оказался им явно не по вкусу. Тира чувствовала их неприязнь, но эльфийка и их поставила на место.

— Тут уже слышали о твоём брате, — тихо шепнула она ей.

Когда они подъехали к самому высокому дереву с громадными узловатыми корнями, за их спинами уже хватало любопытных глаз. Легко соскочив с седла, охотница быстро увела Тиру за округлую дверь, которая тут же превратилась в древесную кору и исчезла.

Внутри пахло мхом, и было тепло. Низкие ступени вели куда-то наверх, где светился маленький огонек. Лестница привела их на открытую веранду, где Тира увидела целый круг эльфийских старейшин. На гостью они смотрели свысока.

— Приветствую вас! — не дожидаясь знака охотницы, поприветствовала их Тира и склонила голову в поклоне.

Старейшины и бровью не повели. Они были высоки ростом, без бород, так как серые эльфы не носили их, и только глаза выдавали их не малый возраст. Они не носили и длинных одежд, лишь кожаные штаны, да рубахи с легкими доспехами. В волосы каждого из старейшин были вплетены тонкие нити с украшениями из перьев и тонко вырезанных из дерева листьев. Эти нити сообщали всю историю их дел, и Тира умело прочла их. Уроки Иллигеаса не прошли даром. Вспомнила она и о том, что серые эльфы обладали особым укладом жизни. Своих детей они воспитывали сообща, потому ее спутница обратилась к старейшинам, как к отцам. Приложив руку к своему сердцу, она низко поклонилась.

— Ты задержалась в пути, — сказал один из них. — Правда, привела достойного гостя. Пусть она говорит.

Старейшины пристально уставились на Тиру, ожидая от нее речи, но той нечего было сказать. Она чувствовала, что от нее ждут дальнейших действий. Молчание становилось не ловким, и наконец, Тира сделала шаг вперед.

— Я пришла за слезой дракона, — сказала она. — Мой наставник говорил мне, что из нее можно сделать оружие... у подгорного народа...

— Сейчас не то время, когда стоит вспоминать о разногласиях, и все же, — старейшина, тот, что был с пепельными волосами, подошел к ней и положил руку на ее плечо. — Гномы не принимают чужаков. Как и мы. Слухи о твоём брате разошлись уже далеко. Конечно, есть

и пророчество и все понял его. Да только твой брат себя драконом признал, а вот ты... Я вижу перед собой простую людскую девку, а не великого воина. Тебе тоже надо признать в себе дракона. А пока, наша дочь проводит тебя в свой дом.

Он отпустил ее, и эльфийка поспешно утащила Тиру в селение, в зеленую глубь, не обращая внимания на толпу любопытных.

По своему возрасту, она уже имела дом, построенный ею самой. Он располагался на окраине, в самом лесу, на большом дереве, с которого были видны все окрестности.

— Располагайся, — сказала она, открыв дверь.

Дом оказался не большим и уютным. В нем тоже пахло мхом, а в открытые круглые окна задувал свежий ветерок. Положив лук на низкую лежанку, эльфийка поставила на стол перед Тирой не хитрую, но сытную пищу.

— Спасибо тебе, — поблагодарила она ее. — Далеко отсюда слеза дракона?

— Вон там, за теми холмами, — она указала вдаль, которая была видна из окна. — Она хранится у серых вод. Когда возьмешь ее, сюда возврата не будет. Ты хорошо подумала?

Она посмотрела на нее, в ожидании ответа, словно проверяя ее на прочность.

— Да, — ответила Тира. — Я знаю, что гномы умелые мастера, и я пойду к ним. Они знают слово истинного металла. Другое железо в моих руках тает.

— Гномы сейчас строят свои планы, — охотница поела быстро, а после уселась на окно, подставив лицо ночному ветру.

Доев нехитрое блюдо из орехов и корней, и запив его холодной водой, Тира встала из-за стола и тоже подошла к окну.

— Я о них много читала, об их городах под землей, — сказала она.

— Маги о них не все знают, — усмехнулась охотница.

Ее кожа при свете звезд отсвечивала серебром, а глаза обрели странную ясность, будто то, что она рассказывала, она видела сейчас наяву.

— Видимо ты знаешь больше? — спросила Тира и оказалась права.

— У гномов есть особые мастера, которые живут в особом месте, — она спрыгнула с окна и принялась стелить не хитрую постель для своей гостьи. — Утром расскажу. Люди ведь не привыкли бодрствовать ночью.

— Я не хочу спать, — остановила ее та, не обратив внимания на слова о людях. — Лучше расскажи.

— Значит, признаешь в себе дракона. Твое тело начало просыпаться, — довольно заметила эльфийка. — Ну что же, идем, расскажу.

Они вышли за пределы города. Лучники сначала не хотели их выпускать, но охотница знала, что сказать, и их пропустили. Правда вдогонку долетел недовольный шепоток, и Тира постаралась пропустить его мимо ушей. Она и так едва поспевала за своей легконогой спутницей, а та вела ее к своему излюбленному месту, откуда просматривалось море. Этим местом оказался холм, похожий на медвежью голову, чьи «уши» поросли лесом. Ничуть не запыхавшись, эльфийка взлетела на его вершину, а затем и на высокое старое дерево.

— Лезь сюда, — сказала она, и втянула Тиру наверх.

По макушкам деревьев гулял ветер, холодный и с запахом моря, который взбудоражил драконий дух. Он нес запах другой земли и той свободы, которая была за линией облаков. Тире очень хотелось раскрыть свои крылья, но она не могла. Чужая сила с севера не давала этого делать, а если ей сопротивляться, то это быстро почуют. Тира тут же ощутила не приятную волну. Если она раскроет крылья, ее брат этот тотчас же унюхает, потому дракон в

ней предпочел затаиться.

— Рассказывай, — попросила Тира, устроившись напротив эльфийки.

Глаза охотницы сверкнули, и она почти по-дружески улыбнулась, только лицо ее тут же обрело былую серьезность.

— А ты любопытна, — она присела на толстую ветку на корточки, с легкостью сохраняя равновесие. — Вон там, на севере, где замерзает сама жизнь, стоят горы. Под ними лежит город гномов-мастеров. Не прошенным гостям туда входа нет.

— Такого не бывает, — упрямо заявила Тира, мысленно уже переносясь на север. — Я видела карту Нимладора...

Эльфийка засмеялась громки и заливисто.

— Ты думала, их город тут? Плохо же вас учили! — она перепрыгнула на другую ветку и потянула Тиру за собой. — Я тебе говорю о севере! Север, а не северная окраина. Земли гномов лежат за тем, что вы зовете Академией.

— Наши карты заканчивались Северным Пределом. Иллигеас...он говорил, что за ними ничего нет, — сказала Тира.

— Глупая ошибка! — бросила та. — Там никто не бывал из-за холода.

— Откуда же ты о них знаешь?

— От лесного хозяина. Но ты же его слушать не будешь, — глаза эльфийки засмеялись. — На те берега еще вороны летают, наши лесные птицы. Они тоже многое могут поведать.

— Если они за Академией, эти земли, значит, на них уже могло проникнуть зло, — нахмурилась Тира, но ее собеседница уверенно мотнула головой.

— Нет, тот холод тьму не пустит. Да и у мастеров тех есть свои секреты, — сказала она. — Возьмешь слезу, выбора у тебя уже не будет. Отправишься туда.

— Каким образом мне туда попасть? Земли возле Академии уже наверняка хорошо охраняются. Они и раньше-то были под запретом, исходя из магических книг и карт, а теперь тем более, — Тира задумалась над будущей дорогой, только мысли никак не шли.

— Я провожу тебя, — неожиданно предложила та. — До Тихих Островов. Это у самой кромки льда, возле юго-восточной оконечности Северного Предела. Но дальше пойдешь одна. Хотя, ты ведь дракон. На своих крыльях ты бы быстро долетела.

— Я не могу, — резко ответила Тира. — Меня учуют, так же, как я чувствую своего...

— Брата?

— Когда-то он был мне братом, — поправила она ее. — Я хочу отправиться завтра ночью.

Она решила это неожиданно для себя, но решение было верное, и Тира знала это. Эльфийка удивилась этому, а после, удивление сменилось радостью. Возможность боя и дальняя дорога, вызвали искру в ее глазах.

— Старейшины дадут нам лучших гидралов, — сказала она. — Ты готова к пути?

— Да, — железным голосом произнесла Тира. — Но не проще ли поплыть морем?

— Нет, — охотница вдруг вздрогнула. — Идем. Пусть море тебе само все покажет.

С этими словами она прыгнула вниз, за ней последовала и Тира. Они направились к морскому берегу с серым песком и гладкими белесыми камнями.

У моря было спокойно, слишком спокойно, только серый песок шуршал под ногами. Тира опустилась на него на одно колено, и коснулась воды, тоже серой, и почти сразу ощутила удар магии, сильный, будто кузнечным молотом ударили.

— Это недавно началось, — сказала эльфийка.

— Подожди, — Тира закрыла глаза и будто наяву увидела черные флотилии. Они плыли на север, и их было много.

Глава двенадцатая

Аргелор знал все о планах Архимага, но считал их унылыми и слишком простыми. На Северный Предел продолжали пребывать маги огня, по старому приказу, только их знания черного дракона не интересовали. Об огне, его силе и видах, ему тоже было известно. Однако магам он нашел другое применение.

Освоив полеты, Аргелор свободно перемещался по всем землям. Его крылья крепчали, а маги приходили в ужас от его вида. Над гаванью, куда приходили суда, дракон пронесся черной тенью. На его приземление, земля отозвалась дрожью. Вернув облик человека, он шагнул на пристань, заполненную тритрагдорскими магами.

— Где глава вашего Ордена? — потребовал он, и маги невольно вытянулись в его сторону строем.

— Я являюсь главой Ордена, — ответил один из них и шагнул к нему.

Одет он был во все черное и предусмотрительно скинул капюшон. Аргелор посмотрел на него как на простого человека.

— Мне нужна кузня...

— Мы прибыли по приказу великого Архимага... — начал было тот и тут же смолк.

Кулаки Аргелора сжались, и воздух вокруг погустел.

— Приказы теперь я отдаю, — тихо, но очень тяжело произнес он. — Теперь мои приказы будут для вас законом.

Глава Ордена молча кивнул.

— Я слушаю тебя, — после выдавил он.

— Мне нужна кузня возле Академии, а так же крепость, вокруг нее же, — повторил Аргелор.

— Я уважаю твои желания, но мы не мастера-строители... — неуверенно проговорил глава.

— Тогда вы мне не нужны... — Аргелор занес руку, в которой уже чернел клуб темного смертоносного огня.

— Постой! — вдруг крикнули из толпы, и к нему выбежал молодой маг. — Я знаю азы магического строительства...

Глава Ордена презрительно зашипел и втолкнул его обратно.

— Хорошо, мы возьмемся за строительство, — сказал он.

— Мне нравится, что ты быстро соображаешь, — Аргелор унял свой огонь. — Кроме того, мне нужна армия. Есть у тебя такие знания?

— Есть, — нехотя кивнул глава. — Но я хотел бы увидеть Архимага...

— Увидишь еще, — бросил черный дракон. — Рудник, кузница и армия мне нужны через месяц.

— Это...

— Что? — Аргелор бросил на главу Ордена гневный взгляд.

— Какой численностью ты хочешь армию? — спросил тот.

— Возле Академии есть поле, от края до края, его должны занять мои воины, — сказал он. — Приказ ясен?

— Да, — как мальчишка перед своим учителем, кивнул глава Ордена. — Еще приказания?

— Пока нет, — Аргелор развернулся, прошел немного и взлетел.

Как и что будут выполнять маги огня, его не заботило. Вернувшись в Академию, он первым делом прошел в башню. Архимаг, изрядно побледневший, сидел там перед стопкой пергамента и смотрел на стену.

— Ты написал, что я просил? — с ходу спросил его Аргелор.

— Нет, — ответил тот и сложил руки на груди.

— Видимо ты желаешь увидеть, как трескается твое сердце? — он прошел мимо него, глянув на пустые пергаменты.

— Я не детская кукла, чтобы дергать меня за нитки, ища слабые места, — Архимаг встал.

Он сильно изменился за это время и успел поседеть. Грязно-белые волосы падали на глаза, которые сделались почти бесцветными.

— Ты передашь мне свои знания, — веско сказал Аргелор.

Он вновь схватил его за руку, только теперь боль была намного сильнее. Архимаг почувствовал все, что до этого сам причинял другим. Аргелор силой усадил его за стол.

— Знания... — тихо проговорил тот.

— Через месяц тут будет крепость с кузней, — продолжил черный дракон. — А ты... ты мне нужен для моей армии. Мне нужны воины.

— Лучше бы следил за своей сестрой, чем отстраивать тут свои владения, — напомнил ему Архимаг.

— Ты глуп. У меня свои планы, — сказал он.

— Ты плохо думаешь! Твои мысли затуманены величием!

— Я не разрешал тебе говорить...кажется, — Аргелор прижал его к старому стулу.

— Ты должен получить ее сердце, а иначе все твои планы пустая пыль! — прохрипел тот.

— Не такое оно ценное, как ты думаешь! — бросил дракон. — Твои мысли лежат на поверхности, тогда как я смотрю гораздо дальше тебя!

— Ошибаешься! — поджал губы Архимаг. — Вынь ее сердце и завоюешь этот мир без войны...

— В чем тут ценность?

— В том, глупец, что твоя сестра и есть надежда этого мира! — теперь уже Архимаг цепко и больно сжал его руку. — Без нее ты возьмешь мир за один день!

— И ты думаешь, это удачный план? — Аргелор усмехнулся. — Нет. Из твоих мыслей я выудил достаточно о белых драконах, о черных и даже о других. Я знаю их слабости, их магию. А вот ты, думал ли ты хоть раз набраться сил для победы и выбрать свое время? Выждать свою эпоху?

— Эпоху? — Архимаг замолчал. — Что за план у тебя?

— Мне нужны твои знания, а не советы, — он вышел из башни и закрыл за собой дверь.

Аргелор изменил главный зал. Теперь там стоял громадный стол из черного камня. Он имел круглую форму и занимал почти все пространство. Кроме него, тут не было никакой мебели, но дракону такая обстановка нравилась. Легкий взмах руки и поверхность стола за клубилась сизым туманом. Из него поднялась карта всего Халдрагара. В отличие от Этиле Арадских магов, Аргелор знал о самом северном континенте, и имел подробную карту земель Высших эльфов. Эти два места светились, и проникнуть в них он не мог. Высшие эльфы обладали странной магией, которая отличалась от всей остальной и была очень

могущественной. Северная же земля наоборот, знала простые истины, которые не поддавались разрушению, кроме того, там царил холод. Не простая вечная зима, а тот холод, который морозил саму жизнь. Кроме того, в мире еще кое-что мешало Аргелору. Его сестра. При коротком бое с ней, черный дракон ощутил ее скрытую силу и потому планы его лишь нашли себе подтверждение. Ее сердце, он, конечно, мог вырвать, но другое желание заняло его мысли. Это была не его эпоха. Аргелор много знал о Высшем Мире, о его истории и потому план его состоял в ином, нежели мог предполагать Архимаг. Таких как он, в Высшем Мире не ждали. Драконы даже забыли о том, кто был до них, и от кого они вели свой род. Аргелору просто нужно было другое время, которое было далеко впереди.

Карта, будто отвечая его мыслям, вспыхнула, а после погасла, и снова превратилась в стол.

* * *

Ти́ра будто знала о планах брата. Драконья кровь в ней бурлила и кипела, силясь поведать об изменениях в мире, только слушать ее было сложно. Море тоже давало разные сведения, то являя чужие леса с золотой листвой, то шумело парусами темных флотилий, то бросало взор драконицы к северу. Одно стало ясно, Аргелор набирал силу и не малую.

Весь следующий день, Ти́ра думала об этом, не замечая приготовлений к дороге, хоть гидралов она и сама выбирала. Старейшины не поскупились. В лесу ей показали лучших ездовых зверей. Они оказались больше тех, на которых ей уже довелось ездить. Пока она их выбирала, охотница вдруг остановила ее руку.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ты могла бы поехать на спине лесного хозяина, — сказала она.

— Нет, — отказалась Ти́ра, сразу понимая, к чему та клонит.

— Зря, — эльфийка ткнула ее в грудь. — Ты еще слишком молода и глупа.

— А ты стара? — усмехнулась Ти́ра, ничуть не обидевшись на нее.

— Мне сто пятнадцать лет, — ответила та. — По меркам людей, это много. А тебе всего лишь два десятка минуло. Ну и кто кого должен слушаться?

— Я ведь дракон, — напомнила Ти́ра, заметив хитрую улыбку на ее губах. — Если не ошибаюсь, у драконов другие мерки.

— Признаю, я проверяла тебя, — честно сказала та. — Признаешь ли ты себя драконом или нет. Тебе надо спрятать свое сердце, Ти́ра. Тогда твой черный братец не сможет тебя убить.

Ти́ра с некоторым сомнением коснулась своей груди, и только сейчас осознала, каким было ее сердце. Как у всякого молодого дракона, никогда не любившего, ее сердце имело твердую, почти каменную оболочку и светилось изнутри. Оно обладало своей собственной силой. Такое же сердце горело и в груди Аргелора, только оно имело черный цвет, и внутри него кипел багровый огонь.

— Нет, — сказала Ти́ра. — Я не смогу остаться без сердца. Это уменьшит мою силу. И потом мне некому его доверить.

— Лесной дух мог бы его сохранить, — эльфийка настаивала на своем, но драконицу уговорить не смогла.

— Нет, — мотнула головой та и устала на нее. — Может, ты мне лучше свое имя

скажешь? Нам ведь вместе долго ехать.

— Мое имя Тандрия, — бросила та. — Что же, я тебе давала дельный совет, но раз не хочешь... Бери другое седло. Не думай о своем удобстве. Зверь должен чувствовать свободу.

Она швырнула Тире легкое и очень маленькое седло, без луки. Держаться на нем было не за что, собственно как и сидеть. Серые эльфы скакали на нем стоя, наклоняясь вперед, к самой шее гидрала.

— Твой совет насчет сердца, ценен, Быстрый Ветер, — сказала Тира. — Но слишком уж многое зависит от моих решений.

— Откуда ты узнала, что означает мое имя на общем языке? — удивленно воззрилась на нее охотница.

— Ветер сам и подсказал, — ответила та. — Так что я не простая людская девка, как сказали ваши старейшины.

— Гм... — Тандрия быстро глянула на нее, и вид у нее остался довольный. — Может быть, а к совету все же прислушайся. Я тебе свое имя открыла, так что зла желать не могу, как и убить. Таков наш закон. Собирайся.

Вещей у Тиры никаких не было, и сборы сделались не долгими. С собой взяли только сушеные фрукты и оружие. Последнее взяла Тандрия. На ее поясе красовался целый набор кинжалов, ядов и коротких клинков. Кроме того, за ее спиной висел лук и запас стрел в узком колчане. Охотница не брала с собой даже сменной одежды. Она была привыкшая к любой непогоде, к холоду и к дождю.

Единственное, что сделала Тира, так это выстирала свою одежду. Теперь она не пахла пылью и выглядела, как новая.

Перед дорогой, она и Тандрия посетили старейшин.

— Я мог бы дать тебе лучший клинок и лук, — сказал ей седовласый старейшина. — Да только не по руке они тебе. Твое оружие тебя впереди ждет, как воина, и только став таковым, ты сможешь взять его в руки, Тира, дитя дракона.

Он вновь коснулся ее лба, а Тандрию коротко обнял и вручил ей старую потертую карту.

— Ты поведешь ее, — сказал старейшина слева от него. — Следуйте этой карте и помните о лесном духе. Лес всегда защитит. Тропы под его корнями самые надежные.

— Хорошо, благодарю вас, — эльфийка низко поклонилась ему и сунула карту за пазуху.

Серо-зеленая рубашка и мягкие, легкие доспехи обхватывали ее точеную фигуру. Охотницы тут все были такими, с тугими сильными мышцами и длинными быстрыми ногами. Тира не уступала им в этом. Ее тело было сильным, и не по-девичьи, твердым, только Тандрия обладала навыками боя, а она нет.

Едва небо сменило багрянец заката на первые звезды, они вскочили в седла. Дорога звала и зов этот отражался в груди Тиры. Правда седло ее совсем не порадовало. Оно оказалось очень неудобным, зато спина гидрала с его мышцами чувствовалась отлично. Зверь потягивался от нетерпения скачки. В его теле бурлила энергия, да такая, что скакать на нем можно было день и ночь без остановок и ночлега.

— Ну что? — Тандрия снова глянула на свою спутницу.

— Я готова к дороге, — ответила та.

Эльфийка улыбнулась, да так широко. Что Тира увидела ее небольшие клыки.

Серые эльфы не провожали их открыто, но напряжение чувствовалось. Лучники следили за ними, как и старейшины. Они смотрели молча, а их сердца шептали добрые

напутствия в дорогу. За короткий срок, Тира успела многое узнать о них, и смотрела на них уже другими глазами. Серые эльфы были потаенной мощью. От них исходила настоящая природная сила, и магия, которая будто рождалась в их руках сама. Они знали язык зверей, и кроме того, держали связь с лесом. Их глазами были вороны, лесные птицы, которые жили бок о бок с ними. Такой ворон сопровождал и Тандрию.

— Едем! — сказала охотница. — Только помни, когда возьмешь в руки слезу дракона, дороги назад не будет.

— Ты уже говорила это, — Тира даже усмехнулась.

— Нет, просто должна тебя предупредить, — она поправила лук и тронула своего гидрала.

Сытые, полные сил, звери, с радостью пустились размашистым бегом. На прощание Тандрия развернула их к морю, чтобы увидеть его берега. Они промчались по мокрому песку, зачерпнув соленый запах, и быстро свернули в лес, к холмам. Достаточно скоро среди леса забрезжили тонкие лучики света. Они играли серебристо-голубым, и гидралы бежали к ним, пока на холме не появился купол серой каменной беседки.

Оставив зверей у подножия, Тира и эльфийка пошли пешком на вершину холма.

— Слеза дракона, — проговорила Тандрия, указывая на узкую, полуу в центре колонну. — Бери.

Посреди камня светился хрустальный фиал. Он был подвешен в голубом свете, и излучал прохладу. Его грани сверкали, их обнимал узор тонкого серебра, настоящего, истинного, которые не станут таять в руках драконицы. Тира словно чувствовала его, но подходить боялась. В фиале билась сила, и не только. Она ощутила печаль, настоящую глубокую, такую, что стало больно. Перед глазами вспыхнули давние события, совсем седые от времени, и она увидела дракона, молодого и сильного, который вдруг развернулся к ней. Его глаза были такими же зелеными, как у Тиры, и если бы не горькая печаль, в них бы горела любовь. Он смотрел на Тиру и взгляд его говорил о многом. За его спиной простирался весь Халдрагар, только не нынешний, а давний, первобытный, с бескрайними полями и лесами. Мелькали народы и города, маги и простой люд, а потом все исчезло, и осталась только печаль.

Фиал засветился, как бы приглашая Тиру войти, и та ступила на серый камень. Ее рука осторожно коснулась холодного хрусталя. В тот же миг, она почувствовала невероятную пустоту, осознав тот далекий уход ее отца-дракона, а после в ее ладонях забились сила, чистая и первородная. Это была магия дракона. Сжав пальцами фиал, Тира вынула его из ниши, и голубые отсветы сделались тише. Сила будто признала ее, и Тандрия, подойдя к ней, накрыла ее руку своей.

— Мой народ долго хранил эту слезу, — сказала она. — Наконец, она вернулась к дракону.

— Я не знаю, что сказать... — Тира глубоко вздохнула и прижала фиал к себе. — Слезы отца, которого я никогда не видела, которого не застала...

— Ну...я не терплю сырости. Одна слеза уже есть, а свои проливать не стоит, — Тандрия кивнула ей на темный горизонт. — Перед тобой целый мир, и теперь только одна дорога.

Тира спрятала фиал в маленький кожаный мешочек и повесила его на пояс. Пройдясь по нему рукой, она нащупала не приятную пустоту. Ей не хватало оружия. Настоящего. Сейчас она чуточку завидовала Тандрии, буквально увешанной им. Ей же оставалось

надеяться на свои руки.

Фиал слегка поблескивал в мешочке. В темноте его могли разглядеть враги.

— Мы будем хорошей мишенью, — сказала охотница, тоже заметив его ответ. — Я все же плохо подумала, ты ведь совсем не умеешь вести бой.

— Научусь, — жестко бросила Тира. — У меня есть сила в руках.

— Ладно, едем. В мире уже знают, что мы забрали слезу, — сказала та, и скользнула с холма.

Беседка без фиала превратилась в простой камень, и вокруг сделалось совсем темно. Хоть и стояла ночь, но темнота будто сжалась вокруг Тиры, протягивая свои щупальца к фиалу. Не став медлить, она быстро спустилась вниз, и вскочила в седло. Гидрал, не довольный долгим ожиданием, с шипением шевельнулся и потянулся. Уже не дожидаясь сигнала Тандрии, Тира послала зверя галопом. Охотница, поравнявшись с ней, лишь улыбнулась.

С этой ночи, драконица стала наблюдать за эльфийкой, за ее движениями, и учиться. Ей стало понятно, что никакие учителя не сравнятся с ее спутницей в ловкости и скорости. Эти мысли однако быстро сменились чувством тревоги. Тира прикоснулась к фиалу и остановила гидрала, так резко, что тот встал на дыбы, и полоснул ее свои хвостом.

Город серых эльфов остался позади. Кругом был лес и еще чувствовался запах моря. Стояла тишина, если не считать ночных птиц.

— Что ты остановилась? Я ничего не чувю, — Тандрия встала в седле.

— На севере что-то происходит, — сказала Тира. — Ты можешь послать своего ворона вперед? — Могу, — эльфийка позвала его коротким свистом.

Ворон, вынырнув из темных крон деревьев, почти бесшумно опустился на ее руку. Прищелкивая языком, Тандрия что-то зашептала ему, а потом погладила его и отпустила. Птица улетела, а охотница повернулась к Тире.

— Он вернется через несколько дней, — ее светлые глаза буравили драконицу. — А ты чуешь дальше меня... Но в бою я легко тебя могу сломать.

— Посмотрим, — сказала Тира.

Хотя тут эльфийка была права. Они снова пустили гидралов галопом, и лес понесся мимо них. Иногда среди деревьев мелькали зеленые огоньки, а иногда рядом с ними мчался черный олень. Тандрия, чуя лесного духа, снова скалила зубы в улыбке, а ее спутница лишь фыркала на это. Она знала, что их сопровождает лесной хозяин, но в его сторону не смотрела. Только к рассвету хозяин леса оставил их, и Тира краем глаза увидела его силуэт и взгляд, в котором горела печаль.

Дальше дни понеслись незаметной вереницей, и Тира не отступила от своего. Она наблюдала за эльфийкой, за тем, как она звала гидралов, как двигалась и держалась в седле, а потом обратила внимание на себя, на свои движения. В них не было такой гибкости, зато присутствовала твердость. Тира будто знала каждый свой шаг и ступала уверенно, в то время, как Тандрия двигалась очень осторожно, скользя между корнями и травами. Там, где проходила она, не оставалось следов.

В один прекрасный день, вернувшись с полными фляжками воды, Тира не нашла ее на месте. Там, где они остановились, под деревом, стояла тишина. У корней лежали седла снятые с гидралов. Сами звери охотились. Скупой завтрак остался не тронутым. Положив фляги, драконица обернулась вокруг и затихла. Ее слух не уловил ничего странного, так же, как и нюх.

— Тандрия? — шепотом позвала она.

Ответа не было, только быстрый поток ветра, а после охотница прыгнула на нее с дерева, повалив в один миг на землю. Ее нож оказался у горла Тиры, только вреда не причинил. Тандрия не собиралась ломать свое оружие и даже не коснулась ее кожи, зато своей рукой больно надавила где-то за ухом, и в глазах драконицы стал плыть туман.

— Ты слабее, чем я думала, и не внимательна, — охотница отпустила ее, грубо шлепнув по шее.

Придя в себя, Тира уставилась на нее.

— Ты...

— Тебе надо научиться вести бой, — пожала она плечами. — Такие игры мы устраивали в десять лет, когда учат держать лук. У тебя ведь было детство.

— Мы так не играли, — оборвала ее Тира и потеряла болевшую шею. — Что ты сделала? Зачем давила мне за ухом?

— Так можно сделать любого мертвым на час, — Тандрия взялась за завтрак, при этом хитро поглядывая на нее. — Но тебя только на несколько мгновений можно усыпить. Сердце больно сильное. Как у лесного духа...

— Опять за свое? — поддев фляжки ногой, Тира швырнула их в нее, но та со смехом увернулась.

— Я тебе плохого не советую, — напомнила она ей.

— Если бы...если бы я и доверила свое сердце, то не лесному духу, — вдруг сказала Тира. — Чувства часто мешают рассудительности.

Эльфийка нахмурилась и даже жевать перестала. Ее взгляд сделался колючим.

— Знаю, о чем думаешь, — она быстро свернула весь завтрак, даже не спросив, хочет ли Тира есть. — Снова о своем чужаке...

— Он был мне наставником, — ответила драконица.

— Не доверяй тем, кто похож на Высших эльфов! — почти выкрикнула Тандрия. — Им плевать на все дела! И на другие народы тоже.

— Почему ты злишься? — Тира не могла узнать свою спутницу, которая только недавно смеялась.

— Я им не верю, — мотнула она головой. — У них сердца холодные. У твоего чужака тоже.

Она встала и всем видом показала, что разговор закончился. Они стали собираться в дорогу, а Тира все думала над ее словами, и вспоминала речь Иллигеаса. Для него она в самом деле была оружием, и теперь, под этими мыслями, ее чувства смешались. Связи с Иллигеасом она не чувствовала, и теперь решать надо было самой.

— Мое сердце останется при мне, — бросила Тира охотнице.

Та глянула на нее все таким же хмурым взглядом, и, не дожидаясь ее, исчезла на своем гидрале в лесу. Тира едва успела за ней, и мысли выветрились сами собой. Зверь пустился галопом, унося ее будто от самой себя, и лес замкнулся за ней. Только лесной дух остался на месте их стоянки, и теперь смотрел им в спину, и взгляд его сделался еще грустнее.

Глава тринадцатая

На этой земле почти не бывало ветров. Воздух хоть и охлаждал кожу, но Иллигеас уже не обращал на это внимания. Ему казалось, что дни тут тянулись слишком медленно, впрочем, как и ночи. Его мысли тоже стали тягучим потоком, таким тягучим, что он не помнил, что с ним было раньше. Краткие обрывки всплывали у него перед глазами, и тут же исчезали. Высшие эльфы с ним общались редко, за исключением Лаэрнара. Тот вел с ним беседы постоянно, каждый вечер, а после, Иллигеас едва помнил, о чем они разговаривали. В голове его давно созрел один вопрос, но какой именно, маг и это не припоминал. Изредка он видел Элариор. Эльфийская принцесса глядела на него горделиво, и говорить с ним не желала.

Иногда чары эльфийской земли ослабевали, и тогда Иллигеас вспоминал все, только длилось это не долго. После его мучило чувство пустоты, а по ночам кошмары, из-за этого маг отказался от сна, и теперь каждую ночь проводил стоя на балконе.

Эта ночь выдалась особенно звездной. На черном бездонном небе звезды сияли необычно ярко, и Иллигеас вдруг вспомнил купол Высшего Мира. Звезды навалились на него своей яркостью, и кинули его память в другое место, где маг был очень давно. Это место он узнал не сразу, пока на него не пахнуло жаром от кузнечной печи. Это был подгорный город, где работали гномы. Стук молотов отозвался головной болью, и Иллигеас даже охнул, а когда открыл глаза, сразу осознал, где находится. Опять же, на краткий миг, пока забвение вновь не охватило его, и он всей тяжестью навалился на перила балкона.

— Хочешь все вспомнить? — раздался знакомый голос за его спиной, и Иллигеас повернулся.

В его глазах плыл не четкий контур фигуры Лаэрнара. Маг молча кивнул.

— Хочу...

— Гм...за это мой отец возьмет с тебя плату, — сказал эльф.

— Мне нечем заплатить, — проговорил тот. — Ты...не говорил о плате, когда...когда вез меня сюда.

— Ты сам поблагодарил короля, хотя он этого не просил. Теперь тебе свою благодарность надо выплатить, — Лаэрнар хитро глянул на него. — Тут слов на ветер не бросают. Благодарность означает плату, и заключаться она будет не в золоте.

Мысли в голове Иллигеаса вертелись неохотно, и слова эльфа он едва понимал. Лаэрнар взял его под руку, и повел его к королю. Сопротивляться он не мог. Тут действовали иные силы, которые будто поработали магию Иллигеаса. Лаэрнар вел его мимо серебряного дерева, и маг вдруг вспомнил свой вопрос, только эльф быстро его одернул, едва тот открыл рот.

— Позже, — сказал он, и увлек его в зал.

Там, на своем троне сидел король Наальдор, с книгой в руке. Его неторопливый взгляд был брошен сначала на Иллигеаса, а после на Лаэрнара. Без слов, тот выпустил руку мага, и остался стоять в дверях.

Подле трона короля, как и положено, сидела Эларор. Ее взгляд прошил Иллигеаса ледяными нитями, и она тут же опустила глаза. Наальдор же, не отрываясь от книги, взмахнул рукой, и маг пошатнулся, еле устояв на ногах. Ясность мысли вернулась к нему слишком быстро и резко. Уже по-другому он взглянул на королевский дворец и самых эльфов. Их забвение больше не имело действия над ним, и теперь все воспоминания

вернулись к нему. Увидев это, Наальдор улыбнулся. Его тонкие губы растянулись, а вот глаза остались холодными.

— Вижу, память вернулась к тебе, — отложив книгу, сказал он.

— Да, вернулась, — осторожно произнес Иллигеас.

— Боишься говорить? — уловил король его тон. — Да... Благодарность у нас не принимается на словах. Но раз ты это произнес...

Он встал, мягко зашуршав своим одеянием, и обошел вокруг мага.

— Да, Лаэрнар рассказал мне об этом, — сказал тот.

— Наш мир держится на магии, — продолжил Наальдор. — Я защищаю эти земли с начала этого мира, от людей, от темных магов... Нам нужна сила.

— К сожалению, у меня нет магических артефактов. В этом мире я гость, как ты знаешь. Мне нечего предложить тебе, — сказал Иллигеас, и увидел не хороший блеск в глазах короля.

— Есть одна вещь, — Наальдор проговорил эти слова медленно.

Его дочь подняла глаза на Иллигеаса, и замерла. Ее лицо сделалось каменным, только губы чуть подрагивали.

— Какая? — спросил маг.

Король стоял, отвернувшись от него, и Иллигеас обменялся холодным взглядом с Эларор. Казалось, ее глаза блестели еще большей жадностью, нежели глаза ее отца.

— Сердце дракона, — сказал Наальдор, и резко развернулся.

Он успел поймать взгляд своей дочери, и его лицо сделалось еще холоднее. Сам Иллигеас вздрогнул при этих словах.

— Назначь другую плату, — его голос, неожиданно для него самого сорвался на хрип.

— Другого мне не нужно, — сказал Наальдор. — Я знаю о двух драконах. Чье сердце ты принесешь, мне все равно.

— Я не могу, — сказал Иллигеас.

— Можешь, — король сделал широкий жест и положил руку ему на плечо. — Это не большая плата за наши силы. За участие в войне...

— Я не просил об этом, — маг тяжело вздохнул, но слова короля заставили его задуматься.

— Не просил, — согласился Наальдор. — Но, подумай о том, что я сказал.

— Сердце дракона после боя принадлежит только убившему его дракону, — сказал маг. — Это закон.

— Мне все равно, — король небрежно пожал плечами. — Я назвал тебе плату, которую ты обязан заплатить, но и содействие я предложил. Ты выдвинешь на поле боя хорошее войско. В конце концов, твой дракон всего лишь оружие... Ветер мне многое рассказал. Разве ты сюда пришел не за тем, чтобы сохранить мир?

— Этот дракон, мой ученик.

— Ученик или нет, ты принесешь сердце дракона, — сказал Наальдор. — На моих землях оно будет под должной охраной. И как ты заметил, я вернул тебе твою силу, так что сделай правильный выбор, а чтобы ты не передумал, с тобой поедет моя дочь.

Эларор при этих словах встала.

— Мне не нужны спутники, — твердо заявил маг.

— За моей дочерью последует войско, Иллигеас, — так же твердо сказал король.

— Я вижу, бывшие дары твоего народа утеряны, — маг глянул ему в глаза. — Ты

гонишься за наживой.

— Я думаю о своем народе, — резко оборвал его Наальдор за такую дерзость. — Более обсуждать нечего. Я дам оружие и лучших коней. Этого будет достаточно.

— Если победит черный дракон, у него сердце я уже не заберу. Впрочем, это уже не будет иметь значения, — маг развернулся и вышел.

Так тяжело ему еще не было. Все навалилось разом, и мысли сдавили его голову, только королю уже не было до этого дела. Чего нельзя было сказать об Эларор.

Как только гость ушел, отец сжал ее руку.

— Ты сделаешь все, что я скажу, дочь моя, — он повернул ее лицом к себе, та лишь молча кивнула.

Ее взгляд сиял, как звезды, такой же чистый и холодный. Наальдор любил ее, хоть и редко показывал свои чувства. Любил даже больше, чем сына. В холоде Эларор сочеталось многое, сама былая суть Высших эльфов. Ее тонкие руки могли и ласково гладить, а могли и нанести смертельный удар в нужное время. Поэтому он доверял ей, и в дорогу собирал сам, вместе с Лаэрнаром.

Когда Эларор одела дорожное серебристо-серое платье, король вместе с сыном затянули на ней доспехи. Тонкое серебро, изукрашенное узорами и рунами, горело белым огнем. Поверх него Наальдор набросил длинный плащ, и посмотрел на свою дочь.

— Помни, кто ты, и зачем едешь, — сказал он. — Если засомневается он, сердце принесешь ты.

Наальдор вручил ей меч, тонкий и легкий, с удобной рукоятью. Его выковали из истинного серебра. Даже без гномьего слова, он мог бы разрубить драконью броню. Эларор повесила его за спину, и отец, взявшись за ее подбородок, поднял ее лицо к себе.

— Ты поняла мой приказ? — спросил он.

— Да, отец, — вымолвила та.

— Не скрывайся в пути. Ни один приспешник тьмы и близко к вам не подойдет, — он бросил на нее последний взгляд и остался доволен.

— Отец, у той драконицы связь с ним, — сказала она. — Маг ее наставник.

— Пусть, с каких пор это тебя интересует? — ответил он.

— Он не поддастся на мои чары, — Эларор поправила доспехи и меч.

— У тебя есть истинный металл. Не поддастся на чары, возьмешь его силой, — сказал Наальдор.

Эларор лишь молча кивнула.

Из эльфийских конюшен ей и Иллигеасу вывели лучших коней. В Высшем Мире маг видел таких, но лишь издали, а теперь белогривые скакуны стояли перед, такие же гордые, как и сами эльфы, замешанные на магии. Чуть позже Иллигеас увидел и свою спутницу, статную и тонкую. Опустив взгляд, она прошла мимо него, и маг вздрогнул. Было в ней что-то такое, что заставило его вновь на миг забыть о Тире. Его ученица словно померкла перед ней. Белый дракон показался блеклым пятном, чем-то грубым. Тряхнув головой, Иллигеас попытался отогнать от себя эти мысли, а Эларор только улыбнулась уголками губ, и легко вскочила в седло.

Довольная улыбка озарила и лицо Наальдора. Он глядел на Иллигеаса и улыбался. Он видел мага, видел его мысли, которые тот когда-то сумел укрыть от Элардис, а от него не утаил. Наальдор наслаждался этим, пока маг не сел в седло.

Впереди их ждала долгая и очень трудная дорога, в особенности для Иллигеаса.

Тира в это время была очень далеко, и в лицо ей дули другие ветра.

— Держи гидрала ровней! — прикрикнула на нее Тандрия, и ударила ее по спине луком.

Эта скачка давалась эльфийке гораздо легче, чем ей. Но Тира не обижалась и не злилась. За эти дни их дружеские узы стали крепче, и драконица это чувствовала. Она узнавала много нового о серых эльфах, и первое, что ее поразило, это умение Тандрии радоваться. Ее смех был чистым, от самого сердца, но и учить Тиру она не забывала.

— Ты делаешь вид, что умеешь ездить! — рука Тандрии ловко выбила ее из седла, так что та покатила по земле. — Любой пес Архимага сшибет тебя!

В этих тихих лесах еще оставалось время, чтобы учиться. Не обращая внимания на боль, Тира быстро вскочила на ноги и поймала своего зверя.

— Ну так покажи! — сказала она, когда охотница остановилась напротив нее.

— Сядь и забудь, что зверь существует отдельно от тебя! — наставляла ее та. — Не опирайся на седло!

Зверь под Тирой недовольно зарычал, а Тандрия все учила и учила. Сама она могла стрелять, сидя в седле, или метать кинжалы точно в цель.

— Хорошо, — отмахнулась Тира.

— Ты дракон, должна же что-то уметь? — эльфийка придирчиво поправила ее осанку в седле.

— Не знаю...наверное летать. Но это было всего раз, — Тира послушно пригнулась, касаясь шеи гидрала. — Я не могу летать сейчас.

— Надо учиться. Скрой себя, — Тандрия глянула на нее как никогда серьезно. — Какой ты дракон?

— Я не видела себя, возможно большой, — пожалала она плечами.

— Чуешь воду? — спросила та.

— Да, — Тира повела носом и учуяла влагу. — Лесные озера?

— Скачем до них! Я буду стрелять в тебя! И не думай, что не попаду! — Тандрия стукнула ее по плечу и рассмеялась.

Они практиковались так уже несколько ночей. Эльфийка стреляла в нее магическими стрелами, которые больно кололи кожу, а иногда и выбивали из седла, но Тира привыкла. Охотница стреляла очень метко, целясь в самые больные места. От некоторых стрел драконица уворачивалась и тогда их количество увеличивалось. Вот и сейчас, сделав мощный прыжок, их гидралы помчались вперед. Тандрия откинулась назад, изогнув спину, и рывком натянула тугий лук. На тетиве лежала зеленая магическая стрела. Тира услышала свист, и слилась со своим зверем, почти не касаясь седла. Над ее головой пронесся холодок и исчез. Стрела удачно миновала ее, и Тира помчалась еще быстрее. Все, что требовалось, это слиться с гидралом, почувствовать его силу и не касаться седла. Тира держалась только на стременах, устремив свой взгляд вперед, и ей удалось примчаться к озерам первой. Зверь остановился так резко, что она чуть не вылетела из седла. Гидрал зафыркал и зарычал. Его лапы коснулись ледяной воды, кромка которой так неожиданно возникла из-за раскинувшихся деревьев.

Тут был простор. Лес будто раздвинулся, вмещая две вытянутые чаши озер, гладких, как

зеркало. За спиной Тиры раздался храп, и вылетела Тандрия на разгоряченном гидрале с натянутым луком. Она выпустила стрелу, попав точно в свою спутницу.

— Не удержалась? — Тира смахнула капельки гаснущей магии со своей одежды.

— А ты не увернулась! — Тандрия спешила.

Тира увидела, как зашевелились ее уши. Охотница вслушивалась в тишину.

— Тут никого нет, — сказала Тира. — И так тихо...

— Тут есть лесной дух, — эльфийка подошла к воде, и, приклонив одно колено, зачерпнула прохладу ладонью.

Капли скатились с ее подбородка, когда она напилась. Тире пить не хотелось, зато ее манил простор, гладь озер. Она встала на берегу и набрала полную грудь холодного ночного воздуха. Высоко над ее головой плыли редкие облака, которые в ночи выглядели, как серые призраки.

— Странно... — Тира развернулась к Тандрии. — Я не чую тут силу Аргелора.

— Это заповедное место, — сказала та. — Земли лесного хозяина. Сюда псы не зайдут. Здесь живут первородные. Самые первые лесные эльфы. Правда, их редко кто может увидеть.

— Давай остановимся тут? — Тира скинула плащ, и Тандрия кивнула.

— Разверни свои крылья, — вдруг сказала она. — Мне будет, что рассказать, если вернусь домой.

— Нет, это опасно... Аргелор все же не так далеко.

— И снова ты забыла! Слушай свое сердце, — эльфийка напомнила ей очень важные слова.

Сердце и впрямь трепетало. Тира еще не видела себя драконом, и не знала как выглядит. Ей хотелось этого, и в конце концов, она решилась.

— Отойди, я не знаю своих размеров, — предупредила она Тандрию.

Охотница отступила и стала наблюдать. Тира стояла не шевелясь, чувствуя ветер. Его поток коснулся и эльфийки. Он взялся из неоткуда, как и огромные крылья, что выросли за спиной молодой драконицы. Вначале призрачные, а затем и настоящие, они развернулись над головой Тандрии, а Тира ощутила, как мир сжался вокруг нее, и услышала свое сердце. Теперь оно билось в большой широкой груди, и его сила разлилась по телу. Впервые Тира с великой осторожностью заглянула в воду. Оттуда на нее смотрел серебристый дракон с точеной мордой, и огромными распахнутыми зелеными глазами. Ее размеры были велики, но не слишком. Тира замерла, боясь пошевелиться, а отражение улыбалось ей сквозь великолепные белые клыки. Нерешительно, Тира повернула голову. С боку от нее стояла остолбеневшая Тандрия. Она взирала на нее со страхом, и только увидев взгляд драконицы, немного расслабилась.

— Ты... красивая, — вымолвила она, и Тира кивнула ей на свою спину.

Она боялась говорить, так как в пасти ощущался привкус огня. Эльфийка поняла ее без слов, и взобралась по кожистому крылу на хребет, покрытый толстой и гладкой чешуей. Ухватившись за шейные шипы, Тандрия неуверенно уселась. Ее вес Тира не чувствовала, только ее движение. Распахнув крылья, драконица взмыла над озерами.

Земля стремительно унеслась от Тандрии вниз, а облака своим мягким брюхом коснулись ее головы. Драконица еще не знала силы своих крыльев. Поток ветра захлестнул ее, и, кувыркнувшись, она стала падать вниз, потеряв при этом свою спутницу. Озера приближались, и скоро гладь одного из них взрезали два тела. Облик дракона пропал. В

открытый рот хлынула вода, и Тира едва не захлебнулась.

Выбравшись на берег, обе девушки едва дышали.

— Ты еще и летать не умеешь! — тяжело прохрипела Тандрия.

Боль растекалась по всей спине, давая знать, что на утро там будет один большой синяк.

— Это всего второй полет! Ты сама попросилась, — Тира едва смогла встать на ноги, и только тут осознала, как болело ее тело, но удар она перенесла легче, чем эльфийка.

Когда волны на озере улеглись, сделалось совсем тихо, только вдалеке ухал лесной филин. Гидралы уже давно умчались на свою охоту, пора было и им разжигать костер. Собрав сухих веток, Тира без труда их подожгла, и они стали сушить одежду.

На ужин, Тандрия изловила рыбу. Делала она это ловко, одними руками, стоя по пояс в воде. Когда их ужин шипел на горячих углях, в лесу что-то ухнуло и затихло. Тира мгновенно вскочила, забыв про боль, и уставилась в темноту.

— Успокойся, — улыбнулась эльфийка. — Это лесные собратья ходят. Первородные...

— Как много всех живет на этих землях... — Тира задумалась, и взор ее затуманился. — Мой наставник собирал народы...

— Если ты хочешь кого-то собрать, собери сама, — сказала она. — Народы только зашевелились, но чтобы повести их на войну нужно большее.

— У меня даже оружия нет, — сказала она. — Я не хочу вести кого-то на бойню. Кроме меня некому победить Аргелора и Архимага.

— Верно, но войско тоже пригодится, — Тандрия, странно глянув ей за спину, растянулась возле угасшего костра. — Надо поспать. Впереди будет переход в пять дней. Зверей придется отпускать на охоту, а мы будем бежать. Так то...

Она подмигнула ей, а после закрыла глаза, и совсем не позаботилась о том, что на них могут напасть. Здесь была тихая земля, и эльфийка ей верила. Конечно, от своей спутницы она утаила, что хозяин леса неустанно следил за ними. Впрочем, та сама догадалась, как только потухли последние угольки. Она увидела его фигуру, стоявшую за деревьями. Он будто ждал ее, а, не дождавшись, вышел сам.

Глаза лесного духа светились, правда, не так ярко, как раньше. Он сделал еще шаг, и остановился. Его звериная сущность Тиру не пугала, скорее он сам с опаской подходил к ней. За его видом скрывалось чистое сердце, огромное и сильное.

Тира медленно встала и стряхнула с одежды листву и сор. Хозяин леса тоже пошевелился и вдруг указал ей за свою спину, где появились неясные тени. Подойдя ближе, Тира увидела высокие фигуры, вооруженные луками. Они выглядели, как призраки, но иногда их плоть проявлялась. Они и в самом деле были первородными, теми, кого породил лес, и все они смотрели на Тиру. Даже взгляд дракона не позволял разглядеть их целиком. В темноте проступали то точеные лица, то зыбкие плащи. Они переливались от темно-зеленого до изумрудного, и светились изнутри. Их было много, мужчины и женщины, и их фигуры все проступали из темноты.

— Они собирают свой народ на войну, — заговорил лесной хозяин.

Тира развернулась к нему, и увидела большой шрам на его груди, совсем свежий и рваный, как от когтя зверя, только вот нападать на него в лесу было некому.

— Я думаю, это будет только мое сражение, — драконица подняла руку, чтобы коснуться шрама, но остановилась. — Ты бился с моим братом...

— Да, и это не последняя битва, — он поддался вперед, и, взяв руку Тиры, прижал ее к своей груди.

Она хотела освободиться, а в последний момент ее ладони коснулись сердцебиение и боль, которую нес в себе лесной дух. На его сердце отражались все события, которые происходили в лесах, и сейчас Тира видела лишь смерть на дальних землях. В сердце лесного хозяина было и еще что-то, отчего она быстро убрала свою руку.

— Ты одна не пойдешь против армии, — он вздохнул так глубоко, словно лес дышал вместе с ним.

— Архимаг...

— Нет, Тира, — лесной дух положил руку на ее плечо, которое под его ладонью казалось очень хрупким. — Об этом мало кому ведомо, что твой брат сверг Архимага. Он занял его место. Аргелор собирает великую армию, и тебе тоже пора об этом подумать.

— Что? — Тира не верила своим ушам.

Лесной хозяин взглядом показал, что лгать, не намерен, и никогда этого не делал. Драконица вздрогнула.

— Он слишком далеко запустил когти... — ее голос перешел на шепот.

— Тебе нужна армия, — повторил он.

— Для начала мне нужно оружие, без него мне некого собирать, — сказала она.

— Я соберу, — вдруг сказал лесной хозяин и коснулся ее руки.

— Я благодарна, но я не могу дать тебе того, что ты хотел бы получить, — она резко отвернулась, будто проведя черту между собой и ним.

Хозяин убрал руку. Его взгляд не изменился, только веки едва заметно дрогнули.

— Я ничего не требую от тебя, юный дракон, — он будто поклонился ей. — Когда придет время, я соберу тех, кто пойдет на войну.

— Благодарю тебя... — Тира склонила голову в ответ.

Первородные и лесной дух растворились во тьме. Хозяин бросил на Тиру печальный взгляд, но та не ответила. Она стояла молча, пока они не исчезли, а после вернулась к кострищу.

Тандрия, на удивление, мирно спала, свернувшись на сухой листве, а вот ей самой спать не хотелось. Она уселась рядом с эльфийкой, и мысли ее унеслись к северу.

Очнулась Тира когда небо уже из черного сделалось серым. Рассвет брал свое, и солнце, не торопясь поднималось с востока. Глянув на Тандрию, драконица спустилась к озеру. Над холодной гладью стелился легкий сизый туман. Кричала ранняя птица, и небо выглядело таким спокойным, тихим, еще не проснувшимся. Умывшись, Тира подняла глаза к розовеющим облакам и тут же почувствовала свои крылья.

На этот раз превращение далось очень легко и быстро. Мир принял дракона, ничуть не выдав его присутствия, и Тира взмыла вверх уже без седока. Уняв волнение, она закрыла свои огромные глаза, и отдалась на волю крыльям. Так было лучше. Кровь помнила все, и как нужно летать, тоже. Тело выстроилось само, и скоро драконица поднялась выше облаков. Открыв глаза, она увидела рассвет, который играл на ее чешуе. Воздух пьянил, а высота кружила голову. Отсюда все виделось по-другому. Мир лежал, как на ладони, простор казался бескрайним, и каждый взмах крыльев уносил ее все дальше, пока Тира не ударилась о невидимую преграду. Лучи солнца тут преломлялись, и казались серыми. Пространство не то чтобы не пускало драконицу, оно кололо ее иглами холода.

Тира чувствовала, что тут начиналась сила Аргелора, его воля, и ей пришлось развернуться. Глаза видели, как там клубиться тьма и зреет сила, но Тира не решалась туда проникнуть. Аргелор сразу бы ее заметил. Оставаясь в лучах рассвета, драконица просто

смотрела в ту чужую сторону, а после нырнула вниз.

Обращение назад далось труднее. Тира скользнула мимо озера, и врезалась в берег уже в обличье человека, чем всполошила Тандрию. Та вскочила уже с ножом в руке, едва не пырнув им Тиру.

— Где ты была?! И...что случилось? — убрав оружие, она недовольно уставилась на свою взъерошенную спутницу.

— Летала, — ответила та. — И кое-что видела на севере...

— Вот как? Встала на крыло стало быть? Что видела?

— Тьму, — вздохнула Тира. — Лесной хозяин сказал мне одну новость, не самую хорошую.

— Какую? — Тандрия свела брови, отчего ее взгляд сделался крайне тревожным.

— Аргелор зашел намного дальше. Он занял место Архимага, — сказала драконица. — Знаешь, я думаю, его власть будет гораздо страшнее, чем власть Архимага...

— Да... — протянула эльфийка, закусив губу. — Это не лучшая весть. Нам надо поторопиться. Его планы ждать нас не станут. А армию...

— Лесной хозяин соберет. Он показал мне первородных, о которых ты говорила, — сказала Тира.

— Первородных? — Тандрия не стала скрывать своего удивления, и ее брови взлетели вверх, а глаза округлились. — Ты знаешь, что это значит?!

— Да, — Тира кивнула.

— С такой армией... — у нее не нашлось слов, и она взмахнула руками. — Их стрелы не знают промаха!

— Думаешь, у Аргелора армия будет слабее? — Тира не разделила ее чувств, и только нахмурилась.

— Не думаю, — глядя на нее, та поджала губы. — Но тебе следует радоваться. Не каждому такую помощь дают.

— Я никого не хочу вести на войну и на смерть! — резко бросила Тира. — Это моя битва.

— Не ты их ведешь, — хмыкнула Тандрия. — Они сами выбирают битву. И тебе следует принять это. Лишние силы не помешают.

Она толкнула ее в плечо, и Тира вдруг осознала ее силу. Сейчас она не могла победить даже ее. Эльфийка обладала ловкостью, которой следовало поучиться.

— Ладно, оставим споры, едем, — согласилась она.

— Без завтрака? — Тандрия кивнула в сторону озера.

— Хорошо, — вздохнула та.

Бросив одежду на берегу, охотница зашла в воду, а Тира принялась разжигать огонь. Она знала, что дальше в пути, так открыто жечь огонь они не смогут, и что дорога станет намного труднее. Но ее заботило совсем другое. За завтраком она ела мало, в отличие от Тандрии, которая съела рыбу целиком.

— Ты голодом решила себя заморить? — усмехнулась охотница.

— Какие впереди земли? — вместо ответа, спросила ее Тира.

— Самые обычные, — Тандрия быстро закопала остатки трапезы вместе с истлевшими углями в землю.

— Раньше ты к дороге относилась строже...

— Здесь земли благодатные и заботиться не о чем. Оставь думы до Седых Гор, —

ответила та.

На ее крик явились гидралы, как обычно сытые и довольные. Такой же сейчас была Тандрия. Сев в седло, она беззаботно улыбнулась, будто и забыв весь разговор. Гидрал под ней нетерпеливо извернулся и пустился галопом. Следом за ним поскакал и зверь Тиры.

Глава четырнадцатая

Прошло уже немало времени после приказа Аргелора, и теперь его тяжелые шаги раздавались в главном зале. Он шел к балкону. В открытые окна ему навстречу летел холодный и колкий снег. Не долетая до дракона, он таял. Распахнув створки еще шире, Аргелор вышел на балкон, и с наслаждением вдохнул ледяной воздух, выпустив затем целое облако пара.

Его взору открывалась картина грубой стройки, причем очень масштабной. Там внизу, на мерзлой земле работали тритрагдорские маги и неповоротливые каменные тролли. Последние, на своих плечах переносили черные глыбы камня. Маги руководили ими, правда не слишком охотно. Крепость вокруг Академии росла. Башни и части стен иногда вырастали за ночь, вдали уже виднелись массивные ворота. Аргелор был доволен, в отличие от Архимага. Тот только покачал головой.

— Ты строишь пустоту, — сказал он, и вздрогнул, когда дракон к нему обернулся.

Его глаза зло блестели.

— Разве я просил совета? — вены на его огромных руках вздулись, и Архимаг отступил.

Он встал в тени, глядя на Аргелора, а тот любовался строящейся крепостью. Кроме того, его интересовала еще одна вещь. В стенах Академии несколько магов умельцев колдовали над его армией, применяя знания Архимага. Вдоволь насмотревшись на строительство, он грубо схватил Архимага, и поволок его за собой на нижний этаж.

Там, за каменными дверями и творилось все действие. Маги работали в беспорядке. На полу валялись желтые пергаменты и книги, записи, перечеркнутые быстрой рукой, и на всем этом лежал налет черного порошка. Умельцы сновали среди всего этого и между каменными постаментами, на которых высились неясные холодные фигуры. Они еще только обретали очертания, но в их руках уже поблескивало оружие, такое, как хотел Аргелор.

Архимаг глядел на все это с брезгливостью. Неживые статуи не вызывали в нем ни гордости, ни радости.

— Не нравится? — встряхнул его черный дракон.

— Это все фальш, — безразлично ответил тот. — Разве есть тут сила? Нет. Настоящий дракон творит, а ты, Аргелор, не владеешь силой творить что либо. Ты строишь по чертежам и книгам, а в этом нет силы.

Удар обрушился на Архимага, как скала. Аргелор выхватил меч у призрачной фигуры воина, и стремительно занес его над головой старого дракона. В последний миг тот обратился тенью, и меч, пройдя сквозь него, рассек каменный пол. Архимаг молча встал, и криво ухмыльнулся.

— Мои воины будут лучшими, ровно настолько, насколько мне нужно, — Аргелор вытянул руку, послав в фигуры струю темного огня. — Говоришь, я творить не умею?

Под его огнем фигуры будто бы обрели плоть и затвердели. Они наливались силой, и в конце концов превратились в воинов. Теперь на постаментах высились воители, без жалости и без уязвимых мест. Их доспехи скрывались под черной одеждой, а руки в латных перчатках сжимали страшные мечи. Оружие блестело, и было таким черным, что в нем могла бы утонуть сама ночь.

Маги спешно отступили назад, а Аргелор, не торопясь, обошел вокруг постаментов.

— Хороши... — процедил он и обратился к Архимагу. — Что теперь скажешь?

— Тоже самое, — бросил тот.

— Гм... — из ноздрей Аргелора за клубилась тонкая струйка дыма.

— Их оружие может рассечь кожу дракона, — дрожащим голосом проговорил один из магов, пряча грязные ладони в широких рукавах своего одеяния.

— На меньшее я и не рассчитывал, — Аргелор бросил последний взгляд на воинов, и дал команду сойти им с постаментов.

— Это лучшие воины... — услужливо залебезил молодой маг. — Они первые и самые сильные.

— Это хорошо, — кивнул черный дракон.

— Какой будет приказ? — спросил тот же маг, склонив голову перед Аргелором.

— Ты сделал все, как я просил?

— Да, — с готовностью кивнул тот. — Сестра черного дракона...

Его голос резко оборвался, увидев взгляд Аргелора.

— Пусти их по следу, — сказал он. — Остальных отошлете к землям артов. Лесной дух должен знать мою силу.

— Чтобы заполучить сердце своей сестры, ты должен драться сам! — не выдержал Архимаг и перешел на хриплый крик. — Ты нарушаешь древние правила! Драконы так не поступают!

— Это пережиток прошлого, не более, — ответил Аргелор. — Я не гонюсь за ее сердцем. Я уже говорил, что у меня другие планы. Сердце может быть только дополнением этих планов.

Архимаг только нахмурился. Он молча смотрел, как новоиспеченные воины покидают Академию.

— Ее сердце твоим не будет, — вдруг сказал он. — Твои планы хороши, признаться, я не оценил их, пока глубже не узнал о них. Только ты упускаешь одну важную деталь, которую и я упустил.

Когда Аргелор схватил его за горло, тот даже не сопротивлялся. В его глазах что-то таилось, и дракон это заметил.

— Что ты знаешь? Говори! — потребовал он.

— Ты сам все знаешь! — прохрипел Архимаг.

— Ты пыльное старье, которое давно пора вышвырнуть на задворки всех миров! — Аргелор сжал зубы.

— Делай, что хочешь...

— Что же, есть еще охотники за сердцем белого дракона? — его глаза блеснули.

— Есть...

— Кто?

— Эльфы, только ты их не победишь и не купишь! — Архимаг наконец вырвался из его рук, и потер горло.

— Чушь!

— Как знаешь, сердце ведь могучий артефакт...

— Говори! — Аргелор снова потрянул его.

— Мне нечего тебе сказать, — ответил тот. — Эльфы существуют вне этого времени и мира.

— У всех есть слабые места! И у них тоже! — сказала Аргелор.

— Есть, — согласился Архимаг.

— Какое их слабое место?

— Я не знаю, — честно признался он.

— Лжешь!

— Мне, правда, нечего тебе поведать, — сказал Архимаг. — Ищи сам, если сможешь ступить на земли Высших эльфов. В твоих планах я тебе не помощник.

Аргелор ушел крайне разозленный. В своем зале он ударил кулаком о стол, и карта, будто боясь его гнева, всплыла и задрожала. На ней светился купол, которого черный дракон не смог достигнуть. В ярости он издал рев, от которого дрогнули крепостные стены.

* * *

Гидрал Тиры встал, как вкопанный. Сама драконица к чему-то прислушивалась. Тандрия, не сумев унять быстрого бега своего зверя, едва не налетела на нее.

— Что такое?

— Тсс! — Тира стащила ее с седла и прижала палец к губам. — Где же твой нюх? Слух?

— Тут тихо! Хотя... — тело Тандрии напряглось, и она вся сжалась. — Псы Архимага сменились на новых... Плохо дело!

Она подскочила, как ужаленная.

— Мы ведь едем навстречу им! От битвы не увернуться, — сказала Тира.

— Можно и увернуться, — с уверенностью заявила Тандрия. — Я ведь с лесом единая. Деревья подскажут путь, а звери нас унесут.

— Слеза дракона стала холоднее, — Тира коснулась заветного фиала.

— Ничего, они лишь отвечают на магию, — охотница быстро запрыгнула в седло.

— Мне это не нравится, — Тира не торопилась ехать.

Она жадно ловила воздух, и чужая больше, чем Тандрия. Бросив зверя, она рискнула обратиться драконом. Тело послушно взмыло к небу, распугав гидралов. Управляя своей силой, Тира сделалась невидимой, только крылья шуршали на ветру. Оставшаяся внизу охотница быстро вскинула лук, целясь в темноту. Ей стало не по себе. Зверь под ней храпел, а над ее головой реял дракон.

Наверху холодный ветер обдувал Тиру, и она устремилась на север. Под ней быстро пронесся лес, а затем она нырнула в ледяную гущу. Это сила Аргелора сгустилась в воздухе. Не обращая внимания, Тира летела, пока хватало сил, пока ее взгляд не заметил страшные тени. На этом ее мощь иссякла, и сопротивление магии отбросило ее назад. Тира приземлилась прямо перед носом Тандрии.

— Они очень сильные и их много! — выдохнула она.

— От этого не легче... — эльфийка опустила лук, и, закрыв глаза, что-то зашептала.

— Что ты делаешь? — спросила ее драконица.

— Кровь чую, — сказала та. — Битву и много смертей...

— О чем ты?

— Новые псы будут резать народы, — вдруг ответила та. — Лес нашептал. На их пути земли артов...

— Как далеко отсюда? — Тира вскочила в седло, но охотница схватила ее за руку.

— За Седьми Горами! Мы не успеем! А если и успеем, то умрем, — она с силой дернула ее. — Туда не пробиться!

— Лесной дух! Он же может быть там! — Тира оглянулась на лесную чашу.

— Он уже знает! Но нам надо помнить о себе!

— Это...

— Да, воины так не поступают, но у тебя нет оружия, так что можешь не считать себя воином. Мы не успеем туда, Тира, — она резко послала гидрала размашистыми прыжками вперед.

Тире оставалось только следовать за ней. После обращения в дракона, она чувствовала слабость. Слова эльфийки больно ударили ее, и рука снова сама сползла к фиалу. Чувствуя холод слезы, Тира стала думать об оружии. Кровь, о которой говорила Тандрия, она уже ощущала и легче от этого не становилось.

Не замечая ничего, она подгоняла гидрала, и тот все ускорял свой бег, оставив позади даже эльфийку. Тира летела на его спине сквозь лес, будто хотела успеть раньше псов своего брата, хоть и понимала, что это не возможно. В этой бешеной скачке она совсем не слышала голоса Тандрии, и только удар в спину заставил ее обернуться.

— Стой! — охотница, наконец, догнала ее.

Тира увидела ее перекошенное лицо, а после и по сторонам глянула. Лес словно бы не тот был, и запах стоял затхлый. Она даже не знала, сколько миль они успели проскакать.

— Болото... — драконица попятилась на своем звере.

— Ты...! — Тандрия захрипела от ярости и замахнулась на нее луком. — По твоей вине мы пропустили пограничье! Понимаешь меня?! Аргх...

Она ударила луком по вонючей жиже, что была под ногами. Гидралы недовольно вертелись на месте, с хлопаньем вытаскивая лапы из болотной грязи.

— Тандрия...прости, мысли...

— Ты...ты...энад...! — выкрикнула та ругательство на своем языке.

— Тут болото не опасное...выберемся, — Тира скользнула с седла, и по колено ушла в грязь.

Холодная жижа тут же захлюпала, заурчала, пахнув ей в лицо смрадом. Схватив гидрала за шею, она потащила его к сухому месту.

— Не опасное? Я не знаю, где мы! — скрипела зубами Тандрия. — Я не знаю, куда нас занесло!

Ее силы хватило, чтобы вытащить зверя из топи, в которой он увяз по самое брюхо. В грязи, мокрые, они уселись на маленьком островке. Эльфийка продолжала бормотать ругательства, а Тира принялась оглядываться.

— Отец учил меня ходить по топям, — сказала она.

— А кто по ним ходить не умеет? — Тандрия зашипела. — Разве в этом опасность? Тут в другом дело! Это чужая земля! На болотах селятся дичалые! Без нравов, без чести... Скорее всего они на стороне твоего брата!

— Я не слышала о таких, — Тира смутилась.

— О них никто не слышал! Но они есть, — Тандрия быстро прошлась по своему поясу с кинжалами. — Уже темно, они ночью охотятся.

— Пусть охотятся, мне их железо не страшно, вряд ли оно у них истинное, — Тира взяла своего зверя за ремень седла и стала пробираться в глубь топи.

Болото забулькало громко и ненасытно. На полушаге драконица остановилась. Потянуло густым смрадом. Топь обманула ее предположение. Тут таилась опасность и не малая.

Фигуры исчезли со стола Аргелора неожиданно, зато появились в другом месте. Черный дракон улыбнулся. Под его крылом были не только тритрагдорские маги. В этом мире на удивление себе и Архимагу, он сумел отыскать много тех, чья душа оказалась темна. Они жаждали земель и власти, и Аргелор их им и пообещал. Мелкие куски суши, на которых те развешивали черепа своих врагов, для него значения не имели. Среди тумана, на карте появилась еще одна фигура, и Аргелор тут же вспомнил боль в ребрах.

Лесной дух имел силу, но и Аргелор оставил свой след на его груди.

— Его нельзя убить, — прошептал голос за его плечом. — Возможно, я уже напоминал тебе об этом.

— Я знаю, — раздраженно бросил Аргелор. — Но боль причинить могу, и хватит уже о правилах игры.

— Как хочешь...но, — Архимаг замолчал.

Его тень холодила плечо дракона, и тот дернул им.

— Что еще? — недовольно спросил он.

— Ты боишься настоящей схватки, Аргелор, — произнес Архимаг. — Боишься сойтись с белым драконом в честном бою. Впрочем, как и я...

— Гм...нет, ты не угадал, — оборвал его дракон. — Тебе напомнить мою силу?

— Не стоит, — тень скользнула сквозь его пальцы.

— У меня есть дела важнее.

— Тебе виднее, — туманно произнес Архимаг.

— Зачем мне бегать за тем, кого могут убить другие? А если и не убьют, то драконица сама ко мне придет, за той честной битвой, которой ты так боишься, — сказал Аргелор. — Я не хочу тратить на это время. Это мелочь. Ты всегда думаешь мелочными мыслишками, упуская самое большое. Что если я куплю Высших эльфов за твое сердце? Ведь им это нужно? Как видишь, я тоже слышу ветер.

— Не купишь, — устало ухмыльнулся Архимаг. — В моем сердце нет силы. Никакой. Оно старо, Аргелор.

Его глаза усмехались, но черный дракон сдержался.

— Тогда займись делом! Я не давал тебе приказа покидать башню! — скомандовал он, и повернулся к своему столу.

Ситуация там, интересовала его больше. Карту с Тирой он расширил, болота расстелились перед ним, правда в той светящейся точке, что блуждала по ним, он не видел врага. Уняв позабытое чувство, он уверился в своей силе и взмахнул пальцем. Карта исчезла. Аргелор оперся руками о стол и глубоко задумался.

Болота вокруг дышали смрадом. Жижа хлюпала под ногами и лапами гидралов. Тандрия, вся недовольная, ворчала себе под нос, и с ножом в руке медленно шагала за Тирой. Из топи проступали старые коряги, которых во тьме можно было принять за зверей.

— Ты знаешь, куда мы идем? — сквозь зубы спросила эльфийка. — Плохое это

болото...

— Впереди суша есть, — ответила Тира. — Я чувю...

Они брели уже по пояс в жиже, наугад, где каждый шаг мог стать последним. Все же драконицу вело чутье, а Тандрия, взывая ко всем известным духам, ступала след в след. Труднее было с гидралами. Их пришлось тащить за собой.

— Нас слишком хорошо слышно, — прошептала охотница.

— Сейчас, дойдем...

Под ногой Тиры наконец очутилась твердая почва. Вдвоем, они выползли на очередной островок и упали в изнеможении. Гидралы, и те улеглись подле них, уже не обращая внимания на грязь, что прилипла к их брюхам.

Тяжело дыша, Тандрия, уже не скрывая своей усталости, откинулась на спину. Над ней, вместо звездного неба висели тучи, а до ушей донесся отголосок грома. Вскоре на ее лицо упали первые капли дождя. Они становились все более частыми и тяжелыми, пока не превратились в настоящий ливень. По лицу и одежде эльфийки потекли грязные ручейки. Смахнув их, она встала. Ее взгляд сейчас говорил лучше всех слов. Тира только руками развела, и тут снова что-то ухнуло.

— Это они... — Тандрия замерла, как перед прыжком.

— Кто это, они? — спросила драконица.

— Дичалые... больше их никак не назовешь... — она пригнулась, и приготовила нож для метания. — Ты можешь взлететь?

— Нет, тут магия Аргелора повсюду, — ответила та.

Гидрал возле Тиры утробно заурчал и оскалился. С его клыков закапала слюна, ноздри раздулись. Тира еще не видела зверей такими.

— Тсс! — зашипела на них драконица.

— Готовь свои силы... — проговорила Тандрия и достала второй кинжал из ножен.

На ливень они обе не обращали внимания. Потoki воды хлестали по ним, смывая болотную грязь. Отбросив мокрые пряди волос с лица, Тира уставилась в темноту. Готовить ей было нечего, кроме своих рук. В них сейчас горел жар. Выбрав позу удобную для боя, она приготовилась к атаке.

— Есть еще время убежать? — спросила она у Тандрии.

— Только если ты знаешь местные тропы. А мне думается, ты их не знаешь, как и я! — процедила та. — И зверей и себя погубим...

Вновь ухнуло, уже ближе, и раздался вой, от которого кровь в жилах застыла. Этот вой не походил на волчий. Он был гораздо страшнее и дышал злобой. Волчью песню Тира знала, а эту нет. Страх от воя не давал стоять на месте. Усилием воли, Тира заставила себя не бежать.

— Они заходят с двух сторон, — сообщила охотница. — Твой братец наслал...

— Я слышу, — отозвалась Тира.

Жар в руках стал невыносимым, и они вспыхнули. С пальцев сорвался белый огонек и ослепил темноту. Его лучи пронзили пелену дождя и высветили темные зловещие фигуры. Они напоминали Аргелора, такие же мощные и высокие, только одетые в грубые шкуры. От них пахло кровью и металлом, причем ржавым. Они не умели ковать настоящее оружие, а то, что было у них в руках, вызвало у Тиры улыбку. Она сжала кулаки и услышала, как просвистел кинжал. Тандрия не ждала, пока дичалые нападут первыми. Раздался хрип, и одна из фигур тяжело бухнулась в грязь.

Издав громкий клич, охотница бросилась в самую гущу. Тира почти ощутила, как ржавый металл полоснул ее кожу, разодрав плечо до кости. Снова магия ударила сама, Тира лишь подумала об этом. Белый яркий свет, ударился в толпу дичалых, и драконица бросилась сама. На нее обрушился шквал тупых ударов. О ее кожу разбивался металл. Он разлетелся в пыль, а Тира била руками и магией. Где-то за ее спиной, в бой кинулись и гидралы. Лязгнули зубы. Резкий запах крови ударил в нос драконице, и магия вспыхнула сильнее. В ее свете, Тира увидела лица, искаженные яростью. Одетые в шкуры, дичалые бились грязно и жестоко. На мелкие раны они даже внимания не обращали. Земля под их ногами очень скоро окрасилась кровью, и не только их собственной. Тандрия дралась, не смотря на глубокую рану, щедро раздавая точные удары. Толпа взяла их в кольцо, и каждый стремился убить. Зазубренные мечи и топоры натыкались на драконицу, а та металась из стороны в сторону. Стремясь защитить Тандрию. Ее магия брызгала беспорядочными струями, а единого потока все не получалось.

— Тира! — охотница завопила так истошно, что та невольно повернулась к ней и увидела перед собой главаря дичалых.

Огромный кулак раскроил ей губу о ее же собственные зубы. Своя кровь оказалась железной на вкус, сделав рот вязким. Звуки вокруг заглушились, но Тира не упала. Она отбила второй удар дичалого и повалила его на спину. Внезапно ее горло чем то сдавили. С хрипом драконица дернулась. Воздуха не хватало. Все застлал туман, в котором Тандрия еще силилась отбиться. Ловя воздух ртом, Тира увидела, как эльфийка упала. Удар в спину добил ее, и дичалые тут же спутали бесчувственное тело жесткими веревками. Главарь встал на него с изъеденным ржавчиной мечом в руке и издал победный клич. Из последних сил Тира рванулась к нему. Меч главаря ударился о ее шею, надеясь снести голову, и рассыпался пылью. Своей головой драконица сбила дичалого с ног, а после и сама упала. Пропитанная кровью земля залепила ей лицо. Веревка душила ее горло, стирая кожу. Только боли Тира не чувствовала. Руки порвали грубые путы и впились в жоака. Новый удар сзади заставил ее затихнуть. Перед этим, с ее губ сорвался хриплый крик, вынудивший гидралов скрыться.

Последнее, что помнила Тира, это жижа, по которой волокли и стоны охотницы. Из-под полуприкрытых век, драконица как во сне, видела ее и кровавый след, который тянулся за ней. Тандрию волокли за волосы, драконицу тащили за многочисленные путы, наброшенные на нее, как попало. Уцепившись за последний лучик сознания, Тира сделала последнее, что могла.

В глазах дичалых застыл ужас, в их разинутых ртах замер крик. Громадный дракон, что поднялся над ними, увидел в их сердцах только тьму и ненависть, а еще бесчисленные смерти других народов. Огонь вырвался сам. Белое пламя истинного света. Оно разорвало пространство, на миг, превратив ночь в яркий день, и все исчезло. Осталась только Тандрия, которую дракон накрыл своим крылом, защищая от смертоносной магии.

В этот миг стол Аргелора раскололся на мелкие части и разлетелся по всему залу. Его карта пропала, а докатившаяся до него волна магии, едва не сбила черного дракона с ног.

После этой магии, Тира упала в изнеможении. Ее трясло от внезапно навалившегося липкого холода, и она прижала к себе Тандрию. Припав ухом к ее груди, драконица уловила слабое сердцебиение, и принялась зажимать громадную рану на ее плече. Сил осталось совсем мало. В глазах Тире все плыло. Кое-как подняв тяжелую эльфийку на руки, она побрела подальше от поля брани. Скорее всего, за ними будет погоня, и следует убраться как можно дальше, что она и сделала.

Уже на сером рассвете, Тира позволила себе тихим звуком позвать гидралов. Грязные, те явились на ее зов удивительно быстро. От них пахло болотной тиной. Взгромоздив Тандрию на одного из них, сама Тира безвольно повисла на другом и провалилась в сон.

* * *

Далеко от них, на белом эльфийском скакуне, Иллигеас уже долгое время ехал молча, изредка поглядывая на свою спутницу.

— Желаю остановиться вон у той реки, — холодно изрекла она, чем отвлекла его от дум.

Маг так же молчаливо развернул коня туда, где за деревьями шумел мощный ледяной поток. Его взгляд, в который раз, упал на меч, что эльфийка держала за спиной. Сойдя со своего скакуна, высокородная дева изящно наклонилась к воде. Ее волосы упали в реку отяжелевшими прядями, и она с наслаждением умыла уставшее лицо, и посмотрела на Иллигеаса.

— Ты, разве не устал? — спросила она.

— Нет, — ответил тот, и отвернулся, чтобы поглядеть на горизонт.

— Нам незачем торопиться, — Эларор поправила свои кудри, и встала лицом к солнцу. — Ты долго будешь смотреть на мой меч, Иллигеас?

Маг, не подав виду, развернул коня, и, не дожидаясь спутницу, тронулся дальше в путь. До его слуха донеслось, как та резво вскочила в седло.

— Твой меч хорошо скован, — наконец сказал он. — Тонкая работа. Я прежде такой не видела.

— Разве? И в своем мире не видел? — она скосила на него глаза.

— Нет, — ответил Иллигеас, и вспомнил свои навыки защиты от чужих посягательств на свои мысли.

Эльфийка была умелой мастерицей. Едва они покинули ее родные края, Эларор тут же изменилась. Кротость, которую она проявляла при отце, мигом исчезла. Рядом с Иллигеасом ехал опытный маг и воин, чем-то напомнивший ему Элардис. в голосе эльфийки чувствовалась сталь.

— Странно, мой народ живет во многих мирах, — она выгнула спину, посылая коня рысью. — Хотя ты прав, мой меч только один.

— Из какого же металла он скован? — спросил Иллигеас, впрочем, не надеясь на ответ.

— Я не могу раскрыть это, — усмехнулась Эларор. — Потому что сама не знаю.

Она солгала, и маг почувствовал это.

— Вот как...

— Лучше расскажи о своей драконице, — вдруг попросила она.

— Я ничего о ней не знаю, — Иллигеас против своей воли свел белые брови.

— Ты держишь с ней связь? Где она? — Эларор глянула на него уже в открытую, и к ее голосу прибавился странный звук, будто ее меч запел.

Иллигеас наострил уши, но пение уже затихло.

— Нет, я не держу с ней связи, — быстро ответил он.

Эларор молча кивнула, и ее взгляд словно заморозил его. К магу на миг вернулось забвение, и он едва смог его от себя отогнать. Он заметил не только этот. В последние дни,

он плохо помнил дорогу, и каждое утро просыпался усталым. Его спутница, напротив, была всегда свежа. Сейчас Иллигеас понимал, что Эллардис в сравнении с ней выглядела невинным ребенком. Эларор владела сильной магией, и потом, она никогда не расставалась со своим мечом. Эльфийка теснила из головы мага Тиру. Теперь в его мыслях, драконица выглядела неуклюжей и слабой.

— Отец говорил, драконы прекрасны, не все конечно... — как бы невзначай сказала Эларор, и снова взглянула на него. — Ты помнишь ее?

Иллигеас напрягся. В памяти всплыл зеленый взгляд и тут же превратился в блеклое пятно. Все же, он смог вспомнить силуэт Тиры.

— Помню, — проговорил маг.

— Гм... — Эларор повела плечами.

Ее золотые кудри играли на ветру и завораживали. Маг все сильнее терял нить своих мыслей. Эльфийка будто играла им. Образ Тиры тонул, уходя все глубже.

— Драконица... — тихо проговорил Иллигеас.

— А что ты помнишь? — спросила Эларор.

— Нам следует подумать о ночлеге, — вместо ответа сказал маг.

Когда пришла ночь, и небо покрылось незнакомыми звездами, Иллигеас открыл глаза, и прислушался к спокойному дыханию своей спутницы. Она спала, и он решился. Тихо встав, он подошел к ней и протянул руку к серебристым ножнам.

Чужая магия больно кольнула его, и ему пришлось преодолевать себя. Едва он коснулся меча, как чары с него спали. К мыслям вернулась четкость, а вместе с ней и Тира.

— Дракон! — невольно вскрикнул он.

Эларор мигом проснулась, и, одним ударом, отбросила Иллигеаса от себя. Он отлетел на несколько шагов, упав на камни, и сквозь тупую боль воззрился на эльфийку. Перед ним стояла настоящая воительница, а не хрупкая дочь эльфийского короля.

— Этот меч может вырезать сердца не только у драконов! — она приставила конец лезвия к его груди, и надавила так, что маг ощутил его неприятный холодок. — Вспомнил свою драконицу? Хорошо. Мне нужно держаться рядом с ней. Ее сердце ценнее, чем сердце ее брата. Так что, ты поведешь меня к ней.

— Твой отец дал слово, поддержать нашу сторону своей армией. Его слово ты нарушить не посмеешь, — уняв дрожь, Иллигеас встал.

Забыв о своем слабом человеческом теле, он применил истинную магию. его холодная ладонь легла на щеку Эларор, и та сжалась от боли, подчиняясь ему.

— Отпусти, я не нарушу слово отца... — захрипела она.

— Хорошо, — маг опустил руку и отвернулся.

На своих губах он ощутил кровь, и поспешил к реке, чтобы ее смыть. Эларор глядела ему в спину с недовольным прищуром. В ее голове кружились свои мысли.

Глава пятнадцатая

Вокруг было холодно. Именно от этого Тира и очнулась. Звери послушно брели вперед, неся на себе драконицу и раненную эльфийку. Обзор застилал туман, утренний или вечерний, Тира разобрать не могла. Из его ключев проступал лес, чужой и не знакомый.

— Стой...стой... — застонала драконица, и сползла со спины гидрала.

Звери встали на месте. Голова сильно кружилась, и Тира еле стояла на ногах. Во рту отдавался привкус крови. Утерев губы, она стащила с седла охотницу. Тандрия была бледной и холодной. Ее сердце билось очень медленно, а кровь из раны сочилась тонким ручейком. Тира осторожно уложила ее на траву.

В тумане она мало что разбирала, но воду учуяла, и не болотную. Не вдалеке находилось озеро, и она, шатаясь, пошла к нему. На ее поясе болталась чудом уцелевшая фляжка. В нее она и набрала воды.

Тандрия лежала не шевелясь. Даже когда Тира стала промывать ее рану, эльфийка не дрогнула. Приоткрыв ее веки, драконица увидела ее закатившиеся глаза.

— Плохо... — проговорила она, и потащила ее к озеру.

Умыв ее лицо, Тира принялась хлестать ее по щекам, пока та не застонала. Навыками исцеления, драконица не владела, а владея магией, она не могла ее согреть своими силами. Рядом топтались гидралы, урчанием напоминая о своем голоде, и Тире пришлось их отпустить. Сейчас ее больше занимала Тандрия. Избавив ее от грязной, окровавленной одежды, она целиком окунула эльфийку в воду, а затем, плюнув на всю скрытность, развела небольшой огонек.

От тепла, Тандрия все же пришла в себя. Рана на плече жутко ныла. Сама она лежала у костра. Ее одежда, порванная в нескольких местах, оказалась чистой и сухой. Чуть поодаль, она увидела и Тиру.

— Очнулась? — тихо осведомилась та.

— Выжили...где мы? — Тандрия хотела встать, но боль не дала.

В глазах потемнело, и эльфийка опустилась на место.

— Я обратилась драконом. Только это верный знак для Аргелора. Так и мы и спаслись. А где мы, я не знаю, — ответила Тира. — Скажи, каких трав собрать? Тебя надо лечить.

— Ищи мох, серый... — Тандрия перевернулась на спину. — Его надо растереть вместе с огненной травой. По части целительства, толку от тебя мало конечно. Ты и о себе бы подумала.

Она обвела взглядом лицо своей спутницы и спасительницы. Тира тоже была бледна. Свою боль она скрывала. После битвы ныло все тело. От мечей, хоть те и не поранили кожу, остались багровые рассечены. Но для начала, драконица собрала все нужное для охотницы, и получившимся порошком смазала той рану. Тандрия зашипела сквозь зубы.

— Больно? — спросила Тира, стараясь действовать осторожно.

— Терпимо. Делай, — процедила та.

Рана кровоточила и порошок быстро смешался с кровью. Травы начали действовать, и рана будто вспыхнула огнем. Эльфийка застонала, а после закусил губу. Когда боль ослабла, она тяжело задышала и откинулась на спину.

— Тебе надо отдохнуть, — сказала Тира.

— Ничего. Теперь быстро все заживет, — процедила та. — Иди, окупись в воду. От тебя

за милою несет кровью. Запах дракона крепче моего. А я...я посплю...

С этими словами она заснула. Ее плечо чуть подергивалось, но рана уже не выглядела такой страшной. Осмотрев ее еще раз, Тира отправилась к озеру.

Там, сбросив с себя одежду, она глянула на отражение. Следов на теле от мечей осталось много, да и синяков тоже. Ее волосы слиплись от крови. Когда она вошла в воду, то холод заглушил нитье боли, и Тира, окунувшись с головой, поплыла. Сильное тело скользило в воде без препятствий. Доплыв до середины, она вернулась обратно. Своя горячая кровь грела ее лучше костра. Усевшись на берегу, она привела в порядок одежду, и уже разогнувшись, почувствовала чей-то взгляд.

Нагая, она встала в полный рост. Ее ноздри чуяли чужой запах, запах дичалых. Быстро глянув на спящую Тандрию, она прибегла к магии.

— Ну же... — она попыталась натянуть призрачный лук.

Он возник и сорвался. Драконица пыталась снова и снова, пока оружие не появилось в должном виде. Натянув его тугую тетиву, она замерла. Мышцы напряглись до предела. Длинная стрела лежала прямо, и чуть отсвечивала серебром, отражаясь в глазах Тиры. Драконица сделала шаг, осматривая лес. Запах доносился слабый и все усиливался. Кто-то из дичалых шел по их следу. Но одевание времени не было. Тира обратилась в слух, а после увидела мелькнувшую фигуру. Миг и стрела отправилась в полет. Со свистом взрезая воздух и достигла цели. Из леса вывалился дичалый, раненный, с искаженным лицом, на котором плясала злоба. Вторая стрела довершила свое дело.

— Тандрия! — Тира, натянув на себя мокрую одежду, принялась будить эльфийку. — Проснись, Тандрия!

Открыв глаза, та застонала. Трава хмелила ее, и она вновь заснула. Проскрипев зубами, драконица кликнула гидралов, и тут же позавидовала им.

Звери были сыты. От них пахло добычей, а Тиру терзал голод. Однако запах дичалых подгонял, и она вскочила в седло, усадив Тандрию впереди себя.

— Вперед! — скомандовала она.

Звери послушно понеслись размашистыми прыжками. Тира еще не знала, насколько долгой будет эта скачка. Запах брал ее в кольцо, и из него ей надо было выбраться. С раненой Тандрией это оказалось нелегко. Меняя гидралов, Тира мчалась, не разбирая дороги и леса, стремясь вырваться из окружения.

Мелькал лес. Ночь сменилась днем, а Тира все мчалась вперед. Когда зверь устал, она поделилась последней силой. На бой сил не осталось. Позади все громче раздавался вой, и уже показались дичалые. Тира хлестнула по ним магией, вернее ее остатками, и куда-то провалилась.

* * *

Иллигеас не знал, где они едут. Эларор теперь разговаривала с ним совсем мало и не охотно. Она ориентировалась без карты и часто пользовалась пограничными местами, сокращая путь. После одного такого перехода, они оказались перед заснеженной цепью гор, почти у ее конечности, и маг узнал место.

— Тут земли артов недалеко, — проговорил он про себя.

— Да, — не глядя в его сторону, кивнула эльфийка.

— Надо заехать к ним, — он развернул коня, и уже направился в ту сторону, как Эларор встала на его пути стеной.

— У нас своя дорога, — тяжелым тоном произнесла она. — Нечего на меня так смотреть. Я теперь знаю твою силу и не боюсь. Мы едем в обход.

Ее взгляд давил на него и меч у нее за спиной снова начал петь, только по-другому. Песня будто лишала Иллигеаса воли.

— Хорошо, я соглашусь с тобой, — нехотя сказал маг.

Сам же он, посмотрел в желанную сторону, и его сердце сковало нехорошее предчувствие. Уже остановившись на ночлег, он почуял чужую силу, а вскоре увидел кровавое зарево над землями артов. Бросив ужин, он вскочил, толкнув при этом Эларор.

— На них напали! — воскликнул он.

— Сядь на место! — зло одернула его эльфийка.

— Опомнись! Они же на нашей стороне!

— Что с того? Они бы все равно не имели значения на поле боя! — Эларор тоже встала и преградила ему путь. — Вернись на место, маг! Арты всего лишь лекари, а не воины! Или ты забыл свою холодную расчетливость Наблюдателя, когда решал судьбы целых миров?

— Уйди!

— Нет, и ты не уйдешь! — она ударила его магией, и удар оказался очень сильным.

Иллигеас упал. На губах снова выступила кровь, которую он тут же вытер, и ответил эльфийке, но его сила словно обогнула ее. Внезапно воздух разорвал вой, протяжный и скорбный, от которого веяло болью и грустью. Маг сразу узнал его. Это был голос лесного хозяина.

— Дай дорогу! — рыкнул Иллигеас, и, отбросив рукой Эларор, вскочил на коня.

— Ты глупец! — крикнула ему вслед та.

На ее губах плыла усмешка. Когда-то очень давно, она могла чувствовать боль других, когда-то, но не сейчас. А Иллигеас уже мчался туда, где пылало зарево. Ветер доносил до него запах гари и смерти. Конь летел, и все же магу казалось, что он скачет медленно. Над лесом раздался уже рев лесного духа, и Иллигеаса захлестнула его магия. В ней чувствовалось отчаяние, и маг погнал коня еще быстрее.

На полпути конь замер, а вместе с ним и всадник. Там, впереди, что-то произошло. Маг закрыл глаза, и попытался проникнуть в сознание лесного хозяина. Та боль, что обрушилась на него, была не выносима. Иллигеас захрипел. Дух вытолкнул его с яростью. Магу хватило нескольких мгновений, чтобы понять, что случилось. Ехать дальше не имело смысла.

Рев, самый страшный, всколыхнул не только лес, но и всю магию, которая имелась в этом мире.

* * *

Лесной хозяин остался один. Аргелор видел это и упивался его болью. Зверь метался по выжженной пустоши, на которой до недавнего времени рос лес, и собиралось войско. Могучие арты шли на войну, и не думали, что их путь закончится так скоро.

Нападение случилось внезапно, и со всех сторон сразу. Напали на них, и на их город. Черные вихри пронеслись слишком быстро, не успел к ним на помощь даже лесной дух. Он застал лишь всадников и пожар, который вспыхнул и погас. Неведомая ему колдовская сила

превратила в пепел целый город.

Он не успел и все равно бросился в бой. Превратившись в зверя, он кинулся на всадников, но даже тронуть их не смог, зато те оставили на нем шрамы от своих мечей. Они исчезли, оставив ему боль. Рев хозяина разнесся далеко, и многие узнали о том, что произошло.

Аргелор погубил его народ, тех, кому он покровительствовал. Погибли великие маги, которые чтили природу и законы леса, погибли воины. Лесной дух выл от разрывающей его пустоты, а сделать ничего не мог.

Сейчас его видели только первородные эльфы. Они пришли позже и застали лишь скорбь. Лесной хозяин упал на колени, и ткнулся лбом в испепеленную землю.

Огонь не тронул тела артов. Он отнял у них жизнь и те просто упали замертво. Первородные стояли в молчании, и только когда лесной хозяин поднялся, они запели прощальную песнь. Хозяин не скрывал свою скорбь. Под его рукой тела артов превратились в золотую пыль и исчезли. Остался только пепел от города. Лесной хозяин сжал кулаки. Он стоял, пока не пошел дождь, с которым смешались его слезы, а после и сам исчез.

* * *

На Тиру падал снег, настоящий холодный и даже колючий, а под ее боком лежало что-то очень теплое. Оно шевельнулось, и она увидела гидрала. Он вопрошающе фыркнул. Судя по сугробу на его меху, Тира спала долго. Она даже плохо помнила тот провал на пограничных землях, и вспомнила все, лишь когда застонала Тандрия. Хмель от лечебных трав проходил, и та медленно открыла глаза.

— Где мы? — она сделала попытку подняться.

Плечо тут же заныло, и она сморщилась.

— Мы в горах... — Тира сама встала с трудом и огляделась. — Дичалые гнались за нами...а потом пограничье...

— Ты слышала рев? — Тандрия, забыв о боли, уставилась сквозь заснеженную пелену на долину внизу.

— Нет, но я чую скорбь, — драконица тоже заглянула туда, а после откинулась на холодные камни. — Аргелор убил артов...

Тандрия зашипела и сжала зубы.

— Его псы пойдут теперь по нашим следам, — сказала она. — Надо идти.

— Звери тоже устали. Пока ты была без сознания, мы проделали долгий путь...

— Мы в Седых Горах. Тут есть гномы, — Тандрия хоть и старалась держаться, но рана отняла у нее много сил.

— Гномы? Вы с ними ладите? — Тира уже начала прикидывать возможный путь.

— Есть перемирие. А ты дракон. В Этиль Араде этому не учили? — эльфийка тяжело вздохнула.

— Нет, но я найду гномов, — она заявила это твердо, так что охотница даже не усомнилась. — А ты отдыхай.

Тира скрылась в снежной пелене. Боль лесного хозяина дошла до нее, и драконица вздрогнула. Она остановилась на краю утеса. Снег таял на ее лице, ложился на волосы, а сердце щемило, будто снег добрался и до него. Лесной хозяин был сейчас далеко, и

обращаться к нему Тира не посмела.

Среди снега она не видела ни одной тропы, зато чужая новых охотников своего брата, и еще что-то непонятное. Это чувство быстро прервалось другим. Тира почувствовала огонь, настоящий, какой способны разжечь только гномы. По скользким камням, она пошла на это чутье. Слева от нее зияла пропасть, бездонная и темная, а справа нависала скала.

Снег повалил хлопьями и задул сильный ветер, такой холодный, какого прежде Тира не знала. Льдинки кололи ей лицо и руки, ноги скользили, и ей захотелось вернуться. Оглянувшись назад, драконица увидела, что ее следы быстро заносит снег. Внезапно, ее правая рука, которая нащупывала опору, провалилась в пустоту, и Тира оказалась возле не большой, но глубокой пещеры. Протиснувшись в нее, она провалилась в кромешную тьму. Камни быстро содрали кожу с ее боков, и драконица полетела вниз по узкому рукаву. На этом, ее сознание оборвалось. Слишком долго она не ела и не отдыхала, а удары сделали свое дело.

Очнувшись она не скоро. Избитое тело ныло, во рту стоял привкус собственной крови от разбитых губ, а в глаза светило что-то теплое и мягкое.

— Ты смотри-ка, очнувшись, — пробасил голос над ее ухом.

— Ага... А ну, пей! — чьи-то руки, шершавые, как камень, сунули к губам Тире чашку с горячим и терпким запахом. — Пей!

Жидкость полилась ей в рот и вмиг вернула силы. Она обожгла язык и горло, но быстро насытила Тире. Теперь, открыв глаза, она разглядела низкий грот и маленький костерок посреди него. Вокруг драконицы суетились двое курчавых и чернобородых гномов.

— Тандрия! — Тира хотела вскочить, но гномы тут же осадили ее на место, на мягкие шкуры.

— Жива твоя подруга, спит! Рану-то совсем запустили...эльфы остроухие... — недовольно пробурчал один из них.

Тира легла на мягкую подстилку и осмотрелась. В глазах все плыло, но она разглядела и гномов и Тандрию. Та лежала с повязкой на плече, а за ней сопели гидралы. Зверям тут тоже нашлось место. Видимо гномы провели их через вход, который сейчас был завален круглым камнем.

— Тебе спать надо, — сказал второй гном. — Мы о тебе разные слухи слышали. Видно все правда, если вы смогли проехать под носом этих черных всадников из Академии. Наши-то все тоже ушли, но об этом потом. Спи.

Он заботливо укрыл ее и под теплом шкуры, Тира уснула. Правда спала она не долго. Тот же гном разбудил ее.

— Ночь сменилась днем, — сказал он и сунул ей под нос чашу с питьем.

Не сопротивляясь, тира выпила ее целиком. Силы возвращались. Усталость исчезла, и гном довольно улыбнулся.

— Что с Тандрией? Она еще спит? — драконица бросила на нее тревожный взгляд.

— Будет спать еще один день и одну ночь, — он дал Тире большую флягу. — Вот, даш ей выпить. А сейчас придется вам уехать. Мы уйдем своей дорогой.

— Уйдете?

— Да. А тебе стоит бережнее относиться к своим вещам, — гном вложил ей в руку фиал со слезой, потерянный видимо во время падения. — Тебе дорога на север. Союз Мастеров будет рад такой вещице.

— Куда вы уходите? — Тира поблагодарила его и спрятала фиал.

— На войну, — ответил другой гном. — Псарня Академии сильно выросла. Они и нас пытались подмять, да не получилось. Они на других сорвались...

— Арты... — драконица едва сдержала слезы.

— Да. Нам известно о твоём брате, будь он не ладен, — гном нахмурился. — Сейчас лучше подумать о дороге. Тут есть тропа. Идем, покажу.

Когда камень был отодвинуть от входа, гном указал на заснеженные уступы. Тропы Тира не увидела, только направление. Несмотря на день, небо застилала тучи, которые сыпали снег большими хлопьями.

— Я не вижу дороги тут, — сказала драконица.

— Смотри туда! — гномы хором указали на темное ущелье. — Через него выйдете на пустоши, а там дойдете до северных берегов...

— Через болота надо идти, — сказал один из них. — Они там конечно особенные, зато путь короче будет.

— Болота? Мы одни болота уже прошли, — недовольно вспомнила Тира. — там полно дичалых.

— Нет, это другие болота, — мотнул головой гном. — А вот каменные земли лучше обойти.

— Ты не думай, это не глупый совет, — сказал второй гном.

— Да, болота безопаснее, — кивнул его друг. — Еды про запас у нас нет, к сожалению. Но питья вам хватит. Оно лечебное. А нам перед дорогой кое-какое дело закончить надо.

Глаза гномов после этих слов, как-то погрустнели. Тира знала, что они все чувствуют сердцем, как и многие народы. Сердце дракона тоже умело это делать, но Тира этому еще не научилась.

— Далеко ваша армия ушла? — спросила она.

— Достаточно, — кивнули они. — Мы будем рушить подземные тропы. Они ведь простираются далеко, а если нас победят...враг не узнает наших тайн. Отступать наш народ не умеет. А ты поспеши.

После этого разговора, Тандрию завернули в шкуры, и гномы помогли усадить ее в седло. Тира обняла ее и вгляделась в заснеженную даль.

— Город великих мастеров должен тебя принять, — крикнули на прощание они, и звери унесли драконицу в пелену снега.

Маленькие льдинки впились в кожу сотнями острых игл, но Тира стерпела и только крепче обняла эльфийку. Звери мчались к ложбине между скалами. Они перескакивали по заснеженным уступам, и часто их когти опасно скользили на заледенелых камнях. Когда пещера исчезла совсем, горы вдруг вздрогнули, и земля будто стала уползать из-под ног. Гидралы полетели по глубоким сугробам, не смотря на то, что со скал посыпались льдины и камни. Осколки свистели за их спинами.

Тира почти не подгоняла зверей. Они бежали сами. Снег залепил драконице глаза, и тогда она целиком положила на чутье гидралов.

Глаза она открыла лишь тогда, когда ее щек коснулся не снег, а мягкая сырость. Они вылетели на высокогорную долину, где стоял туман. Позади еще гудели обвалы. Гномы разрушили всю паутину своих троп и ходов, и теперь там стоял легкий дымок. Земля чуть подрагивала, но уже не так сильно.

Гидралы сильно устали, поэтому Тире пришлось поделиться своей силой и мчаться дальше. Из долины они вскочили на заснеженные склоны и понеслись еще быстрее. Тут

было еще холоднее, и добавился северный ветер, а позади что-то начало завывать, и это драконице не понравилось. Они летели вниз, пока заледенелые камни не сменились на мягкий мох, а горы на холмы. В них Тира нашла небольшую пещеру, заросшую колючим вьюнком и низкими елями. Быстро спешившись, она затащила туда спящую эльфийку. Не смотря на сырость, в гроте было теплее, чем снаружи. Накидав мха и веток, она уложила на них Тандрию, и прислушалась. Чутье подсказывало, что кто-то идет по следу, но зверей мучил голод, и их пришлось отпустить на охоту.

Неожиданно рука Тандрии дрогнула, и она, с шумом вздохнув, открыла глаза.

— Где мы? Тира? — ее голос звучал слабо и все же драконица порадовалась.

— Мы пересекли горы, — ответила она, и поднесла к губам эльфийки фляжку с гномьим снадобьем. — Выпей!

Нехотя, та сделала пару глотков, а потом долго кашляла, и, наконец, усмехнулась.

— Узнаю это пойло... — прохрипела она.

— Гномы, которые нам помогли, сказали, что ты должна еще долго проспать. Как плечо? — спросила Тира.

— Я уже могу стрелять из лука, — та стала подниматься, но драконица быстро уложила ее назад.

— Нет, ты будешь отдыхать, — сказала она. — А я пойду, осмотрюсь. Возможно за нами погоня.

— Ладно, — недовольно согласилась Тандрия. — Тогда собери трав для раны. А стрелять я все равно могу.

Тира кивнула и вышла. У нее лука не было, и она снова понадеялась на свою силу и магию. вокруг стояла глухая тишина. Гидралы уже были далеко. Позади высились горы, впереди только туман, в котором каждое дерево казалось то врагом, то диким зверем.

Драконица шагала очень тихо, но когда невдалеке хрустнула ветка, она вздрогнула. Ее чутье сообщило ей о чужаках. Они были холодными. Тира учуяла их силу, и оглянулась на грот. Там лежала Тандрия, еще слабая, и не готовая к дороге и погоням. Не долго думая, Тира бросилась навстречу к призракам. За ее спиной уже разворачивались огромные крылья.

* * *

Иллигеас открыл глаза. Где-то, совсем близко, была его ученица. Он это почувствовал. Сердце вздрогнуло, и он, отбросив покрывало, вскочил на ноги.

— Что с тобой? — тут же пробудилась Эларор.

— Ничего, — маг мотнул головой, а его глаза смотрели на туманные холмы.

— Разве? — она тоже встала.

В ее руках тут же оказался меч, и она посмотрела в туже сторону.

— Да, мы тут слишком задержались, — Иллигеас быстро накиннул плащ на плечи, и направился к коню.

— Ты кого-то чуешь? — эльфийка насторожилась.

— Призраки близко. Я не хотел бы с ними встречаться. Нас всего двое, — ответил он.

— Они к нам не подойдут, — заверила его та. — Или же, ты ждешь кого-то?

— Нет, — решительно сказал Иллигеас, и вскочил на коня.

Его глаза теперь наблюдали за эльфийкой. Эларор металась по месту их ночлега, будто

натываясь на глухую стену.

— Эти псы кого-то учуяли, — бросила она, и с подозрением взглянула на мага.

— Кого? — невозмутимо спросил он.

— Не знаю, — ответила она.

Иллигеас отвернулся, чтобы она не видела его лица. Он улыбался.

— Ты владеешь такой сильной магией, и не чуешь, за кем охотятся призраки?

— А ты чуешь? — она резко повернулась и ее глаза зло сузились.

— К сожалению, нет, — ответил маг.

— Наверное, они охотятся за твоим драконом...

— Возможно, но ее тут нет, — сказал Иллигеас.

Он солгал, но Эларор этого не заметила. Вопреки всему, она оказалась слепа к драконьей силе. В ее глазах мелькали только злые искорки.

— Как бы она не опоздала на поле битвы, — эльфийка с силой воткнула меч в ножны.

— У нее свой путь. А ты давала слово, если ты о нем не забыла, — напомнил ей маг.

Эльфийка, вскинув голову, вскочила в седло, и послала коня в галоп, оставив Иллигеаса далеко позади.

* * *

Тем временем, драконица вела не равный бой. Только сейчас Тира осознала, насколько не зрелый ее огонь и не умелая магия. Онадохнула пламенем на черные фигуры, и будто ударилась о стену. На призрачных охотников ее огонь не действовал. Они словно поглотили его, а один из их мечей ловко рассек перепонку крыла, и Тира неуклюже свалилась на землю. Второй удар ее нагнал уже в облике человека, и скользнул по ребрам. От неожиданности, она не ощутила даже боли. Охотники обступали ее со всех сторон, а когда она кинулась на них, мощный удар, снова отбросил ее на землю.

Уже теряя сознание, она учуяла силу своего брата. Неравная битва была проиграна, и один из охотников приставил меч к ее груди, намереваясь вырезать сердце. В этот момент, фиал со слезой дракона, вдруг вспыхнул на всю округу. Свет на миг залил все, запомнил собой все пространство, а после пошел снег.

От удара магией, Тандрия в своей пещере очнулась от дремы окончательно. Плечо еще ныло. Эльфийка, преодолевая головокружение, все же вышла наружу, и потянула носом воздух.

— Драконья кровь! — шепотом отметила она, и быстро двинулась по следам Тиры.

Ее пошатывало и только холод помогал не терять сознание. К своему огорчению, она даже не смогла натянуть лук. Рука предательски дрожала, и Тандрия выругалась про себя. Впереди она чуяла призраков, псов Аргелора, и их сила нагоняла не малый страх. Дойдя до места схватки, она опустилась на колени, и вновь принюхалась. В нос ударил резкий запах крови, а неподалеку нашлись и алые капли.

— Тира... — выдохнула она, и ударила по земле кулаком. — Лесной хозяин, что же ты ее не уберег!

Боль и злость слились воедино. Тут везде леатло уныние. Вместо ответа, Тандрия учуяла скорбь лесного духа, и это разозлило ее еще больше. Издав боевой клич, она бросилась вперед. Холод впереди стал невыносим и через несколько прыжков, Тандрия увидела Тиру,

лежавшую на земле, а вокруг нее стояли оцепеневшие охотники. Замерев на мгновение, она все же решилась войти. На ее волосах тут же образовался иней. Окоченевшими пальцами, Тандрия дотянулась до Тиры и тихонько потащила ее к себе. Фигуры шевельнулись. Эльфийка замерла, а потом снова потянула драконицу к себе.

Голод и долгие погони, все же сильно измотали ее, и руки дрожали. Подтащив Тиру к себе, она попыталась ее поднять, и не смогла. Черные воины внезапно сбросили с себя оцепенение. Таких врагов, Тандрия еще не видела. От них веяло смертью, и такой силой, что кровь в жилах леденела. Эльфийка смотрела на них и не смела пошевелиться. Удар меча откуда-то из-за спины, повалил ее на Тиру. От боли в глазах потемнело, но Тандрия умудрилась всадить нож в ногу охотника, прежде чем его меч с омерзительным звуком пронзил ее чуть ниже плеча. Призрак вынул меч, и толкнул эльфийку на землю. Сквозь предсмертный туман, она увидела что-то зеленое, что мелькнуло возле призраков, и темнота поглотила ее окончательно.

Свою первую добычу охотники волокли на север. Эльфийка их не интересовала. Несмотря на большую силу, тащить драконицу оказалось не просто. С каждым шагом она тяжелела, словно сила ее не покидала, а наоборот зрела. И это было верно. Хоть Тира и потеряла много крови от раны, она чуяла боль своей спутницы, которая пробивалась в ее сознание сквозь туман. Охотники давили ее магию, и давили сильно, а цепи, которыми они ее спутали, сжимали так, что превратиться в дракона она не могла.

Охотники волокли ее, оставляя глубокий след в мягком мху.

Глава шестнадцатая

— Ты доволен? — спросил Архимаг.

Он появился неожиданно, и окатил Аргелора холодом, чего тот не любил.

— Я не доволен, что ты не исполняешь мою волю, старый серый дракон! — он сжал зубы. — Твои знания! Мне нужны они. А ты еще не все мне передал. Что, забыл, что я знаю, где ты прячешь свое сердце?

— Не забыл, — спокойно ответил Архимаг.

Его взгляд смотрел, будто сквозь Аргелора. Вдруг он резко перевел глаза на него, и черный дракон увидел то, чего не видел раньше. Глаза Архимага блестели, и блеск этот был как никогда живым.

— На что ты так смотришь? Не уж то прозрел, наконец? — ядовито заметил тот.

— Да, — сказал он. — Прозрел, Аргелор. Знаешь, ведь мое сердце старо...старее миров которые повидал. Пожалуй, пришла пора с ним расстаться. Ты был прав. Я серый, старый дракон, без сторон и цвета.

— Вот как ты заговорил? — Аргелор хотел схватить его, но руки прошли насквозь, уловив всего лишь тень. — Думаешь, исправить свои ошибки? Хочешь бежать?!

— Ошибки? — Архимаг будто задумался. — Нет, Аргелор. Ошибок не бывает. Бывают разные пути и разные цели. Сейчас я выбрал другой путь. А сердце... когда-нибудь ты поймешь, что жизнь не только в нем заключается. Прощай!

Он обратился серым драконом, почти прозрачным, и просочился сквозь стену. За его спиной раздался рев, такой, что Академия вздрогнула. Громадный черный дракон взмыл в холодное небо следом за Архимагом, но догонять его стал. Злоба кипела в нем так, что он в одно мгновение пересек магическое пространство до того места, где серый дракон прятал свое сердце.

В ледяных горах, его черные когти сомкнулись на туманной сфере.

* * *

У Архимага было мало времени, он торопился, и успел почти вместе с лесным хозяином. Только налетели они с разных сторон. Охотники Аргелора замерли, когда их окружили, и выхватили мечи. Серый дракон сел прямо перед ними, и от его магии по их телам пошли трещины.

— Вон отсюда! — скомандовал он.

От его силы трещал воздух, и земля обрела пепельный оттенок, будто у нее отняли суть. Бросив свою добычу, охотники поспешили скрыться. Их магия имела под собой только книжную основу, а не живую силу. дракон, истратив последние капли своей силы, стал обычным стариком с дрожащими руками. Напротив себя он увидел лесного духа. Глядя на него, тот дышал тяжело и свирепо.

— Я тебе не соперник, и уже не враг... — проговорил Архимаг.

Глаза хозяина вспыхнули, но ярость быстро сменилась удивлением.

— Ты ли тот черный маг? — спросил он.

— Как видишь, не черный я. Серая моя суть. Был драконом, да время вышло мое, —

сказал тот ему. — Забирай свою драконицу, пока охотники снова не нагрянули. Ей нужны будут силы. Аргелор оказался намного коварней, даже меня обвел... А ты...ты еще можешь помочь...

Его голос внезапно захрипел. Где-то далеко, в потаенном месте, Аргелор сжал его сердце. Сфера затрещала и покрылась сетью мелких трещин.

— Слабак! — презрительно бросил черный дракон и швырнул шар в ледяную пропасть.

Сердце серого дракона было очень старым и разбилось о камни. Тысячи осколков разлетелись в разные стороны. Архимаг вздохнул в последний раз, и на глазах лесного хозяина рассыпался пылью. Мир словно сделался легче, но тут же потяжелел, так как Аргелор занял его место окончательно.

* * *

Это ощутили все, и особенно Иллигеас. Их кони встали на дыбы, и Эларор тут же обернулась к магу.

— Что это? — требовательно спросила она.

— Еще не знаю... — он тревожно всматривался вдаль, а после резко глянул на эльфийку. — Твоя армия точно пребудет следом за нами?

— Не стоит сомневаться в моей армии! — она поджала губы.

Иллигеас не обратил на это внимания, и пустил коня галопом.

* * *

А лесной хозяин тем временем склонился над Тирой и распутал цепи. Драконица была ранена, но раны уже затягивались. К запаху ее крови примешивался другой, и он, не раздумывая, послал по этому следу Первородных.

Взяв Тру на руки, он исчез. Первородные же отыскивали Тандрию. В дом лесного хозяина они принесли ее почти без дыхания. В этот момент, оказавшись в его владениях, и драконица, и эльфийка исчезли со всех карт Аргелора. Дом хозяина не поддавался его слежке. Это место не имело времени, как и земли вокруг него. Лесной дух ведь жил во многих мирах, а дом его располагался в Междумирье. Одно только появление в нем исцелило все раны, и Тандрия вздохнула уже спокойно и без боли. Сквозь полуоткрытые веки, она увидела дивный лес, в котором цвела сама жизнь. Посреди него стоял огромный дом, покрытый мхом и увитый листьями. Он не был срублен, деревья сами образовали его, своим куполом и корнями. Тут пели дивные птицы, которых Тандрия прежде не слышала. Однако Первородные не понесли эльфийку в дом, а уложили на мягкий мох рядом с ним, как и Тиру.

— У этого дома нет хозяйки, но сделать ею тебя против твоей воли, я не могу, — лесной хозяин сказал это с сожалением.

Ти́ра лежала, медленно приходя в себя, и не знала, что время в ее мире сейчас летело очень быстро. Охотники там метались в ее поисках по многим землям, только следов там не осталось. Будто почуяв это, драконица очнулась. Раны к тому моменту успели исчезнуть, и только маленькие шрамы остались на теле Тандрии.

— Где мы? — Тира быстро оглянулась, и последние события промелькнули у нее перед глазами. — Это ты нас спас?

Лесной хозяин сидел рядом, и внимательно смотрел на нее, а потом отвел свой пронизательный взор вдаль.

— Не только я, Тира, — ответил он. — Посмотри...

По левому боку от драконицы возникло озеро. На его глади, Тира и увидела серого дракона, старого и уставшего. Она видела, как он остановил охотников, и как погиб после этого. Но за его спиной стоял Аргелор.

— Архимаг был драконом? — Тира замерла на берегу, а видение уже исчезло. — Дракон?

— Да...он последний из самого древнего рода. Серый дракон, — ответил лесной дух. — Даже

я не углядел его сути. А твой брат смог. Твой брат страшнее Архимага.

— Я знаю... — Тира вздохнула. — Как здоровье Тандрии?

— Ее раны исцелились...

— Но? — драконица повернулась к нему. — Ты что-то не договариваешь...

— Я многое могу увидеть, только увидеть твою битву с Аргелором не могу, — хозяин отвернулся, и Тире показалось, что она увидела его слезу.

— Почему же? Мой наставник рассказывал о том, что ты живешь во многих мирах, и видишь в них все, — ее голос стал жестче. — Ты просто не хочешь видеть эту битву.

— Я... — он вскочил с места, и отступил от нее. — Теперь я вижу, что ты дракон не только телом. Твой разум режет чувства пострашнее меча врага.

Тира и впрямь ощутила свою остроту, а лесной хозяин показался ей слишком открытым и мягким. Она читала его мысли и чувства, и не замечала, как причиняла ему боль. Драконица в его обители была подобна острому кристаллу, который впивался в этот лес.

— Прости... — и Тира тоже отступила. — Я очень любила брата и отца. Только теперь мое сердце вряд ли будет любить. Я выбрала путь воина. Дальше я пойду одна. Пусть Тандрия останется...

— Кого это ты собираешься оставить? — раздался из-за деревьев знакомый голос.

Эльфийка вышла неожиданно тихо, хоть и была немного бледна. Раны на ней зажили, а ее взгляд кольнул Тиру, как и раньше.

— Тебе еще рано вставать...

— Нет, — Тандрия остановила ее знаком руки, и взглянула на лесного хозяина, который стоял с опущенной головой. — Я здорова. Вижу, ты решила ехать.

— Да, Архимага больше нет, теперь угроза посильнее будет, — Тира с сожалением посмотрела на лесного хозяина, и поклонилась ему. — Благодарю тебя, лесной дух, за заботу и пристанище...

— Не нужно, — он вздохнул, и вместе с ним погрустнел и весь лес. — Этот дом открыт для тех, у кого сердце чистое. Открыт всегда. К сожалению, не в моей власти сократить вам путь на север...

— Нам бы гидралов наших вернуть, — напомнила Тандрия.

— Да, звери лишними не будут, — согласилась Тира.

— Они будут ждать вас, когда покинете этот лес, — сказал лесной хозяин.

— Благодарим тебя, — Тира поклонилась еще раз, и повернулась к тропе, что возникла среди корней и травы.

Лесной дух долго провожал ее взглядом. Тандрия, когда оглянулась, увидела его глаза, полные печали.

— Может, ты обернешься ему на прощание?

— Нет, — отрезала та.

Ти́ра и так чувствовала его печаль и боль, но эти чувства скользили по ее сердцу, как вода по стеклу. Сейчас ее волновал Аргелор. Лишь дойдя до края леса, где его граница стала мутной и искаженной, Ти́ра остановилась. Лес отпускал их, и в тоже время расставаться с ним не хотелось. Тут на краю, все стало резче, запахи, звуки и огромный купол изумрудных деревьев.

— О тебя разбиться можно, — недовольно заметила Тандрия.

— Почему?

— Сердце лесного хозяина дорогого стоит, Ти́ра, — укоризненно глянула на нее эльфийка.

— Тандрия, ведь ты воин, — скупно бросила драконица.

— Воин, а что? — смутилась она.

— Я думаю о битве. Тандрия, я не смогла справиться с кучкой псов Аргелора! А что я смогу сделать против его армии? — взгляд Ти́ры сделался холодным.

— У тебя еще нет оружия, — эльфийка вздохнула. — А все же...

— Гидралы! — Ти́ра указала на знакомые силуэты, и не дослушав Танбрию, шагнула сквозь пелену.

Лес с глухим стоном выпустил ее и охотницу на каменную пустошь, такую голую и холодную, что ветер тут же пробрал до самых костей. Над обледенелой землей висели мрачные тучи, низкие и темные.

Гидралы, распушив загривки, терпеливо ждали. Сквозь их мех холод не проникал, а вот одежда воительницу спасала от этого мало.

— Тут настоящая зима... — процедила Тандрия.

— Тебе было бы лучше вернуться...

— Еще чего! — тут же вскипела она. — Холода я не боюсь.

— Гномы говорили держаться болот, — Ти́ра оглянулась, но ничего, кроме камней не увидела. — Они говорили, что пустоши опасны...

— До болот тут далеко, — зубы эльфийки стучали, но она быстро взяла себя в руки.

— Мы тут как на ладони, — Ти́ра недовольно нахмурилась и вскочила в седло, зарывшись руками в густую шерсть гидрала.

Зверь фыркнул и тряхнул головой. Он был рад возвращению наездницы. Тандрия, на своем звере сбоку от него, поторопилась откупорить фляжку, которую Первородные повесили ей на пояс, и отпить из нее хмельного напитка, чтобы согреться. Когда тепло приятно разлилось по ее телу, она смогла вздохнуть свободнее.

— Я погони не чувствую, — сказала она. — А ты?

— Нет, но есть что-то другое, — Ти́ра не пустила гидрала в галоп, хоть тот и рвался.

Зверю пришлось пойти размеренной рысью. Следом семенила и ее спутница. Своё недовольство она не скрывала.

— И все же, лесной дух хороший соратник! Ты зря так прячешь свое сердце во льду! — ворчала она.

— Думай о том льде, что вокруг нас, а не о том, что у меня в сердце! — огрызнулась Ти́ра.

И правда, тут было о чем подумать. Время от времени, тучи сыпали колючими ледяными осколками. Ветер просто плевался ими в лицо, а под лапами гидралов все так же лежал заледенелый камень. По сторонам виднелись небольшие холмы и расколотые скалы. Попадались и большие глыбы, серые и покатые. Гидралы рычали на них, и эльфийке это все больше не нравилось.

— Тише, тише! — приговаривала она шепотом, но звери утробно рычали, и не зря.

Впереди, в снежной пелене, что-то замаячило, что-то похожее на сборище глыб, и Тандрия тут же остановила своего зверя.

— Что такое? — тихо спросила Тира.

— Надо уезжать отсюда! — зашипела она драконице.

— Куда? — та тоже насторожилась. — Тут везде пустошь, и болот не видно...

— Там ходячие камни! — Тандрия потянулась к луку.

— Камни? — Тира всмотрелась в заснеженную даль.

Силуэты мелькали и будто куда-то шли, а потом вдруг земля вздрогнула, и что-то зашуршало, совсем рядом. Оглянувшись, воительницы увидели каменного колосса, который вырастал, и строился из ближайших камней. Не дожидаясь, пока он сделает свой первый шаг, Тира дала волю гидралу, и тот рванулся к холмам. Низко припав к шеям зверей, драконица и эльфийка неслись вперед, сквозь снег.

— Вот почему гномы предостерегали от пустошей! — бросила на ходу Тира.

— В туман! — Тандрия развернула зверя в сторону молочно-белой пелены и исчезла из виду.

Туда же нырнула и драконица. Погоня уже стала привычной. Час бешеной скачки сменился вторым, пока время не слилось в мокрую, снежную линию. Гидралы мчались, всадницы делились с ними силой, и так до самой ночи. Куда они неслись, обе даже не знали. В тумане было не разобрать дороги. Даже когда стемнело, Тира продолжала делиться силой, и зверь покрывал расстояние огромными прыжками. От усталости, Тира не ощущала холода, и только когда под лапами гидралов захлюпала жижа, драконица остановилась.

Откуда-то сбоку, из тумана, вынырнула Тандрия, такая же усталая и обессиленная.

— Нужен отдых... — призналась она. — Нужно взглянуть на карту...

— Болотом пахнет, — Тира потянула носом.

— На болотах ты сама знаешь, кого можно встретить! — сказала эльфийка.

— Хочешь выбирать между этими колоссами и дичальными? — Тира тяжело вздохнула и оглянулась вокруг.

Сырой воздух уже пропитал одежду насквозь.

— Дальше пешими пойдём, — Тандрия тяжело спрыгнула на мягкую почву, и покачнулась.

Они не ели, и слабость давала о себе знать. Тем более, что ее раны затянулись совсем недавно. Гидралов отпустили на охоту. Так было спокойнее. У зверей были свои тропы.

В одиночестве, на болотах, Тира почувствовала себя не уютно.

— А ты идти-то сможешь? — она глянула на свою спутницу.

— Смогу, идем, — эльфийка зашагала вперед.

На болотах оказалось намного уютнее, и даже теплее. Шаг за шагом, они уходили вглубь, все дальше от каменных пустошей. Постепенно, на пути стали попадаться колючие кусты и низкие деревья. В них они и укрылись.

Растянув карту, Тандрия стала вглядываться в расплывчатые линии.

— Мы отклонились немного к западу... — сообщила она и откинулась на сырые ветки. — Там придется снова выехать на пустоши...

— Пусть, я схожу, соберу что-нибудь поесть, — сказала Тира.

Проверив фиал на боку, она ушла вглубь болота, а эльфийка затихла. Плечо немного ныло, но сейчас ее больше заботило оружие. Лук она положила рядом с собой, и еще раз отпила хмельного напитка. В темноте ее глаза светились, и она отлично видела все, что происходило вокруг, и ее руки были готовы в любой момент натянуть лук. Чуткие уши ловили каждый звук, и один из них насторожил Тандрию. Она до боли вжалась в ветки и замерла. Где-то рядом тихо ступал конь. Так показалось ей, а вот запах льда сообщил ей о другом. Охотники вышли на их след. Тандрия не двигалась и старалась не дышать. Ее широко раскрытые глаза углядели этот черный провал в ночной тьме.

Охотник вынюхивал. То, что служило ему конем, развернулось в ее сторону. Эльфийка напряглась. Она готовилась одним движением вскинуть лук, но ее опередили. Серебряный шар врезался в охотника со свистом. Эта сила коснулась и самой Тандрии, в которой та узнала драконью мощь.

Охотник зашипел и развернул своего коня. Второй шар, нагнавший его, сделал охотника серым. Тьма растворилась. Черные хлопья летели на землю и поспешил скрыться. Третий шар Тира не успела метнуть. К Тандрии она выскочила с охапкой корней и трав в одной руке, немного запыхавшаяся и разгоряченная.

— Он побоялся напасть! — довольно заявила она.

— Он да...но его псы могут вернуться! — эльфийка поднялась.

— Не успеют. А я...не думаю, что мне показалось, кажется я видела белые фигуры, — сказала Тира.

— Что за фигуры? — Тандрия прижала уши. — Что ты почувствовала?

— Не знаю, — драконица пожалала плечами. — Но может, это Высшие эльфы?

Тандрия при этих словах зло и презрительно зашипела.

— Высшие...

— Мне кажется, там был Иллигеас, — вдруг сказала Тира.

— Твой наставник? — ее губы поджались. — Высшие эльфы... Не крепка их дружба...

— Я видела, как Аргелор столкнул его с водопада. Если Иллигеас жив, почему он не нашел меня? — Тира задумалась, но тут же все домыслы охладели, когда на болотах мелькнула тень. — Ладно, некогда рассуждать!

Сунув в руку Тандрии съедобные корни, она зашагала вперед.

* * *

Сердце мага надрывно ныло. Ныло оно уже не первый день. Иллигеас знал, что Тира его ищет, и мог, обрывал связь. Эларор уже начала косо смотреть в его сторону и перестала торопить своего коня. Теперь они шли шагом.

— Зачем ты меня просил свернуть к болотам? — спросила она.

— Охотников чуял, и тут каменные слуги недалеко, немалая сила их разбудила, — проговорил он.

— Что тебе до них? — хмыкнула Эларор. — Не такие они и страшные...

— Разве тебе не страшно принять смерть от их руки? — Иллигеас посмотрел на нее с

некоторым удивлением, будто увидел в ней то, что раньше не замечал.

— Открою тебе один секрет, маг. Вдали от своего хозяина у этих псов не так много силы, — сказала она. — А меня одной раной не убить, в отличие от тебя. у тебя слабое тело, ведь мир этот не твой.

— Поэтому я и ушел от охотников, я беспокоюсь за свою жизнь, — ответил Иллигеас.

Солгать ему стоило сил, да еще и так, чтобы эльфийка не учуяла. Внутри кипело волнение. Уж слишком опасный путь выбрала его ученица. Только вмешаться он сейчас не мог. Рядом с ним ехала охотница не менее опасная, чем псы Аргелора.

— Вот значит как... — Эларор сверкнула глазами. — Не вздумай за мою спину прятаться. А пока, надо навестить брата моего отца.

— Тут? На этих землях? — Иллигеас даже растерялся от этого предложения.

— Нет, чуть дальше, — Эларор вынула серебряный ключ с эльфийскими письменами. — Не смотри так, такие вещи не каждому даются.

— Я знаю, — Иллигеасу было достаточно одного быстрого взгляда.

Ключ-портал не каждый маг имел даже в Высшем Мире. Эларор же управлялась с ним легко, хотя такой артефакт заключал в себе не малую силу. Проехав еще немного, эльфийка спешила. Серебряный ключ, который в длину превышал ее ладонь, она воткнула прямо в землю. Иллигеас ожидал магический удар, но его не последовало. Пространство изменилось легко, словно теплая волна, оно потекло на мага, и вот уже вместо болот, вокруг стоял золотой лес, а под ногами расстелился багряный ковер.

Воздух опьянил сразу же. Кристально-чистый, прозрачный, с ароматом трав, он ударил в голову, сильнее самого крепкого вина, и Иллигеас едва устоял на ногах. Когда опьянение немного отпустило, маг увидел белые с золотом башни.

— Я не знал, что тут есть еще ваши земли. Как же их умудрились скрыть? — спросил он у Эларор.

— Это секрет. У нас разные пути с этой семьей, — нехотя пояснила она.

— Что же за секрет такой? — маг запустил все магические щупальца, и не нашел тут зерна, как в родных землях эльфийки.

Эларор не ответила. Вместо этого, она резко вскинула руку, едва не разбив при этом нос Иллигеасу. Они замерли. В этот момент из-за деревьев вышли лучники. По одежде они отличались от эльфов Наальдора. Другими были узоры, и луки чуть тоньше и звонче. Свои стрелы они направили и на мага, и на Эларор, на что та сурово нахмурилась.

— Разве ваш взор потерял ясность? Или не видите, кто перед вами стоит? — в ее голосе прозвучало недовольство.

— Не было вестника о твоём приезде? — спокойно ответил рослый эльф. — С какими целями ты пришла?

— Сделать предложение, — она искоса глянула на Иллигеаса. — Я хочу говорить с Раальдором, братом моего отца. Ведь он еще не забыл, что является младшим сыном Аргальмара? Проводите меня к нему, а моего спутника отведите в гостевую комнату. Он устал с дальней дороги.

— Позволь... — Иллигеас не успел договорить.

— Нет, я тут имею больше прав, чем ты, — оборвала она его.

Легкий толчок в спину мага, дал сигнал идти.

— Что ты задумала? — спросил он у Эларор. — Я думаю, ты нарушаешь планы своего отца!

— Разве ты знаешь планы моего отца? — та обернулась к нему с очень хитрым взглядом.

Оружие у нее отобрали, но она не сопротивлялась. В ее глазах бегали искорки, слишком хитрые. Больше она отвечать не стала, лишь отдала распоряжения насчет коней. Вела она себя, как хозяйка, уверенно и смело. Иллигеасу оставалось, только молча подмечать дорогу, что он и делал.

Город, который открывался им навстречу, был меньше и скромнее Белого Города, и все же имел свое величие. От его вида становилось теплее на сердце, да и эльфы, которые вели их в город, не были так холодны. Пройдя сквозь арки и ряды лучников, они вошли на мост, а после их пути разошлись.

Иллигеасу досталась просторная комната, с умывальней, кушетками и чашей с фруктами. Эларор же исчезла в башне. К магу приставили охрану. Двое лучников остались ждать у дверей, и один вошел с ним внутрь. Он тоже встал у дверей, так что уединиться Иллигеас смог только в умывальне. Холодной водой смыв всю дорожную пыль с лица и освежившись, он вышел в гостевую и сел на кушетку, устало откинувшись на жесткую спинку. Эльф стоял и наблюдал за ним.

— Я могу обратиться к тебе с вопросом? — осторожно заговорил с ним Иллигеас.

Лучник кивнул. На его лице не отражались ни злоба, ни презрение.

— Можешь, — отозвался он.

— Где расположены ваши земли?

— За срединным морем, — ответил эльф.

— Я не видел их на картах Халдрагара. Вероятно, сильная магия укрывает вас от взора... — предположил маг.

— Верно. На картах смертных ее нельзя увидеть. Так же, как и на картах магов, — его голос звучал спокойно и уверенно.

— Особая магия... — проговорил про себя Иллигеас. — Я полагал, у вас единый король...

— Нет, — страж указал ему на чашу с фруктами. — Тебе следует восстановить свои силы. Более я не буду с тобой разговаривать.

Маг вежливо ему кивнул, и устроившись удобнее на кушетке, взял ветку винограда. Волнение сменилось спокойствием, и он стал ждать. Из его окна виднелась королевская башня, и Иллигеас решил применить магию. Тонкая капелька силы появилась на его пальце. Прозрачный, невесомый шарик скатился в его ладонь и растаял, превратившись в легкий дымок. Взор мага затуманился, и вместе с дымком перенесся в башню, на верхний этаж.

Разговор ему слышался плохо, но происходящее он видел. В просторном зале с высоким куполом, стояла разгоряченная Эларор с хмурым взглядом. Напротив нее сидел король. Он был похож на Наальдора, только не так сильно, как ожидал Иллигеас. Эларор он слушал молча, с ледяным спокойствием, а потом поднял руку и заставил ее замолчать. Спустившись с трона, он указал ей на двери. Топнув ногой, эльфийка вылетела вон.

Иллигеас тут же торопливо прервал свою магическую слежку, и все же он оказался замечен. Раальдор повернулся, и с балкона глянул на окно его комнаты. Их взгляды встретились. Спустя некоторое время, в гостевую влетела Эларор.

— Довольно отдыхать! — бросила она на ходу. — Мы уезжаем!

— Чуть позже, — вдруг сказал эльф, охранявший комнату Иллигеаса. — Король желает говорить с магом.

Он кивнул ему, и тот встал.

— Возможно, мой разговор будет более удачлив, — сказал Иллигеас эльфийке, отчего та вспыхнула еще больше.

К королю его сопровождали двое лучников. Пройдя витыми лестницами, и широкими террасами, устланными алыми коврами, они вместе вошли в большой зал, который однако не был тронным. Его белые стены украшала позолота и багрянец. Посреди лежал тонкий ковер с узорами, а на нем стояли кресла в подушками. Увидев Иллигеаса, Раальдор сделал знак охране. Двери тут же закрылись, и маг остался наедине с королем. Он не торопился проходить, ожидая приглашения сесть, а король между тем изучал его. Серо-голубые глаза скользили по нему, и будто просвечивали насквозь. К тому времени Иллигеас заметил, что Раальдор не носил традиционной короны, только тонкий серебристо-золотой обруч, за который были убраны длинные белые волосы.

Наконец, король указал на кресло, напротив себя, и маг не торопливо опустился в него. Расцепив изящные пальцы, Раальдор положил руки на резные подлокотники, и принял более удобную позу.

— Твоя спутница сделала мне весьма ценное предложение, — начал он без приветствия, смотря Иллигеасу в лиловые глаза.

— Я не имею представления о ее делах, — ответил маг.

— Я знаю, что ты в долгу. Я слышал об обычаях их семьи, — сказал король. — У тебя выманили очень интересное обещание. Какое же сердце ты намерен отдать им?

Иллигеас не был удивлен осведомленностью Раальдора. Перед ним тоже сидел маг, причем сильный. Только мощью своей он не спешил разбрасываться.

— Я... — начал было Иллигеас, но король его прервал.

— Мучительное решение, не так ли? — опередил его он. — Как ты думаешь, следует ли мне отказаться от столь могущественного артефакта, как сердце дракона? Ведь добить раненного дракона с мечом Эларор не составит труда. Белого дракона...

Тут Иллигеаса окатил холод. Больших усилий ему стоило усидеть в кресле. Глаза Раальдора на это грустно усмехнулись.

— Меч Эларор...

— Да, твоя спутница коварна, — продолжил король.

— Я не позволю этого сделать, — сказал маг. — Я не позволю убить белого дракона!

— А твоя спутница могла бы это сделать, — Раальдор тяжело вздохнул. — Однако моим землям не требуются артефакты. Я ей отказал. А вот ты обрел в ее лице еще одного врага. Армия Наальдора конечно сильна, только битва у нее своя будет, если она будет. А сердце... Что скажешь, маг из Высшего Мира, если я помогу тебе в бою?

— Смотри, что ты за это потребуешь, — осмотрительно сказал Иллигеас.

— А ты усвоил урок, — довольно признался король. — Что же, считай, что твоего долга нет. Ты получишь поддержку моей армии, а взамен присоединишь мои земли к Высшему Миру, к единому царству Высших эльфов.

— Я не могу это сделать без Единого Совета, — ответил тот. — Ты сам выходец из Высшего Мира и знаешь правила.

— Тогда обещай благосклонность драконов, и возвращение моего народа в Высший Мир, — сказал Раальдор. — Это ты сделать в силах. В моих словах нет скрытой выгоды, и драться мы будем честно.

Иллигеас внимательно посмотрел в его глаза. Король и в самом деле говорил искренне.

Он не таил выгоды и сердце его было чистым. Маг задумался. О возвращении в Высший Мир он даже не думал, уж слишком зыбкой казалась ему эта мысль. Раальдор же смотрел на него так, будто был уверен в его возвращении.

— Если я тебе дам это обещание, нет гарантии, что я смогу его исполнить, — честно сказал Иллигеас.

— А ты пообещай, и мы посмотрим, — ответил тот.

В его глазах таилась какая-то загадка, а потом Иллигеас вспомнил о слове. В Высшем Мире никто не давал кровавых клятв или расписок. Слово, которое давали, просто откладывалось в пространстве, это и являлось залогом. Раальдор помнил об этом, а вот Иллигеас уже стал забывать.

— Хорошо, я обещаю тебе благосклонность драконов и возвращение на родину, но не более. У вас там свой король, а драконы над ним не властны, — сказал маг.

— Тогда считай, что мы пришли к соглашению, — Раальдор протянул ему руку, и Иллигеас ее пожал.

— А как же Эларор?

— Она отправится одна, — сказал король. — А теперь возвращайся в гостевые покои. Тебе не стоит ее бояться, ведь мечи, способные разить драконов, есть не только в ее семье.

Последние слова насторожили Иллигеаса. Однако глаза Раальдора ничего коварного не предвещали, и он вернулся туда, где буйствовала Эларор. Сейчас она не походила на мудрую деву. Перед магом металась бестия, злая и кровожадная. Едва он появился в дверях, как она налетела на него с расспросами.

— О чем был разговор? — не спросила, а скорее потребовала Эларор.

— Я должен остаться тут. Дальше ты поедешь без меня, — сообщил ей Иллигеас.

Лицо эльфийки исказилось. Глаза вспыхнули, и маг мысленно поблагодарил стражу, которая отобрала у нее меч.

— Задумал ускользнуть и не исполнить долг? Или ты забыл о нем? — ее голос чем-то напомнил Элларддис, став таким же ядовитым и злобным.

— Об этом тебе лучше спросить у короля, — спокойно ответил маг.

— О чем вы говорили?! — Эларор подняла руку, и на кончиках ее тонких пальцев вспыхнул серебристый огонек, однако он тут же потух, и эльфийка поморщилась от боли.

— Я смотрю, ваши короли тут сохранили правила Высшего Мира, — довольно заметил Иллигеас. — Твоя злоба здесь причинит вред лишь тебе самой.

В этот момент в комнату вошла стража в доспехах и с длинными мечами в руках.

— По приказу короля Раальдора, ты должна покинуть наши земли. Твой спутник останется здесь, — сказал один из них.

Эларор лишь блеснула глазами.

— Смотри, Иллигеас, я помню наказ своего отца. Я ведь и сама могу завладеть сердцем твоего дракона на поле боя. Или ты забыл, какой у меня меч? — бросила она на прощание, и не дожидаясь ответа, вышла.

Иллигеас остался один. Эти обстоятельства показались ему слишком знакомыми, только земли были разными, да и их короли тоже.

За окном простирались золотые леса и множество башен, назначение которых он не знал. С балкона он увидел гораздо больше. Семья Раальдора, если ее так называть, была очень многочисленна, и эти эльфы стояли к Высшему Миру гораздо ближе, чем Наальдор.

Магия тут текла совсем другая, тихая и медленная. Иллигеасу оставалось лишь

наблюдать, хотя его мысли неслись в другом направлении. Этим направлением для них служила Тира. Только вернуться к ней он не мог. Его радовало, что Эларор не чуяла ее, а с ним Тира станет очень хорошей мишенью. Поэтому маг ждал, как события развернутся дальше.

Глава семнадцатая

Раальдор наслаждался очень необычным и красивым видением. Он видел дракона, который реял над рассветными облаками.

— А Иллигеас хитрец... Скрыл такое сокровище от всего мира, — прошептал он сам себе.

Видение завораживало. Король любовался широкими крыльями и серебристо-белой чешуей, пока дракон не стал исчезать из виду. К его удивлению, дракон нырнул под пелену облаков, в липкий туман, и превратился в девушку с зелеными глазами. Острое сознание резануло по магии Раальдора. К этому примешалась еще одна сила. Лесной дух буквально выбросил его из своих владений и видение исчезло.

— Вот оно что... — он довольно отодвинулся от балконного бортика.

Видение оставило в нем противоречивые чувства. Скрестив длинные пальцы, Раальдор смотрел вдаль, на свои леса, и размышлял, пока его не прервал сам Иллигеас. Маг просто переместился из гостевых покоев, в зал к королю. В своих комнатах он уже провел несколько дней, и такое заточение ему надоело. Едва взглянув на лицо Раальдора, он все понял.

— Ты будешь не единственный, — коротко сказал он.

— Что? — Раальдор изумился, но пожалуй не сказанному, а тому что его гость позволил себе разгуливать по его башне.

— Я не смог сидеть более. Прости мне эту вольность, — принес извинения Иллигеас. — В этой борьбе за прекрасную драконицу ты будешь не единственным, король.

— Я знаю, — ответил он. — Только я пока не собираюсь бороться за кусок льда в ее сердце. Ты ее умело скрыл, но сердце... Такого холодного я еще не видел. Что же ты не вступил в борьбу за него?

— Не каждый достоин партии с драконом, — ответил маг. — Она просто моя ученица в этом мире. Мое первое задание в Братстве, которое пока еще не выполнил. Ты ведь должен об этом знать.

— Да, Братство Наблюдателей мне знакомо, — признался Раальдор. — Вершите судьбы миров. Почему ты выбрал этот мир? Что же ты тут увидел?

— Зерно. Этот мир особенный. Я многие видел, но этот...этот мир сделан очень искусно, — Иллигеас вздохнул от тяжелых дум.

— А ты прав. Он еще принесет свои неожиданности в Высший Мир, — сказал король.

По его лицу плыла незаметная улыбка.

— Может, отойдем от сердечных дел? Я вижу, ты не особо торопишься собирать войско, — маг разговаривал с ним на равных, ведь их силы были почти что равны.

— Мы придем последними, — неожиданно сказал тот.

— Последними?

— Да, — кивнул Раальдор. — Поверь, битва будет решаться не от наших сил. Но капелька свежих сил все же может помочь.

Иллигеас смотрел на него уже по-другому. Перед ним стоял не только маг и король, но и мудрец. Он знал истины другой магии, знал истины Высшего Мира. Только его словам о сердце он не поверил. Раальдор тайно наблюдал за Тирой, и боролся в этом с лесным хозяином.

За дальними, холодными туманами, дела сердечные и впрямь драконицу заботили мало. Несколько дней подряд она шла по болотам, а по утрам следила за охотниками. Днем и ночью, она и Тандрия беспрерывно бежали. Сил, конечно, оставалось уже мало, но вой за спиной гнал их вперед. Гнал, пока Тандрия не выдохлась окончательно. Она уже не поспевала за Тирой. К тому же, та совсем не заботилась о пище. Они почти не ели и не пили, а драконица и не думала останавливаться.

Когда под ногами оказалась твердая земля, без хлюпающих луж и жижи, Тандрия просто упала на нее.

— Все, довольно! — прохрипела она. — Мы не ели... сколько дней уже?

— Не знаю... — Тира дышала тяжело, однако держала свою усталость где-то далеко. — Мы почти дошли до леса... Идем.

Нехотя встав, Тандрия проковыляла еще немного и повалилась под корни раскидистого дерева. Тут был теплый мох, и не так сильно пахло болотом. Оставив все мысли, она провалилась в голодный сон. Рядом с ней устроилась Тира. Аккуратно заметав следы, она накрыла себя и эльфийку ветками. Глаза закрывались против ее воли, и драконица уснула.

Где-то, вдали от уставших Тандрии и Тиры, шла борьба. Охотники вышли не на тот след, но им это не помешало, и теперь была погоня. Забытый народ, созданный когда-то, как хранитель леса, теперь бежал, и бежали лишь те, кто смог уцелеть в жестоком бою. Никогда не знавшие войны, они даже не умели биться.

Мечи оставили на уцелевших глубокие и кровавые шрамы. Неведомым образом, этот народ все-таки сумел скрыться, и теперь именно их стрелы уперлись в грудь Тиры и разбудили ее с Тандрией. В воздухе пахло кровью, а на нее смотрели большие светло-серые глаза. Руки лучника дрожали. Усталым взглядом Тиры скользнула по его бледному лицу и медленно встала.

— Охотник ты?! — с акцентом спросил незнакомец и ткнул ее в грудь стрелой. — Охотник?!

— Нет, — ответила Тира. — Мы не охотники.

— Кто такие? — он снова ткнул ее в грудь.

— Путники, — сказала она.

За ней поднялась и Тандрия, вся в листве и с заспанным лицом. Однако увидев незнакомца, она проснулась очень быстро и подскочила к нему, тут же вынув свой нож.

— Лучше сам ответь, кто таков?! — потребовала она.

— Мы лесные хранители. Дети лесного хозяина, — дрожащим голосом ответил он.

Только потом Тандрия разглядела его народ. Всего пятеро лесных эльфов, раненных и усталых, на взмыленных гидралах.

— Мы не охотники. Откуда вы родом? — спросила она, убрав нож.

— Северо-запад, — эльф хрипло выдохнул и тоже убрал лук. — Нас гнали черные охотники. Народ наш убит. Только мы остались и еще одно племя на востоке. А вы откуда?

Человек и серая?

— Издалека, но мы не охотники, — ответила Тира.

— Тогда отсюда надо уходить. Мы оставили следы. Времени у нас не было их замести, — сказал лучник.

— Сначала надо отдохнуть. Мы сами уходили от погони, — Тандрия бросила взгляд на Тиру.

— Как знаешь, — эльф нахмурился.

— Почему не просили убежища у лесного хозяина? — спросила Тира. — Ведь он ваш покровитель.

— Мы не одни, кто гибнет, — он проговорил это с глубокой горечью. — Никто не успевает, даже пропеть последнюю песнь... Охотники режут всех. Слишком много смертей.

Он сощурился, пряча слезу. Его обнаженное до пояса тело пестрело шрамами и кровавыми отметинами.

— Вы все ранены, — заметила Тандрия. — Так далеко не уйдешь...

— Нам надо успеть на восток, — он похлопал своего усталого гидрала по шее и вскочил в седло. — Вы зря идете на север...

— Нет, не зря, — сказала Тира.

— В услужение к черным колдунам пойдете? — взгляд эльфа сделался презрительным, а Тандрия предупредительно зашипела.

— Я дракон, — тихо произнесла Тира.

Хранители переглянулись, а потом один из них медленно поднес к ней нож, и осторожно коснулся шеи. Металл тут же рассыпался, не оставив на ней и следа. Эльфы издали громкий вздох.

— Ты...

Вой прервал их, и Тира торопливо подтолкнула лучника.

— Уходите! Эти псы пойдут за нами, а вы сейчас на битву не годны! — она оглянулась по сторонам, боясь, что черные тени вынырнут из леса.

— Ваша дорога опасна! — бросил он ей на прощание. — Если мы вернемся, то с армией!

Быстрые гидралы унесли их прочь. Тандрия, торопливо умыв лицо водой из фляги, тревожно взглянула на драконицу.

— Скоро будут северные берега, — сказала она. — Видимо там все залито кровью этих народов. Тира... я чую засаду, из которой возможно, выберется только кто-то один.

— Меня стрелы не берут, а тебя я в беде не оставлю, — сказала Тира.

— У охотников другой металл...

— Не страшно, мы уже встретились с ними раз, выживем и во второй, — решительно заявила драконица.

На завтрак были только сухие корни и холодная вода. Тандрия сжевала их быстро, и занялась своим луком. Она проверила тетиву, стрелы в колчане, ножи, и, наконец, позвала гидралов. Звери явились своими тропами. Уже сидя в седле, эльфийка развернула карту.

— Места не лучшие, — заметила она. — Давненько, я своего ворона не видела...

— Позвать сможешь? — спросила Тира.

Вместо ответа Тандрия прикрыла глаза. Она звала свою птицу мысленно.

— Он далеко, — после сказала она. — Летает над развалинами... Старый город...

— Старый город? Не помню такого на карте... Кому он принадлежал?

— Не известно. Мир хранит много тайн, и тебя в твоём городе не всему учили. Народов ведь много. Некоторые навсегда ушли, некоторые остались, как первородные. Жаль, что ты не слышала их песен. Они поют о многом, о дальних, забытых веках.

— А ты знаешь эти песни? — спросила Тира.

— Знаю, но ты сама их должна услышать, — Тандрия спрятала карту. — Впереди трудный путь. Главное на пустоши не выезжать.

На этот раз их не выпускал из своего плена лес. На севере он был особый, суровый, не тёплый, а холодный. Тут росли вековые сосны и ели, встречались и другие деревья, с узкой листвой и темно-багровыми стволами. Внизу царствовали мхи, серые и изумрудные. По утрам на них уже белел иней.

Вскоре появился и первый морозец со снежной порошей. Тира уже привыкла видеть над головой серые тучи и лёгкий туман, что стелился по узловатым корням. Тандрия по ночам дрожала от холода, а вот драконице он был не страшен. Она скорее опасалась охотников, чем мороза. Все это время они уходили от них, искусно путая следы, но эльфийка уставала, и им требовался отдых, а вот охотники в нём не нуждались. Расстояние между ними сокращалось, пока вдруг охотники не оказались впереди, как раз тогда, когда лес втиснулся между двумя огромными скалами. объехать их было нельзя. Вокруг либо ждали пустоши, либо гиблые болота.

Тандрия остановилась первой.

— Вот она засада! — проговорила она.

— Охотники? — Тира прислушалась, но кроме шуршания снега ничего не услышала.

— Да, — ответила та. — Они знают, что мы поедём через это ущелье.

— Ждут, значит, — драконица вздохнула и потерла руки.

— Будет битва, — Тандрия сняла лук с плеча. — Если меня ранят, не возвращайся за мной.

— Я сама это решу, Тандрия, — Тира проверила фиал, надёжно ли он закреплён, и медленно тронула гидрала, посылая его вперёд.

Скалы впереди высились совсем не добрые. Две темные, острые стены нависали над узким проходом. Их вершины скрывал туман. Он стелился и понизу, пряча мшистые камни и корни. Звери тут шли осторожно. Они чуяли охотников. Мягкие лапы гидралов выбирали мох и ступали не слышно. Тира радовалась тому, что они ночью хорошо поохотились и были полны сил.

— Мы можем разбить их ряды, — сказала Тандрия. — Если не будем останавливаться, можем и прорваться. Я ведь умею стрелять в седле.

— Я тоже смогу применить магию, — прошептала Тира едва слышно. — Они все-таки слабы в лесу...

— Там прогалина, — сказала эльфийка. — Хорошо, что туман есть. Едем тихо...

Они крались и прекратили общаться, заменив слова на знаки. Взгляд Тандрии порой сообщал Тире гораздо больше. Она вся насторожилась, особенно, когда они въехали в узкое ущелье. Над ними нависали камни и скалистые уступы. Иногда эти камни поскрипывали, и их мелкие осколки сыпались вниз.

— Слишком тихо... — заметила Тандрия.

Она подняла голову вверх. Там, за пеленой тумана, скалы казались страшными. На миг ей показалось, что на одном из уступов что-то зашевелилось, а вскоре до ее ноздрей долетел чужой запах. Он врезался в ее нос резким толчком, и эльфийка невольно отшатнулась.

Гидрал под ней замер в нерешительности.

— Что такое? — спросила Тира, но потом и сама ощутила мерзкую вонь.

— Аргелор своей темной магией вызвал какую-то гниль из затхлых болот! — Тандрия оскалилась и зашипела, совсем как дикая кошка.

Она подняла лук. В ее руках он легко натянулся, стрела легла ровно, выбирая цель среди тумана. По ней пробежал зеленый огонек, и охотница отпустила тетиву. Стрела мелькнула и исчезла в пелене, следом раздался вой и хрип, и сверху свалилась костяная тварь. Эльфийка поморщилась. Запах сделался резче. Она спешила и подкралась к ней. По камням уже растекалась темная ядовитая кровь.

— Что это за мерзость? — Тира прикрыла нос рукой, подойдя за ней следом.

— Они обитают в штольнях у гномов, это земляной рох, — ответила Тандрия. — Не люди и не волки...

На спине у этой твари был острый костистый гребень, а из пасти торчали желтые клыки. Тандрия с презрением выдернула из него свою стрелу и вытерла ее о мох.

— Похоже, их тут целая стая, — Тира переступила с ноги на ногу, оглянувшись на скалы, и ей стало как-то не по себе.

Там, на уступах скрывались другие, и их было много.

— Будь осторожна. Их яд несет смерть! Даже для дракона, — Тандрия поднялась с колен. — Смотри, гидралы волнуются!

Звери и вправду ворчали. Вскочив в седло, Тира с эльфийкой помчались через ущелье. Уже незачем было скрываться. Тандрия скакала с луком в руках. Ее меткий выстрел сбил второго роха, который прыгнул на них со скалы. Оскаленная пасть успела щелкнуть совсем близко от Тандрии. Слюна с клыков попала эльфийке на плечо, и ее кожа сразу вздулась красным рубцом.

Третью тварь Тира осилила сама. Шар с ее руки с ужасным грохотом и шипящими искрами врезался в каменный уступ. Он испепелил роха, а вместе с ним и отколол огромный кусок камня. Тот упал позади гидралов, и его осколки брызгами разлетелись по ущелью.

— Ты так нас погубишь! — закричала Тандрия.

Тира ничего не ответила. Ее гидрал полетел быстрее. Сквозь лес и туман, драконица стремительно вырвалась на прогалину. Лес тут расступался, обнажая камни и мох, да жухлую траву. Почти сразу же Тиру объял вой, но останавливаться было нельзя. Позади скакала Тандрия. Тира уже слышала свист ее стрел и боевой клич. Изогнувшись в седле, эльфийка пускала магические стрелы. Каждая такая стрела стоила ей боли. Магия будто отнималась из ее крови. Почти сразу же, охотники налетели с двух сторон вместе с рохами.

— Не останавливайся! — крикнула Тандрия.

Забыв об осторожности, Тира выпрямилась в седле. На ее ладони созрел шар. Он переливался ослепительным серебром, и, когда он набрал силу, драконица метнула его в толпу охотников. Грохот от удара оглушил ее саму. Несколько мгновений. Она ничего не видела. Гидрал рванулся вперед, едва не выбросив ее из седла. Серебристые искры уже гасли на его шкуре, но зверь рычал. Магия не пришлась ему по нутру. А вот охотникам досталось немало. Белый огонь прожег их насквозь, разорвав в клочья, и все же их тьма сумела восстановиться.

Когда вспышка погасла, Тира увидела серый туман, который остался после охотников. Однако радоваться было рано. Туман сгущался и вскоре странные страшные фигуры вновь начали угадываться в нем.

— Тандрия! — позвала Тира.

Туман стал вязким и холодным. Он пробирал до костей и охлаждал горячую драконью кровь.

— Тандрия! — крик раздался громче и потонул в пелене.

Вдруг из тумана вырвался гидрал. С его седла свисала эльфийка.

— Стой! — Тира рывком остановила ее зверя.

Тандрия дернулась и открыла глаза. Из уголка ее губ капала кровь.

— Сильна твоя магия... — прохрипела она едва слышно. — Твой огонь опасен не только для этих псов... Берегись!

Туман изрыгнул роха. Видимо это был их вожак, потому как размеры его превосходили остальных. Резкий запах удушливо впился в горло Тиры. Не осознавая своих действий, драконица вскинула руку. Плоть твари показалась ей мягкой. Пальцы будто пронзили ее. Там, в хлюпающей глубине билась зеленоватая нить, которая разорвалась, едва Тира успела ее коснуться. Рох перевернулся через себя, обдав Тандрию кровью и слюной, и рухнул на землю.

— Ты убила его рукой! — воскликнула та. — В тебе огромная сила, которую ты наконец-то научилась брать в узду.

— Возможно, но охотники начинают возвращаться! Надо уходить! — бросив взгляд на мертвого роха, Тира вскочила в седло.

Фигуры в тумане проявлялись все четче, и драконица почуяла запах их железа. От него сводило зубы и брал озноб. Когда Тандрия тронула ее за руку, она вздрогнула от неожиданности и отвлеклась от дум.

— Они нас окружили, — прошептала эльфийка. — Не знаю, каким образом... Мы так не прорвемся...

* * *

Игра шла не правилам. Стол Аргелора был сломан, и теперь наблюдательным постом ему служил пол в круглом зале. Тритрагдорские маги постарались на славу. Сложный рисунок, начертанный алмазным стержнем, сейчас весь искрился и переливался. Под ногами черного дракона разворачивалось интересное действие. Его фигуры едва не разбили, но Аргелор только усмехнулся. Они дрались не в полную силу.

Его наблюдения прервал молодой маг. Под тихим стуком двери отворились сами, и тритрагдорец вошел в зал.

— Чего тебе? — бросил через плечо Аргелор.

— Черному дракону стоит самому на это взглянуть, — сказал тот.

Аргелор обернулся и сжал губы. Этот маг вызывал у него презрение, и еще что-то, чего он пока не знал. Гладкая голова тритрагдорца блестела желтой кожей. Такими же были и глаза с холодным блеском. Вдобавок он вел себя не так, как остальные, он не боялся дракона.

— На что мне там нужно смотреть?

— Черный дракон слишком увлекся играми, — смело заметил он, опустив свою голову. — Белый дракон может вырасти.

— Не тебе это решать, — зарычал Аргелор.

— На северные земли надвигаются войска, — сообщил маг. — Академию надо защитить.

— Кто надвигается? Какие народы?

— Разные. Сердце белого дракона нам бы пригодилось. Наши магические ресурсы исчерпаны на армию, — сказал тот и неожиданно для самого Аргелора, посмотрел ему прямо в глаза, ничуть не скрывая свой взгляд и не боясь его гнева. — Серой дракон не оставил книг после себя. Мы можем и не выиграть битву.

— Не выиграем... — проговорил про себя черный дракон.

— Черный дракон не хочет победы?

Вместо ответа, Аргелор сгреб его за шиворот.

— Не хватит магии, говоришь? — прорычал он. — Откуда же ты черпаешь силы для своих заклинаний?

— В себе, — спокойно ответил тот. — Но их мало для армии черного дракона. Из сердца белого дракона можно много почерпнуть. Если черный дракон хочет победить, стоит усилить охотников...

— Нет, — Аргелор отпустил его. — У них достаточно сил. И для армии мощи хватит. А ты займись своими делами.

Он толкнул мага к дверям и тот странно на него посмотрел. После его ухода, Аргелор снова посмотрел на карту и сжал пальцы.

* * *

Туман за спиной Тиры зашипел. Фигуры вдруг стали резкими, черными. Холод сжался вокруг воительницы.

— Они изменились... — шепнула Тандрия.

— Вперед! Я пробью их круг! — Тира послала гидрала размашистыми прыжками прямо на охотников.

Ее руки уже горели от магии. Белый огонь медленно от пальцев собрался в ладони, в тяжелый шар.

— Тира! — крикнула эльфийка.

Магия дракона уже стала причинять боль. Тандрия согнулась в седле. В глазах потемнело. Холод пробежался по ее жилам, и она бессильно повисла.

Схватив одной рукой ее гидрала за гриву, Тира мчалась вперед. Шар уже обжигал ее саму, пространство вокруг него будто трещало по швам. Драконица швырнула его со всей силы и точно в цель. Воздух разорвался с диким звуком, с таким, что оглушил и Тиру и гидралов. Звери рванулись вперед бешеными прыжками, не разбирая дороги. Вокруг все стало белым и холодным. Воздуха не хватало. Гидралы хрипели, и земля уходила у них из-под лап.

Внезапно, мир их словно выплюнул. Тира ощутила пустоту. Гидралы взревели и резко остановились, а драконица вместе с Тандрией полетели в неизвестность. Спустя миг, холодные влажные ветки больно хлестнули их по лицам. Камни и корни, все смешалось в единый комок. Наглотившись грязи, Тира зацепилась за колючие ветки и поймала Тандрию. Падение остановилось и запахло кровью.

— Эй! — она развернула полуживую эльфийку к себе.

Захрипев, та закашлялась. Вытерев с губ кровь, она открыла глаза.

— Ты...твоя магия не только на охотников действует...

— Иначе мы бы не выбрались. Кажется, я перестаралась, зато мы живы...только я не знаю, куда нас занесло, — отдышавшись, проговорила Тира.

Ее рука сразу же скользнула к фиалу. Тот был цел.

— Мы снова перенеслись, — сказала Тандрия. — Это было пограничье...

Откуда-то сверху, призывно зарычали гидралы.

— Карта сохранилась? — спросила Тира.

— Да, кажется, — Тандрия встала на колени, и исцарапанными пальцами достала из-за пазухи заветный пергамент.

— Развалины, — опередила ее драконица.

— Они самые... — вздохнула та. — Мы слишком на шумели! Разбудить здешних духов не к добру.

— Духи? — Тира скользнула быстрым взглядом по тяжелым останкам мостов и колон.

Развалины давно поглотили лес и мох, и все же, тут угадывался город, некогда великий и красивый. Теперь от него остался серый камень. Тира разглядела и расколотые статуи. Они изображали людей, только очень высоких, с тонкими чертами лиц. Однако от развалин веяло сыростью и было очень тихо. Город окружали холмы и невысокие горы, поросшие до самых вершин соснами.

— Погони пока не слышно, — заметила Тандрия. — Но оставаться мы тут не будем. Рохи могли взять наш след. Да и места тут...

— Боишься духов? — разгадала ее мысли драконица.

— Не боюсь. Я уважаю их покой, — ответила та.

— Ты ранена. От тебя кровью пахнет, — Тира коснулась ее бока.

Под одеждой скрывалась разодранная кожа. Эльфийка махнула на это рукой.

— Заживет, — сказала она, и стала подзывать гидралов.

Звери не шли. Фыркнув, они поблуждали по краю развалин и ушли в лес. Тандрия зло зашипела и хлопнула себя по ноге.

— Значит, пойдем пешком, — Тира попыталась улыбнуться, но эльфийка ее радости не поделила.

— Тут скрыто слишком много чужих тайн! — бросила та, и вдруг выхватила нож.

Применить его не пришлось. Ей на плечо сел ворон, и довольно защелкал клювом.

— Я могу обратиться драконом, но тогда Аргелор наш учует, — сказала Тира.

— Не стоит, — эльфийка потерлась щекой о голову своей птицы, и нахмурилась. — Похоже, твоя магия разрушает этот мир. Идем.

Нож она прятать не стала, только взгляд ее стал холоднее. Вздохнув, за ней пошла и Тира.

* * *

Аргелор глядел на молодого мага, что снова пожаловал в его зал.

— Что это было? — он указал на серую пелену на его новой карте.

— Белый дракон явил свою силу, — спокойно ответил тот. — Черному дракону должно быть известно, что этот мир не годен для магии драконов.

— Силу... — задумчиво произнес он.

Маг смотрел на него, и не мог понять, почему Аргелор медлит с нападением. Его будто бы не заботила победа. Даже на стройку крепостных стен и кузни, он почти не обращал внимания.

— Белый дракон только начинает просыпаться, — медленно заметил тритрагдорец.

— Почему же я так не могу, как она? — Аргелор будто бы задал этот вопрос сам себе. — Я ведь тоже дракон...

— Книжные истины отличаются от сил белого дракона. Ее тело само рождает магию, — осторожно ответил маг. — Черный дракон может этому научиться. Только нужно много времени, чем может дать этот мир...

Аргелор резко оторвался от карты и глянул на него так, что тот сразу замолчал.

— Времени, говоришь? — повторил он. — Ты, для молодого ученика слишком много знаешь...

— У меня было много времени, чтобы изучить библиотеку своего Ордена...

— Много ты там узнал? — глаза Аргелора сузились.

— Много, — кивнул тот.

— Говори, — приказал Аргелор. — Наверняка, наблюдаешь за мной?

— Мне такого не позволено, — маг низко склонил голову. — Знаю лишь то, что белому дракону не нужны прописные истины, тогда как остальным надобно много учить и познавать... Знаю и то, что черный дракон ищет свое время...

Его голос затих, будто ожидая удара.

— Оставь меня, — вместо этого скомандовал Аргелор.

Маг послушно закрыл двери в зал, и немного постоял у них, а после достал из широкого рукава чистый пергамент и самопишущее перо. Что он писал, не знал даже сам Аргелор.

Глава восемнадцатая

Лес зашевелился. Негласно, без знаков, собирались войска. Они шли с разных концов, с разных земель, и шли на север. А на самом севере, на Крайнем Пределе стояли молчаливые горы. Шапки льда возвышались под мрачными и темными тучами, а внизу шел снег, и властвовали ветра.

Кому-то могло показаться, что тут никогда не было жизни, и все же, в самом сердце гор скрывались врата.

— Ты знаешь, Арадор, — гном, без лат, только в кожаной куртке, стоял на снежном уступе. — Ты знаешь лучше меня, союз мастеров не приемлет боя, с самого начала времен. Это завет, данный еще до Высшего Мира...

— Есть металл, который куется не по заветам, Борадар, — сказал второй.

В их густой бороде путался снег. Несмотря на сильный ветер, они крепко стояли на ногах. Холод им был ни почем, и даже колкие льдинки не причиняли им боли. Подгорный народ имел крепость, завидную для многих, и знал первые важные истины. Союз мастеров стоял на особой земле. Сквозь зиму сюда никто не мог пробраться. Только гномы ковали свою особую сталь.

— Хочешь нарушить правила? — угольки в глубине черных глаз гнома, вспыхнули хитрым огнем.

— Другие гномы с войны всегда выгоду имели, — напомнил ему второй. — В каждой войне она есть...

— Гм... сердце дракона? Ладный артефакт, да охотников до него больно много, — сказала Арадор.

— Но побороться стоит. Ведь так? — подмигнул ему Борадар. — Кому как не тебе, знать это, братец?

— Может быть. А металл... Есть такой, что куется только почетными мастерами, — гном глянул на ближнюю вершину, где зажегся огонь. — Пора уходить. Сигнал подали.

Гномы исчезли быстро и тихо. Снег очень скоро замел их следы. Пурга усилилась, и где-то в глубине гор щелкнули затворы ворот. Задул сильный ветер и перекрыл остальные звуки.

* * *

На земле Высших эльфов царствовала иная погода. Чистое небо и багряная листва. Только забвения тут не было. Иллигеас прислушивался к этой земле очень тщательно. Особенно его внимание привлекал личный зал Раальдора. От его башни исходила сила, мягкая, влекущая, и маг решил подсмотреть. Король ходил туда к вечерней заре. Иллигеасу это не составило труда. К его разочарованию, заветный зал являлся всего лишь картой. Пол в нем вмещал все земли Халдрагара, и Раальдор в тот момент стоял посреди них.

Карта отсвечивала золотом и серебром. Земли на ней выглядели странно, будто светились сами изнутри, и вдруг тайному взгляду Иллигеаса открылось нечто. На карте появились неясные пятна, которые превратились в четко очерченные войска со всей геральдикой. Прокравшись в мысли Раальдора, маг так же увидел жажду, как и во взгляде

Наальдора. Он понял, за что будут бороться народы, и забыл об осторожности. Карта поплыла, и на ней вспыхнул север с огромной темной крепостью и полчищами тритрагдорских магов. Неожиданно, Раальдора ударила сила Аргелора. Король вскрикнул от боли и упал на колени. Карта исчезла, зато на пол упали алые капли крови. Раальдор задыхался тяжело и прерывисто.

— Не стоит туда так соваться! — Иллигеас решительно выступил из своего магического укрытия, тем более что король и так его заметил.

— Следил... — укоризненно произнес Раальдор. — В другие времена моя стража...

— Лучше говорить меньше и выйти на свежий воздух, — сказал маг, и взял его за локоть.

Уже сидя в беседке, Раальдор откинулся на каменную спинку скамьи, и поправил свои одежды. На Иллигеаса он бросил взгляд, полный сожаления и грусти.

— Думал, они будут биться за свободу? — с мрачной улыбкой спросил он.

— В Высшем Мире другие ценности, другие законы, — холодно заметил Иллигеас. — Я думал о другом, а не об артефакте...

— Другой мир, Иллигеас, — поправил его король. — У нас искажено сознание. Мир сам его меняет, я ведь помню Высший Мир, я знаю, что там. Но этот мир требует другого.

— Но...

Иллигеаса прервал хриплый кашель Раальдора. Наконец, он стал дышать свободно, окончательно отойдя от магии Аргелора.

— Есть народы, которые будут биться именно за этот мир, но их мало, — сказал он.

— Первородные? — маг помрачнел. — Я думал об этом. Но их некому поднять на войну.

— Твоя связь с драконицей прервана, а я кое-что знаю, потому и дал согласие, — сказал Раальдор. — В этой грязной борьбе есть и светлые стороны...

— Такие, как твоя выгода? — холодно заметил Иллигеас.

— Не думай об этом плохо, — нахмурился король. — Там колыбель Высших эльфов...

— Первородные...

— Первородные, — кивнул Раальдор. — А ты утаил их от своей ученицы...

— Она... — лиловые глаза мага вспыхнули.

— Ты не верил в ее силы, — сказал король. — Белый дракон, а для тебя она всего лишь задание Братства. Добровольный экзамен.

В его глазах что-то промелькнуло. Серые глаза таили многое, и Иллигеас даже не был уверен, сумел ли он разгадать его, как мага. Зато Раальдор прочел его, и прочел хорошо.

— Нет, верил, — возразил Иллигеас. — Просто ее брат...

— У него есть, чему поучиться, — неожиданно сказал король. — Он быстр и умен. А, кроме того, он победил Архимага. Он победил то, с чем боролся Высший Мир, победил без войны и армии...

— Я знаю это. Он разгадал его суть, — сказал Иллигеас.

— Да, я видел это на карте. Хитро придумано было. А Высший Мир и не догадался. Как же так? — с сарказмом заметил Раальдор. — Аргелор всего лишь разбил его сердце. Но ведь у него самого есть это слабое место. Остается гадать, чья броня будет крепче, его или белого дракона? Ты ведь видел белую драконицу?

— Один раз, — маг отвернул от него взгляд.

Раальдор усмехнулся.

— Значит, правду говорят, что твой народ холоден, как лед? — хмыкнул он. — Я видел твою ученицу. Великолепный дракон.

— Я вижу, твое сердце не спокойно к ней? Я могу напомнить свои слова, — сказал Иллигеас, но Раальдор поднял руку в знак не согласия и беседа закончилась.

Он ушел к себе в башню, а Иллигеас остался размышлять. Перед его глазами был все тот же золотой лес и белые дворцы.

* * *

Перед взглядом Тиры расстилалась другая картина. Развалины все тянулись и тянулись, хоть воительницы давно покинули забытый город. Теперь Тандрия стала еще осторожнее. Прошло уже много дней после стычки с охотниками. В воздухе витал запах ледяного моря. Он был слабым, но вечерами ветер доносил его, и тогда эльфийка настораживалась еще больше.

— Острова близко... — она в очередной раз остановилась и потянула носом.

— Я могу дальше ехать одна, — сказала Тира. — Ты и так проводила меня до обещанного места.

— Еще нет, — Тандрия потупила взгляд. — Там запутанная земля. Я тебя доведу.

Сколько бы она не скрывала, однако за это время, у нее появилась привязанность к драконице. Не глядя на свою спутницу, Тандрия развернулась и помчалась вперед.

Великое море и впрямь было рядом. Леса стремительно менялись и почва тоже. Становилось все холоднее, и серые тучи низко нависали над колючими холмами. Вскоре под лапами гидралов зашуршал серый песок вперемешку со льдом. С моря ползли туманы, вязкие и липкие, которые цеплялись за желтые стебли озябших трав и старые коряги.

— Тут очень опасно, — зашептала Тандрия. — Пусть звери поохотятся, а мы пока займемся разведкой.

— Далеко до островов? — спросила Тира, вглядываясь в туман и прибрежные воды.

— Нет, тут мелководе, — ответила та. — Острова тянутся цепью. До каждого из них меньше тысячи шагов, но есть обманные острова, топи. Наступишь на них и сгинешь.

Тандрия перекинула лук.

— А ты прячешь от меня глаза, — заметила Тира, стоя на берегу. — Ты не хочешь, чтобы я ехала одна?

— Нет, — сухо ответила эльфийка. — На земли мастеров ты ступишь одна.

По-прежнему не глядя на нее, Тандрия принялась собирать коренья в маленький мешочек. Тира вздохнула. Они слишком много прошли вместе, и грусть эльфийки ощущала очень хорошо. Насобирав корений, та вскоре позвала ее к морю.

— Вода ледяная, — предупредила она. — Внизу лед и ил. Упадешь и затянет...

Едва они вошли в воду, тонкая корка затрещала под их ногами. Стало понятно, что зверей они взять не смогут. Холод сковывал, но Тира его легко переносила. Она шла следом за Тандрией. Эльфийка шагала осторожно, щупая носками сапог лед. Каждый треск, каждый хруст заставлял их останавливаться. Впереди был только туман, такой густой, что воительницы ничего не видели.

— Далеко еще? — шепотом спросила Тира.

— Да... Первый остров самый далекий, — ответила та.

Они дошли до глубокого места. Вода тут доходила до груди, и Тира предпочла поплыть. Правда сразу же зацепилась за подводную глыбу, и едва не попала в тот самый ил, о котором предупреждала Тандрия. Лед затрещал еще громче, и эльфийка предупредительно зашипела.

— Я знаю, знаю, — Тира остановилась.

Ее уши уловили и еще один звук. Будто бы старый корабль качался на неторопливых волнах. Тандрия его тоже услышала, и подняла лук. Натянув его, она медленно двинулась вперед. Вдруг в тумане показались темные очертания, которые начали расти и надвигаться. Наконец, из клочьев тумана выплыла обгоревшая лодка, наколотая на сучья размокшего дерева. Она походила на вздыбленного дракона со сложенными крыльями. Тира насторожилась. Ее руки сжались сами по себе. Но опасности тут не было. С борта лодки свешивался скелет в обгоревших останках балахона тритрагдорца.

Эльфийка опустила лук.

— Я вижу, черный дракон и своих не жалеет, — она обернулась к Тире.

Та сжала зубы.

— Цепляйся за эту корягу, — бросила та.

— Хех... — Тандрия глянула на нее не особо одобрительно.

За ветки она все же зацепилась. Вместе, они развернули дерево, и, держась за него, поплыли к острову. В тумане было и еще что-то. Тира уже это не слышала, а чуяла. Она чуяла магию. Вскоре ее почувствовала и эльфийка.

— Это тритрагдорцы, — прошептала Тира. — Так близко...

Тандрия едва сдерживала стук собственных зубов.

— Стража... — проговорила она.

— Нырнем! — вдохнув полную грудь воздуха, Тира опустилась под ледяную воду.

Тоже самое сделала и эльфийка. через мгновение из тумана показалась еще одна лодка, на этот раз целая. Она плыла без помощи весел и ветра. Ее толкала магия. В ней плыли тритрагдорцы. Завидев корягу и скелет своего мага, они подплыли совсем близко, и воительницам пришлось поднырнуть под сам ствол. Лодка магов стукнулась о корягу и остановилась. Маги перетаскивали скелет к себе, но уплыть не торопились. Вдруг воду пронзила стрела арбалета, затем вторая.

Маги не уплывали, а Тандрия уже начала задыхаться. Тира видела, как она судорожно вздрогнула и бессильно отпустила ветку. Ее тело обмякло, а лодка все не двигалась. Воздух кончился и у Тире. Сердце билось с глухим усилием. Глянув на тонущую эльфийку, драконица сделала выбор. Она нырнула за ней.

Движение в воде тритрагдорцы конечно же заметили, и стрелы прошли ее ледяную толщу. Прикрывая Тандрию своим телом, Тира вынырнула. Тут же глухой удар от стрелы больно растекся по ее плечу.

— Огонь! — услышала она крик магов и едва успела забросить эльфийку на корягу.

В ее спину ударил огненный шар, весьма качественный, магический, со взрывным ядром. Одежда на Тире зашипела. В глаза пахнуло дымом. Драконица накрыла собой Тандрию. Огонь пронесся по ней с треском, но от него Тира не почувствовала даже боли. Развернувшись, она в упор глянула на тритрагдорца. За его спиной стоял другой маг с рогом с руках. Он готовился затрубить в него, чтобы позвать подмогу. Драконица вскинула вверх руку. Белый огонь с грохотом сорвался с ее пальцев и ударился о лодку магов. Этого было достаточно. Щепки разлетелись по воде кругами и вода забурлила. От магов не осталось ничего, только и Тира выдохлась. Она потеряла много сил, гораздо больше, чем вложила в

удар. Задыхаясь, она подплыла к Тандрии, которая уже начала приходить в себя.

— Маги... — простонала она.

— Их нет, — выдохнула драконица.

— Я все еще слышу отголоски твоей магии, — эльфийка скользнула в воду. — Надо плыть отсюда!

Толкая корягу впереди себя, они поплыли до острова. Когда под их ногами зашуршал песок, они толкнули дерево на берег, и вышли сами. От холода к тому времени они почти ничего не чувствовали.

Остров, на который они выбрались, оказался узким и вытянутым, с редким лесом и черными камнями. Но Тандрия останавливаться тут не собиралась. Несмотря на усталость, она рысцой направилась к его противоположной оконечности.

— Надо бы согреться... — хотела возразить Тира.

— Позже! — на бегу бросила эльфийка.

Пробежав весь остров, она нырнула в воду, и поплыла, преодолевая свою же дрожь. Тире осталось только плыть за ней.

Следующий остров был гораздо больше. Воительницам пришлось карабкаться по острым скалам, чтобы выбраться на него. Ободрав кожу на руках и коленях, они оказались посреди негустого обледенелого леса, но зато тут была пещера. В нее то они и нырнули. Завалив вход ветками, они забились в самую глубь, и Тира разожгла маленький огонек на своей ладони.

— Ты снова спасла мне жизнь, — тихо проговорила Тандрия, грея замерзшие руки над комочком тепла и света. — Я должна отплатить тебе...

— Нет... Ты уже и так платишь, провожая меня к земле горных мастеров, — сказала драконица. — Тебе надо вернуться к своему народу.

— Еще немного. Эти острова не простые, — Тандрия, чуть согревшись, опустилась на камень и поджала под себя ноги. — Жаль, что на земли гномов не смогу ступить вместе с тобой. Там граница, которую я не могу нарушить.

— Ты и так много сделала, — Тира улыбнулась ей и задумалась о далекой земле.

— Этот переход будет самым трудным, — прервала ее думы Тандрия.

Она тяжело вздохнула, выпрямила ноги и откинулась к холодной стенке пещеры. Усталость взяла верх над ледяной дрожью и эльфийка прикрыла глаза.

— Ты потеряла много сил, — глянула на нее драконица.

— Ты тоже...

— Мне не так холодно, как тебе, — Тира смотрела на ее бледное лицо, и в ней все сильнее зрела мысль, пойти дальше одной.

Вдруг Тандрия открыла глаза. Ее уши вздрогнули, и она вскочила на ноги.

— На острове кто-то есть! — прошептала она.

В одно мгновение, вскинув лук, она метнулась к выходу. Тира выбежала за ней. Снаружи уже было темно, только белесый туман стелился по камням.

— Знакомый запах... — проговорила Тира.

Тандрия зашипела, развернулась к ней и нацелилась куда-то за ее спину.

— Убери свою подругу, драконица! Не то мой нож окажется у нее во лбу! — прошептали за спиной Тире.

— Кеанра? — Тира положила руку на лук Тандрии и сделала шаг в туман.

— Она самая! — навстречу ей шагнула воительница жарких песков.

Незаметным движением, она спрятала нож за пояс. Тэларийка была одета в кожаные доспехи и меха. На ее голове красовалась поднятая маска из жесткой чешуи. Тира не верила своим глазам. Ей даже показалось, что Кеанра это иллюзия, посланная Аргелором. Невольно, она коснулась е.

— Не веришь? — усмехнулась та. — А я не одна.

Тандрия издала гортанный звук. Кеанра тут же выхватила нож. Тира дернулась, но воительница уже махнула лезвием по своей руке, и протянула окровавленную ладонь Тандрии. В ответ, та сделала тоже самое.

— Это кровное перемирие наших народов, — объяснила эльфийка. — Теперь мы сестры. Наши народы не поднимут оружие друг против друга.

— Это так... — Кеанра замялась. — Вы обе похожи на бледные тени. Усталые...

— Дорога была не из легких. Как ты тут оказалась? — Тира глянула в глаза тэларийке, все еще не веря, что та встретила ее так далеко от Этиль Арада.

— Долгий разговор. Идем! Я одна вас учуяла, ведь я в своем племени лучшая охотница! — Кеанра кивнула в сторону ближайших скал.

Когда они спустились в пещеру, спрятанную среди уступов и отвесных стен, в которой пахло едой, и было тепло, драконица увидела народ воительницы. Лучники и лучницы грелись вокруг костров, что-то обсуждая между собой. Завидев гостей, они смолкли, а Кеанра тут же подала им знак.

— Свои! — крикнула она. — Это тот дракон, о котором я говорила! Это Тира.

Последовало молчание, которое сменилось змеиным звуком, очень не приятным и не привычным, уж таково было приветствие у тэларийцев. После, на гостей перестали обращать внимание, обсуждая дальнейшие действия и оружие, лишь изредка они кидали косые взгляды на драконицу и Тандрию. Вскоре, к ним подошел высокий мужчина, очень схожий с Кеанрой.

— Мой отец, — сказала та, и склонила перед ним голову.

Вождь смотрел строго, в особенности на Тиру.

— Ты...дракон? — спросил он с акцентом и ткнул ей в грудь кинжалом. — Тут везде сочится магия черного дракона. Мы никому не доверяем, потому и прием наш не гостеприимен.

— Дракон, — ответила Тира. — Но я не черный дракон.

Нож оставил только легкий красноватый след на коже, и вождь довольно сощурил глаза.

— Ты знаешь, за твоим сердцем охотятся, — сказал он. — Народы идут биться за артефакт, чтобы выдрать из груди твоей, или твоего брата магическую стекляшку. Ты знаешь это?

На его лице отразилось презрение и он дернул плечом. Глаза Тандрии на это сильно округлились.

— Отец...они голодны...с дороги... — вмешалась Кеанра.

— Накорми их, а причину она знать должна. Знать, за что идут биться другие, — вождь отвернулся и ушел вглубь пещеры, к воинам.

— Садитесь! — Кеанра указала на место у огня. — Тут хотя бы тепло...

— Я не поняла слов твоего отца, — сказала Тира, садясь на камень поближе к костру. — О чем он говорил?

— Вести о силе драконьего сердца летят быстрее ветра, — неохотно сказала тэларийка, и подала ей не хитрую еду. — Это знатная нажива. Отец поднял своих воинов не за этим. Мы

идем на битву за этот мир.

— Значит вот оно как, — Тира глянула на огонь, на яркие языки пламени и положила в рот пару кореньев без особого аппетита.

— Мы потеряли много наших еще по пути сюда, — продолжила Кеанра. — Там повсюду охотники. Не за одной тобой они охотятся. Наш путь сюда тоже был не легким, как и ваш.

— Не все идут биться за сердце! — вдруг вспыхнула Тандрия.

— Я все же верю, что есть народы, которые идут на бой за свободу и мир, —

— Есть, но их мало, — согласилась Кеанра. — Мы идем не за сердцем.

— Мой народ тоже! — гордо сказала Тандрия.

— Гм... для начала отдохните, — сказала Кеанра и кинула им шкуры.

Тандрия, отбросив гордость, укуталась в них. Тепло разливалось по ее телу, и холодная бледность стала уходить с ее лица.

— Эльфы... поднимутся на бой... — пробормотала она, перед тем, как заснуть.

Если не таить правды, то сон одолел ее по воле Кеанры. Эльфийка наконец уронила голову на грудь, и Тира опустила на пол возле огня, устроив как можно удобнее.

— Она сильно устала, — драконица укрыла ее сверху еще и плащом, положив подле ее головы мешочек с пахучими травами, который дала Кеанра. — Ее сильно ранили...

— Ты вымотала ее, — вдруг бросила тэларийка.

— Я? — Тира немало удивилась, услышав такое.

— Да. Твоя магия. Я ведь тоже маг, драконица, я чую твою силу, и она страшна для этого мира, — Кеанра глянула ей в глаза. — Я, конечно, не владею заумными словечками, но ты рвешь полотно мира.

Тира вся сжалась, спрятав руки. Ведь Тандрия и правда жаловалась на ее силу.

— Я пойду одна, — вдруг сказала драконица. — Пусть она спит, а ты, Кеанра, присмотри за ней. Твой народ владеет целительством, ей это не помешает.

— Целительством владели арты... — тэларийка сделала рукой знак скорби, коснувшись груди и лба. — Их дух будет жить в лесах... А за твоей подругой, я присмотрю. Только и ты будь осторожно. Я знаю, куда ты идешь. Места там гибельные...

— Пусть, — Тира погладила спящую эльфийку по волосам и плотнее укрыла от холодного сквозняка. — Я не боюсь ни холода, ни жары...

— Горные мастера хитрые. У тебя есть чем им заплатить? — спросила Кеанра.

— Нет. Гномы честный народ...

— Ха! — тэларийка брезгливо дернулась. — Своего они не упустят, Тира! Сердце дракона цены не имеет! Все их богатства перед ним меркнут!

— Мы встречали гномов по пути сюда. Они нам помогли, — сказала драконица.

— Тира! — Кеанра тряхнула ее за плечо. — Мастера не обычные гномы! Не заходи в их город! Им даже твой брат не страшен! А на бой они пойдут лишь ради выгоды! Мой отец видел видение о них!

— Хорошо, я учту твои слова, — сказала Тира, чтобы ее успокоить.

В глубине души, она совсем этому не верила, и Кеанра это чувствовала.

— Не все такие, как они, — она сжала ее руку. — Но их ты должна опасаться!

Тира глянула на нее. Глаза Кеанры горели искренностью.

— Обещаю, что буду осторожна, — сказала она. — Ведь, мне еще и лесной дух помогает.

— Я знаю. Маги все это чувствуют, — кивнула она. — Все же, в Этиль Араде, нас кое-чему да научили. А теперь этот город укрыли скалы. Возможно навсегда.

— Почему навсегда? — нахмурилась Тира.

— Я не совсем верю в хороший исход этой битвы. Я видела черных псов, которые напали на наших воинов, я видела разных тварей.

— Я тоже. Но мы здесь, мы прошли. И я пойду до конца, — Тира провела ладонью над огнем, будто срезая его языки.

Один из них заплясал у нее на ладони. Он не обжигал ее кожу, драконица чувствовала только его тепло.

— Магия огня... Совсем как магия моего племени, — вздохнула тэларийка.

— Ты должна кое-что сделать вместе с Тандрией, с эльфийкой, моей подругой, — внезапно она погасила огненный язычок, да и сам костер чуть поугас, сделав этот угол пещеры темнее.

— Смотри, что ты попросишь, — Кеанра приблизилась к ней так, чтобы обозревать всю пещеру и заодно лучше слышать драконицу.

— Я не знаю, сколько времени займет путь до мастеров, я не знаю, как быстро я смогу его пройти, но ты должна сделать так, чтобы войска дождалась меня, — сказала Тира. — Чтобы победить, надо бить всем вместе!

— Я не общалась с другими народами, — Кеанра задумалась над ее просьбой. — Меня могут и не послушать...

— Без меня вас убьют всех... — драконица встала. — Войска должны дождаться меня, но и не дать Аргелору покинуть земли Академии!

— Ты просишь не возможного! — тэларийка качнула головой.

— Это нужно сделать, Кеанра! — слова Тире были весомы, и дочь песков воззрилась на нее с неким удивлением, но возражать не стала.

— Я не могу обещать, но усилия приложу, — сказала она.

— А мне пора идти, — Тира уже привычным движением коснулась фиала со слезой. — Присмотри за Тандрией...

— Можешь не напоминать. Она быстро восстановит свои силы, — Кеанра вздохнула, глядя на спящую эльфийку.

Она проводила драконицу до выхода и обняла так крепко, будто родную сестру. Тира без слов поняла ее. Она уже знала, что та сделает все возможное. Простились они молча, без лишних разговоров, и Тира исчезла в темноте, а Кеанра еще долго стояла и смотрела ей в след.

— Пусть лесной дух хранит тебя, — прошептала она и вернулась в пещеру.

Драконица на тот момент уже была на другой оконечности острова. Теперь она могла не опасаться за Тандрию, могла не бояться своей магии и силы и наплевать на усталость с голодом.

Тира уже приготовилась нырнуть в ледяную воду, когда за ее спиной, внимая словам Кеанрам, объявилась могучая фигура. Его магия задержала воительницу от прыжка. она просто обволокла ее мягким, теплым потоком. Чувство свободы, которое до этого охватило ее, сменилось чем-то странным.

— Лесной хозяин...

Его рука весомо и в то же время очень осторожно коснулась ее плеча.

— В память о твоём отце из рода драконов, я повезу тебя на своей спине к городу

мастеров, — прошелестел его голос.

Тира смотрела на него и терзалась. Он предлагал ей гораздо больше, чем говорил, только сердце драконицы оставалось холодным, а путь предстоял не близкий. Обратиться драконом она тоже не могла. Тут магия была на стороне Аргелора. Малейший опрометчивый шаг мог выдать ее. А лесной хозяин ждал, и даже не торопил. Он ждал ответа.

— Я повторюсь...мне нечем будет тебе платить, — сказала она.

— Мне не нужна твоя плата. Платят охотники, которые ходят в мои владения без моего на то ведома, — его голос стал грозным при воспоминаниях об охотниках.

Хозяин присел. Воздух вокруг него стал густым, а сам хозяин леса начал расти в размерах. Его спина выгнулась, лицо вытянулось, а руки и ноги превратились в огромные лапы. Он весь покрылся густой шерстью, и теперь перед Тирой стоял огромный зверь, превосходящий по размерам даже самого мощного гидрала. Он качнул большой головой, как бы приглашая ее сесть на свою спину. Драконица положила руку на его холку, и запустила пальцы в его шерсть. А после, отбросив раздумья, она вскочила на него верхом. Он был намного сильнее верховых зверей серых эльфов. Тира прижалась к его шее, и он рванулся вперед, прямо с высокого берега на ледяное мелководье, ломая тонкий лед. Брызги ударили в лицо Тиры, кольнули своим холодом, а затем и ветер обжег своим дыханием.

Дорога из островов понеслась под лапами лесного хозяина, а он нес свою всадницу к самой тайной и холодной земле.

Глава девятнадцатая

Холод обнимал Северный Предел туманным куполом. Тритрагдорские маги старались на славу. Земля, благодаря их усилиям, скрылась под пеленой и белесыми клочьями тумана, а из темных туч сыпался снег.

— Я все сделал, как просил дракон, — шипящим голосом сообщил маг Аргелору.

Дракон бросил на него мимолетный взгляд.

— Как твое имя? — безразлично спросил он.

— Лар, черный дракон, — склонился тот. — Имя дал мой наставник...

— Лар... — процедил сквозь зубы Аргелор, глядя на построенную крепость и дымившую кузню. — Эта погода, твоих рук дело?

— наших. Мои знания не так глубоко простираются, черный дракон, — маг не поднимал головы, как и всегда при встречах с ним, только тербил широкие рукава своего балахона. — Но я владею знанием военной стратегии.

— Разбираешься в войне? Откуда же? — взгляд дракона полоснул по его тощему телу.

Было в этом маге что-то странное, чего Аргелор не видел, но чувствовал.

— Я изучал древние битвы в Высшем Мире по старым трактатам, — ответил тот. — Я смею полагать, что мои знания пригодятся черному дракону. Войска противника наступают...

— Я видел эти жалкие крохи. Пустынную чернь охотники почти вырезали, да и остальные жалкое подобие воинов, — Аргелор поморщился и оперся о каменный подлокотник высокого кресла. — У меня другая цель. Я уже повторял это.

— А если вторгнется Высший Мир? — молодой маг неожиданно поднял голову и склонил ее на бок, будто проверяя знания Аргелора, совсем как наставник в Этиль Араде. — Ведь баланс нарушен...

— Хватит! — резко прервал его Аргелор. — Какой народ сильнее остальных в магии?

— Драконы... — смутился Лар. — Каждый дракон наделен своей силой, в трактатах говорилось о разных драконах, алых, как кровь, синих, как морская бездна, но черные и белые самые редкие. Их род самый древний из всех...

— Ты видел белого дракона? — спросил Аргелор.

— Только в общем сознании мира, — ответил Лар.

— И как же ты оценишь его силу? — черный дракон повернулся к нему и буквально пронзил его взглядом.

Под этим нажимом, маг не мог солгать.

— Драконица сильна... — проговорил он.

К его удивлению, Аргелор довольно ухмыльнулся.

— Архимаг во всем ошибался. Простак. Время его ничему не научила, хоть он повидал и много миров, а урок не извлек, — сказал он. — Вырвать сердце... глупость...

— Не в моих силах понять планов черного дракона... — осторожно произнес Лар.

Аргелор не ответил, только рукой махнул.

— Хорошо, что волю Архимага я быстро прибрал к своим рукам, — неопределенно бросил он. — Ты приготовил мою броню?

— Да, черный дракон, все по слову лучших мастеров, — ответил он.

— Выдвини мою армию за стены крепости, а мне пора примерить доспехи, — сказал

тот.

— Не желает ли дракон скрыть свое сердце? — неожиданно спросил Лар. — Я читал в трактатах...

— Нет, в нем сила, — Аргелор нахмурился. — А теперь иди. Я доверяю тебе свое войско.

— Я все исполню, — Лар откланялся и скрылся.

— Войско, но не сердце, пока что... — проговорил Аргелор после его ухода и долго прислушивался к удаляющемуся звуку шагов мага.

Лар определенно что-то скрывал. Черный дракон чувствовал, что его сила над этим магов не властна даже маленькую толику. Лишь когда его шаги совсем смолкли, он вышел из зала, и направился в то место, о котором не знал никто. Он учел весь опыт Архимага, учел и промахи. Он владел знанием. Серый дракон продержался много эпох, очень много, и никто, кроме самого Архимага не разгадал его тайну.

Аргелор шагнул из мира, шагнул легко, так, как сам Архимаг не мог. Тонкая грань едва колыхнулась за его могучей спиной. Аргелора окружило Междумирье, которое обтекало многие миры. Черный дракон почуял здесь и нить Высшего Мира, но туда не пошел. Его многослойное тесто было хрупко и слишком изучено. Нет, черного дракона приманили другие дали, низкие, брошенные и забытые, возможно и никем не созданные. Они появились из крупиц той силы, которая сочилась из других миров. О них Аргелор узнал сам.

Еще шаг, и чужое солнце обожгло его лицо. Песок высушенный и раскаленный, обволок его сапоги. Этот кусок грубой материи даже миром не являлся. Жаркое марево, то там, то тут вспыхивало огнем, выжигая сам воздух. Аргелор потянул потянул носом. Жар...да, он выжигал воздух, но имея воду во фляге, тут возможно было выжить, и дракон миновал этот жаркий мирок.

Тут его чутье уловило нечто хаотичное и ледяное, такое далекое, что шаг даже дракону дался тяжело. Аргелор пробился сквозь ледяную толщу, и в лицо ему ударил уже не жар, а смертельный ветер. У смертного, без магии, он мог вырвать саму жизнь. Здесь царствовал лед, вечная зима. В этом мире небо не знало ни луны, ни солнца. Над ледяными скалами и пустошами, рваным строем тянулись серые тучи. Пахло скорбью и очень древней войной, такой, о которой забыли даже в Высшем Мире. Под коркой льда, под его зеленоватыми пластами лежали раздробленные и вмерзшие скелеты драконов и забытых воинов.

Это место подходило для замыслов Аргелора. Его кипящая кровь и то тут стыла. Преодолевая жуткий ветер, он пошел вперед. Здешний хаос был способен сбить с пути кого угодно. Внезапно, тучи разошлись, явив ярчайшие звезды и громадную трещину в черном куполе, сквозь которую сочилась голубая пыль, острейшие кристаллы льда, которые едва коснувшись кожи Аргелора, оставили на ней тонкие глубокие порезы. Горячая кровь тут же застыла. Не обращая внимания на боль, Аргелор шел вперед, к ледяным скалам. Там, в самой глубине, под свистящим ветром, он раскрыл свою грудь. Сердце дракона не походило на сердца людей или кого либо еще. Увидев свет, оно стало магической сферой, которую Аргелор погрузил глубоко под лед.

Когда он оставил его в этом ледяном укрытии, его охватило странное чувство. Холод вдруг стал ему ни по чем, как и ветер. Силы, возможно, и уменьшились, но исчезла уязвимость.

Покинув забытый ледяной край, Аргелор вернулся в Академию, и сразу же направился к стенам крепости. Черный город под черными стягами ждал битвы. Все было на своих

местах, и тяжелые орудия, и магия, и сами темные маги. Войско черного дракона в это время как раз покидало крепость через исполинские ворота. Идеальные воины, закованные в тяжелую броню, с мечами и копьями, повинувшись Лару, ровным шагом выходили на поле боя. Аргелор любовался этим зрелищем. Настоящая крепость черного мага наводила немало страха, даже больше, чем сам Архимаг когда-то, что было и нужно. Черный дракон остался доволен. Его план не узнает никто, разве что Лар, молодой маг.

Вдоволь налюбовавшись этим зрелищем, Аргелор, повернулся в сторону шахт, обратился драконом, и полетел к кузне.

— Хозяин летит! — разнеслось над жаркими ямами и пещерами, наскоро вырубленными в горной породе.

По узким мосткам затопали ноги, зашаркали прожженные сапоги. В рабах тут трудилось немало дичалых, хотя рабами они стали по своей воле. Запах металла, кровь и боль жертв, пленили их без всяких пут.

— Поднять цепи!

Раздался вой труб, загремели молотки, засовы и решетки. Зашипел огонь.

— Готовь броню!

Аргелор принял облик человека, и вошел в кузню. Дичалые тут же схлынули по своим местам, опасаясь попасться ему на глаза. Навстречу вышли тритрагдорские маги в грубых нагрудниках и перчатках. В этом пекле их балахоны сильно обгорели, а сами они измазались в сажи.

— Доспехи готовы! — они склонили головы.

— Покажите! — приказал Аргелор.

На толстых цепях из котла, в котором пылал неведомый состав металлов, вынули черные доспехи, скованные на славу с магией и словом. Их не брали обычные огонь и оружие, не брали и заклятия.

— Они будут впору и на драконе, — сказал маг. — Черный дракон желает их примерить?

— Ближе! — скомандовал Аргелор.

Заскрипели цепи. Доспехи были горячи, но дракон провел по ним рукой. Зачарованный металл шипел. На нем извивались зеленые искры и скрытый узор.

— Доволен ли черный дракон? — заискивающим голосом спросил маг.

— Меч? Сковали ли его, как я указывал? — спросил вместо ответа тот и обошел доспехи вокруг, поглядывая на тритрагдорских магов.

— Все выполнено, — кивнули они.

По их знаку из глубин кузни принесли новое оружие. Оно лежало на руках у пятерых дичалых, завернутое в грубый кожух. Аргелор развернул его. Меч блеснул в огне кузни. Целиком из заколдованного металла, он весь светился и источал немалую силу. Однако брать его в руки, он не стал.

— Хорош, — оценил оружие черный дракон. — Пусть отнесут в мой зал.

— Как прикажешь, черный дракон, — процедили маги.

Покинув кузни, Аргелор еще раз взглянул на строй своего войска и исчез в стенах Академии.

Не так далеко от стен черной крепости, мчалась безоружная белая драконица. Туман и холод резали глаза. От быстрого бега и сырого воздуха, Тира задыхалась, а лесной дух все мчался зверем по ледяной воде, мчался уже очень долго. Острова пролетали один за другим, и усталость давала о себе. Почуввав это, зверь остановился посреди одного из островов. Пригнув шею, он как бы пригласил драконицу сойти, и принял свой обычный вид.

Туман перед ним, пусть и сотканный черными магами, расступался, а трава под его ногами становилась зеленее. Присев прямо на нее, лесной хозяин протянул когтистую руку. Под его пальцами разрослись ягоды, весьма диковинные, каких Тира прежде не встречала.

— Это утолит голод, — он протянул их ей. — Даже моя магия тут натывается на глухую стену черного дракона.

На его широкой ладони лежали темно-синие ягоды с терпким ароматом.

— Спасибо, однако, не стоило расходовать свои силы, — драконица с некоторой осторожностью взяла их. — Что за ягоды такие?

— Они росли в краях артов, — хозяин блеснул влажными глазами, и, нахмурившись, отвернулся.

Положив в рот предложенное угощение, Тира медленно его разжевала. Ягоды оказались кисловатыми, но очень сытными. Утолив голод, она взглянула на спину лесного хозяина. Тот сидел сгорбившись, будто растеряв все свое величие. Вздохнув, Тира стала смотреть в туман. Усталость, в отличие от голода, не прошла, хотелось спать. Усилием воли, она заставила себя разомкнуть глаза и снова взглянула на лесного хозяина. Его спину покрывали глубокие шрамы, рваные и резанные. Вдруг в сознание Тиры ворвалась боль, и она отшатнулась, чуть не захлебнувшись ею. Боль погибших артов еще жила в лесном духе. Повернувшись к драконице, словно извиняясь, тот потрянул головой.

— Это навсегда со мной, — прошелестел его голос.

— Ты помнишь всех? — Тира старалась не глядеть в его глаза.

— Да, всех и во многих мирах...

— Тяжкий груз...

— Я лесной дух, дух жизни, это мое бремя, помнить боль битв, боль миров и их гибель.

— Гибель? — Тира вспомнила слова Кеанры. — Скажешь, моя сила может разрушить этот мир?

Лесной хозяин замер. Его кожа отсвечивала зеленью, и узоры на ней проступили ярче.

— Да, сила драконов не для этого мира. Он слишком молод, тонок, как первый лист по весне, — тяжело проговорил он. — Твое место не тут, Аэрионнэ...

Он проговорил ее имя, настоящее имя и Тира это почувствовала, но волю чувствам не дала, хотя память крови тут же всколыхнула образ отца.

— Постой! — прервала она лесного духа.

— Твое место в Высшем Мире, — закончил тот. — Есть миры и более высшие, совсем далекие, о которых никто не знает...

— Никто не знает, кроме тебя? — догадалась Тира.

— Твое место и место твоего наставника в Высшем мире, не тут, — вместо ответа, сказал тот.

— Наставника? Иллигеас жив? — Тира заглянула ему прямо в глаза. — Жив?

— Жив, — нехотя ответил тот. — Но у него иная игра, и время его здесь истекает...

— Едем! — драконица встала, ни смотря на ужасную усталость. — Я знаю, ты не устаешь и силы у тебя свежие. Едем!

— Твое тело еще не такое крепкое, как у взрослого дракона... — начал было лесной хозяин, но видя решительность своей всадницы, обратился зверем.

И снова ледяной ветер ударил в лицо. В этот раз зверь мчался быстрее, словно за ними была погоня. Чем ближе они подходили к северу, тем острее становились скалы, покрытые снегом и льдом. Магия, которая тут витала, давила на Тиру, душила самую драконью суть.

Они огибали земли Академии, ныне захваченные Аргелором. На них словно стоял барьер из мрака, тира чувствовала, как лесной дух подавлял в себе желание рвануться туда и разорвать эту грань на куски. Скоро к его ярости прибавилась и тревога, а там и погоня не заставила себя ждать. Воздух наполнился запахом железа и крови. Охотники вернулись.

— Они сзади... — прошептала Тира.

Дух ответил ей мыслью, четкой и тревожной. Драконица пригнулась так низко, что густая шерсть на загривке зверя щекотала ей нос. Зверь летел, как птица, почти не касаясь ни земли, ни ледяной воды, и все же охотники черного дракона их нагоняли. Медленно, но верно, расстояние между ними сокращалось.

— Не уйдем... — шепнула воительница.

Лесной хозяин молчал. Драконица щупала пространство на пограничье, только его тут не было. Когда раздался вой, бег сделался бессмысленным. Тира слетела со спины зверя до того, как он, зарывшись лапами в острые камни, остановился. Перекатившись, драконица вскочила на ноги и помчалась туда, где кончался остров. Выбежав на лед, она замерла, встав в удобную для боя позу. Охотники не заставили себя ждать. Тиру окатило холодом, и она подняла руку. Чужая магия сжала ее виски, сдавила тело и сознание. Воительница боялась выдать себя Аргелору, боялась, что тот может явиться раньше времени, но мечи теснили ее к краю льдины, к воде. Черные псы чуяли ее. Их железо могло разрубить ее броню.

Драконица сжала зубы. Сознание обострилось. Драконья суть в ней стала пробуждаться. Огонь рождался где-то в груди, бурлил белым пламенем. Всего одним движением, Тира могла разорвать эти магические путы. Разорвать и обнаружить себя. Лесной хозяин ее опередил. Зверь набросился на охотников со спины, разбив их ряд. Удары посыпались с них вперемешку с магией, с дикой лесной силой. Он бился жестоко, рвал призраков на части, а их тьма, рассыпаясь пеплом, вновь восстанавливалась. Мечи сверкали темным светом и часто попадали в цель. Лесной дух был уязвим, по крайней мере, в этом теле.

— Беги! — прорычал он Тире.

Он преобразился и стал биться еще сильнее. С его когтей срывались молнии и искры, вперемешку с зеленым огнем. Буря ярости металась по берегу, разрывая охотников, а те появлялись вновь и все ближе к Тире. Темное колдовство сдавило ее сильнее, и та зарычала сама. Драконица рвалась помочь лесному хозяину, но его шар зеленого огня, охладил ее пыл. Его магия не причинила вреда Тире, зато она услышала его мысли. Он призывал бежать и торопил ее. Магия прорезала весь лес, теперь дух сам завлекал охотников на себя. Тире ничего не оставалось, как броситься бежать. Прикрывая фиал рукой, она рванулась к следующему острову, и с ходу бросилась в воду.

Сейчас каждый всплеск драконьей магии мог привести Аргелора к ней, поэтому она скрывалась, как могла. Море охладило ее, и она поплыла, мощными гребками толкая себя вперед.

Преследователей видно и слышно не было. Однако драконица чуяла нечто темное. Она не знала, чем кончилась битва лесного хозяина, а прислушиваться она не могла. Это отняло бы слишком много времени.

Хозяин же бился до последнего. Он не жалел себя. Мечи пронзали его насквозь, и вместо крови, на землю лилась магия, сама суть леса. Он исчезал и перевоплощался, пытаясь задержать охотников, умирал и возрождался, но темная магия тянула из него последние силы. Псы одерживали верх. Все чаще лесной дух оказывался под ними на земле, пока вконец не обессилил. Меч воткнулись в него разом, пронзив грудь и горло. Хозяин захрипел и замер. Мир в этот миг остановился. Тира услышала его вздох и скорбь, а затем боль, такую сильную, что сама рухнула на острые камни острова, на который она выбралась.

* * *

Не так далеко от них, Аргелор зло ухмыльнулся. В его игру хорошо вписывались все события. Даже лесной хозяин считал его черным колдуном, черным драконом. Все готовилось к битве, в которой Аргелор отвел для себя особую роль.

— Мертв... — это слово разнеслось в его зале, когда он увидел на карте своих охотников.

— Лесного духа нельзя убить, — монотонно произнес Лар, который был с ним в зале. — Это всего лишь ослабит его силы, но он возродиться...

— Ослабит силы... хорошо, — проговорил про себя черный дракон.

— Он элементарь Высшего Мира, — стал объяснять Лар.

— Меня это не волнует, — отрезал Аргелор. — Войска построены?

— Да, как черный дракон приказал, — ответил тот. — Белая драконица рядом...

— Я его не чую, — Аргелор раздраженно глянул на молодого мага, и в очередной раз сдержался, чтобы не свернуть ему шею.

Лар смотрел на него изучающим взглядом, чуть склонив голову набок и блестя глазами. Возможно, он читал мысли, но черный дракон этого не почувствовал, хоть и выстроил защиту на всякий случай. Зато Лар, его ложь почуял, только не сказал об этом.

— Охотники видели белую драконицу, — невозмутимо сказал он. — Возможно, магические грани, что мы подняли над этими землями, приглушают магию черного дракона.

— Возможно...

— Возможно, черный дракон вынул свое сердце... — произнес Лард.

В следующий момент. Его хлипкое тело оказалось прижатым к стене. Черные когти сжали его горло, в другой руке Аргелора пылал огонь.

— Ты откуда это узнал? Откуда?! — зарычал он.

— Я маг... — прохрипел тот. — Я чувствую просто... артефакты...

В его глазах не было страха, даже когда огонь задымил возле его бледного и холодного лица.

— Почему ты не страшишься? Почему не боишься потерять жизнь? Что ты за маг такой? — Аргелор сжал его еще сильнее, так, что ребра мага затрещали под его нажимом.

— Мой страх не изменит решения черного дракона, если он решил меня убить. Зачем мне бояться? — его слова были спокойны и холодны, как его лицо, на котором не отражалось никаких эмоций.

Аргелор остановился. Огонь погас, когти исчезли. Он отпустил мага, и взглянул на него уже по-другому

— Не боишься? — он посмотрел ему в глаза.

— Нет, — тихо ответил тот.

— Ты не так прост, как я посмотрю. Так, где же я укрыл свое сердце? — спросил он, внимательно глядя на него. — Известно тебе об этом?

— Нет, — маг был честен. — Я не могу проследить путь без крови обладателя сердца.

— Это хорошо. Я не стану тебя убивать. Вижу, что ты многое знаешь, — Аргелор сел в свое кресло. — Твои знания мне пригодятся. Не сейчас, потом. После битвы. Ты знаешь о моих планах?

— Черный дракон хочет завоевать мир... — Лар снова склонил голову набок, но теперь в его глазах не было такой уверенности.

— Возможно, — Аргелор устремил взгляд сквозь мага.

— Но не в эту эпоху, — неожиданно сказал Лар. — Не боится ли черный дракон погибнуть? Ведь белая драконица сильна.

— Я начинаю сомневаться в твоих знаниях. Разве можно убить дракона, не найдя его сердца?

— Нет, — согласился Лар. — Но между драконами есть связь, хочет этого черный дракон, или нет. Белая драконица может его найти.

— Вот как...

— Черный дракон может спрятать сердце где угодно, но оно будет найдено, — сказал Лар.

— Я давно уже не чувствую связи, — сказал Аргелор.

— Белая драконица ее может чувствовать, — стоял на своем маг.

— Я подумаю над этим, — нахмурился Аргелор. — А пока уходи.

— Хорошо, — Лар откланялся.

Аргелор тут же занялся доспехами. Его одолевали мысли, но он отогнал их на время. Решение у него уже было, и слова мага никак не меняли его плана. Доспехи легли, как влитые. Металл оказался тяжелым. Отягощали его еще и заклинания. Аргелор оказался закован до самых пят. Шлем он тоже одел. Когда все части соединились, доспехи засветились, и стали единым целым. Все швы будто сплавились между собой и исчезли. Доспех наполнился силой магии. Аргелор сжал огромный кулак в стали, который сделался еще больше. Новое могущество подогрело его кровь, и Аргелор лишний раз уверился в своем плане.

В доспехах все виделось иначе, и чувствовалось тоже. Мысленно, он увидел охотников, голодных до крови и дал приказ.

* * *

Последние дни драконица не знала отдыха, и забыла об усталости. Исчезли даже мысли. Она просто бежала сквозь лед, камни и воду. Холод, застывший инеем на ее волосах и одежде, говорил о том, что заветная земля совсем близко. Остался только один остров, за которым уже виднелись скалы, самые высокие и суровые

Вой, который раздался за спиной, подстегнул Тиру, но не на долго. От охотников было не уйти, в особенности сейчас. В них что-то изменилось. Магия, которая исходила от них, стала злее, темнее и настигла драконицу гораздо быстрее, чем та думала.

Тира остановилась. В этот раз боя было не избежать. Развернувшись лицом к опасности,

драконица спрятала фиал в складки одежды. Она почувствовала, что мечи охотников будто заточились еще острее, и сам воздух вокруг них стал лезвием. Они атаковали сразу, без промедления и оружием и магией. Темное колдовство тут же сдавило до боли, вырывая хриплый крик из горла, воздух, неожиданно принявший форму лезвия, полоснул по плечу и руке, разрывая кожу. Смертельное острие направилось на грудь Тиры. Охотник рядом с ней уже зашипел в предвкушении добычи, а Аргелор в своем зале сжал пальцы, управляя им. Его сила готовилась вымотать белую драконицу до изнеможения, как вдруг его собственное сознание взорвалось болью, острой и неизмеримо холодной.

Белый огонь вспыхнул неожиданно. Он окутал Тиру, ударил по охотникам, и растекаясь по острову. Замерзшие деревья тут же затрещали под натиском крыльев. Драконица выросла. Ее огромные когти впились в землю, и из глотки вырвался рев. Тире уже было все равно, увидит ее Аргелор, или нет. Магия рванулась вихрем, сминая боль от мечей и колдовства. Сила черного дракона сдавила Тиру со всех сторон, и это было больнее. Чем самые глубокие раны. Драконица будто прорывалась сквозь острые камни. Каждый вздох, каждый выдох отнимал силы. Пространство затрещало по швам, когда Тира взмахнула крыльями. Мир рвался в клочья, как старая тряпица, а сдержат такую силу Аргелор не смог. Белый свет сжигал его темноту, и в какой-то момент он разжал пальцы.

Тира взметнулась к тучам, оставляя за собой лужи горячей крови. Охотники все же успели распороть ей бок и содрать чешую, но драконица смогла улететь.

* * *

Власть зимы в этих краях была безгранична. Вечный снег и мерзлота. Здесь гуляла пурга, и другой песни, кроме ее воя, эта земля не знала. Холод окутывал драконицу все сильнее и сильнее, пока она не потеряла последние остатки сил. Крылья ее уже не слушались. После нескольких попыток приземлиться, она рухнула в снег, на край скалы. За ней остался кровавый след, который тут же покрылся льдом.

Глаза драконицы застелила пелена забвения. Боль стала глухой, и какой-то далекой. Ран было много, и глубоких и рваных. Тира хотела перевоплотиться, но постепенно эта мысль отступила. Ее место занял сон. Он медленно напознал на нее, вытесняя чувство холода, голода и усталости. Драконица боролась, собирая последние капли, и все же уснула.

Вдруг на ее крыло из темных туч спикировал лесной ворон. Наклонив голову набок, он внимательно оглядывал раненную драконицу. Птица долго изучала и местность, и Тиру, а потом слетела вниз, к замерзшей лужице драконьей крови. Из-под тонкого льда торчал кусочек ободранной чешуи. Ворон ухватил ее клювом и вырвал из оков. Глянув еще раз на драконицу, он взмахнул крыльями, не смотря на снег и холод, полетел к далеким горам. Летел он знакомой дорогой, раньше он уже бывал здесь, очень давно, и эта дорога привела его к заветному месту, где под каменной толщей горел жар истинного огня.

Эти горы неохотно выдавали свои тайны, даже птице. Найти вход было трудно. Ворон блуждал, натываясь на каменные гроты-обманки. Он облетал одну скалу за другой, пока не нашел каменную отдушину, хитро спрятанную за уступами. Скользя в нее, он полетел вниз. Теперь его крылья ласкало тепло, которое скоро превратилось в жар от печей. Ворон впорхнул под высокие своды, и помчался на звук низких голосов. Влетев в пещеру, он промчался над широким каменным столом и уселся прямо перед главой мастеровых.

Щелкнув клювом, он кинул ему на бумаги окровавленную частичку серебряной чешуи, и принялся громко хлопать крыльями.

— Ну-ну! — грубоватая мозолистая рука сграбастала ворона, но тот больно клюнул гнома в палец, и уселся у выхода из пещеры, будто зовя за собой.

— Что за птица? — возмутился другой.

— Тише! Уж явно не наших краев этот ворон! — успокоил всех глава города мастеров.

Его звали Барвор. Встав из-за стола, он посмотрел птице в глаза. Слово главы мастера уважали. Гномы затихли. Барвор же сделал шаг к ворону, и тот, подскочив, как раненный, уселся чуточку подальше.

— Может, он заколдован? Происки врага? — слышалось несмелое предположение из-за спины главы.

— Нет, — спокойно ответил тот. — Птица хочет нам что-то сказать.

— Барвор Седобор, ворон принес серебро! — воскликнул один из гномов и подал главе частичку чешуи, которая в свете огня засияла ярче звезд. — Это же...

— Драконья чешуя! — сказал за него глава. — Соберите отряд! Живо!

— Гм... — гном, которого звали Арадор, глянул на другого, Борадора. — Видно, право было пророчество...

Тот только незаметно кивнул ему, и обратился к Барвору.

— Брать ли нам оружие, которое может рассечь драконью броню? — спросил он.

Глаза главы сверкнули свирепо, но после, стали мягче. Снова глянув на птицу, он мотнул головой.

— Нет... даже ради такого артефакта, мы не нарушим завет союза мастеров, не сейчас, — бросил он уже на ходу.

Больше к нему обращаться не смели. Барвор Седобор мог и мысли прочесть, поэтому гномы скрывали их в самой глубине сознания. Закутавшись в меха, под которыми бряцали латы, отряд дозора вышел в лютую стужу. Ворон, не обращая внимания на лед и снег, перескакивал впереди гномов, показывая им путь.

Вскоре, они увидели глубокую борозду и вмерзшие капли крови, а затем и саму драконицу, запорошенную снегом. Ее крылья и бок были глубоко рассечены мечом.

Ворон каркнул, будто торопя отряд, и деловито уселся на драконье крыло. Его глаза внимательно наблюдали за гномами, а те уж слишком осторожничали. Остановившись шагах в двадцати, они переминались с ноги на ногу.

— Ранен... — буркнул Арадор. — А может и мертв...

Ворон, грозно щелкнув клювом, слетел вниз, подскакал к его тяжелому сапогу и с силой клюнул в носок.

— Нет, не мертв, — с уверенностью сказал Барвор Седобор. — Труби сигнал! Пусть возьмут крюки и цепи! Торопись! Драконья кровь хоть и горяча, да холода у нас суровые...

Он подошел ближе, и его глаза тревожно сощурились. Он увидел целые лужицы крови и разорванный бок. На страшной ране таял снег, но холод брал свое, и драконица медленно замерзала. Ворон сидел рядом, склоняя голову набок, и следя за гномами.

На ледяную землю спустилась молчаливая и холодная ночь. Через некоторое время в ее темноте вспыхнули огоньки, и поползли к скалам. Так же тихо они исчезли за толстыми стенами, и снег скрыл их следы.

Глава двадцатая

Кеанра металась по туманному острову, не находя себе места. Она не шипела, как Тандрия, только скрипела зубами, и что-то бормотала себе под нос.

— Хватит уже, сестра, — эльфийка остановила ее, положив руку на ее плечо. — Довольно...

— Как же так?! Нет...нет! Я их чуяла и чуяла близко! — ее глаза блеснули так, что охотница отшатнулась. — Ни следов...ни крови... Хэор не мог исчезнуть! Он ушел с отрядом раньше, чем на их земли напали псы Аргелора! Я ведь маг... Маг!

Она крикнула очень громко. След был потерян, и это тогда, когда Кеанра нашла, почти нашла целый отряд артов, которые неведомыми путями умудрились обойти охотников. Ее ноздри судорожно дрожали. Она бросила свое меховое одеяние, и уже не обращала внимания на холод и липкий туман.

— Я их тоже почувяла, — сказала Тандрия. — Что-то тут не так...

Кеанра топнула ногой, а потом скинула с себя все вооружение, и уселась прямо на сырые камни.

— Я буду творить магию своего народа, — сказала она. — Может, и не получится, но я попробую!

— Что еще за магия у тебя такая? — с подозрением глянула на нее эльфийка.

— Магия земли, песка. Конечно, тут не то, что мне надо, и все же есть шанс! — тэларийка уселась удобнее, и запустила пальцы в обледенелую почву.

Холод вонзился в ее тело с ужасающей болью. Кеанра всхлипнула, вздрогнула, но не отступила. В пустыне, в родных песках, все было не так, а тут вместо тепла, кругом лежал лед. Воительница бессвязно забормотала. Она обращалась к духам земли. Сейчас дотянуться до них сделалось почти невозможным. Эта земля пустовала, Кеанра впиалась в нее со всей мочи, до крови сдирая пальцы, и сознание ощутило жилу, тонкую прерывистую и неясную. Тандрия, что стояла перед своей названной сестрой, внезапно упала на колени. Их сознания соединились, и она увидела кровь, много крови вперемешку с пеплом и скорбью. Слезы брызнули сами, и залили ей лицо. Перед ее глазами неслись берега, усеянные телами артов и не только. В лесах, далеко от островов, не дошел до поля боя и народ Тандрии, серые эльфы. Остались лишь мелкие крупички.

Охотница с ревом вырвалась из магического действия, и весьма вовремя. Небо вдруг содрогнулось гулом, облака и туман разорвала черная крылатая тень.

— Кеанра! — охотница бросилась на тэларийку, которую трясло от боли.

Вдвоем, они покатались по камням, и упали в расщелину, ободрав кожу о камни. Над их головами взмахнули громадные черные крылья. Сила темного огня сдавила виски, и Тандрия до крови закусил губу, а Кеанре зажала рукой рот, чтобы та не закричала от боли. Дракон пролетел совсем низко, обдав их жаром, дымом и запахом железа. Следующий взмах крыльев унес его уже далеко, а охотница, дрожа всем телом, встала с острых камней. Кеанра тоже поднялась. Она хрипела и плевалась кровью. Магия тут отзывалась болью, и это было не привычно. Шатаясь, она повисла на плече у серой эльфийки.

— Какая громада... — слова дались с кашлем, и Кеанра согнулась, хватая воздух ртом. — Это черный дракон...

Только теперь ей стало холодно. Ветер будто желал заморозить ее до самых костей.

— Он самый...черный дракон. А ты, оденься, — Тандрия набросила на плечи воительницы меха. — Битва очень близко. И твое видение я видела...

— Арты...прискорбное зрелище. Кого нам собирать?

— Мой народ тоже погиб, почти весь, — охотница сдержала слезы.

— Нет! И все же нет! — Кеанра стиснула зубы и воззрилась на эльфийку с такой решительностью, что та увидела в ней настоящую магическую силу, которая струилась изнутри. — Мы соберем все остатки наших народов, и пусть это будет бойня, но мы отомстим. Я никому не прощу такого...

Сейчас ее не остановил бы и псы Аргелора. В ее глазах горел огонь, а сердце разрывалось от боли. Слишком много пролилось невинной крови. Охотники истребили многих. Они просто налетали черным вихрем и били. Их магия разила без промаха. Кеанра это сама видела. Из ее собственного народа, сюда добралась только половина. Артов убили всех, и даже тех, кто смог уцелеть в первой атаке. Убили они и серых эльфов. Кто-то из них успел скрыться, но это были единицы. Тандрия еще не верила этому. Боль и скорбь вливались в нее постепенно, заполняя ее душу льдом. Они шли вместе с Кеанрой через остров, и с каждым шагом, эта боль становилась острее. Внезапно, Тандрия остановилась, как вкопанная.

— Нет, — зашипела она сквозь зубы.

— Да, мы будем биться...

Но тут Кеанра и сама замерла, глянув на эльфийку. Из уголков ее широких глаз текли соленые капли слез. Она что-то шептала, а потом бросила взгляд на Кеанру.

— Один путь, сестра...

— Бой, — кивнула Кеанра.

— Ты забыла кое о ком. Он может помочь...

— О ком ты? — холод, преодолев эйфорию Кеанры, теперь пробирался ей под одежду. — Идем, соберем хотя бы мой народ. Я предупрежу отца...

— Нужно спеть песнь, последнюю песнь хозяину лесов, — отрешенно сказала Тандрия.

— Я такого обряда не знаю, — Кеанра глядела на нее и видела, что мысли последней витали сейчас далеко.

— Я знаю, — та развернулась к ней. — А ты собери тех, кто жив. Сделай то. Что просила Тира.

— Я сделаю, — Кеанра заволновалась. — А что будешь делать ты? Сюда ведь идет еще больший холод!

— Пусть. Я буду петь, а ты иди, — Тандрия глянула на темную тучи и туман. — Иди.

— Куда пойдешь ты?

— Если чувствуешь магию, то потом меня найдешь, — она привычным движением проверила оружие на поясе, и зашагала вглубь острова.

Кеанра, посмотрев ей в след, отправилась к пещерам, где скрывались тэларицы. Остановить эльфийку она не могла. Тандрия приняла решение, и как маг, Кеанра ее поняла. В пещере, отец встретил ее не самым добрым взглядом, да и воины сидели слишком угрюмые.

— Что слышно, дочь? — вопросом встретил ее вождь.

— Ничего хорошего, — хмуро ответила она. — Земля вся в крови.

— Это мы знаем. А вот войска я чую. Не одно и не два. Ты творила обряд. Видела их?

— Нет, отец. Не дотянулась я своей магией, — Кеанра склонила голову. — Видела

только погибших артов. Тут слишком холодно, и духов земли совсем не слышно...

— Пусть так, нам пора выступить, — сказал он.

Этот тон Кеанра знала хорошо. Вождь от своего не отступит. За спиной было много кровавых потерь, а впереди только лед и смерть. Но народ за ним пошел. Воины и слова против не сказали, потому что знали, отступить некуда.

* * *

Когда одни уходили на бой, возможно последний, другие лежали под скалами в магическом сне. Последний из всех целителей, в похороненном под камнем городе, открыл глаза на слабый зов. Этот зов шел издалека, черное колдовство гасило его, и все же жалкий отголосок, тонкой ниточкой дотянулся до сознания арта. Он очнулся в зале, в полной тьме. Над ним была толща гор, скалы, которые укрыли город от посягательств Архимага.

Хардарра встал и зажег слабый огонек. Вокруг лежали маги и ученики, которые находились в глубоком магическом сне, и ворохи пергаментов. Все замерло, как и следовало ожидать. Арт помнил, что произошло, и удивился тому, что смог очнуться. Магический щуп еще держал его, и корни его тянулись к далеким островам. Проследив за ним, он услышал песнь на языке серых эльфов, песнь скорби и возрождения одновременно. По ком пели ее, он тоже понял, и не медля, стал чертить круг на пыльном полу, как когда-то это делал Иллигеас, без чернил и крови. За его пальцем тянулась серебристая линия, превращаясь в знаки и руны, пока не выстроился портал. Ступив на него, он исчез.

Песня не кончилась. Она продолжала литься, и пела ее Тандрия не голосом, а сознанием, вплетая в нее самую древнюю силу. Она сидела вдали от родных лесов, не на ковре из зеленых трав, а на гнилом, замерзшем стволе упавшего дерева. И все же, магия лилась. Без ритуалов, без должного обращения, без огня, в сыром тумане, на холоде, эльфийка просто пела одной силой мысли. Ее песнь поначалу обходила стороной земли Академии, ее волны текли по лесам, по тайным тропам, пробуждая самые неожиданные силы.

Услышав эту песню, замер и вождь тэларицев.

— Пора! — вдруг сказал он, и воины поднялись со своих мест. — А эльфийка твоя сильна, только плата за такое дорогая будет.

— О чем ты, отец? — глаза Кеанры широко распахнулись.

— Идем, дочь, бой близится, — вместо ответа сказал тот.

— Нет! Нельзя, пока драконицы не с нами! Я ей обещала! Надо собрать всех и ждать ее!

— Нам хотя бы подойти к кромке земель врага, а там видно будет, — вождь подал знак к выходу.

— Я видела черного дракона! — выпалила Кеанра. — наших сил мало!

— Твоя подруга будит сильную подмогу, — он хлопнул ее по плечу, и коснулся ее лба.

Тяжело дыша, воительница выскочила наружу, и помчалась туда, куда ушла Тандрия. Волны ее магии лились, уже ничуть не скрываясь. Кеанру обдавало теплом накатом, как теплое море в ее далеких землях у пустынных берегов. Нагрелись даже обледенелые камни, схлынул туман.

— Тандрия! — Кеанра бежала, боясь не успеть, и не успела.

Возле эльфийки магия сделалась видимой. Воздух подернулся зеленой пеленой и стал

тягучим. Старое дерево, под Тандрией, зацвело, и его цветы медленно поглощали саму эльфийку. Цветы вились по ее рукам и плечам, а она сидела, недвижимая, словно статуя.

— Тандрия... — Кеанра остановилась перед ней, а волны магии все катились и катились.

С каждым разом они все нарастали и нарастали, и вскоре сделались исполинскими волнами, которые перекачивали уже через острова. Магия была очень сильна. Такой силы Кеанра не испытывала даже при обрядах знахарок на своей пустынной родине.

Воительницу качнуло. Кеанру будто что-то толкнуло. В следующий миг, на ее плечо легла тяжелая рука.

— Нам тут не место...

Подскочив на месте, Кеанра резко обернулась. Нож сам лег ей в руку, и оказался у горла незнакомца.

— Арт?! — она тихо вскрикнула, едва не лишив жизни своим оружием последнего из народа целителей. — Хардарра?

— Осторожнее! — маг отвел лезвие одним пальцем и потянул Кеанру в сторону от Тандрии.

— Ее нужно спасти! Ты ведь глава Изумрудного Ордена! — она рванулась из его рук, глядя, как исчезает эльфийка.

— Нет! Мы ей не поможем! — он потащил ее уже силой.

Кеанра не унималась. На ее глазах, серая эльфийка сливалась с деревом, которое пустило новые корни. Гниль исчезла. Ствол покрылся новой корой, свежим мхом, ветви зазеленели, и Тандрия сама стала новой деревянной фигурой. Волны магии сделались еще мощнее, как и песнь.

— Что я скажу Тире?! — воительница снова вырвалась, да так и замерла на месте.

За спиной эльфийки выросла фигура лесного духа. Он стоял недвижимым призраком, и грозно смотрел куда-то вдаль.

— Идем! — Хардарра в конце концов оттащил Кеанру.

Тандрия вспыхнула, засветившись изнутри изумрудным светом. Волна, последняя и самая сильная, толкнулась в мир, и накрыла его собой. Кеанра захлебнулась магией, будто сама жизнь влилась в нее сверх меры. Хардарра прикрывшись от этой магии рукой. Волна пронеслась и исчезла. Исчезла и Тандрия. Вместо нее появился воин-призрак из рода Первородных. Некоторое время она стояла рядом с лесным хозяином, а потом они оба растворились, и холод занял их место, словно ничего и не было.

— Тандрия! — крик Кеанры можно было услышать на нескольких островах сразу.

Воительница, с которой они приняли кровное рукопожатие, пропала навсегда. Отчаяние выдавило из тэларийки слезы, хоть и скупые, но горькие.

— Она спела песню, — тихо сказал Хардарра. — Она ушла и нам надо...

— Куда она ушла?! — Кеанра рвалась из его рук, несмотря на всю силу арта, так что ему пришлось держать ее крепко.

— Она ушла к другим. Это цена, может и не плохая, — невероятным усилием он все же развернул ее к себе и посмотрел ей в глаза. — Ты упомянула о Тире, ученицы Иллигеаса. Она тут?

— Она была здесь, — Кеанра выдохнула, немного обмякнув под его силой, но волнение снова блеснуло в ее глазах. — А где был Этиль Арад?! Все это время? Где маги? Где их великая сила?

Все почтение, к Хардарре, как к наставнику, которое соблюдалось в городе, тут отступило само собой. Перед артом стоял воин, быстрый, жестокий к врагам, к тому же и лучник. Кеанра смотрела прямо и очень жестко.

— Эодар погрузил его в магический сон, в скалы, — ответил арт. — Я смог очнуться благодаря этой песне. Архимаг...

— Его нет! Брат Тиры ныне правит теми землями! Тут будет война, — она нахмурилась. — Твой народ тоже погиб... Но...сейчас не место скорби. Времени нет.

Быстро смахнув слезы, она отвела взгляд.

— Я знаю, — глаза Хардарры сделались печальными, и эту печаль он тут же скрыл. — Моего посоха нет со мной, но силу я еще не утратил. Значит, дракон черный и дракон белый из дальних легенд сделались быльем?

— Да, — коротко бросила Кеанра.

Она плотнее закуталась в меха, и пошла к берегу острова. Арт последовал за ней.

* * *

За туманной завесой и магической стеной, собиралась иная армия, и иные глаза наблюдали за ней. Идеальные лучники в кроваво-белых доспехах, под алыми стягами строились за стенами эльфийского города. Иллигеас не смог счесть их числа. Все новые воины выходили из-под арочных ворот, и вливались в ровный строй. А рядом с магом стоял Раальдор.

— Ты помнишь свое слово? — спросил король у него.

— Помню, — ответил Иллигеас. — Только у меня есть просьба к тебе.

— Просьба к королю? — вздернул бровь Раальдор.

— Да. Пока твои войска строятся, я хочу получить свободу, — сказал маг. — Я могу помочь белой драконице. Это важно, Раальдор, если ты хочешь вернуться в Высший Мир.

— Ты сильный маг, Иллигеас. Не в моих силах сейчас тебя удерживать, но одну вещь я с тебя возьму, — хмуро блеснул глазами тот. — Кровавую подпись. Магическое слово при нынешних обстоятельствах может и развеяться, а письмо, подписанное кровью, останется навсегда. Даже если бумагу время сотрет.

Иллигеас молчаливо посмотрел на короля. Его мысли на миг унеслись в Высший Мир, к оставленному братству, к его заданию. Там, в своих рядах, он был еще не обучен. Ни сана, ни статуса, и вот первый мир. Его пророчество тогда не казалось таким сложным. Только и отступить магу теперь некуда, теперь, когда зерно этого пророчества смогло вырасти, путей назад не было.

Иллигеас думал. Кровавое письмо, которое просил с него король, слишком ко многому обязывало. Одним его словом, сказанным из вежливости, уже воспользовались, а письмо... Но мысли переметнулись к драконице, к его ученице. Она стоила его усилий, и Иллигеас повернул голову к королю.

— Хорошо, я подпишу тебе письмо, — сказал он.

В зале Раальдора, на круглом столе поставили небольшую плоскую чашу, и положили тонкий, острый нож, с пером.

— Не обмани меня. Я ведь тоже маг и быстро твой обман распознаю, — предупредил его Раальдор. — Мне драконье сердце ни к чему, но свою родину в Высшем Мире я не

упущу.

Одарив его холодным взглядом, Иллигеас взял нож, и полоснул по ладони. Вопреки ожиданиям короля, кровь мага оказалась алой. Тяжелые капли упали в чашу. Иллигеас отложил нож, испарил с него заклинанием кровь, и взял перо. Макнув его в алые чернила, он написал кровавое письмо, и поставил подпись. Желтый пергамент тут же забрал Раальдор, а Иллигеас предусмотрительно обратил в пепел перо и чашу с остатками своей крови.

— Письмо подлинное. Я могу идти? — маг говорил отстраненно, словно думал о чем-то другом.

Раальдор неторопливо прочел написанное, и кивнул.

— Да. Не сочти меня жестоким, — сказал он. — Впереди война, а я один из очень не многих, кто приведет свое войско на поле боя, чтобы биться не за артефакт. Обмен равный. Согласен?

— Мне не о чем спорить, — Иллигеас поклонился ему и покинул зал.

Он не стал брать коня, или оружие. Они были не в надобность. Маг прошел мимо войска, которым Раальдор гордился по праву, и направился к выходу из эльфийских земель. Вскоре его фигура просто растворилась в воздухе. Король смотрел ему в след до последнего шага, а после сложил письмо, и спрятал его под свой серебряный доспех.

Впервые за много дней, Иллигеас почувствовал свободу. Уже не скрывая ни себя, ни своей магии, он шагал через пространство, пока не оказался у заснеженных скал. Тут холод все же показал ему предел его сил. Ветер резанул по щекам до мучительной боли, и маг поспешно отступил назад. Над этими землями будто висел купол изо льда. Сюда пройти Иллигеас не смог. Однако стоя на краю скалы, он хорошо видел капли крови и глубокие борозды от когтей. Коснувшись снега, он в полной мере ощутил всю боль раненной драконицы, и не только. Мощь черного дракона витала тут, как полноправная хозяйка.

Кроме того, Иллигеаса коснулся знакомый холодок пустоты, тяжелый и невесомый одновременно. Взмахом руки, маг отдернул завесу и увидел очертания Наблюдателя. Он был прозрачен, да и держался с трудом, будто этот мир не пускал его в себя.

— Время истекло... — прошептал он. — Оно истекло для нас. У этого мира теперь другой правитель. Ты опоздал, брат.

— Еще нет, — Иллигеас поклонился. — Битва впереди.

— Наблюдатели больше не могут его уничтожить. Тебя ждет участь этого мира, если только избранное тобой пророчество не повернет вечную дорогу в иную сторону. Ты отрекся от Ордена, но братья еще могут тебя вернуть, — Наблюдатель, чью призрачную фигуру трепал ветер, замолчал, ожидая ответа.

— Я не изменю решения, — маг снова поклонился.

Наблюдатель еще был некоторое время, а затем его иллюзия растаяла. Иллигеаса в лицо хлестнул ветер с острыми льдинками. Еще раз, бросив взгляд на скалы, маг исчез с холодной земли гномов-мастеров.

* * *

Войска, если так можно было назвать разношерстные горстки воинов, стекались к берегам Северного Предела. Кто на лодках, кто вброд, они переходили ледяное мелководье и высаживались на черных скалах. Кое-где уже мерцали робкие огоньки первых костров, и

пятна походных шатров. Были тут и тэлариЙцы со своим новым гостем артом.

— Не нравится мне здешняя земля, — сказал вождь песчаных воинов. — Горизонта не видно, холод смертельный, и неба не разглядеть. В пустыне врага видно, а тут... Что скажешь, седовласый?

Он глянул на Хардарру. Тот молча взирал на туман и низкие тучи.

— Наш враг видит нас, — наконец сказал он. — В этом его преимущество, и не только. В этом тумане только мы слепы, но не он.

К вечеру, когда ледяная ночь спустилась на скалы, начали собираться предводители. Их было немного, седобородые старцы от гномов пришли с топорами, люди с юга, их было очень мало, и вожак серых эльфов с горсткой тех, кто смог спастись от охотников. Совет не приняли только Высшие эльфы под предводительством Наальдора. Они стояли стороной, в блестящих доспехах, с луками, на свежих конях, будто те и не устали с дороги.

— Почему эти остроухие не подходят? — буркнул один из гномов.

Закованный в латы с ног до головы, он гневно блеснул черными угольками глаз. Как ответ на его вопрос, из воздуха в круг ступил Иллигеас. Предводители только успели усесться вокруг небольшого костра. От мага они отшатнулись, но арт, не веря своим глазам, напротив, обнял выходца из Высшего Мира.

— Ты жив! — он сжал его своими ручищами, будто боясь, что тот снова исчезнет.

Кеанра тоже узнала мага.

— Тира? Ты видел ее? — накинулась она на него с расспросами.

— Нет, я сейчас не могу ей помочь. Она на земле гномов-мастеров. Но вам, я еще могу помочь, — ответил он.

— У тебя, маг, есть ответ, почему Высшие нам не в помощь? — гном, немного отойдя от неожиданного появления Иллигеаса, уставился на него с недовольным видом. — Мне все равно, какой магией тебя сюда занесло, меня больше волнует раздор на этом поле боя!

Его борода яростно встопорщилась и он засопел.

— Они к нам не присоединятся, — ответил Иллигеас. — У них своя сторона, третья, не наша, но и не врага.

— Вот как дело значит?! Так почему бы им сразу черепа на крепость не испробовать?! — по слову своего вожака, гномы схватились за топоры.

— Мы не будем заводить тут ссоры! — строго сказал маг.

Под его взглядом, гномы успокоились, да и остальные предводители притихли. Даже арт взирал на Иллигеаса с удивлением. У огня собрались разные народы, и самым чуждым здесь являлся именно Иллигеас, и все же его слушали. Тем временем, маг внимательно посмотрел на собравшихся. Больше всего его занимали серые эльфы и гномы. Один были почти что призраками, вторые же наоборот владели крепостью камня.

— В первую очередь, вам следует сохранять трезвость ума, — спокойно произнес Иллигеас. — мне нужны маги, или хотя бы те, кто владеет магией.

Никто не усомнился в его главенстве, никто не задал лишних вопросов. Его просто признали главой.

— Наш народ прирожденные лучники, но и магией мы владеем, — тихим шепотом ответил серый эльф.

— Мы тоже не обделены лучниками, — сказал вождь тэлариЙцев. — И магия огня наша сила. Мои воины владеют и луком и мечем.

— Хорошо, — кивнул Иллигеас. — Скоро наши ряды пополнит армия Раальдора. Это

Высшие эльфы, но они займут нашу сторону. Задача лучников прикрывать мечников до последнего, а так же нести дозор. Тут туманы отнюдь не простые, и враг может напасть в любой миг...

Обсуждение стратегии длилось долго. Иллигеас тщательно распределял силы, выявлял магов, которых было очень мало. Совет закончился только ранним утром, серым и холодным.

Когда Иллигеас остался с Хардаррой наедине, он позволил себе выдохнуть свободней. Опустив плечи, он ковырнул потухшие угли костра носком сапога и обхватил голову руками.

— Ты тратишь много сил, — укоризненно произнес арт. — Хотя стоит признать, ты держался молодцом, и занял позицию главнокомандующего...

— Незачем меня восхвалять, Хардарра. Ты не меньше меня знаешь, что это только слова. Там, за туманом, враг слишком сильный, для этой жалкой горстки, что пришла сюда. Но они должны сражаться, — проговорил Иллигеас. — А у тебя великая скорбь по твоему народу. Я знаю об этом. Мои силы тут, это крупица...

— Не место тут для скорби. Но ведь есть белая драконица...

— Есть, — кивнул маг.

— Ты ведь веришь в ее силы?

Арт слегка склонил голову, взглядываясь в лицо Иллигеаса. Тот ответил молчанием. Он учуял белый огонь на севере, да и тут отголоски магии были очень сильны, и ведь Тира еще не сражалась в полную силу.

— Я слышал песнь серых эльфов. Мелодию жизни и смерти, — вместо ответа, сказал он.

— Смерти и жизни... — поправил его Хардарра. — именно в таком порядке. Это великая песнь о возрождении. Я видел эту эльфийку. Она ушла с лесным хозяином.

— Она сильная, — сказал Иллигеас. — А драконица... Я не всему ее научил. Да и не в моих это силах.

— Тебя что-то тяготит? — арт посмотрел ему в глаза и тоже вздохнул. — Ты в чем-то неуверен.

Иллигеасу не требовалось ему что-то объяснять. Хардарра дотянулся сам до его мыслей, аккуратно, прощупав всю дорогу и боль, что тот пережил. После, сжав губы, он сложил большие руки в замок, и прижал их ко лбу.

— Вот так-то... — проговорил маг.

— Да... — протянул арт. — Тяжелый у тебя был путь, да и письмо можно почитать слишком дорогой платой.

— Я знаю, но мир дороже, — ответил Иллигеас.

Он сделал подобие улыбки, и устремил взгляд лиловых глаз на север, к туманам, к прибежищу Аргелора. Туда же смотрел и арт. Только войска были в стороне со своими предводителями и занимались своими делами.

— Я думаю о народе, который может поднять песнь серой эльфийки, — сказал Хардарра.

Неожиданно, их разговор прервала Кеанра. Она подошла совсем тихо, только Иллигеас ощутил ее присутствие.

— Я хочу предложить разведку, — она взглянула на обоих магов. — Уж прошу прощения, что прерываю вашу высокую беседу.

Они повернулись к ней. Кеанра стояла, вытянувшись, как стрела, глаза горели, а руки ее

лежали на кинжалах.

— Разведку? — Иллигеас глянул на нее снизу вверх.

— Да. Без магии, только мое умение и глаза, — сказала она. — Черный дракон магию может магию учуять, а меня нет.

— Тут пустошь. Как ты будешь прятаться? — с сомнением спросил арт.

— Это уже моя забота, — бросила тэларийка.

Не дожидаясь ответа, она скинула меховой плащ, оставшись в тонкой кожаной одежде, без излишеств, которая ладно сидела на ее тонкой фигуре. Мягкие сапоги на ее ногах делали ее бесшумной кошкой. В следующий миг, воительница исчезла. Она просто нырнула в серую пелену и растворилась.

— Разведка... — нахмурился Хардарра. — Молодежь даже совета и ответа теперь не ждет.

— Разведка не помешает, — Иллигеас произнес это отстраненно, словно думал о чем-то другом.

— Что в таком тумане можно увидеть? — арт мотнул головой. — Ты видно мыслями сейчас не тут?

— Я думал о своей ученице, — признался тот.

— Скажи мне, ты уверен в ней? — спросил Хардарра.

Глаза Иллигеаса были спокойны и смотрели сквозь арта.

— Магия дракона способна дарить и жизнь и разрушение, — сказал он. — Я не могу ответить тебе на этот вопрос. Тира белый дракон, самый редкий, впрочем, как и черный. Их сила велика. Аргелор тоже удивителен...

— Удивителен? Его сердце черно! — арт сжал огромный кулак до хруста в суставах.

Он вспомнил гибель своего народа и смерть других.

— Мир может разрушиться от их боя, — сказал Иллигеас. — Моей магии тут н хватит, да и остались ее лишь жалкие крохи. Магия Высшего Мира тут быстро исчезает.

— Я могу помочь, — Хардарра опустил на камень. — А еще есть Первородные. Их магия может творить чудеса.

— Я о них слышал, — кивнул Иллигеас.

— Серая эльфийка ушла к ним, — напомнил арт.

— Лесной покровитель...

— Лесной дух тут будет не последним воином, — сказал маг. — Он часть этого мира. Из его дыхания и магии рождается жизнь. Он может удержать мир, помочь нам во всяком случае. Удержать это полотно, если оно затрещит во время боя.

— Да... — вздохнул Хардарра.

Иллигеас глянул на него. Арт стоял перед ним, обратившись к серому рассвету. Его мощная фигура будто сгорбилась, могучие плечи опустились, а ведь он мог быть сильным и выносливым воином. Но его призвание это исцеляющие силы, которые сейчас, казалось, его покинули. Он был без посоха, без жезла, не осталось даже магических трав. По его щекам, по плотной коже, стекали скупые слезы. Это был плач по его народу.

Иллигеас только нахмурился. Его собственная магия исчезла. От нее остались только жалкие крохи. Он даже не чуял сейчас дракона. Здесь, в ледяном холоде, он словно бы стоял по другую сторону стены.

— Твой народ возродиться, — Иллигеас неслышно встал рядом с ним.

Он произнес это с твердой уверенностью, которая пришла к нему совершенно

неожиданно. Частичка Высшего Мира, последняя и самая малая, зажгла в нем уверенность. Рядом с артом стоял уже другой маг, и, глядя на него, Хардарра и сам ему поверил.

Глава двадцать первая

— Просыпается... — гном-лекарь поспешно покидал огромную шахту.

За ним тут же заперли вход, на несколько засовов, и тайный механизм отворил люк над огромной шахтой, оставив там только решетку.

— Пускай огонь! — крикнул Барвар Седобор.

Угли под тяжелым телом запыхали, постепенно набирая жар. Языки пламени лизнули разорванный бок раненой драконицы, и Тира открыла глаза. Боль стрелой пронеслась по телу, от макушки до хвоста, до самых когтей, всовывая горячие иглы. Рана зашипела, запенилась кровью. Огонь влился в нее, и драконица, разинув пасть в немом рыке, извергла свое белое пламя. Стены загудели от мощного удара, но выдержали, хотя на головы гномов и посыпался песок.

— Гаси! — подал команду Барвор.

Люк закрылся. Все погасло, и стал слышен только сиплый рык драконицы. Новая ткань, новая чешуя уже закрыли рану, словно ничего и не было. Тира притихла. Она видела тут в темноте, и чуяла гномов, помнила холод и раны. Незаметно, она приняла свой человеческий облик, и осторожно ощупала бок. Мышцы немного болели, одежда еще пахла кровью, но раны не было.

— Жива... — выдохнула она.

Пальцы скользнули ниже, и не обнаружили фиала. Его не было.

— Открывай, — проговорил Барвор.

Снова загремели засовы, и каменная дверь, совсем незаметная в гладкой каменной стене, медленно отворилась. Глава мастеров сделал шаг и протянул Тире свою мозолистую руку. На его ладони лежал заветный фиал со слезой дракона. В этот момент кто-то за его спиной предпочел взять наизготовку боевой топор.

— Мы излечили твои раны, белая драконица. Мы знаем, какой путь привел тебя сюда. Ты в городе мастеров. Помня заветы и пророчество, наши молоты и кузни дадут тебе белый жезл, — громко проговорил Барвор Седобор.

Тира смотрела на него, вспомнив всю боль от целительного огня, и только потом к ней пришло понимание того, где она находится. Великий город мастеровых, о котором даже не все маги знали, и воительница преклонила одно колено перед гномом. Она еще не до конца верила, что смогла сюда добраться, а гномы уже вели ее к кузням.

Подземный город поражал своими размерами и высокими резными сводами. Тира в сопровождении гномов и Барвора Седобора, шла между витых колон, по широким галереям, с отполированным полом, который являл собой одно большое зеркало. Затем, галереи сменились лестницами, которые спускались все ниже и ниже. С каждым этажом воздух из холодного, становился все жарче, пока не раскалился. Город остался позади, и Тира оказалась в огромной кузнице, где стучали молотки и шумели меха. Тут гранились камни, рекой текло золото, которое тут было не очень потребно. Иные металлы имели ценность в этих стенах. Чистейшее белое серебро, истинный металл, и руда изумрудного цвета, вот что ценили гномы.

Здесь стоял настоящий жар, от которого краснели стены и своды. Огонь гномы разжигали на особых камнях, которые пылали лучше всякого дерева и угля. Город жил по своим законам, и битва, которая предстояла всему миру, его волновала мало. Мастера делали

свою работу, и казалось, совсем не заботились о войне.

Богатства, которые увидела Тира, имели не малую ценность. За некоторые из них, другие правители отдали бы свои миры и царства, но драконицу они не прельщали, сколько бы Барвор Седобор не сверкал на нее глазами, высматривая те самые жадные искорки, которые так часто мелькали у людей на ярмарках.

— Суть зришь, надо думать, — не выдержав, произнес он.

— Прав, вижу, — согласилась она. — Камни у вас красивые, и работа тонкая. Только истины нет, слова вашего.

— Истинные ценности у нас в тайне хранятся, — ответил он. — Не всем их суждено увидеть. Для каждого свое найдется, и для тебя тоже.

Он указал на свободную наковальню, размером со стол, и мастера достали молоты из черного железа. На первый взгляд, оно было грубым и старым, даже неказистым, а Тира увидела его истинность и крепость. Эти молоты гномам даровала сама гора. В них была сама суть железа и камня. С первым же стуком их о наковальню, время для драконицы исчезло. Огонь этих кузниц превратился в круговерть под монотонную песню мастеров. Так ковалось оружие, самое великое на Халдрагаре.

* * *

Не так далеко, в тумане и холоде делала свое дело другая воительница. Таясь среди камней, рискуя получить стрелу в сердце, по обледенелой земле кралась Кеанра. Шаг за шагом, она приближалась к границе тьмы. Страх прибирался в нее, но тэларийка гнала его прочь.

— Тебе не достать меня... — прошептала она в туманную пустоту.

Короткая бесшумная перебежка, и она слилась с камнем, стала единым целым с ним. Снежная крупа, которая сыпалась из темных туч, таяла на ее разгоряченной коже. Покрепче перехватив кинжал, Кеанра вновь двинулась вперед.

До ее ушей донесся неясный шум. Замерев на полпути к очередному укрытию, Кеанра вслушалась в странный звук. Шум походил на отдаленный топот, будто маршировала целая армия. Любопытство погнало вперед. Уже у очередного камня, припав к земле, воительница поняла, что не ошиблась в предположениях.

* * *

— Иллигеас... — тихо позвал Хардарра.

— Да? — маг не спал ни секунды, даже после бессонной ночи.

— Слышишь? — арт припал на колени и коснулся камней. — Они дрожат... Земля дрожит!

— Войска! — подскочил Иллигеас. — Надо собирать строй!

— Не успеем... — мрачно сказал Хардарра. — Без дракона...

— Я удержу! — глаза мага вспыхнули, и он глянул на север. — Удержу!

— Я помогу, — сказал арт.

Он помчался к главам войск, спотыкаясь о камни, так некстати подворачивающиеся ему

под ноги, а Иллигеас встал так, будто собой намеревался остановить всю вражескую армию.

Главы собрались не сразу. Они требовали объяснений и разговоров, на которых времени не было. Собрать единую стену из разрозненных войск стало невозможным. Каждый требовал своего, гномы рвались в бой, забыв вообще о всяком строе, а Высшие эльфы предпочли остаться в стороне. Они только наблюдали. Арт, только глянув в их сторону, не стал даже к ним подходить.

— Плохо, все плохо! — ворчал он себе под нос, глядя на всю суматоху.

Удар в спину накрыл его волной боли, и не только его. Кто-то применил магию, сильную, очень могущественную, которую не каждый маг сумел бы справиться. Магия показалась отдаленно знакомой. Где-то, в погребенном ныне Этиль Араде, он уже знал ее. В голове возник образ девы песков.

Кеанра. Воительница не побежала прочь от смертельного врага. В крови ее народа дремали силы, магия пустынь, прожженная, выветренная горячими ветрами, и порой даже не понятная. Кеанра обратилась к ней, к родным пескам, к их мудрости и жару. Ее глаза засветились темным золотом. Огонь побежал по жилам, все выше и горячее, пока не разлился узорами на гладкой коже.

Скрываться уже было незачем, бежать назад тоже. Кеанра встала навстречу приближающейся армии. В руках возник лук, будто сотканный из огненных нитей. Воительница вложила такую же стрелу на тетиву, и воздух вокруг нее зашипел.

* * *

— Черный дракон! — Лар перенесся из одного места в другое, опережая само время. — Черный дракон! На поле боя воин!

Он припал на колени перед Аргелором, который уже успел вернуться в зал, и теперь стоял в своих дымящихся доспехах, огромный, как скала. Лар услышал, как он фыркнул.

— Воин на поле... У белой драконицы появилось оружие, — голос его был спокоен.

— Я говорил...

— Тихо! — внезапно гаркнул Аргелор.

Доспехи, несмотря на тяжесть, сидели, как вторая кожа. Пошевелив могучими плечами, Аргелор тяжело опустился в кресло, которое закрипело под его весом. У его ног развернулась карта, на которой выступала его армия.

— Эту пешку ты зовешь воином? — палец в железе ткнул в кроваво-красную фигуру.

— Эта магия...

Лар не закончил. Далеко на ледяном поле, Кеанра отпустила тетиву. В полет сорвалась стрела, а магия, которая взрезала воздух с диким свистом. Самые мощные доспехи, кованные тьмой, не выдержали ее напора. Первый воин Аргелора рассыпался в прах. Кеанра приладила вторую стрелу, и вновь магия прорвала пространство.

— Вот как... — Аргелор ухмыльнулся под своим шлемом.

— Наши маги сделали все, что могли! — Лар, чувствуя, как воины на поле рушатся, сам припал на колени. — Тот воин использует последнюю магию жизни! Он умрет, даже если его не убьют!

— Встань! — презрительно бросил Аргелор в его сторону.

Его забавляло то, что происходило на поле боя. Шлем скрывал его эмоции, и Лар только

недоуменно смотрел на своего повелителя. Одно движение его рукой, и черные воины превратились в лучников. В порыве магии Кеанра даже не заметила удар. Стрела пролетела сквозь нее, прошив ее тело, и преодолев немалое расстояние, вонзилась в плечо Хардарры. С немым криком тот повалился прямо в окружении гномов. Наконечник, не то из стали, не то из неведомого камня, вонзился в самую кость. Арт зарычал от боли.

— Маг! — заорал ближайший к нему гном, зовя Иллигеаса на помощь.

Бросив плести защитное заклинание, тот ринулся к арту.

— Назад! Щиты поднять! — закричал он и склонился над раненым Хардаррой. — А тебе, придется потерпеть.

Он ухватился за древко, но пальцы соскользнули, измазавшись в крови.

— Кеанра! Я чувствую, это ее кровь, — прохрипел арт, пытаясь привстать, и тут же рухнул обратно. — Что за колдовство у этого черного дракона?!

— Тише, тише! — Иллигеас дернул изо всех сил стрелу.

Крепкая кость арта противно хрустнула и отпустила наконечник с хлюпающим звуком. Хардарра взвыл от боли. Из раны хлынула кровь, и, отбросив стрелу, маг принялся зажимать ее.

— Оставь! Я себя вылечу! — прохрипел арт. — Ставь щит! Кеанру бы спасти...

— Я не смогу ей уже помочь! — Иллигеас уже с трудом выбирал из себя крупинцы силы Высшего Мира.

Капелька серебристой жидкости с кончика его пальца соскользнула в рану на плече Хардарры.

— Спасибо! Но тебе надо торопиться! Если они выпустят залп стрел, нам не выстоять! — говорить ему было больно, и он замолчал.

Иллигеас вскочил. Тут он уже сделал все, что мог. Оглянувшись на войска, которые так и не пришли к единому согласию, он решил на последнее дело. Встав одним боком к ним, а другим к опасности, он обратился к Высшему Миру. В этот миг, со свистом, у его ног воткнулась вторая черная стрела, с которой стекали капли крови. Там, за туманной завесой, билась Кеанра.

Запах ее крови учуял вождь тэларицев. Уж слишком явно разлился он в воздухе.

— Моя дочь! — вождь с бешеным взором подскочил к Иллигеасу.

— Прости, но я ничего не могу сделать! Уходи! Тут будет очень жарко!

Третья окровавленная стрела мелькнула слишком быстро. Ее острие замерло у головы мага, в волоске от его виска. Черное древко стрелы держал в руке вождь. К крови Кеанры прибавилась его собственная, с содранной ладони.

— Мой народ не уйдет! — сказал он. — Некоторые пришли сюда биться за артефакт, мы к ним не относимся. Кеанра...погибнет не зря.

От него повеяло силой, невероятной и непознанной, поднятой из недр спящей пустыни.

* * *

Пять стрел пронзили Кеанру навывлет. В магическом порыве, она не чуяла ни боли, ни своей крови. Ее собственные стрелы летели одна за другой. Таких стрел она выпустила пять десятков. Пятьдесят стрел чистой магии. Столько же воинов Аргелора упало замертво на стылую землю.

— Жаль, Лар, что у моих воинов нет такого духа... — проговорил черный дракон, глядя на свою карту.

— Это не возможно, черный дракон...

— Оставь! — рука Аргелора дернулась, прерывая объяснения мага. — Довольно, не хочу, чтобы они думали, будто так легко им меня победить.

Его пальцы чуть сжались в кулак. Кеанра вскрикнула. Силы внезапно погасли, потухли, как огонь, на который плеснули водой. Воительница выронила лук, и он разбился брызгами искр. Осев на камни, Кеанра сделала последнее, что могла. Огонь, которым воспылал воздух, волной покатился в сторону армии Аргелора. Обессилившее тело медленно опустилось на землю. Кеанра затихла, а чуть спустя, остатки магии собрались на ее губах в последнюю капельку крови.

* * *

— Вперед! — глас вождя тэлариЙцев пронесся над его не большим войском.

Огонь вспыхнул в них небывалой силой.

— Щит захлопнется за вами! — предупредил Иллигеас. — Я не смогу его открыть!

— Пусть! Захлопни его плотнее, маг, мы не возвратимся уже, — вождь сощурился и подал знак войску.

Иллигеас мог только проводить их взглядом. ТэлариЙцы ушли, и он остался один между опасностью и разрозненными воинами. Он чуял атаку войска черного дракона. Едва тэлариЙцы скрылись в тумане, Иллигеас вытянул руку. Жилы напряглись, знакомая сила ледяной волной всколыхнула память, и кровь заструилась по его подбородку. Тело, которое он выбрал, с трудом внимало такой мощи, и все же Иллигеас стоял. От его пальцев протянулись серебряные нити, сплетаясь в паутину. Та же, в свою очередь, превращалась в щит, в огромный тяжелый и непроницаемый ни для чего. Он отнимал силы, но Иллигеас не отступал. Щит вонзился в пространство стеной, раздвигая его и защищая народы от страшной атаки черных воинов.

Второй рукой маг обратился к войскам, унимая их распри. Тонко, неощутимо, он проник в их сознания и заставил успокоиться. Это было очень тяжело, струйка крови из его рта, уже потекла по его шее. Уняв боль, маг продолжил.

За щитом уже зрела атака. ТэлариЙцы шли на смерть. Магия закручивалась могучим вихрем. Удар. Он разлился в обе стороны. В одно время и Иллигеас и Аргелор ощутили его своими телами. Сознание черного дракона сжалось. Его боль оказалась мимолетна, а вот мага она согнула вдвое. С трудом удерживая щит, он упал на колено. Капли крови покатались на землю. Щит затрещал, его белая стена качнулась, как призрачная толща стена воды, и все же выдержал.

— Иллигеас! Ты убьешь себя! — шатаясь из стороны в сторону, к нему шел Хардарра, белый, как снег.

Его плечо с глубокой раной сильно ныло, несмотря на все усилия целителя. Арт едва волочил ноги, на полпути он едва не упал. Дойдя до Иллигеаса, он без слов опустился рядом и влил остаток своих сил в щит.

За спасительной стеной шел короткий и очень жаркий бой. Магия билась о щит с невероятной мощью, и каждый раз маг встречал эти удары своей кровью.

Далеко от них, в своем зале, Аргелор зарычал. Но не от ярости, что его армия рушилась под какой-то горсткой отчаянных смельчаков, а от боли. Магия била и его. Била сильно и очень метко. И это только укрепило его уверенность в своем плане. Этот мир и это время были не его местом. Его армия рушилась, но Аргелор не обращал на это внимания, он даже не сожалел, что такие труды тритрагдорских магов гибли под стрелами пустынных воинов. Тэларийцев было мало, но каждый из них стоил доброго десятка воинов Аргелора. Те рассыпались один за другим от огненных стрел, падали черной пылью с пеплом на лед.

Аргелор сжал кулаки. Архимаг сделал слишком много упущений в его обучении. Боль от магии пробиралась глубоко и колола очень больно, и, вместо тонкого удара умелого мага, Аргелор, который был уже не в силах выносить боль от магии, обрушил мощь неуклюжего молота, от которой содрогнулись стены самой Академии.

Иллигеас захрипел. Кровь хлынула через нос, окрашивая землю в алый цвет. Побледнел и арт. Руки у него дрожали, но он стоял. Щит содрогнулся, а потом наступило молчание. Удар прошел. Стало тихо.

— Мир им... — прошептал Хардарра.

Тэларийцев больше не было. Иллигеас ощутил жуткую скорбь и к крови примешались слезы. Они катились из его глаз, а боль, теперь уже боль потери, рвала его грудь.

— Лесной дух... — еле выговорил маг. — Он рядом...

— Держись, Иллигеас! Без тебя мне этот щит не поднять и не удержать! — Хардарра вкладывал все, что мог, но и его силы были не бесконечны.

Маг ему не отвечал. Каждая крупинка его магии сейчас имела огромное значение. Иллигеас держался, и все же время утекало, а помощь не спешила. Вокруг стоял холод, который пробирал до костей, и тишина, гнетущая и тяжелая.

Посреди этого, как никчемные глупцы, стоял воинства разных народов. Удерживать их согласие сделалось невозможным. Нить делалась все тоньше и слабее, пока с громким звоном не лопнула. Толпа, а не стройная армия, сорвалась. Лица Высших эльфов исказили ухмылки, а спустя миг, все снова замерло. До слуха Иллигеаса донесся звук серебряного рога.

Из ниоткуда, в холодную хмарь, вышло войско Раальдора под своими кровавыми стягами. Белые воины шли ровным строем, на свежих конях, сплошь сотканных из магии, и холод словно отступил от них, боясь их белого серебра доспехов и магии самого короля. Минуя все препятствия, тот правил на Иллигеаса. За его спиной развевался длинный алый плащ, с эльфийским гербом, а в руках сверкал белый лук. Его войско осталось позади, пока король прискакал к Иллигеасу и спешился. Сила тронула короля холодными шипами, но он не отстранился, даже когда на щеке появились глубокие порезы. Он стерпел и протянул руку магу.

— Нет... армия сорвется... — прошептал тот. — Я стараюсь удержать их от распрей...

— Я маг, или ты уже забыл? — раальдор не опускал свою ладонь, и Иллигеас все же дотянулся до нее заледеневшими пальцами.

Раальдор стиснул зубы. Он вынес всю волну боли и скорби, и отдал магу часть своих сил. Они влились в него свежим потоком и щит побелел. Он стал крепче и держать его стало легче. Даже арт вздохнул с облегчением. Его дыхание выровнялось, и внес свою частичку исцеления, которая в первую очередь коснулась Иллигеаса. Кровь перестала бежать по его одежде, и он смог встать с колен.

— Мы вечно его держать не сможем! — проговорил Хардарра. — Рано или поздно щит

рухнет! А войск у нас почти совсем нет!

— Я многое видел, однако твоя магия, Иллигеас, превосходит все мной виденное, — сказал Раальдор. — Нужен дракон. Это его битва, а не наша.

— Войско Аргелора надо сдержать! — прошептал тот. — Но ты посмотри на наши силы!

— Разрозненные племена даже перед ликом смерти не ищут мира! — вновь прохрипел Хардарра.

— Надо бить вместо с твоей драконицей! В одиночной схватке никому из нас не выжить! моя армия хоть и свежа силами, но в открытом бою с черным драконом мы продержимся не долго, — король встал рядом, его рука засветилась и погрузилась в щит, отчего тот вспыхнул серебром.

Подняв серебряный рог к губам, он протрубил в него неясную мелодию, и воины Наальдора странно успокоились, да и сам их предводитель туманным взором уперся в пустоту. Раальдор владел недюжинной силой, и всю ее не показывал.

— Тогда приготовься продержаться! — сказал Хардарра, взглянув на затихших эльфов.

— Моя магия тоже не слаба, — кивнул Раальдор.

Следующий магический удар оказался сильнее остальных. Кровь проступила и на губах Раальдора, и все же он не попятился. Он стоял на равных, и магия его уже начинала удивлять Иллигеаса. Сам он знал, что стоять им придется долго, очень долго. Забывая о боли, о том, что скорбь рвала его сердце, он сосредоточился только на щите, на его прочности. Маг вплетал в него тонкие нити своей силы, зашивая каждую брешь. Хардарра и Раальдор немного облегчали его труд.

По одну сторону щита наступала темная армия, по другую томились бесполезные войска.

* * *

Монотонная песнь гномов, будто заново раскрывала мир перед Тирой. Гномы пели длинные сказания о былых временах, о драконах и первых эльфах, о земле и небесах, о рождении лесов и лесном духе. Гномы владели тайнами, и в песнях их узор раскрывался истиной, простой и понятной. Они были великими мастерами, и Тира слушала их, а кузнецы ковали ее оружие.

Мир за стенами будто бы пропал. Сейчас существовала только эта кузница и гномы. Красное от жара лицо Барвора Седобора врезалось в память Тиры. Он сам орудовал не простым молотом, наравне с другими мастерами, и вплетал свои слова в металл.

И все же, несмотря на всю колоссальную магию, что творилась в городе мастеров, боль добралась до Тиры, и ее собственные слезы капнули на раскаленное оружие.

Оторвавшись от работы, Барвор строго глянул на драконицу.

— Их время истекло. Этот цикл не в силах прервать даже самые могущественные маги из Высшего Мира! — его глаза хоть и горели, как угольки, ни и в них скрывалась печаль.

Он снова ударил молотом, и фонтан белых искр обжег Тиру.

* * *

— Надо бить, — сказал Лар. — Положись на мое чутье, черный дракон! Всего один удар!

Он сделал шаг вперед. Его тощие пальцы напряглись, глаза заблестели, а Аргелор даже не пошевелился. Почему-то он успокоился. Войска как будто отошли в его планах на последнее место. Взяв меч, черный дракон вдруг наставил его на Лара. Тот замолчал. Лезвие давило на кожу, и сколько бы маг не сопротивлялся, капли крови окропили металл. Аргелор проник в его магию, а вот мысли так и остались загадкой.

— Ты, как и я, имел не тех родителей, и родился не в том мире, и не в то время, — сказал он, и убрал меч.

Лар поспешно отступил. Руки зажимали тонкий порез чуть ниже горла. Его мысли роились вокруг Аргелора, но что тот задумал, он так и не смог узнать. А черный дракон уже сел на место и убрал меч.

— Меня отняли от семьи в три года. Я ничего не знаю о них, — наконец прохрипел он. — Меня растил Орден.

— Замечательно, — проговорил Аргелор. — Ни рода, ни племени...

— Почему это радует черного дракона? — взгляд Лара изменился.

— Ты сможешь меня понять. Сядь, — позади мага тут же возник высокий стул, и Лар сел.

— Я постараюсь, — маг насторожился.

Аргелор снял свою железную перчатку, осмотрел свою руку, без шрамов, с широкой ладонью, и снова заковал ее в железо.

— Видишь ли, я думаю, мое время еще не пришло, не в этом мире, — сказал он, глядя на Лара. — Собственно, как и твое, а ты сильный маг...

— Я только применяю свои знания, черный дракон, — сказал тот, сложив перед собой руки, как препятствие.

— Ты многое знаешь, а вот страха я в тебе не вижу, — продолжил Аргелор. — ты должен для меня кое-что сделать.

Глаза его заблестели и вперились в Лара. Тот сидел, как статуя. Он смотрел так же ровно, без эмоций, и Аргелор придвинулся к нему ближе. Маг сглотнул. Меч черного дракона помнился ему слишком хорошо.

— Если это будет в моих силах, — осторожно подчеркнул маг.

— Отыщи после битвы мое сердце, — сказал черный дракон.

Лицо Лара не изменилось. Не дрогнул ни один мускул, он даже не моргнул.

— Без следа крови, я этого сделать не смогу, — произнес он тихим голосом. — И даже если смогу, это отнимет много сил... Я маг не высшей категории. До этого сана мне далеко. Я не обладаю такими знаниями...

— А ты попробайся. Кровь я тебе не дам, — отрезал Аргелор.

— Черный дракон не уверен в исходе битвы? — спросил Лар, сжав кончики пальцев.

Аргелор замер. Он мог бы стереть этого мага в порошок, но не стал этого делать. Даже его тяжелый взгляд никак не подействовал на его собеседника. Лар, с виду такой тщедушный, внутри был тверже скалы.

— Я уверен и знаю, как она закончится, поэтому и хочу, чтобы ты это сделал, — медленно объяснил Аргелор. — Найди мое сердце после битвы.

— Я не...

— Найди сердце, — повторил он.

Лар глянул ему в глаза, в самую глубину.

— Хорошо, я отыщу твое сердце, — сказал он. — Черный дракон хорошо обдумал свое решение?

— Неуместный вопрос, — Аргелор дернул плечом, и встал.

Стул под магом тут же исчез, но Лар не упал. Он вовремя поднялся и склонил голову.

— Я попробую исполнить то, о чем просит черный дракон, — он спрятал руки в широкие рукава, и вышел из зала.

Аргелор остался один, и вскипел злостью к этому магу, а тот даже не обернулся. Лар не заботился и о своей защите, словно был уверен в своей силе.

Черный дракон зарычал, выпуская пары злобы. В маге этом крылось нечто, очень сильное. Аргелор его ненавидел, и все же доверял ему сердце больше, чем кому-то другому. Чтобы этот маг не сделал, он не уничтожит такой артефакт, тогда как другие, такие как белая драконица, раздавят его, не задумываясь. Сердце черного дракона для них, это тьма, а для этого тщедушного мага — новые возможности. Это не входило в планы Аргелора. Поправив доспехи, он покинул зал, захватив с собой меч. Близилось время его вступления в войну, к которой он готовился в полсилы, заранее зная исход.

* * *

В глубинах каменных пещер шло свое дело. Подгорные мастера не полагались на удачу, ее они привыкли ковать сами. По их поверьям, на каждую войну приходилось свое оружие. Одно такое они уже заканчивали ковать. Последний удар молотом, и гномы на длинных щипцах окунули его в воду. Теперь оно было готово, новое оружие, не походившее ни на меч, ни на копье. Перед Тирой, на наковальне лежал жезл из белого серебра, гладкий, без узоров, без наговоренных камней, длиной в руку.

— Возьми его! — сказал Барвор. — Только в ладони хозяина, он явит себя. Ты ведь тоже с виду человеческое дитя, а дух в тебе драконий бродит. Так и тут.

Тира потянулась к жезлу. Пальцы обдало жаром, настоящим, истинным, который мог плавить камни, однако кожу драконицы он не повредил. Когда рука сжала гладкий металл, тот вспыхнул белым светом. По жезлу побежали искры и узоры, он вдруг разошелся на несколько частей, вытянулся, и внутри него засиял стержень, такой чистоты, что разглядеть его было только под силу дракону.

— Истинное оружие! — хором охнули гномы под белые отсветы в кузне.

— Оно твое! Оно признало в тебе хозяйку, бери его! — воскликнул Барвор, и Тира, сжав пальцы, подняла жезл над головой.

Мир принял в себя новую магию, могучую, настоящую, которую могли сотворить только мастера, и они ее сотворили. Новая мощь потекла по жилам рушащегося мира. Эту мощь воительница держала в своих руках.

— Теперь ты готова к бою! А мы выступим вместе с тобой, — сказал Барвор.

Один из гномов зыркнул на него, а затем на Тиру, но их глава сделал вид, что не обратил на это внимания.

— Благодарю тебя и твоих мастеров! — драконица поклонилась ему низко, и с чувством гордости крепче сжала новое оружие.

В подгорных глубинах начали строиться войска. Гномам не требовалось много времени

на сборы. Доспехи и топоры бряцали звонко, воспевая песнь войны, и Тира была к этой войне готова.

Глава двадцать вторая

Два племени Высших эльфов не могли найти общего языка. Два родных по крови брата стали врагами на поле боя. Раальдор и Наальдор даже не смотрели в сторону друг друга, и у каждого были свои намерения. Только Раальдор сейчас стоял рядом с Иллигеасом, а его брат был в стороне. Если бы не заклинания, Наальдор бы давно начал свою войну.

— Мой брат ждет свою добычу, — сказал король.

— Я знаю это, — маг сжал зубы.

Боль от той магии, которую он высасывал из своих жил, и вкладывал в щит, стала уже почти привычной, как и алые капли на губах. Хардарра тоже уже не мог похвастаться своими силами.

— Сколько времени прошло? — спросил арт.

— Только одна ночь, — ответил Раальдор. — Они затаились там. Выжидают. Я не могу понять их стратегию! Они не нападают, хотя и могут...могут смести нас одним ударом.

— Тут тайный умысел, — пробормотал Хардарра. — Не проста...мы жалкие крохи против них. Черный дракон что-то задумал.

— Раальдор, у тебя еще есть силы, можешь ли ты заглянуть в его сознание? — спросил Иллигеас.

— Ты понимаешь, что просишь? Мне, конечно, это может польстить, но я не столь умелый маг, — Раальдор дернул точеным подбородком.

— Рискни! Мне надо знать! — голос Иллигеаса стал неожиданно твердым, и король немало удивился, глядя на него, державшего щит сквозь боль и собственную кровь, без еды, воды и сна.

— Хорошо, — он вздохнул и зачем-то вскинул одну руку перед собой.

Ему не нужно было долго готовиться, и твердить заклинания, но в тот же момент, когда магия его проникла за щит, Раальдор упал на землю. Двое его лучников тут же метнулись к нему, а король, не уступавший по силе Иллигеасу, лежал на спине, глядя на щит, который из белого сделался серым. С уголка его рта потекла струйка крови, а дыхание стало хриплым и неровным.

— Раальдор! — позвал его маг, не отрывая рук от щита. — Очнись!

Частичкой своего сознания он коснулся его, и сам едва не упал. Раальдор дорого поплатился, а ведь даже не дотронулся до черного дракона. Удар оказался слишком сильным. Король стонал, ив стал только с помощью лучников.

— Я не могу... — вымолвил он. — Послушав тебя, я лишился сил надолго... его магия сильнее всего, что я видел...

Он закашлялся, пытаясь глотнуть воздуха, и эльфы поспешно подхватили его под руки.

— Где же твоя ученица? — спросил Хардарра у Иллигеаса, глядя на побледневшего короля. — Хватит ли ее сил?

— Не думать об этом будет лучшим решением, — ответил маг. — Нам придется держать целый мир, если они начнут биться! А тебе, Раальдор, надо восстановиться! Как можно скорее! Вдвоем, с артом мы уже не выстоим тут!

— Могу сказать лишь одно, черный дракон ждет, — простонал король. — Он что-то ждет...

— Не к добру это, Иллигеас! — прошептал Хардарра.

Тот промолчал, и только кивнул лучникам Раальдора, дав им понять, что их королю требуется отдых.

— Надо дождаться Тиру, — сказал он после арту, и тот только поджал губы, бросив взгляд в серое небо.

— Если будет бой...

— Будет! — резко бросил Иллигеас.

— Возможно... — прошептал Хардарра.

Ему было тяжело стоять. Щит тянул из арта все силы, несмотря на его могучую фигуру, да и рана от стрелы, не затянувшись должным образом, болела. Только Хардарра не подавал виду и терпел, сжав белые зубы.

Иллигеас думал только о щите. Это было главным сейчас, удержать щит, и закрыть войска, пока белая драконица доберется до них. С той стороны этой хрупкой защиты начиналась буря, дикая, северная с ледяной пылью. На голой каменистой равнине она несла верную смерть. Наряду с ней затевался и магический вихрь, который Иллигеас мог и не сдержать.

— Ты знаешь о заимствовании сил? — тихо и неожиданно спросил его арт.

Голос Хардарры будто вытащил его из пелены боли. Маг вскинул голову. За все это время его лиловые глаза затуманились, а на подбородке засохло несколько алых ручейков. Он ничего не ел, и его бледные щеки впали, обтянув скулы. Сам Хардарра тоже был бледен, но не настолько.

— Знаю, — проговорил Иллигеас пересохшими губами. — Это серая магия. Она противоречит моей сути...

— О каком противоречии можно говорить на этой войне? — арт чуть повел головой в сторону войска Наальдора. — Ты посмотри на них! А помощи никакой не будет от них! У меня силы кончаются... а ты говорил, что еще и полотно мира лагать придется! Не выдержу я так...

— Я не могу этого сделать, Хардарра! Это тело в этом мире и так едва дышит, а применив серую магию, я упаду тут замертво, — Иллигеас говорил хрипло и дышал уже с трудом.

Он удерживал две стороны, и арт это знал.

— Тогда я это сделаю! Пусть будет не правильно, и меня осудит совет, если мы победим, но иначе эта буря нас разнесет раньше армии Аргелора! — Хардарра постарался не смотреть в глаза магу, а глянул на Наальдора.

Его воины были сыты, хотя ничего и не ели за это время. Просто сдешнее буйство магии их не трогало. Будто почуяв замысел арта, Раальдор несмотря на свое бессилие, все же подошел к ним. Его холодные пальцы сжали широкое запястье арта слабо и безнадежно. Сил у него не осталось, ровно, как и у Иллигеаса.

— Он ведь мой брат... — шепотом напомнил король Хардарре, глядя на Наальдора.

— Раальдор, я возьму совсем немного...

— Нет... бери все...

— Но... — в глазах арта застыл немой вопрос.

— Он был жаден, хоть и мой брат, но он не на нашей стороне, — Раальдор сам протянул свою руку по направлению к войску Наальдора, и сжал дрожащие пальцы.

Запястья арта он не отпустил, и сила бурным потоком хлынула в тело Хардарры. Через холодные пальцы эльфийского короля она лилась, пока не переполнила его. Тогда сила

брызнула в щит. Раальдор все тянул и тянул мощь на себя. Войско его брата, находясь под туманом забвения, слабело на глазах. Великолепные кони, творение магии, исчезли в прозрачном облаке, да и сами воины обмякли. От них тянулась тонкая нить силы, белесая, с вкраплениями красных огоньков. Отпустив арта, Раальдор теперь питался сам.

— Довольно! — вдруг простонал Иллигеас. — Оставь им жизнь!

Он пошатнулся, но успел коснуться короля. Нить разорвалась. Воины остались в забвении, и только гномы сделали попытку очнуться. С них Раальдор силу не тянул. Иллигеас уже не мог держать их с таким же успехом, как и раньше.

— Они погибнут при первой же атаке, — безразлично бросил Раальдор. — И ты...

Его слова прервал гул, который накатил волной на щит, и тот застонал от напора. Его толщина сделалась прозрачной, и Хардарра едва успел подхватить его. В толщу щита ударила буря и леденящий холод.

— Держи! — захрипел арт, принимая удар на себя.

Иллигеас задыхался. Боль сковала его, ноги подкашивались, и стоял он лишь чудом. Не взяв ни капли магии от Раальдора, он держал щит остатками своих сил.

— Возьми мою силу, Иллигеас! — крикнул король, пытаясь перекрыть гул, но маг лишь отмахнулся.

— Щит надо закрыть! — прохрипел он. — Я начну, а вы подхватите!

Последние капли силы Высшего Мира влились в щит, и медленно поползли по северной земле. Белесая завеса росла, окружая поле боя, саму Академию и армию Аргелора. Иллигеас отдавал всего себя, и час за часом, щит превратился в купол, который запер в себе бурю. Она металась под ним. Теперь удары стали сильнее и злее, но маг не отступил. Стены купола переливались то серым, то ярким белым светом.

— Иллигеас, возьми силу! — Раальдор насильно схватил его за руку.

Сопrotивляться Иллигеас уже не мог, и сила наполнила его. Король поделился щедро.

— Ты о себе беспокоишься... — мрачно заметил Иллигеас, когда магия вернула ему утекавшую по каплям жизнь.

На краткий миг, он успел уловить все мысли Раальдора, и тот недовольно нахмурился.

— Если ты умрешь, моему народу не выбраться отсюда! — он сжал его запястье так, что рука Иллигеаса побелела. — А ты нужен тут! И не только мне! Твой дракон...

Их разговор первали. Гномы, сами очнувшись от забвения, наваянного Иллигеасом, вдруг взяли за топоры, и их старейшины приблизились к магу с суровым видом. Раальдор ожидал нападения, за такое самовольное колдовство над подгорным народом, только его не последовало.

— Наши братья идут! — вместо этого сказали гномы. — Они идут с драконом!

— Тира... — пожалуй, впервые за это время, Иллигеас вздохнул свободнее.

— Посмотрим, какова ее сила, — глухо произнес Раальдор, за что получил колючий взгляд мага.

— Если выдержим атаку, — бросил он.

— Твой дракон придет в свое время, — неожиданно ответил король.

— Наш народ будет воевать! — гаркнули гномы, и вслед этому разнесся их боевой клич, от которого дрогнули воздух и щит.

— Еще рано... — сверкнул глазами Иллигеас.

Будто ему в ответ, буря ударила сильнее, и маг сжался от боли.

Аргелор бился в ужасной тесноте для своих размеров. Его сковали, заточили в магическую тюрьму, и черный дракон метался, не в силах разбить этот купол. Ни буря, ни мгла не могли его разорвать.

— Не по моему плану! — зарычал он.

Его кулаки оставили борозды на столе. Чужая магия не давала ему свободы.

— Плен не всегда требует бунта, — вдруг раздался за его спиной шепот Лара.

Этот маг вплыл в зал бесшумно, и Аргелор развернулся к нему с некоторым удивлением и яростью.

— Я не понимаю его магию! — не сдерживаясь, рыкнул он так, что стены задрожали.

— Тот, кто противостоит тебе, силен, но вымотан, — Лар кружил вокруг черного дракона, словно примеряясь к нему. — Разве, черный дракон не этого хотел...

— А ты прав, — Аргелор на мгновение задумался, а потом окинул стены зала оценивающим взглядом. — Прознал о моих планах?

— Я их чувствую, — просто ответил маг. — Черный дракон что-то желает?

— Да... уходи отсюда. Ты должен спастись, во что бы то ни стало! — Аргелор положил ему руку на его тощее плечо, и сжал его до хруста. — Ты понял меня?

— Да, черный дракон...

— Иди, сейчас же! — он толкнул его худощавое тело к дверям.

Глаза Аргелора горели, и Лар побежал, побежал со всех ног. Аргелор слышал, как удалялись его шаги, и пока они не стихли совсем, он ждал, а после...

Громадные крылья вспороли замок. Черный гранит Академии рассыпался песком. Дракон взлетел, чиркнув гребнем о защитный купол, и пронесся над своим войском. Его воины стояли ровным строем, несмотря на потери, хотя те были видны. Магия пустынь нанесла хороший урон. Аргелор тяжело приземлился и махнул рукой. Войско построилось еще ровнее, и дракон глянул туда, где сиял щит. Силой оттуда веяло, только не такой могущественной, как ему казалось. Аргелор замер в своих доспехах, с мечом, будто оценивая расстояние и свою мощь. Буря, которая бушевала тут под куполом, ему вреда не чинила. Ледяные осколки летали вокруг него и армии. Вихрь из них бился о купол, а сквозь него не пробивался. Маг по ту сторону этой защитной стены, все же удивлял Аргелора своей силой. Черный дракон не стал наносить свой сокрушительный удар. Он чего-то ждал, поглядывая сквозь завесу на серую поволоку туч.

— Рано! Рано! — стонал Иллигеас.

Щит давил на него. Руки дрожали, а гномы рядом с ним воинственно помахивали топорами, требуя схватки.

— Открой щит, маг! Наши идут! — требовали они.

— Рано еще! — крикнул на них тот из последних сил.

Гномы недовольно загомонили, то и дело, выкрикивая свой боевой клич, а Раальдор гневно глянул на них. Король помогал Иллигеасу, как мог. Он вливал силы в щит, как и

Хардарра. Только арт уже и сам был готов рухнуть на холодную землю и уснуть от усталости., а Иллигеас все тянул и ждал, когда прилетит белая драконица. Алые капли вновь орошили землю у ног мага, и раальдор схватил его за руку. Боль обожгла его огнем, но руку он не отдернул. Иллигеас оказался холодным, как лед, и король только подивился, в чем держалась его жизнь.

— Терпи! — прошептал он.

Иллигеас через нежелание принял его силу. Щит держался, хоть и не так прочно, как раньше.

— Сколько еще ждать? — прошипел рядом с ними арт.

— Не долго... — Раальдор вдруг стал чувствовать Тиру лучше, чем сам Иллигеас.

Король смотрел в серое небо, но больше слушал свое сердце, а оно говорило, что драконица рядом, совсем рядом. Внезапно, Иллигеас повис на его руке. Его тело сделалось почти ледяным, и губы стали бледными. Лицо короля недовольно исказилось. Не вовремя это было, да и Хардарра захрипел собственной кровью, под тяжестью щита. Швырнув мага на землю, Раальдор бросил к рушащейся завесе.

— Иллигеас! Он мертв?! — Хардарра повернулся к магу, который лежал без чувств, запрокинув голову. — Ему...

— После! Держи щит! — рявкнул на него Раальдор, забыв и о сани главы Изумрудного Ордена, и о возрасте арта, который был довольно подчинным. — Иллигеас сам встанет!

— Как ты...

— Щит! — Раальдор захрипел, не рассчитав свои силы, и Хардарре пришлось ему помогать.

Стена давила на них, и боль впиалась тысячами игл, заставив их хлебнуть собственной крови. Щит высасывал из них магию во сто крат сильнее, и в глазах стало темнеть. Арт уже почти сполз на колени, и дышал через раз.

Прошептав что-то про себя, Раальдор развернулся к войску своего брата. Кое-какие остатки сил в нем еще теплились. Протянув руку, он впился в него, и снова тоненькая струйка силы потянулась к его пальцам. Жизнь войска утекала быстро, а Раальдор все пил и пил, пока воины не рухнули замертво. Наальдор еще сопротивлялся, его трясущаяся рука ползла к кинжалу, что висел у него на богатом поясе, и, отдавая последнюю каплю магии, он все же метнул его в брата. Блестящее лезвие не долетело до цели, и вонзилось у ног Раальдора.

Вытянув все, что мог, король развернулся, и влил всю силу в щит.

— Арт! — хрипло крикнул он.

— Я не могу больше держать! — простонал тот.

Он упал на колени, и вся тяжесть навалилась на одного Раальдора. Мощь щита надавила на него, как скала. Захлебываясь от боли, он опустил руки, и призрачный купол рухнул, разлившись волнами по ледяной равнине.

Буря, вырвавшись из плена, с воем и гулом, понеслась на гномов и эльфов. Помня приказ своего короля, воины только закрылись щитами, и заслонили Раальдора. Осколки льда и страшный ветер едва не разодрали их доспехи.

Хардарра под этим ветром все же дополз до Иллигеаса, и накрыл его своим телом. Маг не шевельнулся, только капельки крови стекали с его губ. Целебных сил у самого арта не осталось, но было еще тепло, и он отдавал его Иллигеасу, пока лед нещадно терзал его самого.

Гномы встретили бурю лицом к лицу, не прячась и не скрываясь. Крепкие воины затаили боевую песню, которую даже буря не смогла перебить. Снег и лед оседали на их бородах, шлемах и топорах, а они пели сквозь вой и хлесткие удары. Они пели истинным словом, сама земля будто вторила им, и их густой бас смешивался с ее твердью, творя магию камня. А вскоре, сквозь ветер, им ответили. Закаленные голоса тянулись откуда-то сбоку, от темных заледенелых скал, и в буре было не разобрать, пока сквозь мглу не показались силуэты воинов земли, гномов-мастеров.

— Подмога! — послышался крик, а следом за ним и боевое приветствие соратников.

Заслоня глаза от осколков льда, Раальдор глянул в ту сторону. Со стороны скал показался настоящий боевой строй, вооруженный особым оружием, заговоренными топорами. В их лезвиях горел огонь, настоящее пламя ярости, и его багровые отсветы играли на лицах воинов. Под свою песню они выступили из бури, и таким же ровным строем они подошли к своим братьям. Их вожди говорили молча, только глазами, и не было никакого обсуждения стратегии и боевых построений, другие гномы просто влились в их строй и стали единым целым. Они не спорили о званиях, о позициях. Одного взгляда им хватило для понимания друг друга. В этот момент Раальдор позавидовал им. Они не проронили ни слова.

Взяв щит, король приблизился к арту, насколько это позволял ледяной ветер. Осколки уже успели ободраить железо на нем и на армии Раальдора. Некоторые эльфы валялись тут же замертво. От бури невозможно было прикрыться, а магия гномов на них не распространялась.

— Сейчас будет битва! — Раальдор не стал церемониться с Хардаррой, грубо трянув его за плечо. — Вставай!

— Дракона нет... — слабо простонал арт.

— Будет дракон... — Раальдор попытался его поднять и это ему с трудом удалось.

Иллигеас, чуть согревшись теплом арта, вдруг пошевелился.

— Если дракон не прилетит...

— Заткнись! — рыкнул на Хардарру Раальдор.

Обессиленный глава Ордена не ответил ему на оскорбление. А король, склонившись над Иллигеасом, залепил ему звонкую пощечину, пытаясь привести его в чувство. Маг был сейчас нужен, как никогда.

Ледяные осколки разодрали Раальдору плащ и щеку. Они царапали щит, вонзаясь в землю, как наконечники копий. Король выпрямился, чтобы взглянуть вперед. В тот же миг, его руку чуть ниже плеча, пропоров щит, насквозь пронзила черная стрела. Пролетев дальше, она воткнулась в гномью броню. Ее наконечник закрипел, зашипел и рассыпался. Гном даже не шелохнулся, а вот Раальдор согнулся от боли. Из страшной раны не хлынула кровь. Сквозь пробитый доспех показалось всего несколько черных капель. Лицо короля стремительно бледнело, и магия быстро покидала его тело.

— Яд! — арт, шатаясь, метнулся к нему, сжимая его руку чуть выше раны.

— Не так! — по знаку своих предводителей, Хардарру суровой рукой отодвинул чернобородый гном.

В толстых, казалось бы, неуклюжих пальцах возник кривой неприметный нож. Дернув Раальдора наземь, гном сорвал доспех с его руки, и вспорол рану без всякой жалости.

— Что ты делаешь?! — в негодовании закричал арт.

— Не помогут тут твои силы! Этот металл грязный и рана грязная! Тут лечить надобно по-другому! — гном резанул еще раз по живым венам, и тогда кровь, почерневшая от яда,

пролилась на камни.

Гном немилосердно давил на рану, пока кровь не стала алой, и Раальдор не закричал от боли. Только боль уже была другая, чистая, и гном отпустил руку короля, уступая место арту.

— Изверг... — прошипел тот, разрывая свой рукав, и оборачивая им рану эльфа. — Кто ж так...

Ворчал он уже сам себе, гномы по своему собственному приказу выступили навстречу врагу. Темные войска стояли где-то там, за бурей, за смертельными осколками льда. Оттуда веяло темнотой. Несмотря на вой бури, гномы ушли, и скрылись в ледяной мгле, откуда с новой силой засвистели стрелы. На глазах арта, от этих стрел один за другим гибли эльфийские воины.

Замотав Раальдору рану, Хардарра, под стрелами дополз до Иллигеаса.

— Вставай! Поднимайся же, Иллигеас! — арт прикладывал все усилия к бледному магу.

Он бросил раненного Раальдора против своих же правил, но эльф приходил в себя, а Иллигеас лежал белый, как снег, и, такой же холодный. Раальдор, скрипя зубами, все же смог подняться сам. Повязка на его руке уже пропиталась кровью. Его лучники без поддержки своего короля оставались простыми лучниками, меткими, но простыми, без всякой магии. Хоть перед его глазами и мелькали огоньки слабости, Раальдор выпрямился, как и подобает королю.

— Встать в строй! — его голос не дрогнул, несмотря на боль. — Сомкнуть ряды! Поднять луки наизготовку!

Сам Раальдор даже и не думал прикрыться от вражеских стрел. Он смотрел сквозь бурю, и чуял очень сильного противника, огромного, черного и могущественного. Взор короля не мог проникнуть в сознание дракона, однако силу он чуял и без этого.

Лучники Раальдора выстроились, подняли луки, и доспехи их засияли. Магия потекла белым серебром, наполнила их силой эльфийской земли, и белые стрелы полетели во мглу. Их целью были черные воины Аргелора. Гномов бы они не тронули, а вот тьму рассечь смогли.

— Теснее! — скомандовал Раальдор.

Еще один залп прорезал бурю. С каждым таким залпом лучники отнимали силы у своего короля, а тот, в свою очередь, заимствовал их у своего королевства.

— Сколько же их там... сколько воинов у тебя, черный дракон? — прошептал он сам про себя.

Больше его волновало то, что черный дракон ничего не предпринимал, кроме своих черных стрел. А ведь мог, мог бы уже стереть все в пыль, смести одним только ударом.

Рядом с Раальдором, шептал какие-то заклятия Хардарра.

— Лесной хозяин... — слышалось посреди его шептания.

— Подними Иллигеаса! — крикнул на него Раальдор.

— А я что, по-твоему, делаю? — огрызнулся арт. — Сил уже нет у меня...

Его целительство сейчас могло бы возродить целую армию, но Иллигеасу этого было мало. Он пришел из другого мира, и силы Хардарры там не превышали маленькой капли.

— Ну же, ну же! — руки арта метались над бледным лицом мага.

Иллигеас лишь слабо стонал. Он истратил все, что наполняло его человеческое тело жизнью, он позаимствовал и силы Высшего Мира, вложив все в щит. Хардарра бился над ним, вспоминая всех предков, и все их заветы. Понимал он и то, что у Раальдора силы тоже заканчивались. Черные стрелы все же пробивались сквозь защиту короля, и теперь со скрежетом царапали магические заслоны его лучников. Оставались еще мечи. Раальдор

оставил их напоследок. Ближний бой будет на смерть. Это понимали и сами воины.

— Хардарра! — король резко обернулся к арту, и тот вздрогнул, едва подняв на него глаза.

Его окровавленная одежда и доспехи висели клочьями, изодранные льдом и стрелами. Серебристые волосы Раальдора трепал ветер. Арт тоже был изранен и измотан.

— Я не могу! — отрывисто крикнул он. — Не хватает моих сил, чтобы поднять Иллигеаса!

Раальдор только зарычал.

— Мечи наголо! — его крик перекрыл бурю. — Вперед!

Белые лезвия заблестели. Их изгибы горели звездами, только буря взвыла еще сильнее, и стена осколков льда не дала и шелохнуться. Сколько бы, не кричал Раальдор, осколки вместе с вихрем сковали остатки его войска. Самого Раальдора швырнуло на камни. Лед сорвал с него остатки доспех, и теперь рвал серебряную кольчугу.

Где-то рядом упал Хардарра. Лед бил нещадно, прорезая кожу и одежду. Кровь лилась ручьем, и вдруг чья-то рука схватила короля за плечо, рука горячая, но не человеческая. По чьему-то мановению, буря стала затихать. Вой унимался, и ветер будто бы отступил. Привыкнув уже к боли от осколков льда, Раальдор даже не ожидал, что они могут исчезнуть.

— Вставай! — голос, похожий на шелест леса, коснулся короля, и тот встал. — Не равный противник у тебя!

Перед ним был лесной хозяин, и от одного его взгляда, мелкие раны стали затягиваться.

— Благодарить ли тебя? Долго же ты шел... — простонал Раальдор, еще не совсем веря тому, кто стоит перед ним.

— Я прошел сквозь свою смерть в этом мире, но меня возродили намного раньше, нежели я бы возродился сам. Песнь спасла меня, — прошелестел он. — Со мной войско.

За его спиной стояли Первородные эльфы-лучники во главе с прекрасной эльфийкой в зеленых одеяниях.

— Моя армия мертва, мне некого поднять в бой... — голос Раальдора дрогнул.

— Бейся сам. Есть в тебе силы твоей первой родины! Она в твоей памяти, а значит и черпнуть из нее ты можешь, — сказал лесной хозяин.

— Знаешь ли ты, как далеко она? А тот, кто может меня вернуть туда, лежит холодным трупом! — он сжал окровавленный кулак.

Взгляд лесного хозяина обратился туда, где лежал Иллигеас. Ноздри его раздулись, втягивая ледяной воздух.

— Не мертв он! — рыкнул лесной хозяин. — А свое место в битве, он еще займет!

Приблизившись к магу, он склонился над ним. Арт, послушно уступил ему место, тут же отодвинувшись назад. Рука хозяина легла на лоб Иллигеаса, и узоры на его теле вспыхнули ярким светом. Прикрыв глаза, он что-то зашептал на своем древнем языке. Никто уже не помнил его, не понимал, и только Хардарра чувствовал его силу. Ладонь лесного хозяина мягко засветилась, и свет проник в тело мага. Арт увидел, как дух наполнял его магией Высшего Мира. Прошептав все нужные слова, лесной хозяин встал, и вслед за ним зашевелился Иллигеас. Его щеки зарумянились, ушла мертвецкая бледность.

— Дальше твое умение ему поможет, — сказал хозяин Хардарре.

— Благодарю тебя! — тот почтительно склонил голову, несмотря на боль от ран, и тут же снова поднял на него глаза. — Посмею спросить тебя о драконице. Ждать нам ее, или же бросить силы в последний гибельный бой?

Взгляд лесного хозяина пронзил его насквозь. Нечто звериное полыхнуло в нем.

— У белой драконицы будет своя битва, Хардарра, — проговорил он. — И наша битва, не в сравнение с ней. Те, кто сможет выжить, будут держать мир.

— Значит, это правда? — арт глянул на Иллигеаса, который уже начинал приходить в себя. — Держать мир?

— Да, иначе нас постигнет участь миров, затерянных во времени, — ответил лесной хозяин.

— Во мне не так много магии... Я всю истратил... — Хардарра опустил голову, почувствовав себя виноватым в этой слабости.

— Ты глава Изумрудного Ордена, и ею останешься. Твой город всего лишь уснул, — больше, лесной хозяин ему ничего не сказал.

Чуть вдали, его ждала предводительница Первородных. Хардарра едва ли узнал в ней тандрию. Теперь она стала частью леса. В ее волосах шелестели листья, за спиной реял зеленый плащ, а глаза горели изумрудным светом. Ее оружием был не только лук, но и мечи. Узкие и острые, они висели на ее поясе. Броней, лесной деве служили легкие, на первый взгляд доспехи, будто сотканые из тонких листочков, только по крепости они могли поспорить с гномьим железом.

Хардарра, в силу своих способностей, метнул взгляд на сердце лесного хозяина, а потом и на сердце лесной девы. Последнее отдавало холодом, а вот первое...

Арта обожгло. Не свободно оно было, и место в нем заняла та, чье сердце горело иным огнем. Иное пламя его грело.

Лесной хозяин прошел мимо Раальдора, и Хардарра опять же, не мог не заметить их взглядов. Эльфийский король посмотрел ему прямо в глаза, и этим сказал многое. Сердце короля не светилось любовью, зато в сознании его вертелась нить. Сложное хитросплетение, которое Хардарра не смог разобрать.

Раальдор смотрел на лесного хозяина долго, и проводил его взглядом, пока тот не миновал его, а после шагнул за ним.

Белая драконица была где-то рядом. Он чуял, чуял Тиру, и все же, что-то мешало. А впереди уже ждал бой. Ненасытная черная армия сожрала воинов песков, поглотила силы, и сейчас, там, в тумане, на последнем вздохе бились гномы.

— Вперед...без пощады! Нет у нашего врага ни крови, ни плоти! Не жалеть стрел! — рыкнул вдруг лесной хозяин, и рокот этот подавил саму бурю, прокатился до самого горизонта.

По его знаку, Первородные вскочили на своих призрачных гидралов, сам же хозяин обратился зверем, и лесная армия помчалась навстречу врагу. Черный строй виднелся сквозь пелену тумана и завесу бури. Раальдор шел один, и шел пешком. Не осталось у него ни коня, из тонкой магии, ни воинов, но он обратился к силе родной земли, земли, что лежала в Высшем Мире, где цвели золотые леса, и пели флейты. Эта сила и стала его оружием. Забыл о боли и усталости, он приблизился к страшному строю. У него за спиной остались Иллигеас и Хардарра.

Без команды, Первородные натянули луки, и первый залп стрел просвистел над шлемами сражавшихся гномов. Раальдор увидел, как рванулся лесной хозяин, зверем прыгнув в самую гущу боя, а после вступил и сам король. Вихрь накрыл все поле, и на краткий миг оно исчезло для всего мира, полыхнув для Высшего Мира ярким пламенем.

Глава двадцать третья

Белая драконица, обжигая крылья холодом, пыталась взлететь с земель гномов-мастеров. Что-то отбрасывало Тиру назад. Там, внизу, велся не шуточный бой, и магия кидала ее, как слабую птицу на ветру. В который раз, обратившись человеком, она рухнула на снег, царапнув боком по льду.

— Я не маг...не маг...не маг! — драконица ударила кулаком по обледенелому камню.

Она ничего не мыслила во всех этих замысловатых сетях магии. Она умела бить напрямую, а тут... Подойдя к краю, Тира глянула вниз, на кромку моря и льда, а затем на землю, до которой ей было необходимо долететь. Гномы ушли своим путем, по тоннелю, в который она не могла даже протиснуться.

— Я не маг... — повторила Тира.

Далеко от нее, под серыми тучами, полыхало магией, и сырой, и искусной, а она не могла туда пробиться. Воительница рычала и билась на берегу. Вихрь там то чуть утихал, то снова отбрасывал ее от обрыва. Оружие которое сковали ей мастера, безучастно висело за спиной. Холодный жезл молчал, и даже не светился, будто был простым металлом. В очередной раз, натолкнувшись на невидимый щит, Тира остановилась в злом и беспомощном молчании. Обойти эту магию она не смогла. Потoki теснили ее с разных сторон, и казались неуправляемыми.

Ветер, о котором Тира почти забыла, трепал ее волосы, обдавая ледяным дыханием Северного Предела. Одежда драконицы частично покрылась инеем, а сверху, с серых туч, сыпался колючий лед, но ее это не волновало, как и боль от мелких порезов, что оставляли острые осколки. Тира совсем отчаялась. Та земля, внизу, оказалась недоступнее, чем все золотые запасы гномов, а ведь бой и так начался без нее.

Вдруг ее плечо что-то царапнуло, чьи-то мелкие когти вонзились в одежду и над ухом захлопали крылья. На плече сидел ворон Тандрии. Птица щелкала клювом, и назойливо щипала Тиру за волосы, пытаясь повернуть ее в другую сторону.

— Куда? Не до тебя... — она хотела было отмахнуться, но птица тут же перепорхнула на ее руку, и наклонила голову набок. — Тандрия...

Сердце нехорошо заныло, а ворон тревожно захлопал крыльями. Он явно звал ее за собой, и Тира последовала за птицей. Слетев на снег, ворон бочком запрыгал в сторону, к расщелине, что прорезала берег, и остановился на самом краю, дожидаясь воительницу. Едва она подошла, ворон сорвался вниз, и она увидела только его черный силуэт, который, чуть погодя, влетел в самый вихрь магии, сквозь маленькую щелку. Она закрылась за ним, а после, появилась вновь. Там, потоки вихря имели не такую плотность. Тира до рези в глазах наблюдала за этими потоками. Конечно, для дракона эта щель была слишком мала, но воительница могла разорвать эти потоки.

Она посмотрела вниз. Там частоколом поднимались острые, обточенные морем и покрытые льдом, скалы. Отойдя на десяток шагов назад, Тира закрыла глаза. Так пространство чувствовалось лучше. Магический вихрь кружился совсем рядом. Он почти касался ее кожи, то холодом, то пламенем, то ветром. Пропасть впереди, она тоже чувствовала, как и бурю за ней.

Всего десять шагов... Мышцы напряглись, спину будто обожгло. Драконица прыгнула вперед, не открывая глаз, в самую пустоту, и ледяной поток ветра ударил ей в лицо. Когда

Тира открыла глаза, острые пики скал были уже близко. Под мощным нажимом пространство затрещало. Крылья распахнулись, и белая драконица резко взмыла вверх. Воздух сомкнулся вокруг нее. В два взмаха, Тира преодолела пропасть и ворвалась в узкую щель в вихре. Магия ударила в нее железным щитом, едва не содрав чешую.

* * *

— Дракон! Дракон летит! — слова пронеслись боевым кличем над полем боя.

Гномы ударили с новыми силами. Многие из них уже пали мертвыми. Черные воины Аргелора знали и ближний бой, а не только пускали смертоносные стрелы. Их мечи так же несли гибель, и даже заговоренные секиры разбивались о них вдребезги. Бились насмерть и Первородные. Раальдор впервые видел смерть тех, кого он относил к миру духов. Конечно, они возродятся, но не сейчас, а может и не в этом мире. Их полупризрачные тела рассыпались искрами, а лесной хозяин каждый удар по ним чувствовал, как свой собственный. Сам раальдор бился не жалея себя, и по началу казалось, что он и другие наступают на армию черного дракона, и лишь спустя несколько атак, он осознал, что это была просто оборона. Черное войско было велико, и пробелов в своих рядах оно не допускало, смыкаясь, как единая черная волна.

Отчаяннее всех дрались гномы. От их ярости белело железо, и грубая магия растекалась по полю, настолько грубая, что ее вкус Раальдор ощущал на своих губах. Не для эльфийской крови она предназначалась, и он едва мог выдержать ее натиск.

Услышав крик о драконе, Раальдор поднял голову, и увидел в небе силуэт сначала черного ворона, а после и белой драконицы. В этот момент какая-то сила отбросила его на десяток шагов назад. Удар пришелся в грудь, будто кузнечным молотом, король захрипел от боли. В глазах все потемнело, и он впился пальцами в обледенелую землю. Этот удар отнял у него те жалкие остатки сил, что еще держали его, и он хватался за ее последние крохи, чтобы сделать хриплый вздох. В небе, где-то в самом центре битвы, вдруг полыхнуло дымным огнем. Что-то засвистело, а после рядом с Раальдором вонзился в камни топор Барвора Седобора. Следом упал и его хозяин, израненный стрелами, но в его глазах еще пылала жажда битвы. Раальдор не мог пошевелиться, не мог даже поползти до него. Они лежали и смотрели друг на друга, и видели, как жизнь утекает из них прочь. Еще удар. Страшно и свирепо взвыл лесной хозяин. Меняя облики, он рвался к черному дракону, не обращая внимания ни на свои раны, ни на свою кровь. Магия уже не хранила его. Стрелы прошивали его одна за другой, и даже Тандрия, став Первородной, не смогла защитить его. Стрелы пронзили и ее, а колдовство черного дракона отняло у нее силы. Раненая, она свалилась на землю, и ощутила непомерную тяжесть. Ее будто сковали оковами, а лесной хозяин еще рвался сквозь эту стену. На горле Тандрии сжалась невидимая хватка колдовства, и в немом хрипе она бросила угасающий взгляд в небо, где кружился смертельный вихрь непомерной силы и власти черного дракона. Она видела его мглу и ярость, которые рвали небо, и в этом вихре мелькнул чей-то силуэт, такой знакомый, но очень далекий. Он боролся свихрем, и вырвался из него. На горло Тандрии камнем упал ее верный спутник, лесной ворон. Птица защелкала клювом, срывая невидимые путы, и ворону это удалось, а следом за ним, в вихре пронеслась уже другая фигура.

Черная армия по неслышному приказу сомкнула ряды еще теснее, и лесной хозяин с

разбега напоролся на обнаженные мечи. Послышался хруст. Не обращая внимания на раны, он сменил звериный облик и махнул рукой, сметая черных воинов со своего пути.

— Нет... — прохрипел он.

Из его горла вырвался рык, и он прыгнул, прорывая стену магии черного дракона. Она трещала под его натиском, и наконец, рухнула. На миг лесной хозяин увидел своего врага, страшного и огромного. Всего один бросок отделял его от него, и последние остатки магии уже потекли по жилам, как вдруг с неба сорвалось что-то белое и необъятное, которое заполнило собой все пространство. Если сила Аргелора была как плеть, то эта новая магия ударила, как водяной вал. Сила отбросила лесного хозяина, как легкую щепку, отшвырнув его к Раальдору и прочертив его телом на земле глубокую борозду. Краем глаза, сам Раальдор увидел, как стали плавиться топор и доспехи Барвора. С криком, тот стал срывать их с себя окровавленными руками, пока не остался в рубахе и штанах. По его белому лицу было видно, что на это он потратил остаток сил. Металл, брошенный им на землю, медленно вплавлялся в нее, и жар от него коснулся ран Раальдора.

— Встать! Тебе надо встать! — чье-то окровавленное лицо склонилось над ним.

Сквозь боль, Раальдор едва узнал Иллигеаса, и арта рядом с ним, который уже поднял раненого Барвора. Ледяная рука мага с силой оторвала короля от земли.

— Погоди... — не слыша своих слов, Раальдор попытался указать на тело лесного хозяина.

Сейчас могучий дух, оберег и жизнь лесов, лежал в крови, исколотый мечами и стрелами. Что-то хрипя, Раальдор выскользнул из рук мага.

— Идем! — Иллигеас поднял его вновь. — Ему помогут...

Хардарра, держа одной рукой Барвора, второй дотянулся до лесного хозяина.

— Жив... — арт вскрикнул от боли, когда когтистые пальцы впились ему в запястье, но он не бросил его.

— Уходить надо... — хозяин повис на его плече тяжелым грузом, словно опустил на него все бремя мира. — Тут будет жар настоящей магии... Только сил не осталось...

— Иллигеас! Мы так далеко не уйдем! — арт согнулся под тяжестью непосильного груза. — Иллигеас...от этого удара никому не уйти!

— Надо оттащить раненых как можно дальше! Неси, сколько сможешь, — Иллигеас и сам подгибался под телом Раальдора, который едва волочил ноги.

Маг тоже был слаб и шагал сквозь боль. Жар драконьей магии уже пригревал спину. Он не походил на огонь, и не походил на солнце. Этот жар слепил и пепелил все и светлое и темное, и не для этого мира он предназначался. Вспомнив слова своих братьев Наблюдателей, Иллигеас как мог, ускорял шаг, пока белый отсвет не накрыл их с головой.

— Иллигеас!

— Знаю! — опустив Раальдора, он стал лицом к волне, которая походила на громадный рассвет, на белую стену. — Хардарра, ты еще можешь исцелять?

— Самую малость! Раны хозяина лесов слишком страшные, да и магия моя слаба для него! — Хардарра глянул на мага, а после и на самого раненого хозяина.

— Лечи! Лечи, как можешь! Сейчас пришло то самое время, когда мир ляжет на наши плечи! Иначе его разорвет на части! — Иллигеас коснулся лба Раальдора, только ему нечем было с ним поделиться.

Эльфийский король невнятно застонал, а Хардарра торопливо опустился на колени.

— Чем его лечить?! — немой вопрос завис в воздухе, и вдруг лесной хозяин открыл

глаза и глянул на арта.

— Он есть и в Высшем Мире! Обратись к нему, ты из народа целителей! — бросил ему Иллигеас.

— Да...но... — рука Хардарры легла на раненую грудь лесного хозяина.

Мысли арта понеслись сквозь боль и слои магии туда, где были все истоки, где жила истина. Коснувшись ее, арт зачерпнул сколько смог, той жизни, что наполняла тот мир, и плеснул его в лесного хозяина. Неяркое свечение, и шумный вздох, стали свидетельством того, что ему удалось исцелить рану. Лесной дух задышал глубоко и мощно, и отвел руку Хардарры, положив ее на раненого Барвора. Глава подгорных мастеров захрипел и закашлялся. В его глазах прочитался страх, но лечение подействовало. Раны срастались, и жизнь возвращалась в холодное тело гнома.

— Знатный колдун... — прохрипел он.

Только опомниться ему не дали. Иллигеас тут же подхватил его под руки и помог подняться.

— Мастер Барвор Седобор! — отдавая ему почтение, он быстро поклонился. — Помнишь ли ты слова земли?

— Не на разбитую голову такой вопрос...

— Вспомни! Прошу, как маг! — Иллигеас глянул ему в глаза, и Барвор нахмурился, оглядывая остальных.

На его лице читалось недоумение, а Иллигеас уже требовал от него действий.

— Дай мне в себя прийти... — тяжело дыша, он провел рукой по пустому поясу, и только тут вспомнил, что все доспехи и его оружие давно растаяли. — Оружия нет...

— Не им будем обороняться! Вспоминай слова, — маг уже бесцеремонно встряхнул его за плечи.

— Слова земли сильны! Ты ведь знаешь, о чем просишь? — Барвор Седобор взглянул на него уже по-другому, когда осознал, что сейчас будет твориться.

— Знаю! Твоя магия поможет держать мир, — сказал тот. — Остался Раальдор...

— Я уже вряд ли смогу его исцелить. Магия иссякла, — сказал арт, поймав на себе взгляд мага.

— Я могу, — сказал лесной хозяин, присев возле Раальдора и взяв его за руку. — Его сила пригодится, возможно, даже больше моей.

Не дожидаясь, пока тот придет в себя, он дернул его, подняв одним махом на ноги. Раальдор, захлебываясь воздухом, который хлынул ему в грудь, закашлялся. Чтобы устоять, он схватился за плечо лесного хозяина и утер с губ кровь.

— Чем мне тебя отблагодарить? — прошептал он так, чтобы остальные не услышали. — Ты, как я успел заметить, побывал в моем сознании. Много прочел?

— Каждый из вас для меня открыт, как книга, — лесной хозяин заговорил мысленно. — Я не беру ничью благодарность.

Раальдор долго смотрел на него, пока Иллигеас не тронул его за плечо.

— Мне нужна вся твоя магия, — сказал он. — Лесной хозяин, выжил ли кто из твоего войска?

— Нет...там, жар все испепелил, — он тяжело вздохнул. — Эта мощь не для этого мира. Сильна твоя драконица, Иллигеас, но не опытна...

— Тебе ли не знать, что я не наставник? Ее учить должны были драконы. Моя магия другая. Я Наблюдатель, — сказал он.

— Я знаю. Я видел тебя в Высшем Мире, — лесной хозяин, сощурился глазами, глянул туда, где поднималась белая заря. — Они еще не начали битву, Иллигеас!

При этих словах, Хардарра и Раальдор обернулись на мага.

— Что же будет, когда они начнут битву? — тихо спросил арт.

Иллигеас смотрел на зарево невидящим взором. Там, куда он смотрел, раскручивался вихрь немыслимой силы, такой, что даже сознанием он не смог туда проникнуть. Такой магии он не видел никогда, и вряд ли, кто из магов, бывших тут, мог себе такое, когда либо, представить.

Эта сила сносила все на своем пути, и в центре вихря она уже стерла тонкий слой магии этого мира.

— Объединим силы! Все в строй! — крикнул Иллигеас, пытаясь перекричать грохот.

— Я же не умею... я мастер металла и слова, а не этих ваших колдовских изысканий! — Барвор не слишком доверительно сделал несколько шагов, чтобы занять место рядом с магом.

— Тут не нужны магические хитрости! — Иллигеас снова дернул его за плечо. — Просто вспомни силу земли! Вспомни слова мастеров!

Барвор шумно засопел, будто что-то припоминая, затем кивнул. Хотя он и был великим мастером, но никогда не колдовал, а тут творилось то, чего он не мог разобратить. Его простая магия слова не имела с этим ничего общего.

Иллигеас уже занял боевую позицию, его пальцы засветились, а Барвор такого не умел. Хардарра тоже встал в боевую стойку, рядом с ним стоял лесной хозяин.

— Когда волна накроет, стоять всем на своих местах и не шевелиться! — командовал Иллигеас.

— Сожжет! — лесной хозяин уже почувствовал эту дикую силу.

— Нет, не сожжет! Я закрою, а дальше полотно мира начнет трескаться, вот тогда и перехватите заклинание! Стоять всем! — маг поднял руки.

— Ты же не выдержишь! — Раальдор хотел остановить его, но пальцы наткнулись на лед, на щит холода, такого, что стало больно.

Миг, и этот щит поглотил всех, закрыв их в прозрачный шар.

— Иллигеас! — прокричал лесной хозяин, сам не ожидавший такой магии. — Удар...

Волна белого рассвета, с гулом разрывая воздух и пространство, накрыла их, и щит Иллигеаса поплыл. Его лед плавился, стекая каплями к ногам.

— Иллигеас! — Раальдор закричал, когда увидел, как маг захлебывается собственной кровью.

Алые струйки текли из носа и по губам, а тот стоял, выжимая всю магию из себя, что даровал ему Высший Мир.

— Нас тут зажарит! Огонек то, пожарче чем в наших кузнях будет! — Барвор заметался между магами. — Огонь! Огонь!

Он знал слово огня, да только не такого. Тут был даже не огонь, а свет, белый, истинный, и гном растерялся. Упав на колени, он схватился за землю, и забормотал что-то на своем языке. Грубая речь ударила о ледяные стены шара. Свет прорвался сквозь лед острыми белыми иглами, и лесной хозяин сделался прозрачным, точно призрак.

— Сгорим... — Раальдор дрожал всем телом, уже приготовившись умереть под магией драконов.

Жар вот-вот должен был хлынуть в ноздри, но свет как-то мягко обволок тела и

схлынул, не причинив вреда, только в глазах потемнело от его ярких лучей. Барвор же не смел подняться. Он бормотал и бормотал, пока свет не исчез вовсе.

— Мастер... — едва выговорил лесной хозяин.

— Удар! — предупреждая закричал Хардарра, видя, как пошла трещинами земля. — Иллигеас!

— Барвор! — тот в свою очередь обратился к гному, а тот и не замолкал, бормоча свои простые слова, простой, как камень магии. — Раальдор!

— Битва еще не началась! Нам не выстоять! — король в отчаянии, словно против своей воли, поднял руки, чтобы присоединиться к щиту.

Серебряные ручейки потекли по его пальцам. Откуда-то снизу примешалась грубая магия Барвора, а со стороны подоспели и Хардарра с лесным хозяином. Всех их связал Иллигеас. Его сила тонкой паутинкой заструилась между ними, объединяя их, и Раальдор ощутил, как земля уходит из-под его ног.

* * *

Пространство перед Тирой словно разорвалось в клочья, и заледенелые камни сделались хрупкими, как стекло. Поток ускорился, и драконица когтями впиалась в непонятную пустоту. Лед от удара разлетелся в разные стороны смертоносным дождем. Тира едва не завалившись набок, крылом процарапала неестественно глубокую трещину, в которой замелькали белесые огоньки, и появилась пустота. Земля под драконицей проминалась, когти и лапы утопали в ней, как в болотной топи. И только Аргелор стоял твердо, и смотрел из-под шлема на белую драконицу. Его окружала сила и не малая. Доспехи охраняли его, да и огонь для него не являлся смертным страхом, как для других.

А драконица уже развернулась к нему оскаленной мордой. Из широких ноздрей со свистом вылетели клубы дыма. На Аргелора нацелился острый взор огромных зеленых глаз, чья глубина завораживала и манила. Черный дракон за это время успел позабыть их цвет, и сейчас воспоминания слабым туманом попытались вернуться к нему. Сильной рукой Аргелор уверенно отмахнулся от них.

— Как же это странно...мир держит меня, и рвется под тобой... — прорычал он с кривой ухмылкой, глядя на борозды от когтей драконицы, в которых виднелась пустота.

Где-то за спиной Тиры раздались хрип и шепот. Услышав их, она обернулась и увидела среди черного пепла, коим рассыпалась армия Аргелора, распростертую на камнях Тандрию, не живую и не мертвую. Уже и не эльфийка, и не дух, она лежала навзничь, чудом уцелев среди волны испепеляющего света. Ее ворон сидел рядом с ней и призывно щелкал клювом, глядя в глаза белой драконицы.

Приняв свой человеческий облик, Тира вмиг оказалась возле Тандрии.

— Ты жива? Что с тобой? — склонившись над ней, она побоялась даже коснуться ее.

Тандрия казалась хрупкой, как сон, на грани яви. От нее еще веяло холодом и дыханием, только тело было призрачным.

— Твой свет слишком ярок, Тира... Он ярок тут, для этого мира, молодого и неокрепшего... Я была Первородной, я видела... У этого мира еще нет корней, а тебе в нем биться... — еле слышно зашептала Тандрия, и попыталась дотронуться рукой до Тиры.

Ее прикосновение было ледяным. Тира бережно держала ее призрачные пальцы.

— Тандрия...

— Ты... — эльфийка приложила прозрачный палец к ее губам. — Ты должна выиграть этот бой...

— Я унесу тебя отсюда... — Тира хотела поднять ее, но руки прошли сквозь эльфийку.

— Нет, я уйду отсюда, к Первородным... а ты, береги сердце, — прохрипела она. — Оно горячее, очень горячее, и свет от него слишком ярок...

— Тандрия, ты должна выжить! — слеза драконицы капнула в пепел.

— Я буду жить у Первородных... мы еще встретимся... в Высшем Мире, Тира... — эльфийкадохнула на нее холодом, и образ ее растворился совсем.

Остался только ворон, который клекотал, но и он улетел. Вдали Тире померещились фигуры Первородных, а потом ее взгляд обратился к Аргелору, и она встала с колен.

— Ты... — она сжала зубы, так как слова застряли у не в горле.

В фигуре черного дракона не было ничего родного и близкого. Все это исчезло. Он стал чужим, далеким и закрытым. Тира не видела его сердца, только темноту, и такое же темное пламя. Кровь белой драконицы закипела, и она усилием воли сдержала свою ярость, еще помня, что он ее брат.

— Аргелор, — Тира сделала шаг навстречу ему.

Она попыталась заглянуть в его глаза, а оттуда на нее смотрела пустота.

— Боюсь, нам биться не придется, мир под тобой треснет скорее, — сказал он.

— Неужели ты не помнишь нашего отца? Он погиб за нас, Аргелор, — Тира выдавила слова из себя наполовину со слезами, слишком горькими для этого мира.

— Я не живу прошлым. Ты вспоминаешь то, чего нет, — усмехнулся он.

— Это же наши корни... — глаза Тиры вспыхнули.

— Твои, не мои, — снова ухмылка, жесткая и острая.

Тира глянула в темные глазницы его шлема. Вновь только холод.

— Ты не помнишь отца... — ее рука сама сжала жезл, и свет вокруг побелел.

Крылья развернулись за ее спиной. Огромные, невыносимо ослепительные, они закрыли весь горизонт, и перед Аргелором встала драконица.

— Дракон вырос... — Аргелор, стерев со своего лица кривую ухмылку, посмотрел на драконицу уже оценивающим взглядом.

Ее тело не защищали железо и заклинания, только белая, с серебристым отливом чешуя, которая слепила глаза, и острые шипы на мощном хвосте. На широкой груди вздымались щитки, а это означало, что свое сердце Тира не спрятала. Драконица ждала. Она не бросалась в атаку, будто надеялась, что Аргелор отступит. Зеленые глаза сверкали. Острые когти нерешительно скребли и без того рвущийся мир.

Перехватив меч, Аргелор глянул более внимательно. В драконице сверкала не только чешуя. Было что-то еще, какой-то свет и скорбь вместе с этим. Жезл... да, он увидел его только на миг, но это оружие могло его ослепить, могло убить. В нем сошлась иная магия, и Аргелор будто бы узнал ее. Что-то далекое кольнуло пустоту в его груди, обожгло ту нишу, в которой когда-то билось сильное сердце. Эта магия жгла сильнее огня, а понять ее он не мог. Скорбь стучалась в него, выжимая слезу из сухих глаз. Эта боль была сильнее ножа и колдовства. Аргелор даже тронул броню на своей груди, чтобы убедиться в ее целостности.

— То, чего у меня нет, и болеть не может, — твердо заявил он сам себе.

Железная перчатка скребла доспех, под которым была пустота, и эта пустота ныла. Драконица смотрела на него в упор, пристальным взглядом глубоких глаз. Этот взгляд

проникал сквозь доспехи, пронзал Аргелора насквозь, и деться от него было некуда. От этого становилось только хуже. Боль щемила грудь, сжимала пустоту в ней, давила, и терпеть становилось невозможно. Надо было выполнять план, пока эта боль не заполнила сознание целиком.

А Тира, сама не зная чего, ждала и ждала. Глупая надежда теплилась где-то в уголке огромного сознания драконицы, а глаза видели совсем иное. Чужой враг стоял перед ней, а не брат, и каждое ее промедление стоило миру слишком дорого. Полотно рвалось, расплзалось на клочья под ее когтями, в то время, как сам Аргелор стоял крепко и мир держал его.

В груди Тиры заклокотало. Пламя рвалось наружу, и онадохнула клубами дыма, отчего земля пошла волнами, как море в шторм. Своей магии она не чувствовала, как и жезла, который растворился в ней странным образом, превратившись в силу. Однако время шло, а она все не решалась напасть.

Аргелор к тому моменту, уже готов был уступить. Боль рвала грудь, выдавливая из него непонятную тоску. Доспехи давили так, что хотелось сорвать их с себя. Железо впивалось в кожу, которая из крепкой брони вдруг стала мягкой. Злясь на самого себя, он ударил себя в грудь. До исполнения его плана остался всего один шаг, один маленький шаг, который было очень трудно сделать из-за этой боли. Мир будто бы разделился. Перед Аргелором оказались две дороги, уступить и избавиться от боли, либо шагнуть сквозь эту кровавую мглу щемящего чувства. В сознании четко билась мысль о плане. Он выплыл из этой пустоты и Аргелор снова ударил себя в грудь.

— Сердце...сердце... — он зарычал, как раненый зверь. — Лар!

* * *

Худощавый маг мчался между мирами, ведомый только своим чутьем, и чутье это временами его подводило. Без крови самого дракона, он не видел даже намека на след. Но годы жестоко обучения не прошли даром. Он умел творить магию без жезлов и посохов, без заклинаний и слов. Это умение ему и пригодилось. Лар, как и Аргелор, попал не в тот мир, и не в то время. Только один обладал могучим телом от рождения, а второй родился слабым и худосочным.

О плане черного дракона он узнал из его мыслей и сразу же за него зацепился, как за спасительную соломинку. Маг умел действовать тонко, очень тонко. Внушить доверие к своей персоне ему стоило сил, причем немалых, ведь Аргелор допускал его к себе крайне редко. За эти краткие встречи Лар сделал все возможное. Его собственный расчет незаметно примешался к плану Аргелора, и вот маг уже мчался по Междумирию на пути к заветному артефакту. Дорога открылась ему сюда благодаря магическому вихрю. Потoki смешали всю магию, что имелась на Халдрагаре. Все защитные стены пали, а Лар лишь нашел нужную щель.

Очередной шаг бросил его невесть куда. Белесые выглаженные ветром камни, висели в сизой пустоте и никакой тропы тут и близко не намечалось. Тело словно исчезло. Лар заколыхался, как призрак, и, схватив остаток сил, шагнул дальше, рухнув в алмазную пыль. Теперь перед ним лежала белая пустыня, с такими сокровищами, что горным мастерам гномам, и пригрезиться не могло. Тут не было неба, над пустыней висела чернота с

погасшими звездами, и только пыль с драгоценными камнями сияла ярче любого солнца. Искушение их зачерпнуть не сломило мага. Из этого обломка мира, он попал в другой, жаркий и сухой. В его грудь тотчас же хлынул горячий воздух, и Лар, задохнувшись, упал на колени. Кровь тут же запеклась на его губах, и все же сквозь боль, он учуял, наконец, заветный след.

Пустынный жар пил их него последние капли живительной влаги, когда он смог переползти в другой мир. Тут его объял холод, смертельный и жестокий, от которого нельзя было укрыться. Дыхание мага превратилось в изморозь, которая ледяной пылью упала к его ногам.

Собрав остатки тепла, Лар сделал щит. Конечно, он не грел его тут, но и холоду не давал близко подобраться. Прикрываясь им, маг осмотрелся. Его окружал лед, вечная зима, из покрывала которой торчали кости и черепа. Здесь выла тоска, и пахло смертью, даже Лару стало не по себе. Этот осколок мира нес слишком тяжелую ношу, и идти по нему тоже было тяжело. По ледяным пустошам носились белые вихри, и непонятные кристаллы песком сочились из треснувшего купола неба. По этому миру блуждала иная магия, и силы самого Лара очень быстро таяли. Но все же, он видел след. По нему он и побрел к цели.

Холод постепенно стал пробираться сквозь щит, а из-за спины с подвыванием приближалась буря, белая стена из снежной пыли и осколков льда. Не оборачиваясь, Лар шел, пока буря не накрыла его с головой, разодрав его щит в клочья. Маг вздохнул последний раз, и холод окутал его, впился в тело иглами, пробираясь до самых костей. Лар исчез в вихре осколков.

Глава двадцать четвертая

— Она медлит! — Иллигеас стоял на изготовке, глядя вдаль.

Раальдор, рядом с ним, придерживая раненное плечо, смотрел молча, поджав бледные губы. Из его глаз от белого зарева текли слезы, но он смотрел, не моргая. Земля под их ногами ходила волнами, расползалась трещинами, только на это уже мало обращали внимания.

Барвор Седобор все еще стоял на коленях, запустив руки в ставшую рыхлой землю по самые локти.

— Я так долго один не выстою! — прохрипел он. — Сказали мир держать, а сами глаза на свет пялите! Помогайте!

Лесной хозяин не шелохнулся. Маги, как сговорившись, глядели на горизонт, а трещины становились все шире. Барвора засасывало как в трясину.

— Нельзя медлить... — Иллигеас сжал пальцы, закрыл глаза, попытавшись проникнуть в сознание Тиры.

Его жестко отбросило и обожгло. Там, за стеной света бурлила такая магия, о которой драконы и не подозревали.

— Не лезь туда! — Раальдор резко отдернул его за руку.

Глаза эльфийского короля пылали недобрым огнем, словно он что-то знал и не говорил. Его лицо вновь сделалось бледным, а губы, поджатыми.

— Там слишком сильный поток... — прошептал Иллигеас.

— Пусть! Это ее битва! — крикнул Раальдор.

Его волосы серебряным ореолом трепетали за плечами, и это было не самым добрым знаком. Фигура лесного хозяина тоже выглядела, как в тумане, да и сам Иллигеас стал ощущать подозрительную легкость во всем теле.

— Что это?! Что твориться?! Иллигеас! — Хардарра, пугаясь этого нового чувства закричал что было мочи, только звук его голоса тоже зазвучал весьма странно.

С пальцев арта срывались прозрачные капли, и летели не вниз, а вверх, против всякой силы тяготения мира. Магия покидала Хардарру и не только его. Такие же капли летали и вокруг остальных.

— Что за колдовство? Кто-нибудь мне уже поможет? Или раньше времени решили жизни отдать?! — зарычал гном.

С его широкого лба сорвались капли пота вместе с магией и стали летать вокруг него.

— Разлом! Иллигеас! — арт, все же опомнившись от белого зарева, наконец увидел громадную трещину, которая приближалась к ним.

Она медленно ползла, растекаясь сетью мелких трещинок, и светилась белесыми огоньками. Иногда из нее вырывались фонтаны света, в которых исчезали целые куски тверди. Дна у этого разлома не было, и Иллигеас это знал. Там существовала только пустота, которая скрывалась за этими фонтанами. Это магия изливалась из гибнущего мира и изливалась слишком быстро.

— Объединяйте силы! — закричал маг. — Раальдор!

— Воткните уже руки в землю! — гаркнул Барвор. — Вся магия тут! И я один держать уже не могу!

— Он прав! — отозвался лесной хозяин.

Его голос отозвался эхом. Став на колени, он запустил свои пальцы в то, что когда-то называлось землей. От его рук потянулись длинные древесные корни, которые стали сшивать трещины, как нитки сшивают порванную ткань. Давалось это очень тяжело. Раальдор, когда попытался присоединиться к нему, закричал от боли. Магия из него потекла еще быстрее, взмыв в небо целым дождем капель. Не стонал лишь Барвор. Его крепость удивила даже Иллигеаса. Гном прилагал такие усилия, как целый Орден магов. Усилием воли он втянул в себя ту магию, которая стремилась взмыть вверх из его тела.

В небе к тому времени тоже стало не спокойно. Тучи, до этого серые, теперь подернулись золотистым заревом. Этому миру оставалось недолго занимать свою нишу, и Иллигеас это понимал лучше всех. Знания Наблюдателя позволяли делать многие вещи, но не спасать миры от гибели. Глядя на своих соратников, он долго думал, чем может им помочь.

— Иллигеас! — захрипел Хардарра. — наших усилий на весь мир не хватит!

— Ладно...я попробую... — проговорил он скорее сам себе, и опустил руки в теплую пыль, в которую превратилась заледенелая земля.

На него тотчас же обрушилась тяжесть. Мир словно переложил на его плечи тяжесть дракона, и она была очень велика, тяжелее самого мира. Иллигеас даже вздохнуть не мог. Его человеческое тело не выдерживало такого веса магии. Капельки крови с его губ взмывали вверх, а сам Иллигеас почти упал в пыль.

— Велика же драконица! — процедил барвор сквозь сжатые зубы. — У меня жилы скоро лопнут! Твердь исчезает!

— Помоги ей! — крикнул арт магу. — Помоги Тире!

— Нет! — рыкнул на него Раальдор.

Его глаза заблестели. В них Иллигеас увидел отражение ослепительной волны, которая приближалась к ним от горизонта. Гигантский вал катился, и мир под ним дрожал.

Лесной хозяин запустил свои корни глубже, почти целиком обратившись в дерево. Уцелевшие куски земли стянулись, но этого мало. Разлом расширялся, и фонтаны света становились все выше.

* * *

Твердый кусок мира остался только под ногами Аргелора. Боль, которая сковывала его грудь, внезапно отпустила, и ее место занял холод. Грусть и скорбь исчезли, взгляд черного дракона снова сделался острым и пронизывающим. Броня на Аргелоре запылала темным огнем, который Тире не понравился. Это было темное пламя, которое вплавляло доспехи в тело черного дракона. Железо сливалось с ним воедино, и другой огонь уже побежал по его жилам.

Такой тьмы Тира не видела. Чернота расползлась от Аргелора, и единственным препятствием стал ореол света от чешуи белой драконицы. Ей он казался слабым, тогда как Иллигеас и другие увидели гигантский вал света.

Ее магия приглушилась и побледнела перед иной тенью, которая росла от Аргелора. Тут Тира и почувствовала его силу, чуждую и страшную, которая стала ее душить, будто болотный вьюнок. Черный туман оборачивался вокруг ее шеи, подбирался к сердцу.

— Бейся, как воин, если в тебе еще осталась честь! — слова обернулись мыслью, и

коснулись сознания черного дракона.

Аргелор остановился. Прервал свое колдовство, и взглянул на драконицу по иному. Внутри нее горел свет. Перед Аргелором стоял сильный противник, неумелый, но сильный. Его довольную ухмылку Тира не увидела и не почувствовала. Свои мысли он скрывал хорошо, и сейчас оценил своего противника по достоинству. Сила белой драконицы как раз входила в его план. Ее белый огонь уничтожил всю его армию, превратил ее в пепел одним только дыханием. Сам вес драконицы рвал мир на части, а ведь свою магию она еще и не применила. Броня Тиры еще конечно, не дозрела, укрывая от удара только сердце.

Аргелор отбросил меч. Кованный и заколдованный, он бы все равно раскололся, так и не достав бы, до ее сердца. Размеры драконицы тоже были велики. В человеческом облики Аргелор стоял перед ней мелочью, которую она могла бы раздавить, но не делала этого.

Черный дракон отступил на несколько шагов назад. В мире, который рушился, силы ему уже не зачерпнуть, да и не надо. Земля стала пылью, кругом шли разломы. Пусть будет пыль. Аргелор был доволен этим. Доспехи на нем раскалились. Черные крылья распахнулись за спиной и вобрали в себя весь пепел от павшей армии и пыль рушащегося мира. Расплавленное железо доспехов повторило их контур и превратилось в броню. На груди Аргелора вырос щит, а хвост покрылся железными шипами. Голову черного дракона венчал острый гребень, который переходил в налобную пластину. Из-под нее на Тиру глянули уже не зеленые глаза, а черные глазницы, в которых полыхал огонь. Аргелор превышал ее по размерам. К нему тянулась пыль и вязкая тьма, которая оседала на его теле, смешанном из металла и огня. Его броня была тяжела и клубилась раскаленным дымом. Громадные когти в железных оковах впились в край разлома, только мир под ним не разошелся, а почернел.

— Вызываешь на смертный бой, на этих жалких осколках? — мысли Аргелора донеслись до драконицы глухим гулом.

Взамен черный дракон ощутил жгучую боль. Сознание белой драконицы резало его мысли ножом. Оно было крепче любого кристалла, и коснуться его Аргелор даже не посмел. В своей глубине он был даже доволен этим. Его мысли до сих пор оставались вне ее ведения, а значит и его план тоже.

Драконица оскалилась. Из ноздрей вырвались клубы дыма и жара, а зеленые глаза смотрели в упор, словно хотели испепелить Аргелора на месте.

Четье подсказывало Тиры, что перед ней скорее колдун, нежели дракон. От него веяло заклятьями, темнотой и пустотой. Он был окружен чем-то еще, невидимым, но осязаемым.

— Я не маг... — держалось внутри сознания Тиры.

Она не замечала вокруг себя мощного щита и белого огня, не замечала и магии, которая кружилась возле нее. Отогнав все мысли, она нацелилась на грудь черного дракона, на стальную толщу брони. В горле уже заклокотал огонь, стремясь вырваться упругой струей, как вдруг, неизвестно откуда брызнула тьма. Черные клубы горьким дымом впились в глаза, застлали все вокруг, и струя огня полетела в пустоту, с громом и гулом пронзая остатки пространства.

* * *

— Держать! Всем держать! — закричал Иллигеас, срывая голос на хрип.

Сам он, предвещая волну боли, которая обрушится на его соратников, принял ее на себя,

рискуя в конец потерять человеческое тело. Мир поплыл, то появляясь, то исчезая, как призрачная картина. Боль накрыла его с головой, превратившись в сгусток, а после в пустоту. Капельки магии тотчас же покинули его тело, а вслед за ними стала подниматься и пыль мира.

Маги собирали пустоту всеми усилиями, стараясь стянуть хотя бы малые крупички. Лесной хозяин, почти целиком утратив свой облик, обратившись деревом, только пустота тронула и его. Он становился прозрачным.

— Там же война! А мои воины...мои воины... — прохрипел Барвор.

— Твои воины все мертвыми лежат, пеплом изошли, как и мои воины, — процедил Раальдор.

Лицо Барвора побагровело, на лбу вздулись крупные жилы, но рук от земли он не оторвал.

— Иллигеас! — вдруг закричал Хардарра.

Маг исчезал. Магия его каплями взлетала к побагровевшим тучам, волосы разлетались ореолом, глаза закатились. Иллигеас едва держался. Его шатало. Капельки пота смешались вместе с магией. Бледные губы что-то шептали, разжавшимися пальцами, маг еще силился ухватиться хотя бы за пыль.

Второй удар ослепил всех. Вал света прокатился осязательным сгустком и света. Иллигеас вобрал и его в себя, после чего, его человеческий облик стал стремительно разрушаться. Маг становился призрачным. С него сыпалась непонятная пыль, и он медленно, как во сне, опустился на руки Раальдору. Его тело было почти невесомо, да и сам эльфийский король ощущал себя полупризрачным. Сил в Иллигеасе он не ощущал, как и жизни.

— Нас стало меньше... — проговорил он.

Глухие слова повисли в пространстве. Раальдор положил мага возле своих колен.

— Не время... — Барвор, не совсем поняв, о чем тот говорит, только потом глянул в сторону Иллигеаса. — Он..?

— Я могу... — Хардарра хотел было помочь ему, но Раальдор грубо толкнул его на место, указав на новую вспышку зарева.

— Держи, как и прежде! — крикнул он.

Чем громче он говорил, тем глуше отзывались его слова.

— Удары он брал на себя, а теперь кто возьмет? — крик разгневанного гнома прозвучал, как еле слышный шепот.

— Я приму волну на себя! — Раальдор, встал на ноги, по щиколотку утопнув в пыли.

Клубы пыли свернулись причудливыми завитками у его сапог. Волосы витали ореолом, то опадая, то взлетая, и сила, не слушаясь его, стремилась покинуть жилы Раальдора. Магия летала вокруг него, и собрать эти капельки было очень тяжело.

— Ты не выстоишь! — Барвор глянул на Раальдора зло и недовольно.

— Выстою... — эльфийский король хотел найти опору в пыли, только сапоги проваливались все глубже и глубже, а из мелких трещинок стал вырываться свет.

Он поднял руку перед собой. От его пальцев метнулись белые нити. В изменившемся пространстве они складывались в заклинание, дергаясь из стороны в сторону, пока не сплелись в узорчатую паутинку. Раальдор затратил на это много сил, еще больше он потратил на покрытие этой паутины защитным щитом. Когда заклинание стало легонько светиться, Раальдор расширил щит. Нити от него опустились в пыль и стали сплетаться с древесными корнями лесного хозяина. Силы уходили быстро, вместе с ними таял и сам

Раальдор.

— Ты задумал непосильное! — шепот Хардарры едва коснулся его ушей.

Волна света уже надвигалась. Вал поднимался небывалой высоты, вбирая в себя остатки мира. Приготовившись к удару, Раальдор закрыл глаза, но рук не опустил. Щит заблестел, нити ползли, сцепляя крупинки пыли. Зарево от волны слепило глаза королю даже сквозь веки. Вдруг, напряженной руки Раальдора коснулся холодок, не жгучий, просто ощутимый. Щурясь от ярких лучей и всполохов, он глянул в сторону, и увидел фигуру, отдаленно похожую на Иллигеаса.

Маг был прозрачен, в серых одеяниях, которые даже не колыхались от ветра. Его лицо было скрыто капюшоном, но Раальдор чувствовал, что это он. Сил будто бы прибавилось. Они влились в него, и нити паутины поползли дальше. Они опередили корни лесного хозяина, и стали стягивать трещины, вбирая в себя новую магию.

— Иллигеас...

— Держи крепче! — раздалось в пространстве.

Раальдор ухватился за щит изо всех сил. Мощь текла по его пальцам бурным потоком.

— Я подхвачу! — прогудел лесной хозяин.

Его корни потянулись, сплелись с паутиной, и Раальдор почувствовал теперь и силу леса. Светлый поток освежил его теплым ветром.

— Стягивай! Осторожно! — голос Иллигеас лился шепотом, и будто направлял его.

Раальдор очень медленно сжал пальцы, словно зажимал самую великую драгоценность в них. Пыль стала затвердевать, превращаясь в былую землю. Впервые эльфийский король держал такую мощь, и она ему повиновалась благодаря Иллигеасу и лесному хозяину. Три силы, и еще Барвор.

— А то я вас не слышу?! Думаете, не знаю, что задумали? — пробасил он. — А ну, арт, соберись с силами! Тебе дух земли тоже ведом! Тяни!

Он издал настоящий рык. Его пальцы умели многое, и руду добывать, и металл ковать, и гранить редкие камни. Сейчас он наравне со всеми держал весь мир целиком. От этой ноши и Хардарра скрипел зубами, но куски стягивал. От их усилий земля твердела, и пыль уже не витала завитками вокруг них.

— Держать всеми силами! — словно опомнившись, крикнул Раальдор.

* * *

Земля затвердела, но не под когтями белой драконицы. Под ней она рвалась на куски. Дым не давал смотреть, не давал дышать. Из этой темной тучи, как голодный зверь на добычу, бросился Аргелор. Его железные когти быстрыми и точными ударами стали рвать чешую на груди Тире.

Не видя противника, драконица оборонялась, как могла, только все это уходило в пустоту, а Аргелор все атаковал, и каждый его удар находил свою цель. Темнота стучалась от его магии и дыма.

— Я не маг...веди честный бой! — вопль оглушил черного дракона, ворвался к нему в сознание вихрем и сбил его всего на мгновение.

Тире этого хватило. В дыму замерла тень, и драконица сделала бросок. Белой стрелой она метнулась прямо в него. Когти ударились о стальную броню, заскрежетали по ней с

пронзительным визгом. Перед ее глазами оказались глаза Аргелора, злые и темные, и Тирадохнула огнем. Белое пламя пахнуло ему в морду, в грудь, и броня затрещала под мощным напором. Аргелор бился под драконицей, однако не мог встать. Пламя сжимало пространство вокруг него, сжимало его магию, и даже доспехи стали тлеть. Их колдовство спадало пеплом, и жар стал доставать до самого Аргелора. Сколько он не рвал когтями шкуру драконицы, не мог причинить ей боль. На рваные раны ей было плевать, и тогда он ударил огнем. Темное и белое пламя смешалось, но Тира не отпрянула.

Когти разорвали броню черного дракона, металл поддался, как тряпка, и драконица подхватив его, взмыла в небо. Она летела туда, где Аргелор никогда не был. Тира уносила его за тучи, в самую высь. Обдав ее темным пламенем, он стал вырываться и бить крыльями, в ответ ударил свет. Броня драконицы запылала, покрылась серебряными каплями, и оттолкнула огонь черного дракона ему же в пасть.

— Я не маг, но биться умею! — мысленно кольнула его Тира.

Под ее крыльями исчезли тучи. На миг глаза застлала серая пелена, а после обожгло солнце, до боли яркое. Сама драконица сделалась ослепительно-белой, такой, что Аргелор видел только мелькавшие крылья. Свет бил, пробивал его броню, жег и пепелил. Он проникал внутрь, и смотреть на него дракон не мог, а Тира несла его все выше, несмотря на его тяжесть и сопротивление. Огонь, солнце и свет, будто сдирали с него плоть.

На это он не рассчитывал, не думал об этом в своих мыслях, и не предусмотрел в плане. А между тем, доспехи тлели. Тира рвала их в клочья, пока не сорвала броню с груди Аргелора. В пустоту ударила струя ее огня, мощная и отчаянная. Только сердца там не было. Тира обожгла черного дракона, как глиняный горшок, и земляная пыль посыпалась с него, оставляя след в небе. Еще удар, на этот раз хвостом. Шипы пронеслись по спине Аргелора, кроша последний кусок доспехов. С громким рыком, глядя ему в глаза, белая драконица подняла его так высоко, что тучи внизу показались серой далекой дымкой. Ветер выл в ушах, свистел от скорости. Внезапно, когти разжались, и Аргелор стал падать вниз. Тяжелые крылья его не слушались. Неуклюже хлопая ими, он пытался выровняться, но едва взял курс, сверху снова обрушилась Тира. Перевернувшись, черный дракон изо всех сил впился ей в бока, прорывая тугую плоть. Ее кровь закипала на его когтях, но драконица своей хватки не отпустила. Сложив крылья, она теперь несла его вниз, к земле. Теперь уже солнце сделалось далеким. Синева неба проносилась мимо, воздух сгущался и гудел от магии. Мимолетной дымкой мелькнули тучи, затем свист и сокрушительный удар содрогнул вокруг пространство. Земля, из твердой, превратилась в мягкую, разлетелась, брызнув фонтаном пыли из-под спины Аргелора. От жуткого удара пошли разломы, поползли сетью, и снова свет, обжигающий, слепящий, наполовину с болью ударил в черного дракона.

Из пасти Аргелора с огнем и дымом вырвался хрип. Когти драконицы разорвали ему грудь, но и он оставил на ней глубокие раны. Он чуял запах ее крови, только болью от нее не пахло, и страхом тоже. В клубах пыли и дыма, они не могли видеть друг друга. Едва Тира ослабила хватку, Аргелор сбросил ее. Уже обретая человеческий облик, она налетела на край огромной котловины, что образовалась от их падения.

Ныли ребра, сочились кровь, в глазах плыла пелена, и воительница только силой воли устояла на ногах. На свои раны она не обращала внимания. Ее рука сама собой сжала жезл, ощутила его теплоту, и Тира медленно двинулась туда, где в оседающей пыли колыхалась огромная тень.

На испепеленной земле, за Тирой оставался алый след, и белые трещины. Пепел возле

них теперь плавился и превращался в стекло. Воздух вокруг воительницы тоже закипал, а жезл начал белеть. Освещая им путь в пыли и дыму, воительница приблизилась к тени.

Черный дракон лежал распластаный на расплавленной земле. Магия и драконий огонь выжгли тут все и даже воздух. Аргелор лежал не шевелясь, пока его тело сжималось и превращалось в человеческое. Когда он встал, доспехов на нем не было, зато ран осталось предостаточно, а из дыма уже приближалась Тира.

Завеса оседала, и воительница остановилась. Жезл кольнул ее в ладонь, и запылал острыми лучами. Сила его для Тиры едва ощущалась, а вот Аргелор...

Что-то странное скользнуло по нему, ударило, как хлыстом, и затихло. Эта сила была не из этого мира, и вместе с тем, тут присутствовала, такая знакомая и щемящая. Лучи били из дыма, а потом, Аргелор увидел и саму Тиру. Несмотря на раны, драконица держалась прямо, и смотрела в глаза черному дракону. В ее руках сияла та самая вещь, которая тут же приковала к себе его взгляд. Его нюх улавливал запах истинного металла и смещение сильной магии.

Это нарушало его планы. В жезле таилось больше, чем просто сила и магия. Только его обладательница не умела им еще пользоваться. Броня с Аргелора вся спала. Осталось полагаться только на самого себя. Он готовился к бою, но не к такому. Драконица выросла. Ее мощь, еще не умеющая, представляла большую опасность.

Взгляд Тиры в свою очередь скользнул по черному дракону, и остановился на его груди. Там зияла страшная рана, черный провал, в котором была пустота, и Тира невольно замерла.

— Где...твое сердце? — ее губы еле произнесли эти слова, которые повисли в пространстве, как и пыль. — Неужели ты выменял его...на эту черную силу...нет...

Ее брови нахмурились. Драконица догадалась сама, и это мелькнуло в ее глазах.

— Сердце слишком слабо, чтобы брать его в битву, — голос Аргелора прозвучал хрипло.

Он стал обходить драконицу вокруг.

— Так вот как...неужели все стер из своего сознания? — Тира развернулась к нему лицом.

— Когда род тебе чужд, то и стирать нечего, — холодно ответил он. — Тебе он так же чужд, как и мне.

Его пальцы уже плели темную паутину, сплетали и связывали дымные завитки и узелки.

— Нет! — Тира взмахнула жезлом, резко и точно ударив им Аргелора в грудь. — Ты решил все забыть! Стереть! Но оно было! И я твоя сестра, а ты мой брат! Это ты погрузился во тьму! Шагнул туда без памяти, но не я!

— Ты не сестра мне! Не было у меня отца, и род мой другой! — он хотел отбить удар, но его рука обожглась о металл.

Сила ударила его в самую пустоту, туда, где должно быть сердце. Боль растеклась по всему телу, с него будто сдирали кожу. Темнота с него и впрямь посыпалась пеплом, а грудь пылала в медленном огне.

— Не сестра?! — крик Тиры перешел в драконий рык. — Тогда и ты...

Глаза Аргелора вспыхнули. Она должна была прервать узы, оборвать эти путы.

— Говори! — он сквозь боль и белый огонь схватился за ее жезл.

— Ты... — она почти насквозь проткнула его грудь белым светом. — Ты, Аргелор...

— Говори! — зарычал черный дракон.

Рваные крылья вновь поднялись за его спиной темной тенью. Пыль струями поползла к

его ногам, вбираясь в его тело.

— Ты останешься мне братом! — выдохнув эти слова, Тира получила в ответ удар.

Ее отбросило вместе с жезлом. Над ней вставал огромный дракон, с разорванной черной пустотой в груди. Из его пасти вырывался разъяренный рык с дымом и кровавым огнем. Его клубы пахнули тире в лицо, опалив одежду и землю. Кругом стоял гул и треск, пространство дрожало. Из этих клубов навстречу Аргелору поднялась уже белая драконица.

На этот раз, черный дракон вырос куда больше прежнего, и стал намного тяжелее. Не выжидая, он бросился вперед, нацелив когти на грудь драконицы. Земля снова затрещала. Аргелор прижал Тиру к ней, вдавил в пыль и изрыгнул огонь. Он жег броню на ней. Темный огонь лился на нее бесконечным потоком, не давая дышать. Его клубы застилали глаза и выжигали пространство вокруг. В ответ она брызнула белым огнем, таким, что тот прорвался к Аргелору сквозь его собственное пламя. Извернувшись, драконица вынырнула из-под него. Ее огонь стал ярче, белее и острее. Она поливала им что было мочи, а между тем, она сама стала расти. Крылья раздались вширь, тесня мир, броня засверкала ослепительным светом. Что-то творилось, чего Тира не замечала, зато видели другие.

* * *

— Поднатужились! — захрипел гном.

— Силы на исходе! — зарычал арт. — У меня их нет уже... всю магию вложил!

— Есть! — багровое лицо Барвора развернулось к нему со свирепой яростью. — Бой до конца! Тяни!

Земля разъезжалась, не смотря на все их усилия. Вал накатывался на них один за другим. Небо трещало по швам. Огонь лился дождем. Мир то плыл волнами, растворялся, то обретал формы, а посреди всего этого стоял Раальдор и незаметная фигура рядом с ним. Жар дышал в лицо эльфийскому королю, развеивал волосы, покрывая их копотью и пылью. Магия била его, как молот, каждый вал он сдерживал большими усилиями, а они все не кончались.

Вдруг небо полыхнуло иным заревом. От этого света разрывало воздух, и все усилия пошли прахом. Земля вновь превратилась в пыль. Пошли глубокие разломы, и все слышали треск рвущихся корней. Образ дерева лесного хозяина рушился, листва сыпалась золотыми хлопьями, пока не опала совсем.

— Земля...земля уходит! — первым забил тревогу Барвор.

Трещина шла прямым к ним, она ползла, разевая пасть все шире, как голодный зверь, и пыль терялась в ее бездонной глубине.

— Раальдор! Беги! — Хардарра крикнул ему, и чуть сам не потонул в пыли, увязнув сразу по колено.

Из пустоты вырвался свет, больно резанув по ноге арта.

— Держись! — лесной хозяин невероятным усилием выдернул его из засасывающей трясины.

На ходу меняя форму, второй рукой он схватил гнома, который упирался изо всех сил.

— Надо держать! — рычал он.

— Уходите! — за плечо Барвора уже взял Иллигеас.

Выглядел он как призрак, но его пальцы гном ощутил очень явно. Земля проваливалась, плыла пыльным облаком под ногами, и ступить было почти некуда.

— Раальдор! — снова закричал арт.

— Я выстою! Уходите, пока есть тропа! Уходите! Лесной дух, уведи их! — обернулся он. — Иллигеас мне поможет...

Эльфийский король стоял на месте, не смотря на разлом, который полз к нему.

— Я тоже останусь! — завопил Барвор. — Я не побегу! Гномы не бегут! Мы сражаемся!

— Уходи! — Раальдор глянул на него, и тот затих. — Уходи! Чем дальше от драконов, тем лучше! Я останусь, потому что я маг! Я удержу...

— Идем, Барвор... — лесной хозяин потянул гнома в сторону.

Через миг, на их месте уже зияла пустота, и взлетали фонтаны света.

— Ты, Наблюдатель, есть у тебя сила Высшего Мира? — Раальдор говорил, не поворачиваясь к Иллигеасу.

— Я могу только помочь... Сила в тебе, Раальдор, в твоей родине в Высшем Мире, — ответил тот.

— В Высшем Мире... — он закрыл глаза. — Как же она далеко...родина...земля моего рода...

— Но ты помнишь ее, — Иллигеас коснулся его плеча. — Ты помнишь единого короля, отца своего.

В памяти всплыли золотые леса, и сила, откуда ни возьмись, потекла по рукам Раальдора сама. Он помнил свою родную землю, источники и города, полные благости. Не замечая ничего, он просто протянул руку, и пыль под ногами засветилась, засияла странным светом. Столб золота вспыхнул перед его лицом, и протянулся к самому небу. От него веяло заповедной силой. Засияв, он вдруг рассыпался мириадами брызг, и где они падали, земля твердела.

Новое зарево со стороны Раальдора столкнулось с другим, со стороны Тиры. Две силы, светлые, но разные, не могли слиться, ибо один из их обладателей упрямо не признавал себя магом.

Новая волна с головой накрыла гнома и остальных бегущих, поглотив их под собой.

Глава двадцать пятая

Мир трещал от магии, от разных потоков, что вливались в него с разных сторон. Он вспыхивал так, что его было видно на всех просторах, за пределами миров. Слишком уж мощные силы сошлись на маленьком клочке тверди, и в Высшем Мире это не могли оставить без внимания.

Магия заколола, как тонкая иголка. Она кольнула в сердце одного из драконов, самого старшего. Боль, давно не ведомая для Высшего Мира, растеклась по его телу, сотканному тут из энергии, плотной и мощной. Схватившись за грудь, он выронил хрустальный шар, который разбился на сотни мелких осколков.

— Что с тобой? — мелодичный голос вывел его из оцепенения.

За спиной дракона стояла молодая женщина невероятной красоты и стати.

— Мир проснулся...погибший мир, о котором я говорил... — он обернулся, так резко, что чуть не ударил собеседницу, забыв обо всех правилах того мира, в котором жил.

— Маленький кусочек тверди? Он же давно забыт, не так ли? — она легонько коснулась его широкого плеча своей тонкой, словно выточенной из света рукой. — Это он погубил одного из твоих братьев?

— Да, это так...видимо мир не погиб. Там что-то происходит, — сняв ее руку с плеча, дракон ясно увидел, какое решение он примет, и шагнул к дверям витой башни.

Увидела его решение и женщина.

— Ты забываешь о времени! — воскликнула она. — Нельзя возвращаться! Ты заплатишь временем!

— Я знаю, — дракон вышел и исчез.

Вслед за ним хотела последовать и она, но остановилась, вовремя вспомнив о десяти его братьях, которые ушли в небытие. Они не выдержали разлуки с младшим братом. В ее воспоминании всплыло и то, что драконов осталось слишком мало даже в Высшем Мире, как и ее собственного народа. Сделав шаг, она замерла. Пространство закрылось, и призрачный след дракона испарился.

* * *

Появился этот след уже очень далеко, там, где магия рвала мир на клочья. Благодатную прежде землю нельзя было узнать, слишком глубокие разломы его изуродовали. На алого дракона пахнуло силой, ударило и болью и отчаянием. В этой дикой силе он учуял то, что помнил лишь как быль. Там, вдали, за пылью, огнем и светом, сражались два дракона, белый и черный. В другой стороне, алый дракон увидел великих магов, которые творили непосильное.

* * *

Третьего дракона никто не заметил. Слишком жаркая была битва, и слишком много крови пролилось. Раальдор черпал последние силы, чтобы держать крохи земли, а Тира

билась насмерть. Аргелор изворачивался, как скользкий змей, и рвал когтями ее грудь. Его огонь жег ее раны, но драконица не отступала, и ее огонь жег его гораздо больше.

С каждым ударом свет от Тиры становился все ярче, пока не достиг предела, когда пыль стала плавиться вместе с воздухом. Нестерпимый жар опалил Аргелора, и пыль на его чешуе зашипела, сковав крылья. Зарычав, он рванулся на драконицу, и провалился лапами в светящуюся жижу. Столб пронзительного огня с гулом обрушился ему в морду. Он попятился, завязнув еще сильнее. Из света прямо на него, вырвалась Тира, и ударила его в грудь.

Ее когти впились глубоко сквозь его шкуру, а глаза оказались рядом, так, что Аргелор заглянул в них последний раз. Тира поймала его хитрый взгляд, таящий в себе что-то тайное, какой-то заговор, а после Аргелор оттолкнул ее. Лапы ударили в грудь, нанеся еще несколько глубоких ран. В ответ драконица выдохнула огонь. Белые языки лизнули ему ноздри. Свет затмил собой все, и Аргелор задохнулся. Воздух исчез. Остался только свет, слепящий, горячий, беспощадный, который выжигал пространство, и тогда черный дракон нырнул в зыбкую топь. Горячая пыль мигом обволокла его. Она проникала под чешую, в раны, залепляла собой все, а черный дракон погружался все глубже, вздымая вихри пепла и пыли. Под огнем Тиры они превратились в стекло.

— Сражайся! — громовой рык содрогнул остатки пространства.

Когти заскребли по стене из стекла и пламени, но добраться до Аргелора она не могла. Острый край застывшего вихря порвал ей крыло, и драконица рухнула в ту же топь из пыли. Под ней она быстро просела, и Тира стала тонуть. Там, внизу, в белых всполохах, она увидела Аргелора. Черный дракон вырос еще больше, только это была на нем застывшая пыль. Когти полоснули по нему, однако дракон не шевельнулся. Впившись в него изо всех сил, драконица толкнула его на поверхность.

— Сражайся! — рык вырвался наполовину с пламенем.

Стеклянный вихрь затрещал от этого грома, и обрушился на них дождем осколков, которые как копья, врезались в Тиру. Большая часть обвалилась на Аргелора, скрыв его под серой горой. Грохот и пыль смешались с рыком драконицы. Она рычала, но не от боли, несмотря на израненные крылья. Из ее глаз катились слезы, которые тут же испарялись от жара.

— Ты...ты же братом мне был... — шептало ее сознание.

Волоча крылья, она выползла из-под осколков, утопая в пыли. Силы драконицы были на исходе, и она обратилась человеком. Глубокие и рваные раны сразу дали о себе знать. Почерневшая от огня одежда сразу же пропиталась кровью. Хрипя от боли, Тира сжала зубы и бросила взгляд на огромную гору. Она возвышалась перед ней почти до самых облаков. В теле драконицы, эта гора казалась холмом, а сейчас Тира стояла у ее подножия, и чувствовала всю ее мощь, черную, вязкую, от которой даже пыль затвердела. Белые трещины обошли ее стороной. Вокруг горы образовалась темная земля, больше похожая на гранит.

Рука Тиры вдруг сама легла на прохладный жезл, и ее ладонь ощутила иную силу, чем та, что скрывалась под горой. Ощутил ее и Аргелор. Его сознание погружалось в сон, а пыль окутала его так плотно, что образовала броню, гораздо крепче железной. Закрыв глаза, он ждал.

— Ты был мне братом, Аргелор... — прошептала Тира.

Взяв жезл обеими руками, она подняла его над головой. Сила в нем запела, вспыхнула ярким светом. Жезл будто ожил. Засветились все тайные узоры, и магия истинного слова

подгорных мастеров смешалась со слезой дракона. Невидимая волна пронеслась над гибнущим миром высокой стеной, обогнув только одну фигуру на горизонте.

* * *

Волна ударила мягко, но сильно, так, что Раальдор пошатнулся, и по колению провалился в пыль.

— Иллигеас! — его голос сорвался на хрип, силясь преодолеть гул собственной магии. — Иллигеас! Сила уходит!

Твердь, которую они собирали, исчезла в один миг. Приближалось что-то иное, и рассвет, где бились драконы, полыхнул уже другим заревом.

— Я не могу помочь! — Наблюдатель и сам тонул вместе с ним.

Теперь жар опалил и его. Не так далеко от них, так и не успев убежать, лесной хозяин, арт и гном таяли на глазах друг у друга.

— Прощай, арт! Может, когда то наши народы и не сыскали общего языка, только мир у нас один был! И ты прощай, лесной дух! — Барвор глянул им в глаза. — Я рад был сражаться с вами!

Хардарра схватил его за ставшую полупрозрачной руку, а потом ощутил удар в грудь, и увидел в далеком зареве странную фигуру. Лесной хозяин рядом с ними, первым понял, кто это, понял до того, как все стало белым.

* * *

Жезл над Тирой накалился. Собрав всю силу, она ударила им в землю у подножия горы, и полыхнувший свет смыл все вокруг. Из всего настоящего был только жезл, за который Тира держалась обеими руками, а свет все лился и лился. Казалось, он вымывал боль из ран, смывал кровь и скорбь, стирал из мира войну, и кроме него ничего не существовало. Драконица держалась, боясь разомкнуть пальцы, пока поток не поглотил ее целиком. Эта магия казалась морем. В ней поднимались волны, сменялись течения, искрились краски, и кружились настоящие водовороты.

Внезапно море схлынуло, исчезло, и под ногами Тиры оказалась чистая земля, без следов битвы и огня. В лицо пахло свежестью, морозной, с запахом снега. Открыв плотно зажмуренные глаза, драконица увидела белые холмы, и громадную горную цепь впереди себя, отдаленно похожую на спящего дракона.

Ее руки еще сжимали жезл, и воспоминания тихой болью пронеслись в ее сознании. Она вспомнила отца, брата, и всех тех, кто пришел с ней на бой. Горькие слезы покатались по щекам в пушистый снег, и чья-то рука легла ей на плечо.

— Не зачем скорбеть по тем, кого сможешь увидеть, — тихо произнес откуда-то знакомый голос. — А твой отец по роду человеческого...я отдаю ему дань чести, Тира.

Повернув голову, она увидела седовласого дракона в человеческом облике. Его голос и впрямь был знаком, словно она слышала его в детстве, и глаза его смотрели с той же теплотой, что и глаза ее отца. Их зеленый взгляд полнился мудростью и глубиной. Глядя на него, Тира вспоминала то, что помнила ее кровь.

— Ты...старший из двенадцати... — произнесла она, удивляясь своему знанию. — Старший, из создателей-драконов...

Вместо ответа, дракон обнял ее за плечи, и горькая боль за Аргелора, обожгла его сердце.

— Дочь моего брата, моя дочь, — сказал он. — В Высшем Мире я просто маг, как были и мои братья.

Вдруг Тира отстранилась от него, и дракон понял ее без слов. Ее взгляд обратился в сторону гор, и он покачал седой головой.

— Он... — Тира тяжело вздохнула.

— Вы разной крови, разной и очень редкой. Не было дракониц среди нашего рода с очень давних времен. Долгое время не видели мы и белых драконов, ровно, как и черных, — ответил тот. — Они стали былью, до недавних пор...

— Трудно признать себя драконицей, — сказала Тира. — Во мне словно две памяти уживаются, ведь я помню отца среди людей, помню родной дом, мать, брата...но кровь вспоминает и другого отца...

— Хоран благородный человек, — сказал он. — В Высшем Мире так же чтят память предков. Теперь там твой дом.

— А этот мир? Погибшие народы?

— Всему свое время, — улыбнулся дракон. — Для раненой воительницы у тебя слишком много вопросов, а о себе не думаешь.

Раны и, правда, еще остались. Саднили бока и плечи. Одежда свисала клочьями, и вся пропиталась кровью. Только сейчас Тира ощутила усталость. Ей не верилось, что за спиной осталась битва, не верилось, потому что кругом лежал белый снег, без следов, без гари.

Мир был пуст. Это остро чувствовалось, как и та сила, что стояла сейчас рядом с Тирой. В легендах, что читала она, алых драконов рисовали другими, а тут стоял маг в красных одеждах, без посоха, без жезла, лицом не стар, и не молод. Только глаза выдавали многие его тысячелетия, многие эпохи, и седой, серебристый волос.

Дракон снова коснулся ее плеча, и что-то изменилось. Усталость схлынула, снег закружился белым вихрем и все исчезло.

* * *

Исчезло все и для других. Барвор, ослепленный светом, подумал, что умирает. Перед глазами пронесся весь его бой. Хардарра, потерявшись в белых вихрях, видел перед собой призрачный Этиль Арад. Лесной хозяин, один только из них, знал, что происходит. Алый дракон заплатил многое, чтобы мир не растворился в магии целиком. Он отдал время, вложил его в мир. Лесной хозяин видел, как из его сути отнялись века, и дали миру твердь, а волосы дракона из смольно-черных, превратились в белое серебро. Но этого бы не случилось без одной вещи, без жезла Тире. Сила из него хлынула не малая, а драконица выстояла. Большого лесному хозяину увидеть не удалось. Время вернуло его на свое место. Раальдор же видел лишь мчавшиеся потоки магии, а после его охватил сон, и усыпил его сам Иллигеас.

За краткие мгновения мелькнули целые эпохи, прежде чем над ухом эльфийского короля раздался тихий шепот.

— Проснись! — сказал он, и прохладная рука потянула его за кисть.

Открыв глаза, Раальдор тут же зажмурил веки, а грудь против его воли наполнилась чем-то легким и пьянящим. Это было забытое чувство, которое сразу же подняло его на ноги. Однако попытавшись мысленно обратиться к Иллигеасу, Раальдор натолкнулся на стену. Увидев его смятение, тот улыбнулся.

— Мы еще не в Высшем Мире, — объяснил он. — Мы между мирами. Халдрагаг родился заново, и алый дракон-создатель желает присоединить его к Высшему Миру. Конечно, его надо восстановить для начала. Битва слишком потрепала его...

— Междумирье... — Раальдор сел на большой кушетке и обхватил голову руками. — Мне стыдно за свои воспоминания. Низший мир слишком изменил меня, я совсем забыл о том, кто я в Высшем Мире. Простишь мне мои высказывания?

Иллигеас склонил голову набок. Тут он имел иной вид, почти свой истинный, на первый взгляд мало отличимый от предыдущего, если бы не тело. Оно состояло из энергии. По жилам текла не привычная кровь, а иная субстанция, и чувствовало оно все по-иному. Иллигеас будто светился изнутри, и свет этот был мягким и чистым.

— Мне тебя не за что прощать. Я знаю, что миры меняют сознание, — сказал он.

— Благодарю... — Раальдор встал и пожал ему руку, отчего та засветилась. — Мы из одного мира...

Он вспомнил и это приветствие. В Высшем Мире, для их обитателей, это означало многое. Рожденные в одном мире, чувствовали его, как свое собственное тело.

Вздыхнув всей грудью, Раальдор вышел из белого шатра. Прямо над его головой горели яркие звезды и купола других миров. Здесь гулял особый ветер, а босые ноги чувствовали прохладный камень тропы Междумирья, который искрился и переливался мягким светом. Закинув руки за голову, Раальдор подставил лицо магическим потокам. Как же давно он не ощущал этого тела, настоящего, не зависящего от пищи, не истекающего кровью от ран. Он стоял между мирами, на великом распутье, и не мог налюбоваться, лишь потом, вспомнив об остальных, о тех, кто сражался с ним в последнем бою.

Словно в ответ на его мысли, из другого шатра вышел босой гном, растерянно озираясь по сторонам.

— Эй! — зычно гаркнул он, и тут же перешел на тихий шепот. — Где мы? Где все?!

Его глаза искали хоть что-то знакомое, и наткнулись на Раальдора. Борода гнома встопорщилась, взгляд выразил облегчение, но сделав следующий шаг, Барвор замер, и стал ощупывать себя.

— Ты в пространстве между мирами, на тропе, — сказал эльфийский король. — Не стоит бояться! Это тело твое истинное, настоящее, без крови, без хрупких костей. Это энергия. У каждого своя, но вместе единая...

— Нет костей?! — Барвор с опаской схватил себя за руку. — Но моя рука... как и прежде рука и я не выгляжу призраком! Что за чары?!

— Ты привыкнешь! — Раальдор улыбнулся и похлопал его по плечу. — Энергия имеет и твердость и мягкость.

— Он сам все познает, — сказал Иллигеас.

За его спиной возник арт, только что очнувшийся ото сна. Новое тело поразило и его. На гладкой коже, сотканной из энергии, не было шрамов, не болели раны, и тело за один вздох наполнилось чем-то легким. Из одежды, как и на всех остальных, на нем была длинная рубаха из странной материи, а за спиной развивались белые волосы, не собранные, как прежде, ремешком.

— Неужели, я стою там, где я думаю? — тихо произнес он. — Тропа между мирами? Белые камни...

— Она самая, — кивнул Иллигеас.

— Мир погиб? — повернулся к нему Хардарра. — А Тира?

— Нет. Мир восстанавливает первый из двенадцати драконов-создателей. Скоро он присоединится к Высшему Миру, — ответил тот. — А белая драконица еще спит. Слишком уж много сил ушло на ту борьбу. Не могу сказать, что напрасно...

— Но? — вздернул бровь Раальдор. — Договаривай, что начал.

— Черный дракон уснул долгим сном, — вздохнул Иллигеас.

— Это был его план... — чуть помолчав, сказал он. — Хитрая задумка. Теперь я вижу это. Он мог порешить нас на том поле. Что же дальше?

— Мне неизвестно...пока неизвестно, — ответил тот. — Из кратких прикасаний к сознанию Тиры, я знаю лишь то, что черный дракон скрыл свое сердце. Без него его нельзя убить.

— Даа... — протянул арт, садясь на белый камень и свешивая ноги в прохладную звездную пустоту. — Дракон уснул, былой мир разрушен, народов наших не вернуть...

— А ведь и правда... — согласился Барвор, на что в глазах Иллигеаса мелькнула хитрая искорка.

— В Высшем Мире есть те же народы и благодатные земли, есть и многие другие народы, — сказал он.

— Там есть мой народ, — Раальдор глянул в самую даль, на миг, позабыв о битве и черном драконе.

Все думы о прошлом тут казались зыбкими, а разговоры не серьезными. Память уносила его к другим землям, где светили разные солнца, было несколько лун и цвели золотые леса. Там была настоящая жизнь.

— Ну да, кому то сразу королем на трон сесть, а мне...там мастера уж точно половчее найдутся, — услышав слова Раальдора, гном нахмурился.

— Каждому место найдется, — Иллигеас задумался и о себе.

Его ждал Орден Наблюдателей. Примут ли его обратно, сделал ли он свое дело, эти думы терзали его, пока в соседнем шатре не раздался шорох.

Там просыпалась Тира. Сон, которым окутал ее алый дракон, рассыпался, и глаза драконицы медленно открылись. Поначалу, белую навесь шатра она приняла за снег. Но сонное видение прошло, и за пологом она увидела яркие звезды и свет Междумирья. Пошевелившись, она приготовилась ощутить боль от ран, а вместо этого тело отозвалось силой и легкостью. С первым же осознанным вдохом после сна, оно наполнилось пьянящим неизвестным чувством. Отбросив покрывало, Тира села и коснулась мягких ковров босыми ногами. В лицо повеяло ветром, странным и вместе с тем знакомым. Встав, она по-новому ощутила себя. Под тканью ее платья не осталось и следа от ран, а кожа на ощупь показалась слишком уж гладкой и светилась мягким светом.

Откинув полог шатра, Тира выглянула наружу.

— Проснулась? — Иллигеас встретил ее мягким взглядом, но было видно, что ему не терпелось задать многие вопросы насчет битвы.

— Где мы? Живы все? — она огляделась, и, увидев встопорщенного Барвора, еще не привыкшего к новому пространству, невольно улыбнулась.

— Живы, — не совсем уверенно кивнул тот. — Как сказал маг, мы на тропе между

мирами.

— Междумирье, — сказал Иллигеас.

— Странное чувство, будто тут все настоящее, а в том мире была всего лишь иллюзия, — Тира взглянула туда, где сверкали другие миры.

— Так и есть, — Иллигеас взял ее за руку, пропустив мимо скрытое возмущение Раальдора, и подвел ее к краю тропы. — Только наш дом еще дальше, намного дальше и выше. Это та бухта, куда суждено вернуться каждому, Высший Мир. Конечно, есть миры еще выше него...

— Каждому? — она глянула вдаль, которая и правда выглядела манящей, и веяла чем-то родным.

— Я знаю, о чем ты думаешь, но не могу обещать, — тихо сказал Иллигеас.

— Они гибли зря... — вздохнула драконица.

— Не скорби по друзьям, не думай о грусти, — сказал он.

— Я знаю, алый дракон говорил мне об этом, — Тира глядела на миры, и взгляд ее вернул былую твердость. — Ты знаешь, даже отсюда, я чувствую своего брата. Сердце что-то говорит мне.

Она взглянула туда, где светился Халдрагар. Там, под его куполом переливалась жизнь. Алый дракон старался изо всех сил, чтобы этот мир стал благодатным зерном для Высшего Мира, чтобы его присоединили великие силы. Одного он не мог сделать, убрать гору. Эта громада была тут лишней, она тяготила пространство, но, сколько он не пытался, на ней не дрогнула даже пылинка. Будучи могущественным магом, он не знал, что делать. Гора стояла, укрывшись в цепи скал, и от нее тянулась какая-то нить, которую проследить не удавалось.

— Надо собирать совет... — проговорил сам себе алый дракон. — Собрать старейшин...

Он стоял напротив этой громады, а рядом с ним незримо присутствовал лесной хозяин. Присутствовал он уже давно и терпеливо ждал. Наконец, усталый взгляд метнулся и в его сторону.

— Говори... — тихо бросил алый дракон.

— Я побывал во всех живых мирах. Искал сердце, как ты и просил. Я не нашел, — сказал он.

— Такого не бывает, — покачал головой тот. — Не бывает. Мне же ведомо это, у меня ведь есть сердце! Может, мертвые миры?

— Я не могу проникнуть в них, великий дракон. Я несу жизнь, — лесной хозяин вздохнул, пахнув смолянистым запахом елей. — Мертвых осколков много. Кто осмелиться на них ступить? Ведь даже ты не можешь.

— Не могу, — согласился тот. — Нельзя этого делать, есть заветы, есть запреты, даже для самых великих магов. Если он скрыл свое сердце в мертвом мире, он будет проклят, навсегда.

— Тяжелую участь он избрал для себя, — лесной хозяин стал хмур, как осенняя туча. — Отрекся от рода, оборвал кони. Он изгой. Без сердца его не убить, а последнее и не сыскать...

Его слова прервал гул, громкий резкий, и чужая магия хлестнула по лицу алого дракона. Из его мира словно вырвали кусок тверди. Так оно и было. Гора перед ним исчезла. На ее месте появился глубокий разлом, куда стали обрушаться близлежащие скалы. Спohватившись, алый дракон, подхватил их магией, заполнил пустоту умелым движением, и

вернул кряж на место. Что случилось он так и не смог понять. Магической связи не было. Бреши в куполе не осталось. Мир молчал и сам не знал, что с ним случилось. Лесной хозяин тоже глядел в недоумении. Его множественная сущность отозвалась в мириадах миров, и не нашла черного дракона, даже его следа.

— Ничего нет... — сказал он. — Совсем ничего, даже магических всполохов.

— Кто-то помог! — воскликнул алый дракон. — Мои силы не слабы, но я не ведаю, кто это...

— Новая война? — поймал его мысли лесной хозяин.

— Нет! — поспешно мотнул тот головой. — Нет... мои братья много заплатили. Этот мир уже перенес одну битву, которая унесла жизни всех народов! Нет, войны не будет!

Его взгляд стал твердым. Он и лесной хозяин теперь стояли одни среди пустого мира.

— Тогда, великий дракон, нам тут более нечего делать, — сказал тот.

— Да, пора уходить, — согласился дракон. — Пора...

Они мягко исчезли из этого мира, и так же мягко появились в Междумирье, на тропе. Им не нужен был сон, чтобы сменить тело. Они просто шагнули, и магия сама перенесла их.

Увидев Тиру, алый дракон коснулся своей груди и та слегка засветилась. Еще не зная, что это приветствие, Тира сделала то же самое.

— Гора исчезла! — сразу сказала та, без приветствия.

— Да, — кивнул дракон. — Но сейчас я не могу проследить этот след. А теперь и наша пора вернуться в Высший Мир.

— Аргелор где-то далеко, но он жив, — Тира снова заглянула в бесконечную даль миров.

— Пусть, у нас свой путь. У каждого, — алый дракон глянул на нее по-другому, так, что она забыла все свои мысли о поисках. — Каждому дано свое предназначение, и это следует знать. При переходе в Высший Мир мы можем оказаться порознь. Кто-то окажется среди своего народа, кого-то может отбросить далеко. В Высшем Мире много дорог, много городов, много друзей. Вам нечего будет бояться. Рано или поздно, все тропы приведут вас в Белый Город, прародитель Этиль Арада. Там есть пристанище каждому, кто владеет, хоть каплей магии. Вашим проводником будет Иллигеас. Он поможет найти путь. А теперь... прощайте!

Напоследок, он посмотрел Тире в глаза, и растворился в пространстве, но его тепло она поймала и сохранила. А дальше, к ним повернулся уже Иллигеас, и стало понятно, что все былые дела стоит забыть. Он посмотрел на своих спутников, внимательно, на каждого, словно заглядывал в самую суть, и каждый из них уже знал, куда попадет. Барвор увидел каменные чертоги в спящих глаза камнях, Хардарра почувствовал зеленые леса и чистые озера, Раальдор же с Тирой увидели золотые шпили башен и светлый город.

— Я... я вот многое видел, но эти хлипкие тропы среди звезд... — Барвор с осторожностью глянул вниз.

— С нами самый опытный маг, — заверил его арт. — Иллигеас знает свое дело...

Гном недоверчиво сделал шаг назад, но тот преградил ему путь.

— Разве в сердце мастера есть место страху?

— Нет! — Барвор вздохнул. — Видал я мосты и через пропасти, но не среди звезд...

Иллигеас не стал ждать, что тот скажет дальше. Гнома просто легонько толкнули в спину, и он полетел, теряя чувство пространства. Тоже произошло и с остальными. Упругие потоки энергии ударили им в лицо. Мелькнули другие миры, хрупкие купола, пролетели

мимо мириады звезд, и повеяло иным ветром. Они летели вверх, и там приближалось что-то необъятное, без начала и конца. Свет бил яркими лучами всех оттенков мыслимых и невиданных до сих пор, а после снова все исчезло.

Иллигеас скрыл от них переход, как и было, положено. Он видел его сам, но другим без сана и опыта не по долгу было видеть эти мосты и сложные сплетения.

Миг, и исчезло все, исчезло, чтобы начаться заново, с иного места, в ином мире, и по другим правилам. Где-то далеко внизу в тот момент вспыхнула маленькая звездочка, и понеслась вверх. Для Мира Высшего, она казалась песчинкой, маленьким зернышком, для которого отвели свое место. С мириадами других миров она неслась все выше, неслась к своей цели, чтобы стать единым целым, и Высший Мир принял ее.

Яркая вспышка возвестила о соединении, и пространство между мирами вновь вернулось к своему былому цвету. По-прежнему блестели звезды, и лишь зыбкий след в синей бесконечности говорил о том, что кто-то обрел свой истинный дом.

Ледяной вихрь, казалось, выл целую вечность. Сплошная стена из ветра и смертоносных осколков пронеслась по забытому миру, оставив рваный шрам после себя, разметав глыбы по долине, и вывернув старые кости изо льда. Тут уже давно не было жизни, и все же, после страшного вихря, на самом дне глубокого разлома что-то шевельнулось. Из-под осколков показалась израненная в клочья рука, которая заскребла по льду, силясь вытащить тело из-под завала.

Это походило на тихую и очень долгую борьбу, но маг сумел выкарабкаться. Он был не жив и не мертв. Холод выморозил всю его кровь, и осталась теперь только воля и одна единственная капля магии. Силой воли, удерживая дух в раненном, обмороженном теле, маг медленно двинулся к своей цели. Шаг за шагом, волоча ноги, он приближался к глубокой воронке, где темным светом мерцал шар. Дойдя, маг просто упал туда, накрыв шар собой. Тело больше не могло его слушаться, превратившись целиком в лед. Остались только воля и магия. Их то он и использовал. Последний выверенный перенос, последнее применение знаний, почерпнутых им когда-то в запретных книгах своего Ордена.

Лед остался где-то позади. Маг ощутил себя призраком, и видел теперь все по-иному. Мороз и яростные бури сменились тихим покоем и мелким песком. Последний брошенный мир, только тут скрывалась магия. Его покинули недавно, в спешке, и молодой маг, еще не опытный создатель, смог перенести в другой мир только жителей. Этот мир так же хранил следы яростных и беспощадных битв, какие-то артефакты, и море выжженного песка. Тут светило разом несколько солнц и дули сухие ветра.

Магу понравилось это место. Теперь это было его пристанище. Рядом с ним, в песке покоился темный шар, и маг смотрел на него с некоторым удовлетворением. Призраком он уселся подле него, и проглядел всю свою прошлую жизнь, вспомнил черного дракона и усмехнулся. Теперь он видел по-другому, другим взглядом. Положив призрачную руку на шар, одной лишь мыслью, он стер след черного дракона, зашвырнув его в тоже небытие, где находился сам.

— Отныне все будет иначе... — неслышно прошептал он сам себе.

Под его рукой, в шаре, жила сила, могучая и неисчерпаемая, настоящая, какой не видывал еще ни один маг. Призрак, довольно глядя вдаль, повернул ветер в свою сторону, и мелкие песчинки очень быстро укрыли шар от всех взоров во всех мирах. Безликий простор занес его следы, и призрак исчез, стирая все прошлое, чтобы начать все заново, в новой эпохе, и новом мире. Перед ним открывалось множество дорог, и на какой из них оставить свой след, уже было решено...

Больше книг на сайте — Knigolub.net